ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2013 Том 19

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

СОДЕРЖАНИЕ

4 Ваулина Л.Н.
К вопросу о критериях оценки эффективности международной деятельности вуза

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

8 Акаева Т.К., Акаев О.П., Родин О.Н., Найман Е.А.
Фосфатирование стальных изделий составами на основе фосфорной кислоты

12 Казанцева Т.Е., Мачулис В.В.
Некоторые замечания о модифицированных системах типа Лэнгфорда

17 Кусманов С.А., Наумов А.Р., Смирнов А.А.
Электролитно-плазменная цементация малоуглеродистой стали в барботируемой камере

20 Махныкина А.В., Верховец С.В., Кошурникова Н.Н., Климченко А.В.
Динамика запасов углерода в нарушенных сосновых насаждениях Средней Сибири

24 Пояков А.В., Демидкина М.А., Зонтиков Д.Н.
Эмбриогенез моркови столовой (Daucus carota l.) в культуре микроспор

26 Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К.
Квантовое моделирование электронной структуры молекул тетрабензопорфирина и фталоцианина. Ч. 2. Результаты расчетов

32 Шадрин С.Ю., Белкин В.С., Дьяков И.Г.
Моделирование температурного поля цилиндрической детали при анодном нагреве длинномерных образцов

СИСТЕМОТЕХНИКА

35 Козлов А.А., Цукерман В.А.
Инновационное развитие промышленных предприятий минерально-сырьевого комплекса России

ИСТОРИЯ

38 Зотова А.В.
Сельскохозяйственный феномен блокадного Ленинграда

41 Пономарев Н.А.
Организация медицинского отбора в летных аэроклубах Осоавиахима в 1939 – июне 1941 годов (на материалах Ярославской области)

ЭКОНОМИКА

45 Базанкова Д.Н.
Тенденции российской экономики в мировой динамике инноваций

49 Беляева Ю.В., Тимонин А.Ю.
Сравнительная характеристика методик анализа инновационного развития региона

53 Воробьев К.Ю.
Классификации аутсорсинга с позиций управленческого подхода

57 **Исаев Н.В.**
Стоимость образовательной услуги как фактор конкурентоспособности университета
62 **Камакина О.В., Беляев Е.И., Ицкович И.И, Буров Н.Н.**
Разработка модели спроса экономики региона на услуги системы ГЛОНАСС с учетом базовых параметров региона
66 **Курова Г.М.**
Детерминантность конкурентоспособности
71 **Лукин А.В.**
Региональный экономический интерес и его персонификация в мезосоциоэкономической системе
74 **Меньших Н.Г., Цукерман В.А.**
Человеческий капитал как фактор устойчивого инновационного развития экономики Севера и Арктики
81 **Муравьев А.А.**
Сетевые экономические отношения и координация экономических взаимодействий
85 **Перский Ю.К., Калошина Е.А.**
Эволюция взаимоотношений производителя и потребителя в процессе создания нового товара
89 **Пономаренко Е.В.**
К вопросу об экономике военно-патриотического воспитания и обучения молодежи

ФИЛОСОФИЯ
93 **Груздева О.С.**
Идея создания «демократического сообщества» на основе реконструкции философии
97 **Левицкая И.А.**
Проблема дегуманизации образования в современной культуре

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
100 **Галлямова М.С.**
Тема преступления и наказания в английской литературе эпохи Просвещения (на материале пьесы «Лондонский купец» Джорджа Лилло)
103 **Гладкова Е.В.**
Легенда о Китеже и концепция времени в романе-хронике С.Н. Дурылина «Колокола»
107 **Склизкова А.П.**
Монистический модернизм: проблема сознания (на примере драмы-сказки Г. Гауптмана «Потонувший колокол»)
111 **Устинов А.В.**
О формировании литературного стиля Д.Л. Мордовцева

ЛИНГВИСТИКА
116 **Виноградова П.П.**
Семантика и функционирование народно-разговорных наименований «хлебенных» изделий в книге С.В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» и костромские говоры
120 **Дмитрук Л.А.**
Соотношение помет областное, простое, просторечное и простонародное как показатель региональной отнесённости лексики произведения А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (синхронно-диахронный аспект)
123 **Дубова М.Е.**
Фразеосемантическое поле «речевая деятельность» как фрагмент фразеологической картины мира (на материале русского и английского языков)
126 **Ермакова Л.А.**
Гендерно маркированные языковые средства в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности»
129 **Загоруйко И.Н.**
Невербальные способы выражения одобрения в блогосфере Интернет-дискурса
132 **Ибрагимова М.О.**
Специфика употребления вставочных элементов в ареальных единицах рутульского языка
134 **Иваненко Г.С.**
Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации
138 **Колышкина Т.Б.**
Системный подход к анализу рекламного текста: к вопросу об определении понятий
141 **Попов А.А.**
Энтомологическая лексика русских говоров Карелии в географическом аспекте
145 **Ростов О.Р.**
«Живой язык русский – статья самая главная и важная»: изучение народной жизни в творчестве В.И. Даля
149 **Сафонова М.А., Сафонов А.А.**
Скорость текста как основное понятие теории быстрого текста (text velocity theory)
153 **Храмченко Д.С.**
Тактическая хаотизация функционального пространства английского делового дискурса в условиях конкуренции прагма-семантических подсистем коммуникантов
156 **Шугаева Е.А.**
Теория «замены» А. Беррандоннера как попытка опровергнуть идеи Дж. Остина

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
158 **Ивкова А.В.**
Пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере
161 **Рощин Б.Е.**
Основные конституционные принципы «советской демократии» в условиях «пролетарской диктатуры» (к 95-летию принятия первой российской конституции)
166 **Туленев А.И.**
Понятие форм использование специальных знаний и их классификация
172 **Чекмарева П.А.**
Организация документирования и делопроизводства процессов управления институциональными изменениями

СОЦИОЛОГИЯ
175 **Свиридов Н.Н., Грабова О.Н.**
Пролетаризация общества как институциональная проблема

ПОЛИТОЛОГИЯ

182 Зайцев А.В.
Диалогическая модель связей с общественностью и этика PR Р. Пирсона

185 Кирдяшкин И.В.
Политическая социализация молодежи: эпистемологическое измерение

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

189 Головань Е.В.
Книжные фонды библиотек и регламентация чтения во второй половине XIX – начале XX веков в Костромской губернии

192 Ларионов И.А.
Реклама как механизм ретрансляции паттернов глобализирующегося мира

196 Лебедев Н.А.
Логотип как визуальная метафора

199 Митина Л.С.
Детство о. П. Флоренского как источник формирования мировоззрения философа

202 Николаева Е.В.
Фрактальные рефлексии в кинетическом искусстве (культурологический анализ)

205 Саранин А.Ю.
«Окраинный вопрос» в размышлениях В.В. Розанова

208 Свешникова Е.В.
Лик – лицо – личина в художественном пространстве анимационного фильма Александра Петрова «Сон смешного человека»

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

211 Кирпичник А.Г., Миронова Т.И.
Проблемы проектирования социально-психологической помощи современным подросткам и юношам

214 SUMMARY

222 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

УДК 378

Ваулина Лидия Николаевна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rgc@ksu.edu.ru

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Статья посвящена роли, формам и критериям оценки эффективности международной деятельности современного университета.

Ключевые слова: *высшее образование, международная деятельность, рейтинг, критерий эффективности, межкультурная коммуникация в профессиональной сфере.*

Российская высшая школа вовлечена в процесс формирования единого международного образовательного и научного пространства. Его рамки заданы Болонской декларацией. Вузы ведут поиск продуктивной реализации положений Болонского процесса, учитывая зарубежные инновации и отечественные традиции. Исследование актуальных вопросов межкультурной коммуникации в российской действительности позволяет констатировать следующие моменты.

Во-первых, международное сотрудничество университетов направлено на повышение качества образования и научных исследований через ознакомление участников образовательного процесса и научных работников с международным опытом в сфере образования и в отдельно взятой изучаемой профессиональной сфере. Речь идет о реализации внешних и внутренних условий для развития личности в процессе усвоения ценностей как национальной, так и мировой культуры. Межкультурное взаимодействие является неотъемлемой составляющей инновационных процессов в различных сферах жизнедеятельности современного общества и, соответственно, международное сотрудничество, направленное на обмен знаниями, опытом, идеями, обеспечивает их когнитивную составляющую. Развитие общества, следовательно, зависит от состояния образования и образованности граждан, которые способны обратиться к национально-культурным традициям и вести полноценные контакты с другими народами и странами. Организация межкультурной коммуникации в профессиональной сфере позволяет при этом расширить базу источников инноваций. Межкультурное взаимодействие формирует у участников международных проектов умение и готовность ориентироваться в стремительном потоке информации, осуществлять ее поиск и отбор для решения различных проблем, встающих перед современным специалистом.

Во-вторых, важным аспектом в развитии международного сотрудничества, связанным с вышесказанным, является и то, что на современном этапе развития общества особую актуальность приобретает проблема адекватного взаимопонимания в процессе межкультурного общения. Сфера высшего профессионального образования должна развивать и формировать у обучаемых навыки и умения конструктивного межкультурного взаимодействия как в быту, так и на рабочем месте. Это необходимо для мирного сосуществования с представителями иных лингвокультур и для восприятия многообразия языков и культур как фактора взаимообогащения.

Начало XXI века характеризуется интенсификацией миграционных процессов, меняющих национальный состав трудовых коллективов. Миграция превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития российского общества. Особый размах приобретает трудовая миграция. Как многонациональное и поликультурное государство Россия имеет богатый опыт обеспечения мирного взаимодействия различных этнических и других социокультурных групп. Палитру национальностей, этносов, культур и языков современного российского общества еще более пестрой сделали различные категории мигрантов, а продолжающаяся на протяжении последних десятилетий естественная убыль населения превращает миграцию почти в единственный источник пополнения трудовых ресурсов. Поэтому требованием времени становится подготовка человека к конструктивному межкультурному взаимодействию в быту и на рабочем месте. Особую роль в данном процессе призваны выполнять системы образования и науки.

В-третьих, в контексте межкультурного взаимодействия в области образования и науки нельзя не учитывать имиджевую составляющую международного сотрудничества. Благодаря кооперации с зарубежными партнерами формируется тот или иной образ вуза, региона, страны, как у зарубежных, так и у российских участников этого процесса. Привлекательность вуза для зарубежных участников означает готовность к дальнейшему сотрудничеству, которая часто переходит в версию сетевого взаимодействия учебных заведений. Формирование позитивного имиджа вуза, региона и страны в целом для российских участников также важно и имеет большое значение для формирования идентичности.

Таким образом, профессиональная заинтересованность может и должна служить мощнейшим стимулом для установления и ведения международ-

 © Ваулина Л.Н., 2013

ных контактов, а вузы должны готовить специалистов, которые осознают эту необходимость и владеют умениями и навыками межкультурного взаимодействия.

Цели, задачи и формы международного сотрудничества в сфере высшего образования четко прописаны в новом Законе об образовании, вступившем в силу 1 сентября текущего года. Таким образом, международное сотрудничество становится в соответствии с российским законодательством обязательным и его придется воспринимать как осознанную необходимость.

Итак, международная деятельность направлена на интеграцию вуза в мировое образовательное и научное пространство и должна охватывать все сферы его жизнедеятельности: учебную, научную, инновационную, воспитательную, административную, финансовую. Данный процесс обозначается термином «интернационализация». Успешность интернационализации во многом зависит от системного подхода в организации международной деятельности, а сама международная составляющая становится системообразующим элементом в жизнедеятельности вуза.

Среди направлений международной деятельности, на наш взгляд, целесообразно поставить на первое место административную деятельность, т.к. модернизация образования напрямую зависит от качества менеджмента высшей школы. Под менеджерами мы понимаем как непосредственно администрацию вузов, так и руководителей подразделений. Ситуация несколько осложняется тем, что менеджеры системы высшего образования – это преимущественно предметники, имеющие за плечами достаточный опыт преподавательской и административной работы, но не имеющие специальной подготовки в области менеджмента в сфере высшего профессионального образования. Поэтому актуальным становится вопрос об организации системы повышения квалификации для менеджеров разного уровня. Модернизация высшего образования проводится с учетом требований Болонского процесса, который за рубежом имеет достаточно долгую историю. Соответственно, целесообразно учитывать положительный и отрицательный опыт зарубежных коллег в этой области. Болонская система зарождалась в иных экономических и социокультурных условиях. Поэтому важно знать историю и современное состояние реализации принципов Болонского процесса на территории его зарождения.

Одним из путей подготовки менеджеров может быть реализация принципа обучения на протяжении всей жизни. И это сегодня особенно важно, так как, говоря о компетентности специалиста, нужно учитывать, что само значение понятия *компетенция* является величиной переменной, находящейся под влиянием развивающихся научно-технических, экономических, социальных, культурных и т.д. факторов.

В этой связи уместно вести речь о непрерывном формировании и развитии профессиональной концептосферы менеджера именно в области менеджмента. Участие же в международных проектах способствует реализации принципа обучения на протяжении всей жизни.

Итак, области международной деятельности вуза:

1) административная: информационное обеспечение о последних тенденциях развития ВПО в России и за рубежом; изучение и внедрение зарубежного опыта управления вузом; привлечение зарубежных экспертов в роли супервизоров и т.д.

2) образовательная:

– академическая мобильность (симметричная или асимметричная):

* *преподавателей:* для чтения лекций, проведения семинаров, практикумов, тренингов, мастер-классов,

* *студентов:* обучение в зарубежном вузе в течение 1/2 семестров/триместров или учебного года; краткосрочные стажировки; практики; выполнение выпускных квалификационных работ и т.д.;

– совместные образовательные программы:

* двойные или тройные дипломы,

* включенное обучение,

* френчайзинг;

– международная аккредитация образовательных программ;

– взаимное консультирование по вопросам организации учебного процесса;

– совместная разработка учебных курсов;

– организация учебного процесса с учетом современных международных стандартов;

– разработка учебных планов и программ с учетом отечественного и зарубежного опыта и т.д.

3) научно-исследовательская:

– участие в международных научных конференциях, конгрессах, симпозиумах, семинарах за рубежом; подготовка и проведение международных научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов» в своем ВУЗе; разработка и осуществление совместных научно-исследовательских проектов в рамках договоров о сотрудничестве; публикации преподавателей в зарубежных изданиях;

– обмен научно-методической и научной литературой и т.д.

4) инновационная: участие в международных проектах и программах, направленных на инновационное развитие вуза; создание совместных научно-образовательных кластеров и т.д.

5) воспитательная: культурно-образовательная работа со студентами; межкультурное воспитание и т.д.

6) внешнеэкономическая: экспорт образовательных услуг путем привлечения иностранных студентов, аспирантов и докторантов; экспорт результатов научно-исследовательской деятельности и т.д.

7*) имиджевая*: повышение привлекательности ВУЗа для абитуриентов, партнеров университета, потенциальных работодателей и т.д.

Список может быть продолжен. Нами ставилась лишь задача очертить пространство международной деятельности вуза. Безусловно, самостоятельным направлением может и должно быть *и повышение эффективности самой международной деятельности*. Здесь уместно сказать last but not the least. В этом контексте актуальным становится вопрос, что понимать вообще под эффективностью, и по каким критериям она может оцениваться.

В ежегодной отчетности по международной деятельности и в справках по мониторингу деятельности университета за последние два года запрашивается следующая информация:

– наличие договоров с зарубежными вузами и научными организациями в области образования и науки;

– научные и образовательные международные семинары, конференции и другие мероприятия, проведенные на базе высшего учебного заведения с указанием количества российских и зарубежных участников;

– количество грантов в международных программах с участием зарубежных партнеров;

– количество ООП зарубежных университетов, реализуемых в вузе по франчайзингу;

– количество ООП зарубежных университетов, реализуемых в вузе по совместным договорам;

– количество студентов из стран СНГ и стран дальнего зарубежья, обучающихся по очной, очно-заочной и заочной формам обучения и в экстернате;

– количество студентов вуза, обучавшихся в рамках межвузовских договоров в учебном году за рубежом;

– количество студентов, принятых на обучение в вуз в рамках межвузовских договоров в учебном году из-за рубежа;

– количество иностранных преподавателей, принятых на стажировку (преподававших) в вузе в учебном году;

– объем учебной нагрузки иностранных преподавателей в учебном году;

– количество преподавателей вуза, направленных на стажировку (для преподавания) в учебном году за рубеж;

– международный индекс цитирования и т.д.

В различных зарубежных рейтингах тоже учитывается число иностранных преподавателей и доля иностранных студентов. Иногда появляется пункт по наличию международного факультета, как необходимому условию поддержки академической мобильности и обучения иностранных студентов. Обязательным в области научных исследований является индекс цитируемости в зарубежных изданиях.

В мониторинге российских вузов 2011 года решающим стал критерий по доле иностранных студентов, завершивших освоение ООП ВПО в общем выпуске студентов в приведенном контингенте. Какой критерий будет решающим в мониторинге 2012 г., покажет время.

Безусловно, найти критерии для оценки эффективности международной деятельности сложно. Причиной тому является, в первую очередь, ее функция сопровождения других видов деятельности вуза. Во-вторых, затрудняет ситуацию особенность самого вуза, вписанного в матрицу социально-экономического развития региона.

КГУ им. Н.А. Некрасова попал в категорию малоэффективных вузов. По доле закончивших обучение в отчетном году иностранных студентов университет получил показатель «0». В связи с этим и в контексте стратегии развития целесообразно ответить на несколько вопросов: Кто такие, эти иностранные студенты? Для чего они нужны вузу? Эффективность относительно данной категории студентов – понятие логическое или экономическое? Какие иностранные студенты нужны вузу? Исторически сложилось так, что вузы, имеющие высокий процент иностранцев, развивали свою инфраструктуру для работы с ними еще в период советского прошлого. Именно тогда создавались подготовительные факультеты, строились общежития для иностранцев, устанавливались контакты с зарубежными вузами.

КГУ им. Н.А. Некрасова не мог войти в число таких вузов по объективным причинам. Тем не менее, именно в 90-е годы прошлого века, сразу после его открытия, университету удалось установить контакты и войти в ряд полезных как для вуза, так и для региона проектов.

Международная деятельность с той поры была и остается одной из стратегических составляющих концепции развития КГУ им. Н.А. Некрасова. Целью реализации проектов с зарубежными партнерами является максимальное использование инновационного потенциала международных контактов для подготовки компетентных специалистов, конкурентоспособных как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда.

В целом идет поступательное динамичное развитие международного сотрудничества университета, и все желающие могут включиться в работу.

Университет имеет в настоящее время 56 договоров о сотрудничестве с высшими учебными заведениями и учреждениями Армении, Беларуси, Болгарии, Германии, Испании, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Польши, Сербии, США, Узбекистана, Украины, Франции, Чехии и Швейцарии.

Евроориентированность международной деятельности университета предопределила во многом последующий ход событий: европейская молодежь не едет в наши вузы на полный курс обучения. Со-

Таблица 1

Международные договоры и соглашения о сотрудничестве

	Армения	5		Польша	4
	Беларусь	6		Сербия	1
	Болгария	1		США	2
	Германия	18		Узбекистан	1
	Италия	1		Украина	5
	Испания	1		Финляндия	1
	Казахстан	2		Франция	1
	Кыргызстан	2		Чехия	1
	Молдова	3		Швейцария	1
					56

Таблица 2

Динамика академической мобильности

Год	Количество выезжавших из КГУ за границу	Количество иностранцев, посетивших КГУ
2008	140	84
2009	65	77
2010	83	155
2011	109	179
2012	104	180

ответственно, они не зачисляются и не выпускаются из ВУЗа, поэтому их нет в приведенном контингенте. При этом они с удовольствием проходят краткосрочные стажировки. Преподаватели из вузов-партнеров также охотно приезжают с лекциями, семинарами, мастер-классами, но на короткий период. Об этом свидетельствует, например, следующая таблица, в которой представлена динамика преподавательской и студенческой мобильности за последние пять лет.

Можно ли оценить количество как достаточное или нет? И опять все относительно. Если учесть, что целевое финансирование отсутствует, а регион относится к дотационным, что практически определяет платежеспособность населения, то, пожалуй, достаточный. Проекты реализуются за счет самофинансирования, поддержки партнеров и КГУ, но финансовые возможности у всех очень ограничены. Как правило, большинство студентов выезжает впервые за рубеж именно по программам межвузовского сотрудничества. Таким образом, университет дает возможность посмотреть «за край своей тарелки» в области высшего образования, получить страноведческую информацию и т.д.

Важна сама возможность профессионального межкультурного общения и взаимодействия, которую предоставляет университет. И это работает на качество подготовки специалиста.

Безусловно, другой сценарий распространен больше. Во многих вузах идет обучение студентов из азиатского региона: бывших республик Советского Союза, Китая, Вьетнама и т.д. Обучение, в основном, платное, и здесь эффективность экономическая. Деньги, безусловно, также работают на качество при условии их использования на развитие вуза. Но *принципиальное отличие* заключается в том, что данный вариант *не связан с двусторонним трансфером знаний и технологий.* Да и внутри ВУЗов общение между студентами практически отсутствует, так как иностранцы держатся особняком и почти не вступают в контакт с местными студентами.

В целом же следует отметить большую значимость проводимого мониторинга для развития международной деятельности вуза. Он, пожалуй, оказался самым действенным механизмом межкультурной сенсибилизации административного и профессорско-преподавательского состава. Многие впервые восприняли данное направление всерьез. Хотя кажется само собой разумеющимся, что в такой бурный век не может быть университета без международной составляющей.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 547

Акаева Татьяна Карповна
кандидат технических наук
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru
Родин Олег Николаевич
Военная академия РХБЗ и ИВ им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
Найман Елена Александровна
кандидат технических наук
Краковский технологический университет
lena@chemia.pk.edu.pl

ФОСФАТИРОВАНИЕ СТАЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ СОСТАВАМИ НА ОСНОВЕ ФОСФОРНОЙ КИСЛОТЫ

В статье рассматриваются вопросы разработки фосфатирующих составов на основе продукта азотнокислотного разложения природных фосфатов. Представлена сравнительная характеристика фосфатных пленок, количество и состав образующегося при фосфатировании шлама в зависимости от чистоты фосфорной кислоты, используемой для получения фосфатирующих концентратов.

Ключевые слова: *фосфорная кислота, фосфатирование, коррозия, шлам.*

Одним из способов защиты металлических изделий от коррозии является нанесение фосфатирующих покрытий. Метод основан на способности к образованию на поверхности металлов нерастворимых фосфорнокислых соединений в виде фосфатной плёнки в результате взаимодействия металла с растворами фосфорной кислоты и её кислых солей. В промышленности для создания фосфатирующих составов используют термическую фосфорную кислоту высокого качества, которую закупают в России по импорту.

Актуальность работы заключается в расширении сырьевой базы для получения фосфатирующих составов с целью вовлечения в их производство более дешевой экстракционной фосфорной кислоты, синтезируемой кислотным разложением природных фосфатов.

Для исследований в качестве исходного сырья использовали продукт переработки природных фосфатов азотной кислотой – азотнокислотную вытяжку (АКВ) и, для сравнения, термическую фосфорную кислоту (ТФК) а также экстракционную фосфорную кислоту (ЭФК). Возможность использование АКВ для получения цинкфосфатных пленок описана в работе [1].

Цель работы заключалась в разработке двухметалльных фосфатирующих составов на основе азотнокислотной вытяжки и оценке качества полученных фосфатных пленок путем сравнения с фосфатными пленками, полученными на основе ТФК и ЭФК.

Содержащее фосфорную кислоту сырье предварительно проанализировали по основным показателям (табл. 1).

В качестве базового раствора для исследований использовали состав широко применяющегося на практике отечественного концентрата для нанесения кристаллических фосфатных покрытий марки КЦФ-1.

Приготовление фосконцентратов осуществляли путем введения расчетного количества цинксодержащего компонента в фосфорную кислоту. С этой целью для приготовления 100 г фосконцентратов в воду (масса 49,89 г) вводили фосфорную кислоту (масса 18,9 г), азотную кислоту (масса 15,34 г),

Таблица 1

Характеристика кислот

Наименование показателя	ТФК	ЭФК	АКВ
Массовая доля фосфорной кислоты, %	73,5	74,8	31,6
Массовая доля азотной кислоты, %	-	-	16,4
Содержание сульфатной серы в пересчете на SO_2, %	0,001	2,010	0,053
Массовая доля хлоридов, %,	0,02	-	0,04
Массовая доля фтора, %	-	0,4	2,8
Массовая доля кальция и магния, %	-	1,22	6,07
Массовая доля железа,%	0,005	0,344	0,13
Плотность, г/см^3	1,52	1,52	1,47
pH	1	1	1,5

© Акаева Т.К., Акаев О.П., Родин О.Н., Найман Е.А., 2013

Таблица 2

Нормативные физико-химические показатели фосконцентрата

Показатель	Норма, %
P_2O_5	13,3–14,1
NO_3^-	14,5–15,7
Zn^{2+}	11,8–12,6
Кислотность фосконцентрата, «точки»	
Свободная кислотность, K_c	6–12
Общая кислотность, K_o	57–68

Примечание: «точки» – мера общей и свободной кислотности раствора. Одна «точка» показывает количество мл 0,2 н раствора щелочи, израсходованного на титрование 10 мл фосфатного раствора.

оксид цинка (масса 15,27 г). При введении оксида цинка происходит самонагревание раствора фосконцентрата до 90 ^{0}С. Для маскировки примесей сульфитов, хлоридов и др., присутствующих в составе азотнокислотной вытяжки и экстракционной фосфорной кислоты, вводили в состав фосконцентрата бифторид калия KHF_2 (масса 0,6 г). Смесь перемешивали в течение 20 минут. Полученные фосконцентраты контролировали по нормативным показателям (табл. 2), которые при необходимости регулировали соответствующими реагентами.

Затем в полученные фосфатирующие составы вводили сульфат меди в количествах, взятых из литературных данных [4] в диапазоне от 0 до 0,1 г/л (в пересчете на медь). При этом наблюдали изменение окраски фосконцентратов от зеленоватой до голубой. Происходит это вследствие образования медного комплекса:

$$CuSO_4 \rightarrow Cu^{2+} + SO_4^{2-}; Cu^{2+} + 6H_2O \rightarrow [Cu(H_2O)_6]^{2+}.$$

Приготовление рабочей ванны для фосфатирования осуществляли разбавлением концентрата 1:10, контролируя кислотность среды. Свободная кислотность в рабочей ванне должна соответствовать 6 «точек», а общая – не менее 40. В случае их несоответствия среду регулировали 5 н раствором гидроксида натрия из расчета, что 1 мл снижает свободную кислотность на 0,5 точки.

При введении сульфата меди свободная кислотность раствора не меняется, а наблюдается изменение общей кислотности раствора (рис. 1).

Из графиков следует (рис. 1), что общая кислотность рабочих растворов, приготовленных на основе фосконцентратов из термической и экстракционной фосфорных кислот, увеличивается, а на основе азотнокислотной вытяжки – уменьшается. Увеличение общей кислотности происходит за счет введения сульфат-ионов, которые в случае с АКВ связываются ионами кальция и магния, находящимися в ее составе, в нерастворимые соединения.

Исследование процесса фосфатирования проводили на пластинах марки сталь 0.8 кп. Поверхность пластин первоначально подготовили по известным методикам [2]. Во время фосфатирования наблюдалось активное выделение пузырьков водорода. По прекращению выделения пузырьков судили об окончании процесса фосфатирования, после чего пластины вынимали из растворов, промывали проточной, затем дистиллированной водой, сушили на воздухе в течение 15 мин.

Фосфатные пленки, полученные на пластинах, испытывали по показателям: масса фосфатной пленки, пористость покрытия, коррозионная стойкость.

Масса фосфатных пленок. В условиях эксперимента массу фосфатных плёнок, нанесённых на пластинки, определяли по стандартной методике [3]. Результаты представлены на рисунке 2.

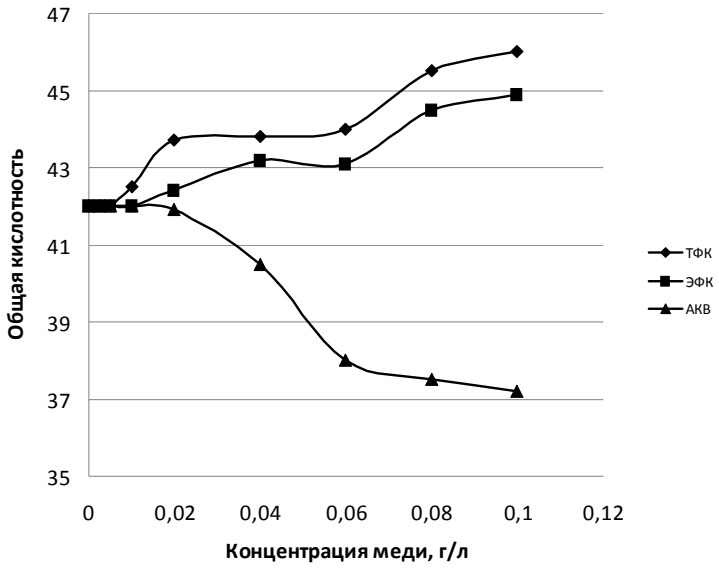

Рис. 1. Зависимость общей кислотности рабочего раствора от концентрации меди в составе фосконцентрата

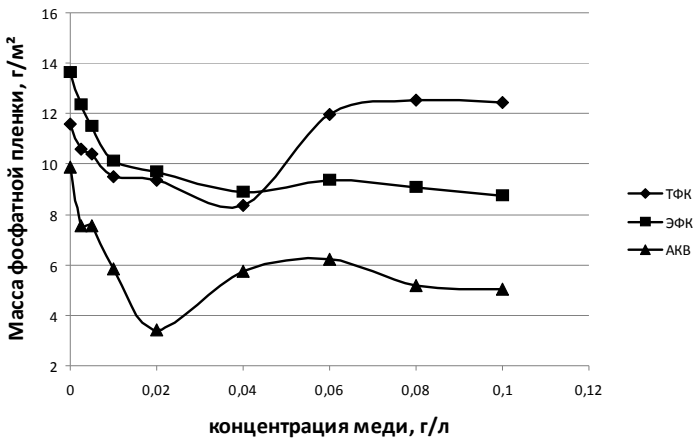

Рис. 2. График зависимости массы фосфатной пленки от концентрации меди.

При анализе экспериментальных данных обнаружили, что с увеличением количества вводимой меди масса фосфатной пленки вначале уменьшается, проходит через минимум, затем увеличивается и достигает максимального значения при концентрации меди в фосфатирующем растворе примерно 0,6 г/л. Происходит это, вероятно, вследствие протекания конкурирующих реакций, одна из которых приводит к образованию шлама (1), другая (2) – к формированию пленки на подложке:

$[Cu(H_2O)_6]^{2+} + 2PO_4^{3-} = Cu_3(PO_4)_2 \cdot 3H_2O + 3H_2O$ (1);

$[Cu(H_2O)_6]^{2+} + 2Fe^{2+} + 2PO_4^{3-} =$
$= Cu_2Fe(PO_4)_2 \cdot 4H_2O + 2H_2O$ (2).

Дальнейшее увеличение концентрации соли меди не приводит к увеличению массы фосфатной пленки. В связи с этим концентрацию меди 0,06 г/л можно принять оптимальной для проведения фосфатирования. В этих условиях на поверхности металла будет происходить более полное осаждение меди.

Используя классификацию британского стандарта BS 3189/1959, установили, что полученные пленки на основе термической и экстракционной фосфорных кислот относятся к классу А2 (тяжелые). Данные покрытия могут быть использованы для изделий из стали, когда требуется хорошая защита металлов от коррозии. Пленки, полученные на основе АКВ, относятся к классу В (средние). Данное покрытие может быть использовано под покраску либо под промасливание и для менее жестких условий эксплуатации.

При изучении влияния количества меди и состава кислот на *пористость* покрытия наблюдали колебания значений данного показателя, однако при этом выявилась четкая закономерность по снижению пористости покрытия с увеличением концентрации меди в фосфатирующем растворе.

Проверку *коррозионной стойкости* пластин, подвергшихся фосфатированию, производили капельным экспресс-методом, фиксируя время появления изменения окраски покрытия под действием комплексного реагента [3]. В результате проявление коррозии во всех вариантах наблюдали в диапазоне 2–5 мин, что соответствует средней стойкости покрытий.

Важным показателем при нанесении фосфатных покрытий является количество образующегося в процессе фосфатирования *шлама* в ваннах рабочих растворов. Он представляет собой смесь нерастворимых фосфатов металлов, обычно образуется в небольших количествах, но отрицательно вли-

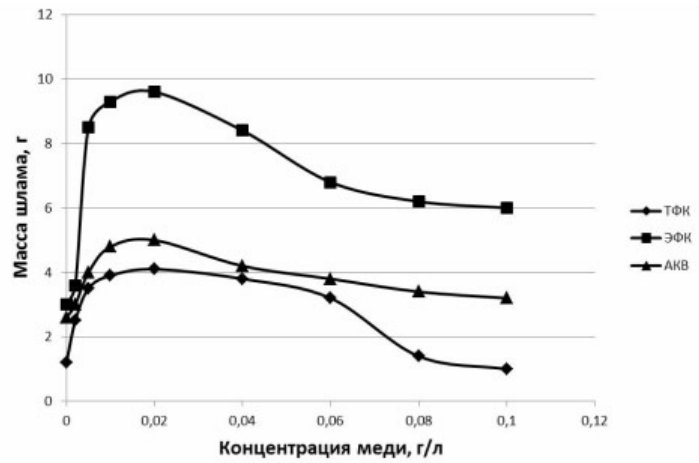

Рис. 3. Зависимость массы образующегося при фосфатировании шлама от концентрации меди

Таблица 3

Состав фосфатных пленок

Кислота	Состав фосфатной пленки, %					
	Zn^{2+}	Fe^{2+}	Cu^{2+}	Ca+Mg	PO_4^{3-}	H_2O
ТФК	41,48	6,08	0,10	-	43,02	9,32
ЭФК	44,59	7,97	0,11	-	40,23	7,10
АКВ	36,35	8,32	0,24	10,9	37,9	6,29

Таблица 4

Состав шлама

Кислота	Состав шлама, %				
	Zn^{2+}	Fe^{3+}	Cu^{2+}	Ca^{2+}+Mg^{2+}	PO_4^{3-}
ТФК	16,540	31,196	0,024	-	52,240
ЭФК	31,490	20,880	0,060	-	47,570
АКВ	14,527	19,100	0,023	4,860	61,500

яет на процесс фосфатирования и является отходом производства.

В лабораторных условиях количество выделяющегося шлама определяли при взвешивании отфильтрованного осадка, образующегося в отработанном растворе после фосфатирования 40 пластин в 250 см^3 фосфатирующего раствора. Полученный осадок промывали 2–3 раза дистиллированной водой, высушивали в сушильном шкафу при температуре 80 ^{0}C до постоянной массы и взвешивали.

Установлено (рис. 3), что с увеличением содержания меди в концентрате вначале происходит рост массы шлама с образованием его максимального количества в точке 0,02 г/л.

В этой же точке зафиксирована минимальная масса фосфатной пленки (рис. 2). Дальнейшее увеличение концентрации меди приводит к уменьшению массы образующегося осадка, и соответственно увеличивается масса фосфатной пленки.

Исследование химического состава фосфатного покрытия и шлама. Природа и состав соединений, входящих в фосфатную пленку, определяют ее свойства и практическую пригодность. Результаты изучения состава сформированных на поверхности стали фосфатных пленок (табл. 3) показали, что степень чистоты фосфорной кислоты оказывает существенное влияние на качество фосфатного покрытия.

При фосфатировании в растворе, содержащем ТФК, фосфатная пленка содержит минимальное количество фосфатов железа по сравнению с другими кислотами. Образующиеся фосфаты Fe^{2+} легко окисляются в соединения Fe^{3+}. При этом нарушается целостность кристаллической решетки фосфатных соединений и компактность пленки; защитные свойства фосфатной пленки снижаются. Поэтому на практике стремятся получать пленки с малым содержанием железа. Выдержка образцов в растворе с ЭФК способствует обогащению пленки фосфатами как цинка, так и двухвалентного железа. При фосфатировании в растворе, содержащем АКВ, пленка содержит значительное количество фосфатов кальция и магния, а также максимальное количество фосфатов меди.

Полученные результаты подтверждаются анализом фазового состава фосфатной пленки [4], согласно которому пленка на изделиях из стали (основной элемент – железо) состоит из двух групп кристаллов, соответствующих минералам: $Zn_3(PO_4)_2{\cdot}4H_2O$ (гопеит) и $Zn_2Fe(PO_4)_2{\cdot}4H_2O$ (фосфориллит). В случае использования азотнокислотной вытяжки, кроме вышеперечисленных, образуются соединения состава: $Zn_2Ca(PO_4)_2{\cdot}2H_2O$ и $Zn_2Mg(PO_4)_2{\cdot}2H_2O$. Введение меди в состав фосконцентрата способствует образованию комплексов $Cu_3(PO_4)_2{\cdot}3H_2O$ и $Cu_2Fe(PO_4)_2{\cdot}4H_2O$.

Аналогичным образом был изучен состав шлама, данные по которому представлены в таблице 4.

При фосфатировании в растворе, содержащем термическую фосфорную кислоту, шлам содержит максимальное количество фосфатов железа. Выдержка образцов стали в растворе с экстракционной фосфорной кислотой приводит к максимальному содержанию в шламе фосфатов цинка и меди. При фосфатировании в растворе, содержащем азотнокислотную вытяжку, в составе шлама, кроме фосфатов железа и цинка, содержатся фосфаты кальция и магния.

Таким образом, разработанные составы фосконцентратов на базе продукта азотнокислотного разложения природных фосфатов, включающие цинк и медь, позволяют получить фосфатные покрытия, обладающие удовлетворительной коррозионной стойкостью, которые имеют свою область применения. Установлено, что состав примесей фосфорной кислоты влияет не только на качество фосфатного покрытия, но и на состав и количество шлама, образующегося в процессе фосфатирования.

Библиографический список

1. *Акаев О.П., Озерова Т.И., Артеменко В.Г.* и др. Фосфатирующие концентраты на основе продукта азотнокислотного разложения апатита // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – № 2. – С. 5–10.

2. *Мачевская Р.А., Мочалова О.С.* Подготовка поверхности под окраску. – М.: Химия, 1971. – 120 с.

3. *Тихвинская М.Ю., Волынский В.Е.* Практикум по общей химической технологии. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с.

4. *Хаин И.И.* Теория и практика фосфатирования металлов. – Л.: Химия, 1973. – 402 с.

УДК 517.925.41

Казанцева Татьяна Евгеньевна
Тюменский государственный университет
pinacolada87@rambler.ru
Мачулис Владислав Владимирович
Тюменский государственный университет
mareliks@gmail.com; mareliks@aol.com

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МОДИФИЦИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ ТИПА ЛЭНГФОРДА

Исследовано поведение негладких модифицированных систем типа Лэнгфорда в окрестности нулевого стационарного решения. Проведен анализ бифурцирующих решений путем сведения их к исследованию устойчивости нулевого решения. Доказано, что часть систем подвергается бифуркации Андронова-Хопфа, а другая часть – нет.

Ключевые слова: *устойчивость, бифуркации, предельные циклы, нормальная форма, центральное многообразие.*

Рассмотрим систему Лэнгфорда, возникающую при моделировании турбулентности в жидкости:

$$\begin{cases} x_1' = (2a-1)x_1 - x_2 + x_1x_3 \\ x_2' = x_1 + (2a-1)x_2 + x_2x_3 \\ x_3' = -ax_3 - \left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{cases}. \qquad (1)$$

Система имеет несколько положений равновесия, количество которых меняется в зависимости от значения параметра a. Исследуем свойства тривиального решения, существующего при любых значениях параметра.

Матрица $A(a)$ линейного приближения системы имеет собственные значения $\lambda_1 = -a$ и $\lambda_{2,3} = 2a - 1 \pm i$. При $a \neq 0$ и при $a \neq 1/2$ положение равновесия $O(0;0;0)$ является грубым, и поведение нулевого решения легко исследовать (см. табл. 1):

При изменении параметра от $-\infty$ до $+\infty$ имеют место два критических случая. Рассмотрим один из них. При $a = 1/2$ $\lambda_{2,3}$ становятся чисто мнимыми. Возможна бифуркация Андронова-Хопфа. Для того чтобы проверить, возникают ли в системе предельные циклы при переходе $\lambda_{2,3}$ через мнимую ось, используем результаты, полученные И.В. Шарафутдиновым [1] в его диссертации. Он предлагает алгоритм исследования устойчивости периодических решений при бифуркации Андронова-Хопфа, основанный на вычислении асимптотических приближений к рождающимся решениям, методах малого параметра и схеме Розо.

Таблица 1

Тип положения равновесия

Значение параметра	Положение равновесия (0,0,0)
$a < 0$	Седло-фокус (2,1)
$0 < a \le \frac{1}{3}$	Устойчивый узел
$\frac{1}{3} < a < \frac{1}{2}$	Устойчивый фокус
$a > \frac{1}{2}$	Седло-фокус (1,2)

Рассмотрим уравнение:

$$\begin{aligned} &x' = A(a)x + f(x,a),\ x \in R^N, \\ &N \ge 2,\ a \in R^1,\ f_x'(x,a) = 0. \end{aligned} \qquad (2)$$

Матрица $A(a)$ и вектор-функция $f(x,a)$ непрерывны по всем переменным. Пусть выполнены условия:

1) Матрица $A_0 = A(a_0)$ имеет пару простых собственных значений $\pm\omega_0 i$, $\omega_0 > 0$, а все отличные от $\pm\omega_0 i$ собственные значения имеют отрицательные действительные части.

2) Матрица $A(a)$ и вектор-функция $f(x,a)$ непрерывно дифференцируемы по a, $|a - a_0| \le 1$, причем $f(x,a) = f_2(x,a) + f_3(x,a) + \varepsilon(x,a)$, где $f_2(x,a)$ и $f_3(x,a)$ – члены второго и третьего порядков по x, $\varepsilon(x,a) = o\left(|x|^3\right)$ и $|\varepsilon(x,a) - \varepsilon(y,a)| \le \beta(r)|x - y|$ для $|x|,\ |y| < r$, где $\beta(r) = o\left(r^2\right)$.

3) $\tau'(a_0) \neq 0$, где $\tau(a)$ – это действительная часть простых комплексно сопряженных собствен-

© Казанцева Т.Е., Мачулис В.В., 2013

ных значений $\tau(a) \pm i\omega(a)$, $\tau(a_0) = 0$.

Ниже приводится готовый алгоритм исследования бифурцирующих решений.

1. Вычисление векторов e, g, e^*, g^*, удовлетворяющих равенствам:

$$A_0 e = -\omega_0 g,\ A_0 g = \omega_0 e,\ A_0 e^* = \omega_0 g^*,$$
$$A_0 g^* = -\omega_0 e^*, |e| = |g| = 1,\ (e, e^*) = (g, g^*) = 1,$$
$$(e, g^*) = (g, e^*) = 0.$$

2. Вычисление функций

$$e(t) = e\cos 2\pi t - g\sin 2\pi t,$$
$$g(t) g\cos 2\pi t + e\sin 2\pi t.$$

3. Вычисление функций

$$\psi_2(t) = \int_0^t f_2(e(s), a_0)\,ds,\ \psi_3(t) = \int_0^t f_3(e(s), a_0)\,ds.$$

4. Определение оператора $\Gamma\psi_2(t)$ и функции $\psi_1(t)$:

$$\Gamma\psi_2(t) = \frac{1}{T_0} A_0^{-1}\psi_2(1) - \Theta\psi_2(t) -$$
$$-T_0 A_0 \int_0^t \exp\left[T_0 A_0 (t-s)\right] \Theta\psi_2(s)\,ds,$$

$$\psi_1(t) = T_0 t \int_0 f_{2x}'(e(s), a_0)\Gamma\psi_2(s)\,ds - \psi_3(t),$$ где

$\Theta x(t) = x(t) - tx(1)$.

5. Вычисление чисел δ_0, γ_1 и λ_1^*:

$$\gamma_1 = (A'e, e^*) + (A'g, g^*), \qquad \delta_0 = \alpha\left[\Theta\psi_1(t)\right],$$

$$\lambda_1^* = \frac{2\pi\delta_0}{\gamma_1},$$

где $A' = A'(a_0)$, $\alpha[x(t)] = (x_c, g^*) + (x_s, e^*)$, x_c и x_s – отвечающие $\cos 2\pi t$ и $\sin 2\pi t$ коэффициенты Фурье функции $x(t)$.

Теоремы, которые приведены ниже, позволяют упростить анализ устойчивости бифурцирующих решений в задаче о бифуркации Андронова-Хопфа, сводя его к исследованию устойчивости нулевого решения, что значительно проще, чем исследовать устойчивость возникающих предельных циклов.

Теорема 1. ([1]) Пусть выполнены условия 1–3 и $\delta_0 \neq 0$. Тогда рождающиеся при малых $|a - a_0|$ периодические решения $x(t, a)$ уравнения (2) существуют только при $a < a_0$, если $\lambda_1^* < 0$, или только при $a > a_0$, если $\lambda_1^* > 0$.

Теорема 2. ([1]) Пусть выполнены условия 1–3 и $\delta_0 > 0$ $(\delta_0 < 0)$. Тогда бифурцирующие решения $x(t, a)$ уравнения (2), существующие в условиях теоремы 1, асимптотически орбитально устойчивы (неустойчивы).

Применим приведенный алгоритм и теоремы к исследованию системы (1).

$$A(a) = \begin{pmatrix} 2a-1 & -1 & 0 \\ 1 & 2a-1 & 0 \\ 0 & 0 & -a \end{pmatrix},$$

$$A_0 = \begin{pmatrix} 0 & -1 & 0 \\ 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -1/2 \end{pmatrix},\ A_0^* = \begin{pmatrix} 0 & 1 & 0 \\ -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -1/2 \end{pmatrix}.$$

1. Можем выбрать $e = (1\ \ 0\ \ 0)$ и $g = (0\ \ -1\ \ 0)$.

2. $$e(t) = \begin{pmatrix} \cos 2\pi t \\ \sin 2\pi t \\ 0 \end{pmatrix},\ g(t) = \begin{pmatrix} \sin 2\pi t \\ -\cos 2\pi t \\ 0 \end{pmatrix}.$$

3. $$\psi_2(t) = \int_0^t \begin{pmatrix} \cos 2\pi\ s \cdot 0 \\ \sin 2\pi\ s \cdot 0 \\ -\cos^2 2\pi\ s - \sin^2 2\pi\ s - 0^2 \end{pmatrix} ds = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ -t \end{pmatrix},$$

$\psi_3(t) = 0$.

4. Период $T_0 = \dfrac{2\pi}{|\lambda(a_0)|} = \dfrac{2\pi}{1} = 2\pi$.

$$\Gamma\psi_2(t) = \frac{1}{2\pi}\begin{pmatrix} 0 & 1 & 0 \\ -1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ -1 \end{pmatrix} - 0 = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ 1/\pi \end{pmatrix}.$$

$$\psi_1(t) = 2\pi\int_0^t \begin{pmatrix} 0 & 0 & \cos 2\pi s \\ 0 & 0 & \sin 2\pi s \\ -2\cos 2\pi s & -2\sin 2\pi s & 0 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ 1/\pi \end{pmatrix} =$$
$$= \begin{pmatrix} 1/\pi \cdot \sin 2\pi t \\ 1/\pi \cdot (1 - \cos 2\pi t) \\ 0 \end{pmatrix}.$$

5. $\gamma_1 = 4$, $\delta_0 = 2/\pi$, $\lambda_1^* = 1$.

Согласно теореме 1, рождающиеся при малых $|a - 1/2|$ периодические решения $x(t, a)$ системы существуют только при $a > 1/2$ (мягкий режим). По теореме 2, бифурцирующие решения асимптотически устойчивы.

Кроме того, мы можем найти асимптотические приближения к рождающимся бифурцирующим решениям в виде

$$x(t,a)=\left|\frac{a-a_0}{\lambda_1*}\right|^{\frac{1}{2}}e(t)+\left|\frac{a-a_0}{\lambda_1*}\right|e_1(t)+$$

$$+\left|\frac{a-a_0}{\lambda_1*}\right|^{\frac{3}{2}}e_2(t)+\delta(t,a)),$$

$$e_1(t)=-T_0\Gamma\psi_2(t),\ e_2(t)=T_0\Gamma\psi_1(t),$$

$$\max_t|\delta(t,a)|=o\left(|a-a_0|^{\frac{3}{2}}\right).$$

Таким образом, периодические решения существуют при $a>0,5$ и представимы в виде

$$x(t,a)=\left(a-\frac{1}{2}\right)^{\frac{1}{2}}\begin{pmatrix}-\sin 2\pi t\\ \cos 2\pi t\\ 0\end{pmatrix}+\left(a-\frac{1}{2}\right)\begin{pmatrix}0\\0\\-2\end{pmatrix}+$$

$$+\left(a-\frac{1}{2}\right)^{\frac{3}{2}}\begin{pmatrix}-\sin 2\pi t\\ \cos 2\pi t\\ 0\end{pmatrix}+o\left(\left|a-\frac{1}{2}\right|^{\frac{3}{2}}\right)$$

Теперь рассмотрим модифицированные системы Лэнгфорда, которые отличаются от системы (1) знаками при нелинейностях в первом и втором уравнениях:

$$\begin{cases}x_1'=(2a-1)x_1-x_2-x_1x_3\\ x_2'=x_1+(2a-1)x_2-x_2x_3\\ x_3'=-ax_3-\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{cases}\qquad(3)$$

$$\begin{cases}x_1'=(2a-1)x_1-x_2+x_1x_3\\ x_2'=x_1+(2a-1)x_2-x_2x_3\\ x_3'=-ax_3-\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{cases}\qquad(4)$$

$$\begin{cases}x_1'=(2a-1)x_1-x_2-x_1x_3\\ x_2'=x_1+(2a-1)x_2+x_2x_3\\ x_3'=-ax_3-\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{cases}\qquad(5)$$

Исследуя систему (3) тем же методом, что и выше, придем к следующим результатам: $\gamma_1=4,\ \delta_0=-2/\pi,\ \lambda_1^*=-1$.

По теореме 1, рождающиеся при малых $|a-1/2|$ периодические решения $x(t,a)$ системы существуют только при $a<1/2$ (жесткий режим). По теореме 2, бифурцирующие решения асимптотически неустойчивы.

Периодические решения, существующие при $a<0,5$, представимы в виде

$$x(t,a)=\left(-a+\frac{1}{2}\right)^{0,5}\begin{pmatrix}\cos 2\pi t\\ \sin 2\pi t\\ 0\end{pmatrix}+\left(a-\frac{1}{2}\right)\begin{pmatrix}0\\0\\2\end{pmatrix}+$$

$$+\left(-a+\frac{1}{2}\right)^{\frac{3}{2}}\begin{pmatrix}-\cos 2\pi t\\ -\sin 2\pi t\\ 0\end{pmatrix}+o\left(\left|a-\frac{1}{2}\right|^{\frac{3}{2}}\right)$$

Рассмотрим модифицированную модель Лэнгфорда, динамика которой описывается уравнением

$$x'=\begin{pmatrix}2a-1 & -1 & 0\\ 1 & 2a-1 & 0\\ 0 & 0 & -a\end{pmatrix}\begin{pmatrix}x_1\\x_2\\x_3\end{pmatrix}+f(x).\qquad(6)$$

Нелинейность $f(x)$ по-разному определяется в различных полупространствах:

$$f(x)=\begin{pmatrix}x_1x_3\\ x_2x_3\\ -\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{pmatrix},\ x_3<0;$$

$$f(x)=\begin{pmatrix}-x_1x_3\\ -x_2x_3\\ -\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{pmatrix},\ x_3>0.$$

В начале координат вектор-функция $f(x)$ непрерывная, но не гладкая. Рассмотрим наряду с этой системой две вспомогательные – (4) и (5). Как следует из исследования каждой из них, модифицированная система не имеет предельных циклов при $a<0,5$, а при $a>0,5$ имеет предельный цикл в полупространстве $x_3<0$.

Рассмотрим еще одну модифицированную систему Лэнгфорда с другими нелинейностями

$$f(x)=\begin{pmatrix}-x_1x_3\\ -x_2x_3\\ -\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{pmatrix},\ x_3<0,$$

$$f(x)=\begin{pmatrix}x_1x_3\\ x_2x_3\\ -\left(x_1^2+x_2^2+x_3^2\right)\end{pmatrix},\ x_3>0.$$

Очевидно, что данная система тоже будет иметь предельные циклы при $a<0,5$ в полупространстве

$x_3 > 0$, а при $a > 0{,}5$ циклы в системе будут отсутствовать.

Но исследование систем (4) и (5) не позволяет сделать выводы о бифурцирующих решениях с помощью тех же самых теорем, так как $\delta_0 = 0, \quad \lambda_1^* = 0$. Для того чтобы исследовать эти два случая, воспользуемся теоремой о центральном многообразии [2].

Пусть вблизи бифуркационного положения равновесия O система представима в виде

$$\begin{aligned} y' &= Ay + f(x,y) \\ x' &= Bx + g(x,y) \end{aligned}, \qquad (7)$$

где $x \in R^m$, $y \in R^{n-m}$, $spectrA = \{\lambda_{m+1},..,\lambda_n\}$, $spectrB = \{\lambda_1,..,\lambda_m\}$, $\operatorname{Re}\lambda_j < 0$, $j = m+1,...,n$, $\operatorname{Re}\lambda_j = 0$, $j = 1,...,m$, f и g – C^r – гладкие функции ($1 \le r < \infty$), которые вместе со своими производными обращаются в ноль в начале координат. Тогда существует окрестность положения равновесия O, которая содержит C^r – гладкое инвариантное центральное многообразие W^C, задаваемое уравнением $y = \psi(x)$, где $\psi(0) = \frac{\partial\psi}{\partial x}(0) = 0$.

Центральное многообразие инвариантно, поэтому для функции $y = \psi(x)$ выполняется условие

$$\frac{\partial\psi}{\partial x}\left(Bx + g\left(x,\psi(x)\right)\right) = A\psi(x) + f\left(x,\psi(x)\right). \qquad (8)$$

Центральное многообразие содержит в себе всю нетривиальную динамику системы. В случае систем (4) и (5) исследование исходной трехмерной системы можно свести к исследованию двумерной системы, что облегчает задачу.

Для системы (4) центральное многообразие будет задаваться уравнением $x_3 = \psi(x_1, x_2)$. Разложим функцию $\psi(x_1, x_2)$ в формальный степенной ряд:

$$\psi(x_1,x_2) = a_{20}x_1^2 + a_{11}x_1x_2 + a_{02}x_2^2 + a_{30}x_1^3 + \\ + a_{21}x_1^2x_2 + a_{12}x_1x_2^2 + ...$$

Подставим его в уравнение (8). Приравнивая коэффициенты при одинаковых степенях, получим систему уравнений для нахождения a_{ij}. Например, для (4) первые семь уравнений системы будет выглядеть следующим образом:

$$a_{21} + \frac{a_{30}}{2} = 0,\ \frac{a_{03}}{2} - a_{12} = 0,\ a_{11} + \frac{a_{20}}{2} + 1 = 0,$$

$$2a_{02} - 2a_{20} + \frac{a_{11}}{2} = 0,\ \frac{a_{02}}{2} + 1 - a_{11} = 0,$$

$$-2a_{21} + \frac{a_{12}}{2} + 3a_{03} = 0,\ \frac{a_{21}}{2} + 2a_{12} - 2a_{30} = 0.$$

Решив ее, получим

$$a_{20} = a_{02} = -2,\ \ a_{11} = a_{30} = a_{21} = a_{12} = a_{03} = 0.$$

Несложно заметить, что все последующие коэффициенты также будут равны нулю. Поэтому центральное многообразие будет задаваться уравнением: $x_3 = -2x_1^2 - 2x_2^2$.

Переходя на центральное многообразие, получим двумерную систему

$$\begin{cases} x_1' = (2a-1)x_1 - x_2 - 2x_1^3 - 2x_1x_2^2 \\ x_2' = x_1 + (2a-1)x_2 + 2x_2^3 + 2x_1^2x_2 \end{cases} \qquad (9)$$

Приведение к нормальной форме при a = 0,5 позволит узнать, как ведут себя траектории вблизи состояния равновесия в критическом случае. Сделаем следующую замену переменных:

$$z = x_1 + ix_2,\ \ \bar{z} = x_1 - ix_2.$$

Тогда система (9) примет вид

$$\begin{cases} \dot{z} = iz - 2z\bar{z}^2 \\ \dot{\bar{z}} = -i\bar{z} - 2z^2\bar{z} \end{cases} \qquad (10)$$

При этом можно отбросить второе уравнение, так как оно следует из первого.

Очевидно, что существует бесконечное множество резонансных соотношений вида

$$\lambda_1 = (q+1)\lambda_1 + q\lambda_2,$$
$$\lambda_2 = q\lambda_1 + (q+1)\lambda_2,$$

где q=1, 2, … С помощью полиномиального преобразования

$$z = w + \sum_{2 \le p+q \le 2Q+1} \alpha_{pq} w^p \bar{w}^q$$

можно привести систему (10) к нормальной форме, в которой, кроме линейных, будут содержаться лишь резонансные члены:

$$\dot{w} = 2iw + \sum_{2 \le p+q \le 2Q+1} C_{pq}{}' w^p \bar{w}^q + o\left(|w|^{2Q+1}\right),$$

$C_{pq}{}'$=0, при $p \ne q+1$.

В силу системы (10), все коэффициенты $C_{pq}{}'$ при $p = q+1$ также обратятся в 0 и нормальная форма запишется в виде

$$\dot{w} = 2iw.$$

Так как все ляпуновские величины $L_q = \operatorname{Re} C'_{q+1,q}$ нулевые, а исходная система (9) имеет аналитическую правую часть, положение равновесия (0,0) является центром. Следовательно, система (4) будет устойчивой по Ляпунову при a = 0,5, а положение равновесия в начале координат будет окружено вложенными одна в другую замкнутыми траекториями. Бифуркации Андронова-Хопфа не происходит. Анализ системы (5) дает такой же результат.

Таким образом, модифицированные системы Лэнгфорда

$$x' = \begin{pmatrix} 2a-1 & -1 & 0 \\ 1 & 2a-1 & 0 \\ 0 & 0 & -a \end{pmatrix} \begin{pmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \end{pmatrix} + f(x)$$

с нелинейностями вида

$$f(x) = \begin{pmatrix} x_1 x_3 \\ x_3 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 < 0,$$

$$f(x) = \begin{pmatrix} -x_1 x_3 \\ -x_3 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 > 0,$$

и

$$f(x) = \begin{pmatrix} -x_1 x_3 \\ -x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 < 0,$$

$$f(x) = \begin{pmatrix} x_1 x_3 \\ x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 > 0,$$

будут демонстрировать рождение периодических траекторий, а системы с нелинейностями вида

$$f(x) = \begin{pmatrix} -x_1 x_3 \\ x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 < 0,$$

$$f(x) = \begin{pmatrix} x_1 x_3 \\ -x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 > 0$$

и

$$f(x) = \begin{pmatrix} x_1 x_3 \\ -x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 < 0,$$

$$f(x) = \begin{pmatrix} -x_1 x_3 \\ x_2 x_3 \\ -\left(x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right) \end{pmatrix}, \quad x_3 > 0$$ – нет.

В двух последних системах замкнутые траектории появляются при критическом значении параметра $a = 0{,}5$ и при переходе через него исчезают.

Библиографический список

1. *Шарафутдинов И.В.* Приближенные методы и алгоритмы численного исследования задачи о бифуркации периодических решений в негладких динамических системах: Дис. … канд. физ.-мат. наук / Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой. – Уфа, 2010. – 140 с.

2. *Шильников Л.П., Шильников А.Л., Тураев Д.В., Чуа Л.* Методы качественной теории в нелинейной динамике. Ч. 1. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004. – С. 304–310.

УДК 621.785.53; 621 3.035.183

Кусманов Сергей Александрович
кандидат технических наук
Наумов Александр Рудольфович
кандидат химических наук
Смирнов Алексей Анатольевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
sakusmanov@yandex.ru; anaumov@ksu.edu.ru

ЭЛЕКТРОЛИТНО-ПЛАЗМЕННАЯ ЦЕМЕНТАЦИЯ МАЛОУГЛЕРОДИСТОЙ СТАЛИ В БАРБОТИРУЕМОЙ КАМЕРЕ

Показано влияние скорости расхода воздуха и размеров образцов на температуру нагрева, плотность тока, скорость анодного растворения и толщину цементованного слоя при анодной электролитно-плазменной цементации малоуглеродистой стали в барботируемой ячейке.

Ключевые слова: *электролитно-плазменная обработка, диффузионное насыщение, цементация, барботаж.*

Анализ теплофизических особенностей электролитно-плазменной обработки (ЭПО) металлов и сплавов указывает на важную роль гидродинамических условий в рабочей камере [1]. В настоящее время для реализации процесса используют различные установки, в простейшем случае обработку проводят в непроточном электролите, то есть в условиях естественной конвекции без охлаждения электролита [2; 3]. Такие установки не обеспечивают стабильных условий и воспроизводимых результатов. Охлаждение электролита позволяет вести обработку при постоянной температуре, что достигается в камере с непроточным электролитом, которая окружена кожухом с водопроводной водой [4]. Недостатком этой методики является неравномерный нагрев детали по её высоте из-за неизбежного расширения парогазовой оболочки в вертикальном направлении. Равномерность нагрева и стабилизация температуры улучшаются в условиях контролируемой гидродинамики, при которой электролит перемешивается внутри охлаждаемой снаружи камеры [5]. Наиболее равномерный нагрев можно получить в рабочей камере с циркуляцией электролита через теплообменник [6–9], минимальный градиент температуры в цилиндрической детали достигается в условиях продольного распределенного обтекания [10].

Контур циркуляции электролита существенно усложняет установки для реализации ЭПО, где важную роль играет не всегда достаточная стабильность работы насоса. Охлаждение электролита может быть осуществлено теплообменником внутри рабочей камеры, а перемешивание электролита – потоками воздуха (барботажем). Такая возможность показана ранее [11], но режимы обработки не установлены. Целью данной работы является изучение влияния скорости расхода воздуха и размеров образцов на характеристики процесса (температуру нагрева, плотность тока, скорость анодного растворения) и толщину цементованного слоя.

Анодной ЭПО подвергались шестигранные образцы из стали 20 высотой 12, 25 и 40 мм и размером грани 4 мм. В качестве рабочего раствора использовался водный раствор хлорида аммония (2 моль/л) и глицерина (1 моль/л) объемом 3,5 л. Цементация осуществлялась в рабочей камере, которая представляла собой диэлектрический цилиндрический сосуд диаметром 146 мм с помещенным в нее змеевиком в качестве теплообменника. Подача воздуха осуществлялась с помощью компрессора, выходное сопло которого находилось на дне рабочей камеры под обрабатываемой деталью на расстоянии 200 мм, что обеспечивало циркуляцию электролита вокруг вертикальной оси.

Значение напряжения фиксировалось с помощью вольтметра ЛМ-1 с диапазоном измерения 0–300 В, классом точности 0,5 и ценой деления 2 В. Сила тока в диапазоне 0–10 А измерялась с помощью мультиметра MS8221, при более высоком токе применялся клещевой мультиметр MASTECHMS2101с диапазоном измерения 0–400 А и точностью 0,3% от измеряемой величины. Для определения температуры анода использовался мультиметр MS8221 и хромель-алюмелевая термопара М89–К1 с точностью 2% в диапазоне от 400–1000 °С. Температура электролита измерялась цифровыми термометрами MS-6501 с термопарами быстрого отклика ТР–01 и составляла 20±1 °С. Скорость расхода электролита определялась с помощью поплавкового ротаметра РМФ–0,16 ЖУЗ. Скорость протока воды в теплообменнике не изменялась и составляла 3 л/мин.

Структура образцов после обработки в условиях анодной ЭПО изучалась с помощью металлографического анализа. Обработанные образцы помещались в металлическую оправу и заливались эпоксидной смолой. В дальнейшем после застывания смолы образцы шлифовались наждачной бумагой разной зернистости и полировались до зеркального блеска. Травление образцов проводилось стандартным металлографическим реактивом, представляющим собой 4%-ный раствор азотной кислоты в этиловом спирте. Продолжительность травления составляла от 7 до 10 с. Изучение фазового состава осуществлялось на металлографическом микроскопе МЕТАМ РВ-21 при увеличении от 200 до 500 раз.

© Кусманов С.А., Наумов А.Р., Смирнов А.А., 2013

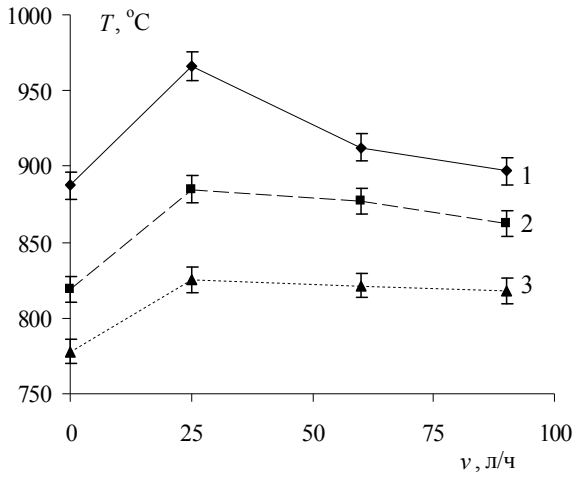

Рис. 1. Зависимость температуры нагрева от скорости расхода воздуха для образцов с высотой: 1–12 мм, 2–25 мм, 3–40 мм (продолжительность обработки – 5 мин, напряжение – 240 В)

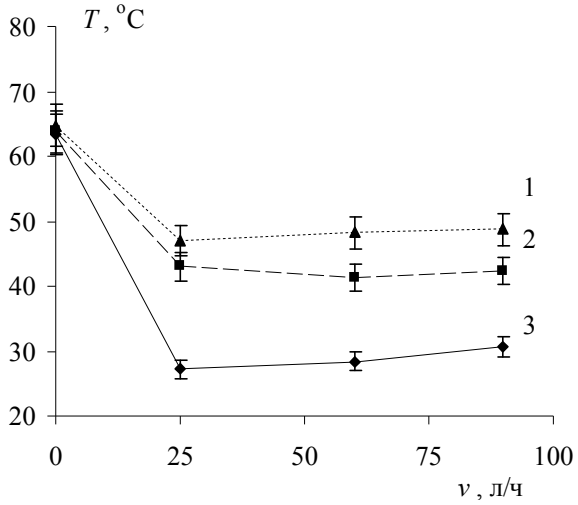

Рис. 2. Зависимость температуры электролита от скорости расхода воздуха для образцов с высотой: 1–40 мм, 2–25 мм, 3–12 мм (продолжительность обработки – 5 мин, напряжение – 240 В)

Объемная концентрация углерода в поверхностном слое определялась с помощью оптической эмиссионной спектрометрии на стационарном анализаторе металлов SPECTROMAXx. Анализу подвергался участок глубиной 75 мкм от поверхности и диаметром 1,5 мм. Предварительно с анализируемой поверхности механически удаляли оксидный слой.

Для определения влияния размеров образцов на температуру нагрева, плотность тока, скорость анодного растворения и толщину диффузионного слоя изменяли их высоту: 12, 25, 40 мм. Обнаружено, что перемешивание электролита барботажем при низкой скорости расхода воздуха значительно повышает температуру нагрева по сравнению с обработкой без барботажа (естественной конвекцией электролита) (рис. 1). По нашему мнению, это связано с усилением отвода тепла из прианодной области электролита, что способствует уменьшению толщины парогазовой оболочки и, соответственно, росту температуры нагрева.

При дальнейшем увеличении скорости расхода воздуха температура анода незначительно снижается для образцов высотой 12 и 25 мм, причем чем меньше размер анода, тем больше градиент падения температуры. Для образца высотой 40 мм температура анода при изменении скорости расхода воздуха практически не изменяется.

По сравнению с условиями естественной конвекции применение барботажа значительно снижает температуру электролита, причем ее величина остается почти постоянной при различных расходах воздуха (рис. 2). Установлено также, что с уве-

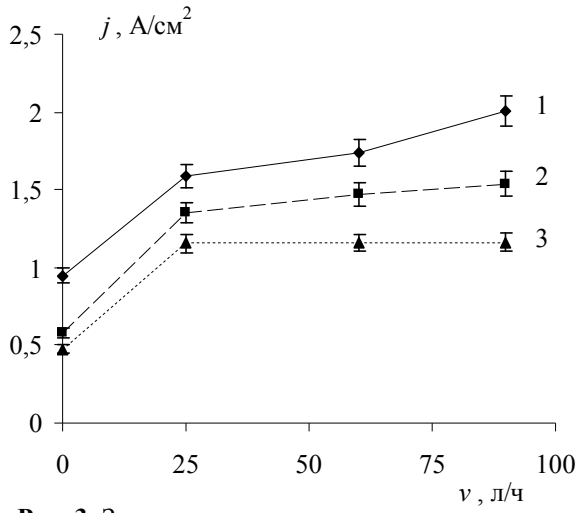

Рис. 3. Зависимость плотности тока от скорости расхода воздуха для образцов с высотой: 1–12 мм, 2–25 мм, 3–40 мм (продолжительность обработки – 5 мин, напряжение – 240 В)

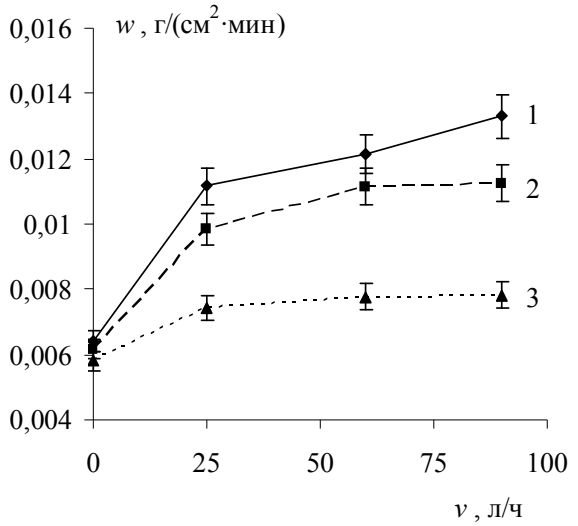

Рис. 4. Зависимость скорости растворения от скорости расхода воздуха для образцов с высотой: 1–12 мм, 2–25 мм, 3–40 мм (продолжительность обработки – 5 мин, напряжение – 240 В)

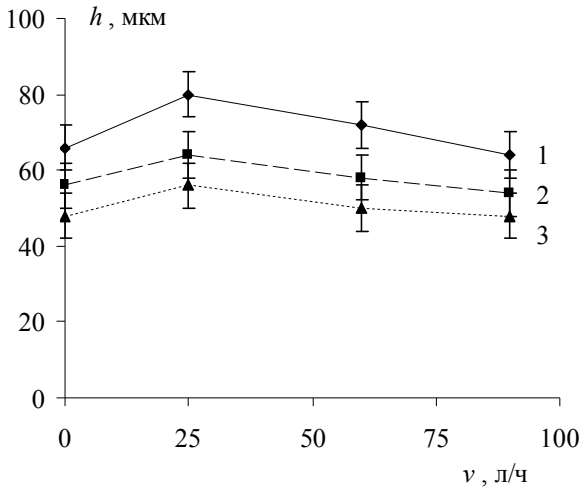

Рис. 5. Зависимость толщины мартенситного слоя от скорости расхода воздуха для образцов с высотой: 1–12 мм, 2–25 мм, 3–40 мм (продолжительность обработки – 5 мин, напряжение – 240 В)

личением высоты образца и, соответственно, глубины его погружения значения всех исследуемых характеристик снижаются (рис. 1–5).

Плотность тока в системе при охлаждении электролита воздухом примерно в два раза выше, чем при естественной конвекции электролита (рис. 3). При дальнейшем увеличении расхода воздуха плотность тока растет при обработке образцов высотой 12 и 25 мм и остается постоянной для образца высотой 40 мм. Данная зависимость отражает толщину парогазовой оболочки и коррелирует с температурой нагрева. Скорость растворения анода полностью соответствует наблюдаемой плотности тока в системе (рис. 4).

Зависимость толщины мартенситного слоя, образующегося после закалки в электролите, от скорости расхода воздуха определяется температурой нагрева: чем выше скорость расхода воздуха и ниже температура нагрева, тем меньше толщина мартенситного слоя (рис. 5).

Для образцов высотой 12 мм, обработанных при естественной конвекции электролита, а также при барботаже со скоростью расхода воздуха 25 и 90 л/ч, был проведен оптический эмиссионный спектральный анализ поверхности. В результате были получены следующие данные по содержанию углерода (объемная концентрация, %): 0,258 для v = 0 л/ч, 0,449 для v = 25 л/ч и 0,286 для v = 90 л/ч. Эти данные подтверждают ранее описанную зависимость толщины слоя от расхода воздуха.

Таким образом, изучение влияния скорости расхода воздуха и размеров образцов на характеристики процесса и толщину цементованного слоя выявило следующие закономерности:

– имеется оптимальная скорость подачи воздуха, соответствующая максимуму температуры нагрева при барботаже;

– плотность тока и скорость растворения повышаются при увеличении скорости расхода воздуха и понижаются при увеличении размера образцов;

– температура раствора электролита не изменяется от скорости расхода воздуха, но возрастает с увеличением размера образца;

– поверхностная концентрация углерода (углеродный потенциал) и толщина диффузионного слоя коррелируют с температурой нагрева.

На основе установленных закономерностей рекомендуется проводить цементацию малоуглеродистых сталей с барботажем при небольшой скорости расхода воздуха, в этом случае получается цементованный слой с наибольшей толщиной.

Библиографический список

1. *Shadrin S.Yu., Belkin P.N.* Analysis of models for calculation of temperature of anode plasma electrolytic heating // International Journal of Heat and Mass Transfer. – 2012. – V. 55. – P. 179–186.

2. *Roy A., Tewari R.K., Sharma R.C., Sherhar R.* Feasibility study of aqueous electrolyte plasma nitriding // Surface engineering. – 2007. – V. 23. – № 4. – P. 243–246.

3. *Sengupta S.K., Singh O.P.* Contact glow discharge electrolysis: a study of its onset and location // Journal of Electroanalytical Chemistry. – 1991. – V. 301. – P. 189–197.

4. *Paulmier T., Bell J.M., Fredericks P.M.* Plasma electrolytic deposition of titanium dioxide nanorods and nano-particles // Journal of materials processing technology. – 2008. – V. 208. – P. 117–123.

5. *Aliofkhazraei M., Rouhaghdam A. Sabour, Gupta P.* Nano-Fabrication by Cathodic Plasma Electrolysis // Solid State and Materials Sciences. – 2011. – V. 36. – P. 174–190.

6. Плазменно-электролитическое модифицирование поверхности металлов и сплавов / И.В. Суминов, П.Н. Белкин, А.В. Эпельфельд и др. – Т. I. – М.: Техносфера, 2011. – 464 с.

7. *Кусманов С.А., Дьяков И.Г., Белкин П.Н.* Влияние углеродсодержащих компонентов электролита на характеристики электрохимико-термической цементации // Вопросы материаловедения. – 2009. – № 4 (60). – С. 7–14.

8. *Белкин П.Н., Дьяков И.Г., Жиров А.В., Кусманов С.А., Мухачева Т.Л.* Влияние составов рабочих электролитов на характеристики анодной цементации // Физикохимия поверхности и защита материалов. – 2010. – Т. 46. – № 6. – С. 645–650.

9. *Кусманов С.А., Жиров А.В., Дьяков И.Г., Белкин П.Н.* Влияние оксидного слоя на характеристики анодной цементации малоуглеродистых сталей // Упрочняющие технологии и покрытия. – 2011. – № 4 (76). – С. 15–21.

10. *Komarov A.O., Mukhacheva T.L., Dyakov I.G., Belkin P.N.* Influence of Hydrodynamical Peculiarities of Electrolyte Flows on Temperature of Cylindrical

Workpiece by Plasma Electrolysis // Surface Engineering and Applied Electrochemistry. – 2012. – V. 48. – No. 2. – P. 141–147.

11. *Шадрин С.Ю.* Электрохимико-термическая цементация стальных цилиндрических образцов в барботируемой ячейке // Быстрозакаленные материалы и покрытия: тез. докл. 4-ой Всероссийской науч-техн. конф. – М: МАТИ – РГТУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 127–131.

УДК 630*524+630*182

Махныкина Анастасия Владимировна
sunlife1408@yandex.ru
Верховец Сергей Владимирович
sverhovec@sfu-kras.ru
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
Кошурникова Наталья Николаевна
natank1980@mail.ru
Климченко Александр Васильевич
klimchenko@mail.ru
Институт леса им. В.Н. Сукачёва СО РАН (г. Красноярск)

ДИНАМИКА ЗАПАСОВ УГЛЕРОДА В НАРУШЕННЫХ СОСНОВЫХ НАСАЖДЕНИЯХ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Одним из основных вопросов в понимании того, как изменение климата будет влиять на запасы углерода в экосистемах высоких широт в северном полушарии, является учет роли нарушений в функционировании бореальных экосистем. По результатам исследования был определен период восстановления сосновых насаждений Средней Сибири после природных и антропогенных нарушений.

Ключевые слова: *запасы углерода, бореальные леса, мониторинг экосистем, лесные пожары, сплошные рубки леса, изменения климата.*

Лесные насаждения являются не только уникальными механизмами в глобальном цикле углерода, но также представляют собой индикаторы происходящих изменений климата. По оценкам IPCC, изменение климата в большей степени повлияет на бореальные леса, потому что уже сейчас потепление происходит именно в высоких широтах [7].

Бореальными лесами покрыто около 14% поверхности Земли (исключая льды и полярные пустыни). Они представляют собой крупнейшую взаимосвязанную наземную экосистему и образуют зеленый пояс различной ширины по всему северному полушарию, приблизительно между 45 и 70° с.ш. Более половины площади бореальных лесов сосредоточено в России, 6% – в Скандинавии. Бореальные леса являются тем регионом, в котором чувствительность к изменениям климата и размеры делают его способным влиять на глобальную климатическую систему: (1) путем изменения глобального углеродного бюджета через изменения поглощения и высвобождение углерода; (2) путем изменения радиационного баланса через выбросы от пожаров и изменения альбедо и (3) путем изменения баланса влажности [11].

Одним из основных вопросов в понимании того, как изменение климата будет влиять на запасы углерода в экосистемах высоких широт в северном полушарии, является учет роли нарушений в функционировании бореальных экосистем [10]. Они подвергаются крупномасштабным природным нарушениям и в последнее время все чаще испытывают давление человека как от прямого воздействия в результате хозяйственной деятельности, так и от изменения глобальной климатической системы. При рубках леса наблюдается замедление связывания углерода, что приводит к повышенному содержанию в атмосфере диоксида углерода. Пожары также имеют непосредственное воздействие на баланс углерода бореальных лесов в результате преобразования живой биомассы и почвенного углерода в атмосферный углерода (CO2, CO, CH4) [6; 9].

В условиях повышенного внимания к углеродному бюджету лесов задача его инвентаризации, казалось бы, должна быть давно решена. Однако по отношению к лесам России этого не произошло. Опубликованные лишь в последние годы оценки стока углерода в леса России варьируют от 100 до 600 Мт С в год. Неопределенности пространственной и экосистемной привязки стоков углерода с неизбежностью сказываются на глобальных прогнозах климатических изменений. Формирование согласованной точки зрения на величины углеродного бюджета лесов России следует считать актуальной научной задачей [2]. Целью данной работы является определение возраста перехода нарушенных сосновых экосистем из источника углерода в объект его стока, используя базу данных подстилающей поверхности района исследования ZOTTO Forest (http://forest.sfu-kras.ru), посредством оценки запасов углерода в лесных насаждениях.

 © Махныкина А.В., Верховец С.В., Кошурникова Н.Н., Климченко А.В., 2013

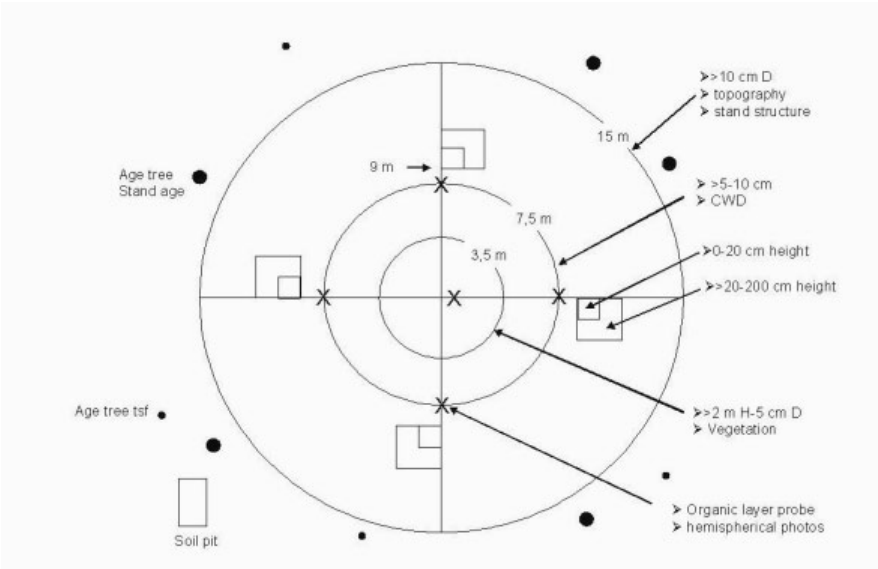

Рис. 1. Схема пробной площади

Исследования проводились на юге Туруханского района Красноярского края на территории радиусом до 100 км от измерительной вышки международной обсерватории ZOTTO (Zotino Tall Tower Observation), расположенной в районе поселка Зотино (60° с.ш., 89° в.д.). Район исследований находится в пределах Кеть-Сымской низменности на левобережье реки Енисей. Согласно лесорастительному районированию Сибири территория находится в пределах средней тайги Сымско-Дубченского лесорастительного округа. Район относится к числу труднодоступных таёжных территорий. С точки зрения экономической базы он принадлежит к числу слабоосвоенных, малообжитых северных районов. В качестве объектов исследования были выбраны сосновые биогеоценозы, сформированные на песчаных подзолах, которые занимают около 16% территории. Для оценки запасов углерода в древостоях было отобрано 30 пробных площадей лишайникового типа леса [4]. Данный тип леса отличается повышенной эксплуатационной нагрузкой со стороны лесного хозяйства, а также испытывает частое воздействие природных нарушающих факторов – в среднем межпожарный интервал составляет 25 лет [12].

Породный состав древостоев представлен сосной (Pinus sylvestris L.), редко с единичной примесью березы и сосновым подростом. Ярус подлеска, как правило, не выражен или представлен отдельными экземплярами ив (Salix caprea L.) или рябины (Sorbus sibirica Hedl.). Напочвенный покров в основном представлен мохово-лишайниковым ярусом, в видовом составе которого преобладают лишайники (Cladonia stellaris (Opiz) Pouzar et Vezda, Cl. arbuscula (Wallr) Flot). Основными доминантами травяно-кустарничкового яруса являются: брусника (Vaccinium vitis-ideae (L.) Avror.), шикша (Empetrum nigrum L.), толокнянка (Arctostaphylos uva-ursi L.), плаун пластинчатый (Lycopodium complanatum L.) и другие [5].

Для выявления участков со сходными типами растительного покрова на территории радиусом до 100 км от измерительной вышки была проведена автоматическая классификация космоснимков LANDSAT ETM+ с использованием метода максимального правдоподобия (Maximum likelihood), реализованного в ГИС ERDAS IMAGINE. Для однородных участков в ГИС определены географические координаты [3].

Сбор материала проводился по методике, разработанной научными сотрудниками Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН совместно с Институтом биогеохимии им. Макса Планка (г. Йена, Германия) [9].

Методика состояла в выборочном пересчете деревьев. Пробную площадь разбивали на три концентрических круга. Диаметр первого круга – 3,5 м, второго – 7,5 м и третьего – 15,0 м (рис. 1). Разбивка пробной площади на местности осуществлялась по направлениям С, Ю, З, В.

Перечет древостоя проводился в первом круге – сплошной, во втором и третьем – выборочный. В первом круге минимальная длина окружности деревьев, принимаемая в перечет, – 10 см, во втором – 30 см, в третьем – 60 см. Перечет осуществлялся от направления на север, с указанием в ведомости породы дерева, азимута, дистанции от центра пробной площади до дерева, длины окружности на высоте 1,3 м., общей высоты дерева, высоты основания кроны, высоты самой широкой части кроны, класса Крафта, категории технической годности, повреждений, статуса дерева, причин смерти (если требуется). Сухостойные деревья также учитывались. На каждой пробной площади в радиусе 7,5 метров проводился сплошной учет стволового валежа и пней отдельно по породам. Учет валеж-

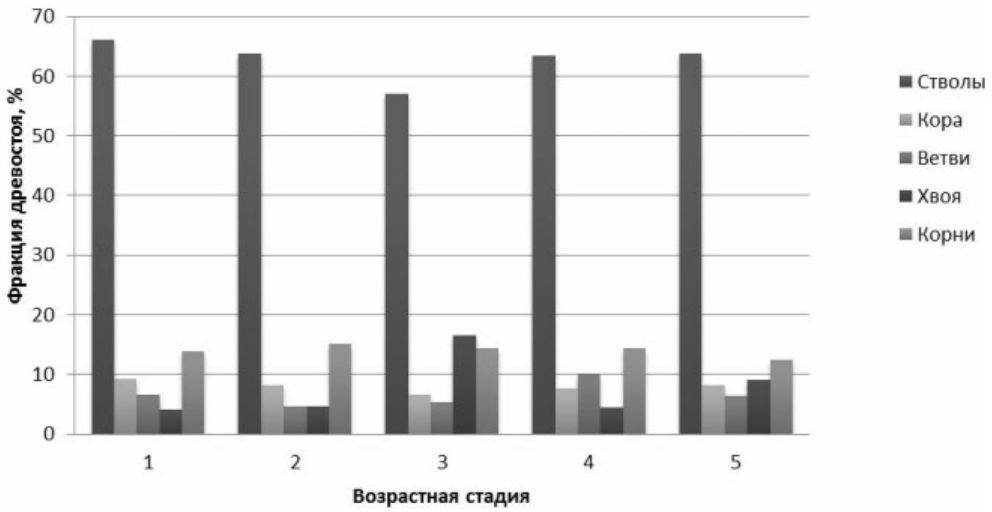

Рис. 2. Структура фитомассы древостоев по фракциям, %. Возрастные стадии: 1 – молодняки, 2 – средневозрастные, 3 – приспевающие, 4 – спелые, 5 – перестойные насаждения

ника и пней проводится по стадиям разложения с измерением линейных параметров. У валежника измеряются длина и диаметры двух противоположных концов, у пней учитывается высота и два диаметра: на высоте спила (или слома) и у шейки корня, у сухостоя – высота и диаметр на высоте 1,3 м [3].

Данная методика позволяет сократить трудозатраты и получить достоверные данные о структуре и запасах фитомассы в древостоях. Сейчас она признана мировым научным сообществом и используется как зарубежными научными коллегами [6], так и в системе российского лесоустройства [1]. С помощью данной методики создана уникальная база данных по подстилающей поверхности в районе охвата станции высотной мачты ZOTTO [8].

Результаты нашего исследования показали, что общий запас углерода надземной фитомассы для изученных сосновых насаждений варьирует от 0,2 до 62,2 т С га-1.

В результате анализа спутниковой информации на территории охвата высотной мачты (3139 тыс. га) выделено 11 агрегированных классов земной поверхности. При этом установлено, что покрытая лесом площадь составляет около 84%. Вторым по площади классом являются болота (10,5%). По возрастной структуре в исследованных сосняках преобладают спелые и приспевающие насаждения – их доля от общего количества изученных сосновых насаждений составляет 28,3 и 28,4% соответственно.

В процессе роста и развития древостоев, наряду с изменением общих запасов фитомассы, происходят изменения и в ее структуре (рис. 2). По соотношению массы отдельных фракций, изучаемые древостои схожи. Основной запас приходится на стволовую древесину (до 66%), хвоя составляет 4–17% запаса углерода в древостое, ветви – 5–10%. Немалый вклад в запас углерода древостоя вносят корни 12–15%, причем их доля остается сравнительно постоянной на протяжении периода роста и развития древостоя и снижается только в перестойных насаждениях.

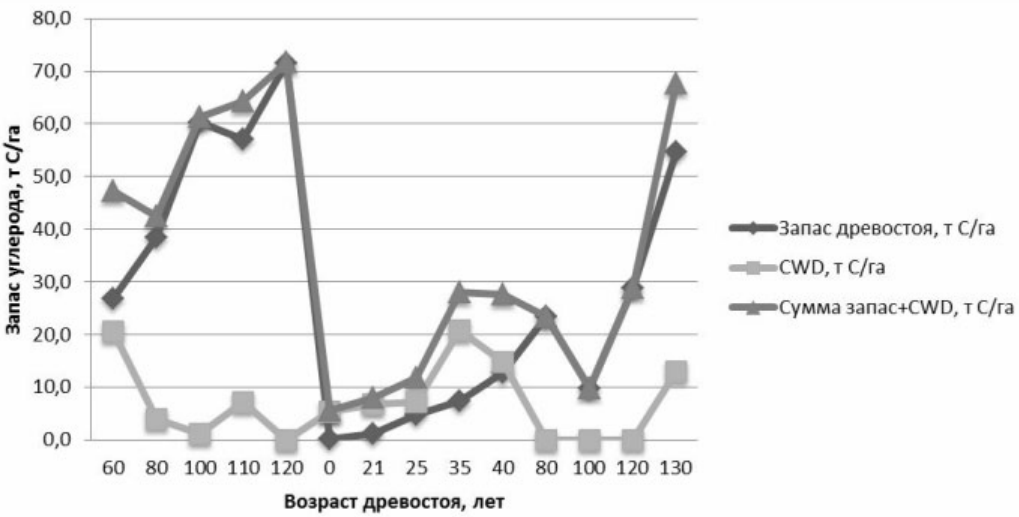

Рис. 3. Динамика запасов углерода при послепожарном восстановлении

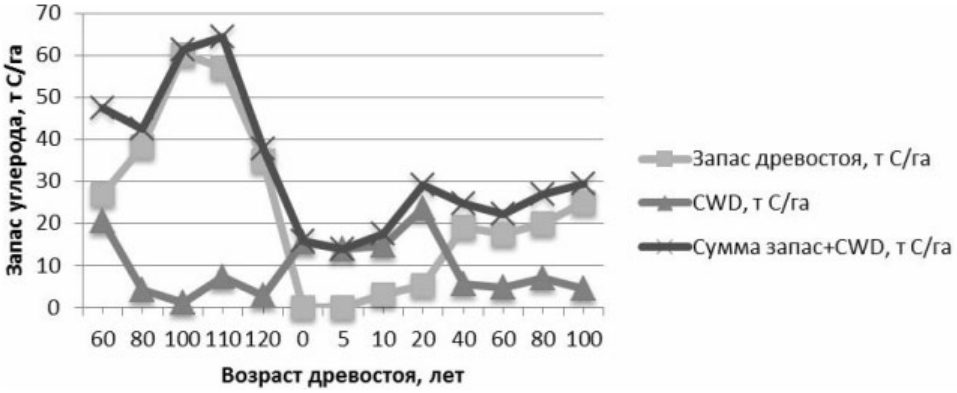

Рис. 4. Динамика запасов углерода в послерубочной сукцессии

В качестве естественного нарушения были выбраны низовые пожары, на которые в Средней Сибири приходится до 80% от общего числа пожаров. В качестве антропогенного нарушения были выбраны сплошные рубки леса, которые за последние 30 лет получили широкое распространение в районе исследования. Всего для анализа из базы данных ZOTTO Forest было отобрано 54 пробных площади, пройденных низовыми пожарами и 13 пробных площадей со сплошными рубками леса разного срока давности.

При определении возраста перехода экосистемы из источника углерода в объект его стока мы брали во внимание запасы надземной фитомассы, а именно запасы углерода в древостое и фракцию крупных древесных остатков (CWD), как наиболее значимые величины пулов углерода.

Для территорий, пройденных низовыми пожарами, запас древостоя варьирует от 1,2 до 54,7 т С га-1. Общий запас фитомассы, включая запасы CWD и древесного яруса, находится в пределах от 7,9 до 67,7 т С га-1.

Мы выяснили, что при послепожарном восстановлении в сосновых насаждениях переход экосистемы из состояния источника в сток углерода наступает в возрасте 44±5 лет (рис. 3).

Для территорий, пройденных низовыми пожарами, запас древостоя варьирует от 1,2 до 54,7 т С / га. Общий запас фитомассы, включая запасы CWD и древеного яруса, находится в пределах от 7,9 до 67,7 т С / га.

Мы выяснили, что при послепожарном восстановлении в сосновых насаждениях переход экосистемы из состояния источника в сток углерода наступает в возрасте 44±5 лет (рис. 3).

На территории послерубочных участков запас углерода в древостое варьирует от 0,01 до 24,9 т С га-1. Общий запас фитомассы, включая запасы CWD и древесного яруса, изменяется от 13,8 до 29,3 т С на га-1. Анализ послерубочной сукцессии показал, что восстановление после нарушения происходит в течение 32±4 лет, после чего экосистема вновь может функционировать как сток углерода (рис. 4).

Характерной чертой растительного покрова изученной территории является высокая мозаичность лесных экосистем, которая выражена как в видовом разнообразии растительного мира, так и в величине их биометрических показателей. На данной территории широкое распространение имеют как высокополнотные сосняки со сложной вертикальной и возрастной структурой, так и низкополнотные и низкопродуктивные древостои.

Таким образом, мы выяснили, что в сосновых насаждениях Средней Сибири период восстановления после природного нарушения (пожар) занимает 44±5 года, а после антропогенного (сплошная рубка леса) – 32±4 года. Эти данные говорят о том, что в условиях средней тайги естественные нарушения зачастую бывают более мощным разрушающим фактором, чем антропогенное влияние.

Библиографический список

1. Государственная инвентаризация лесов России / Федеральное агентство лесного хозяйства ФГУП «Рослесинфорг». – М., 2012. – 14 с.

2. *Замолодчиков Д.Г., Грабовский В.И., Краев Г.Н.* Динамика бюджета углерода лесов России за два последних десятилетия // Лесоведение. – 2011. – № 6. – С. 16–28.

3. *Климченко А.В., Верховец С.В., Слинкина О.А., Кошурникова Н.Н.* Запасы крупных древесных остатков в среднетаежных экосистемах приенисейской Сибири // География и природные ресурсы. – 2011. – № 2. – С. 91–97.

4. *Кукавская Е.А.* Воздействие лесных пожаров на баланс углерода Среднетаежных сосняков енисейской равнины: дис. … канд. биол. наук / Ин-т леса им. В.Н. Сукачёва СО РАН. – Красноярск, 2009. – 190 с.

5. *Трефилова О.В., Ведрова Э.Ф., Оскорбин П.А.* Запас и структура крупных древесных остатков в сосняках Енисейской равнины // Лесоведение. – 2009. – №4. – С. 16–23.

6. *Eric J. Gustafson, Anatoly Z. Shvidenko, Robert M. Scheller* Effectiveness of forest management strategies to mitigate effects of global change in south-

central Siberia // Canadian Journal of Forest Research. – 2011. – 41(7). – P. 1405–1421.

7. *Field C.B., Barros V., Stocker T.F., Qin D., Dokken D.J. and Midgley P.M.* (Eds.). Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 594.

8. FOREST Система управления базами данных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forest.sfu-kras.ru/

9. *Schulze E.-D., Heimann M., Harrison S., Holland E., Lloyd J.* Global Biogeochemical Cycles in the Climate System. – Jena: Academic Press, 2010. – P. 345.

10. *Scott J. Goetz, Gregory J. Fiske, Andrew G. Bunn* Using satellite time-series data sets to analyze fire disturbance and forest recovery across Canada // Remote Sensing of Environment. – 2006. – № 101 – P. 352–365.

11. *Soja, A J* m. fl. 2007: Climate induced boreal change: predictions versus current observations // Global and Planetary Change. – Vol. 56. – P. 274–296.

12. *Wirth C., Czimczik C. I., Schulze E.-D.* Beyond annual budgets: carbon flux at different temporal scales in fire-prone Siberian Scots pine forests // Tellus. – 2002. – № 5. – P. 611–630.

УДК 635.132:57.082.261

Пояков Алексей Васильевич
доктор биологических наук
Демидкина Марина Александровна
Всероссийский НИИ овощеводства Россельхозакадемии
Зонтиков Дмитрий Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЭМБРИОГЕНЕЗ МОРКОВИ СТОЛОВОЙ (*DAUCUS CAROTA L.*) В КУЛЬТУРЕ МИКРОСПОР

Культура микроспор позволяет получить при плотности суспензии микроспор 20000 шт./мл 0,12% – 0,25% эмбриоидов, при 50000 шт./мл среды – 0,22% – 0,35% в зависимости от сортообразца. Культивирование микроспор моркови на агаризованной питательной среде МСм, содержащей 2,4 – Д в концентрации 0,2 мг/л, сахарозу – 3%, агар – 6 г/л позволяет получить от 0,34% до 0,49% эмбриогенных структур в зависимости от сортообразца. Использование комбинаций сахарозы в двухслойной питательной среде агаризованная среда 3% и жидкая среда 3% или агаризованная среда 6% и жидкая среда 3% позволяет получить у сорта Rondo от 0,75% до 0,78% эмбриоидов. Доращивание зонтиков моркови столовой в лабораторных условиях не привело к растрескиванию пыльников и выходу микроспор/ пыльцы из них.

Ключевые слова: *морковь столовая, in vitro, микроспоры, эмбриоиды.*

Использование гаплоидных растений может значительно ускорить селекционный процесс при создании высокопродуктивных, устойчивых к неблагоприятным биотическим и абиотическим факторам внешней среды линий и сортов сельскохозяйственных культур [3]. Однако процесс производства гомозиготных линий моркови столовой в силу двулетнего цикла ее размножения и перекрестного типа опыления достаточно трудоемкий, малопроизводительный и занимает длительное время.

Для повышения эффективности этого процесса разработаны методы получения гаплоидов и удвоенных гаплоидов в культуре изолированных пыльников; культуре семяпочек [1; 4; 6] и индуцированном апомиксисе [2; 5]. Однако эти методы остаются недостаточно эффективными для того, чтобы использовать в селекционном процессе, и нуждаются в усовершенствовании. В связи с этим актуально получение удвоенных гаплоидов моркови в культуре микроспор, так как они являются уникальным объектом для изучения процессов морфогенеза и регенерации гаплоидных растений. В связи с этим целью нашей работы было изучение эмбриогенеза в культуре изолированных микроспор моркови столовой.

Объектами исследований служили зонтички, бутоны, пыльники и микроспоры трех сортов моркови – Лосиноостровская 13, Шантенэ королевская, Rondo.

Донорные растения выращивали в открытом и защищенном грунтах. Доращивание зонтичков осуществляли в лабораторных условиях *in vitro* и *in vivo*.

Доращивание зонтичков в условиях *in vitro* осуществляли на среде с содержанием сахарозы 2,5%, 5%, 10%, 15%, 20%, 25%, 40% в течение одних и двух суток.

Доращивание зонтичков в условиях *in vivo* на питательной среде в термостате при температуре 25 ^{0}С и 32 ^{0}С, экспозиции одних и двух суток.

Для введения в культуру *in vitro* пыльники извлекали из зонтичков 2–4 порядков с центрального зонтика и применяли ступенчатую стерилизацию. Первоначально бутоны промывали проточной водой, затем замачивали в мыльном растворе в течение 1–2 часов. В стерильных условиях обраба-

© Пояков А.В., Демидкина М.А., Зонтиков Д.Н., 2013

тывали 70%-ным раствором этанола в течение 30 секунд, выдерживали в 1,0%-ном растворе гипохлорита кальция в течение 20 минут, промывали в трёх сменах стерильной дистиллированной воды в течение 15–20 минут.

Для получения микроспор из бутонов извлекали пыльники и помещали их на стекло в каплю жидкой среды, после чего пыльники механически измельчали с помощью игл в жидкой питательной среде Масуда [7] в чашке Петри. Суспензию микроспор помещали на среду МСм, содержание сахарозы в которой составляло от 30 до 140 г/л, 2,4–Д – 0,2 мг/л, агара – 6 г/л, pH среды – 5,6.

Первые 10 суток микроспоры культивировали в темноте, далее в условиях периодического освещения (16 часов день и 8 часов ночь) при температуре 25 ^{0}С.

В исследованиях по изучению влияния концентраций микроспор на эффективность эмбриогенеза использовали следующие их концентрации в питательной среде: 10, 20, 50 тыс. шт./мл среды.

Развитие микроспор происходит внутри пыльника, и для их освобождения необходимо использовать эффективные приёмы. В результате проведения исследований изучено несколько способов выделения микроспор: многократное разрезание пыльников в жидкой питательной среде и доращивание зонтичков в лабораторных условиях.

При доращивании зонтичков моркови *in vitro* в течение суток, в вариантах с использованием 10–40%-ой концентраций сахарозы доля нежизнеспособных пыльников составляла 11–70%. При содержании 25%, 40% сахарозы в питательной среде 30% и 40% пыльников было раскрыто, но пыльца из них не высыпалась, в других вариантах опыта пыльники не раскрылись.

При доращивании зонтичков моркови столовой в течение 2 суток наблюдали 14,3% жизнеспособных раскрывшихся пыльников на питательной среде МСм с содержанием сахарозы 10%, а также 6,6% и 8,5% – на среде с концентрацией сахарозы 15% и 20% соответственно.

В результате доращивания зонтичков моркови изучаемых сортов на среде, содержащей 15% сахарозы, только у сорта Витаминная 6 было обнаружено 50% жизнеспособных, но нераскрывшихся пыльников. В других вариантах жизнеспособных пыльников не было обнаружено. Причиной этому, по-видимому, была высокая влажность воздуха в культивационных сосудах.

При доращивании зонтичков в условиях *in vivo* у раскрытых цветков всех вариантов опыта тычиночные нити были скрученными, пыльники хорошо развитыми, но выхода пыльцы не наблюдали. При культивировании зонтичков в течение 2 суток наблюдали их полное увядание.

По литературным данным, морфогенных микроспор в пыльниках различных культур содержится от 0,05% до 0,12%, поэтому важно определить зависимость между интенсивностью эмбриогенеза и числом закладываемых на питательную среду микроспор.

В результате исследований изучена эффективность эмбриогенеза в зависимости от концентрации микроспор и отмечено образование эмбриоидов при концентрации микроспор 20 и 50 тыс. шт./мл среды. У сорта Rondo доля эмбриогеннных микроспор составила 0,25% и 0,35%, у сорта Витаминная 6–0,18% и 0,22% соответственно, а у сорта Лосиноостровская – 13–0,12% при концентрации микроспор 20 тыс. шт./мл среды.

Известно, что состав питательной среды является наиболее важным фактором, определяющим как эффективность культивирования пыльников *in vitro,* так и путь развития андрогенных структур. Состав питательных сред подбирается опытным путем и содержит минеральные соли, углеводы, аминокислоты, витамины, фитотогормоны, агар и другие добавки – кокосовое молоко, дрожжевой экстракт, гидролизат казеина и т.д.

При культивировании пыльников моркови столовой сорта Rondo (концентрация микроспор 50 тыс. шт./мл среды) в жидкой питательной среде МСм, содержащей 2,4 –Д в концентрации 0,2 мг/л, сахарозу – 12% и 14%, на 16 сутки наблюдали растрескивание пыльников и выход микроспор в питательную среду.

В результате культивирования микроспор моркови сортов Лосиноостровская 13, Шантенэ королевская и Rondo на агаризованных модифицированных питательных средах МС [8] установлено, что эмбриогенные микроспоры, образовавшиеся на среде МСм, составляли от 0,34% у сорта Rondo до 0,49% у сорта Лосиноостровская 13 (табл. 1).

Количество эмбриогенных микроспор, образовавшихся на среде МС, незначительно отличалось

Таблица 1

Эмбриогенез моркови столовой на различных питательных средах в культуре микроспор (*n* = 50000)

Сортообразец	Образовалось эмбриоидов					
	МСм		МС		МСп	
	шт.	%±Sp	шт.	%±Sp	шт.	%±Sp
Лосиноостровская 13	246	0,49±0,03	209	0,42±0,03	138	0,28±0,02
Шантенэ королевская	204	0,41±0,03	197	0,39±0,03	143	0,28±0,02
Rondo	169	0,34±0,03	141	0,28±0,02	117	0,23±0,02

от их числа на среде МСм. Так, доля эмбриогенных структур колеблется от 0,28% у сорта Rondo до 0,42% у сорта Лосиноостровская 13.

Большое влияние на рост и развитие микроспор оказывает концентрация сахарозы в питательной среде. В зависимости от ее концентрации количество эмбриоидов у сорта Rondo составляло от 0,31% (при содержани сахарозы в среде 14%) до 0,78% (при концентрации сахарозы в агаризованной среде 3%).

Лучший результат достигнут в вариантах, когда использовалась двуслойная среда – агаризованная, содержащая сахарозу в концентрации 3%, и жидкая, концентрация сахарозы в которой составляла 3% или агаризованная с 6% сахарозы и жидкая с 3% сахарозы. Доля эмбриогенных микроспор в этих вариантах соответственно составила 0,78% и 0,75%.

Таким образом, для индукции эмбриогенеза важное значение имеет концентрация сахарозы в питательной среде. Использование таких комбинаций сахарозы в двухслойной питательной среде, как агаризованная среда 3% и жидкая среда 3% или агаризованная среда 6% и жидкая среда 3%, позволяет получить от 0,75% до 0,78% эмбриоидов.

Доля эмбриоидов при концентрации микроспор 20 и 50 тыс. шт./мл среды у сорта Rondo составляет 0,25% и 0,35%, у сорта Витаминная 6 – 0,18% и 0,22%, у сорта Лосиноостровская 13 – 0,12%.

Библиографический список

1. *Домблидес Е.А.* Разработка методов индукции андрогенеза у различных видов капуст: автореф. дис. … канд. с.-х. н. – М.:ВНИИССОК, 2001. – 198 с.

2. *Ильченко О.В.* Получение апомиктичных семян моркови // Картофель и овощи. – 2007. – № 6. – С. 31.

3. *Поляков А.В.* Биотехнология в селекции льна. – Тверь, 2000. – 180 с.

4. *Поляков А.В.* Андро- и гиногенез моркови (*Daucus carota* L.) / А.В. Поляков, О.В. Ильченко // Международная научно-практическая конференция «Приоритетные направления в селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений в XXI веке». – М., 2003. – С. 420–422.

5. *Тимин Н.И.* Индуцированный апомиксис моркови и получение гомозиготных форм растений / Н.И. Тимин, З.Т. Валеева, Л.Г. Пыжьянова // Селекция овощных культур / сб. науч. трудов. – М., 1994. – Вып. 34. – С. 11–16.

6. *Тюкавин Г.Б.* Основы биотехнологии моркови. – М.:ВНИИССОК, 2007. – 480 с.

7. *Masuda K.* Revision of the Medium for Somatic Embryogenesis in Carrot Suspension Culture / K. Masuda, Y. Kikuta, Y.A. Okazava // J. Fac. Agr. Hokkaido Univ. – 1981. – V.60. – P. 183–193.

8. *Murashige T.* Revised Medium for Rapid Growth and Bioassays with Tobacco Tissue Cultures / T. Murashige, F.A. Skoog // Physiol. Plant. – 1962. – V. 15. – P. 473–497.

УДК 541.138

Соловьев Михаил Евгеньевич
доктор физико-математических наук
soloviev56@gmail.com
Каранец Александр Олегович
alexial@gmail.com
Ярославский государственный технический университет
Леготин Денис Леонидович
кандидат физико-математических наук
Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук
suhov_andrei@mail.ru
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

КВАНТОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ СТРУКТУРЫ МОЛЕКУЛ ТЕТРАБЕНЗОПОРФИРИНА И ФТАЛОЦИАНИНА. Ч. 2. РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТОВ

Сравнительное моделирование электронной структуры молекул фталоцианина и тетрабензопорфирина показало, что фталоцианин более стабилен в химических превращениях, тогда как тетрабензопорфирин может иметь более эффективное применение в фотоэлектрических преобразователях, вследствие меньшей разницы между потенциалом ионизации и сродством молекулы к электрону.

Ключевые слова: *компьютерное моделирование, квантовая механика, электронная структура, тетрабензопорфирин, фталоцианин.*

Для проведения моделирования в настоящей работе использовались вычислительные кластеры Ярославского государственного технического университета и Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова (табл. 1). Параллельные вычисления на кластере КГУ им. Н.А. Некрасова проводились на 4 узлах по 8 ядер (всего 32 ядра). Оперативная память использовалась полностью.

При проведении квантово-химических расчетов, как правило, приходится выбирать между точностью достигаемого результата с использованием кон-

© Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К., 2013

Таблица 1

Характеристики вычислительных кластеров

Сервер «Fujitsu Primary RX300 S6» (ЯГТУ)	Кластер «T-Edge-10» (КГУ)
Суммарная емкость оперативной памяти 32 Гб Суммарная емкость дисковой памяти 1,7 Тб Количество процессоров 2 Тип процессоров Intel(R) Xeon(R) CPU E5645 @2.40GHz Общее количество ядер 12 Тип системной сети Gigabit Ethernet Операционная система Arch Linux 64bit	Теоретическая пиковая производительность 456 ГФлопс Суммарная емкость оперативной памяти 32 Гб Суммарная емкость дисковой памяти 3,28 Тб Количество вычислительных узлов 4 Количество управляющих узлов 1 Количество процессоров на узле 8 Общее количество доступных ядер 38 Тип системной сети Gigabit Ethernet Операционная система Suse Linux Enterprise Server 10.1

кретного метода и доступными вычислительными ресурсами. Как указывалось выше, при использовании метода Хартри-Фока точность определяется выбором базисных функций, используемых в разложении одноэлектронных волновых функций (ч.1 (6)). При уточнении решения в пост-хартри-фоковских методах точность определяется количеством членов в разложении (ч.1 (10)). Разными авторами предложено большое количество различных наборов базисных функций, имеющих свою систему обозначений.

Первоначально в качестве базисных функций использовались волновые функции, получаемые из решения уравнения Шредингера для атома водорода (слейтеровские базисы – STO). В дальнейшем было предложено аппроксимировать их с помощью функций гауссовского типа, что более удобно в вычислительном отношении. В настоящее время минимальным принято называть базис STO-NG, где число N указывает сколько гауссовских функций используется для аппроксимации одной слейтеровской функции. Чаще всего используется базис STO-3G. Расчет в таком базисе не может применяться для какого-либо серьезного анализа, а делается в основном на первой стадии, когда нужно быстро найти стартовую конфигурацию молекулярной модели. В так называемых валентно-расщепленных базисах типа M-NPG достигается увеличение точности за счет того, что валентные 2s и 2p орбитали представляются двумя наборами N и P функций с разными значениями экспонент. Дальнейшее увеличение точности достигается включением в базисный набор поляризационных функций – добавлением *p*-орбиталей для атомов водорода и *d*-орбиталей для элементов второго периода. Обозначение 6-31G** указывает, что в набор добавлена одна *p*-функция для атомов водорода и одна *d*-функция для атомов элементов второго периода. Этот базис обозначается также как 6-31G(d,p).

В пост-хартри-фоковских расчетах по теории возмущений Меллера-Плессета (стандартная теория возмущений Релея-Шредингера в квантовой механике) порядок теории возмущений указывается цифрой после обозначения первых двух букв, например, MP2.

Как указывалось выше, методы функционала плотности имеют свои обозначения. В частности, в гибридном методе DFT B3LYP/6-31G** первые буквы обозначают авторов конкретных функционалов, а через черту указан базисный набор, используемый для вычисления вклада в обменную энергию, рассчитываемый по аналогии с методом Хартри-Фока. В настоящее время этот метод с таким базисным набором является одним из наиболее популярных, поскольку позволяет сочетать большую скорость вычислений при достаточно высокой точности. Сравнительную оценку точности сделать очень легко, даже не имея при этом экспериментальных данных для рассчитываемого соединения. Поскольку для вычисления используется вариационный метод, минимизирующий функционал энергии, найденное в результате оптимизации приближенное значение энергии будет всегда больше истинного. Поэтому чем меньше в результате расчета получилось значение полной энергии молекулярной модели, тем точнее для данного соединения был выбранный метод расчета или его параметры. В тех случаях, когда ресурсы компьютера не позволяют использовать более полный базисный набор, его начинают уменьшать. Например, автор [1] поставил задачу изучить достаточно большие соединения, в связи с чем он, очевидно, был вынужден ограничиться использованием базиса без поляризационных функций (6-31G, а не 6-31G**). Насколько это могло повлиять на окончательные выводы работы, сказать сложно, но если все соединения рассчитывались одним и тем же методом, это дает определенное основание надеяться, что качественно характер выводов не изменится и при использовании более точного метода.

В настоящей работе все вычисления проводились методом DFT B3LYP/6-31G**. Надежных экспериментальных данных по потенциалам ионизации и сродству к электрону выбранных нами объектов исследования в настоящий момент не имеется, поэтому для оценки применимости принятого метода расчета было проведено сравнение с экспериментальными данными по сродству к электрону для других соединений, собранных из разных источников в работе [2]. Данная выборка была

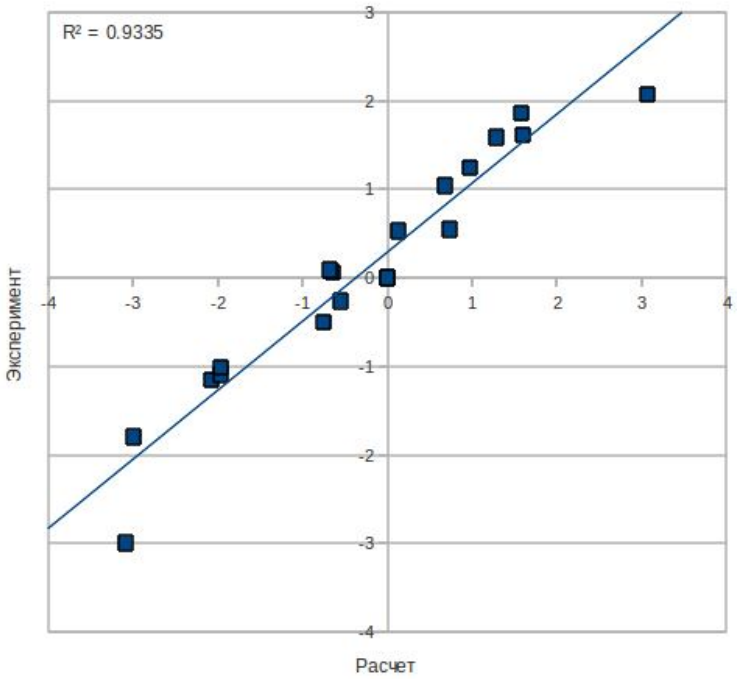

Рис. 1. Сравнение с экспериментальными данными сродства к электрону результатов расчета методом DFT B3LYP/6-31G**

составлена таким образом, чтобы включить не только соединения, содержащие атомы углерода, азота и водорода, но также и кислорода и фтора, так, чтобы получить диапазон веществ со сродством к электрону как значительно меньшим, так и значительно большим по сравнению с выбранными. Результаты сравнения показаны на рисунке 1. Как видно, наблюдается вполне удовлетворительная корреляция с коэффициентом детерминации $R^2 = 0{,}9335$, что вполне приемлемо для практических целей.

Перейдем к обсуждению результатов расчета нейтральных молекул. На рисунке 2 приведены наложенные друг на друга геометрические структуры молекулярных моделей исследованных соединений, отвечающие минимальной энергии. Как видно, несмотря на близость структуры соединений, фталоцианин имеет несколько меньшие размеры макроцикла. Количественно это можно характеризовать расстояниями между основными атомами, входящими в макроцикл, приведенными в таблице 2. Несмотря на то что внешне различия представляются небольшими, с точки зрения химии разница в размерах макроцикла выглядит существенной. Поскольку реакции комплексообразования с металлами проходят с участием внутренних атомов макроцикла, такое различие может привести к тому, что для данных соединений реакционная способность и энергии комплексов будут поразному зависеть от атомного радиуса металла.

Кроме размеров макроцикла, реакции комплексообразования зависят, разумеется, от характера распределения электронной плотности в нем, что будет рассмотрено ниже.

В таблице 3 приведены рассчитанные значения вкладов в энергию DFT (12) исследованных молекул в конфигурации с минимальной энергией. Поскольку молекулы имеют разный атомный состав, по ним нельзя сделать каких-то сравнительных выводов. Абсолютные значения энергии могут быть использованы только для оценки точности расчета при проведении его другими методами или при расчетах химических превращений, например при вычислении сродства к электрону или энергии ионизации. В этом случае вычисляется разность энергий соответствующего ион-радикала и нейтральной молекулы.

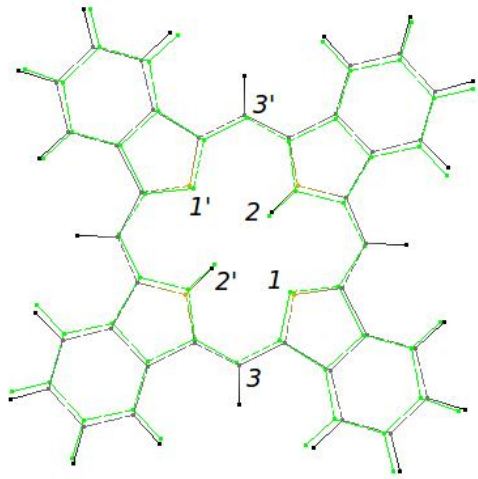

Рис. 2. Оптимизированные геометрические модели молекул. Фталоцианин изображен более светлым

Таблица 2

Расстояния между атомами в макроцикле (в нм)

Обозначение расстояния	Тетрабензопорфирин	Фталоцианин
1N-1'N	0,413684	0,389744
2H-2'H	0,226824	0,202584
3N(C)-3'N(C)	0,689341	0,676198

Таблица 3

Полная энергия DFT и ее составляющие в оптимальной конфигурации молекул (в ат.ед. – Хартри, 1 Хартри = 2625,49953026 кДж/моль)

Вид энергии	Тетрабензопорфирин	Фталоцианин
Одноэлектронная	-10055,148559421828	-10300,838841045175
Кулоновская	4719,863028116160	4827,477577348875
Обменно-корреляционная	-231,633666243606	-236,047988842371
Ядерного отталкивания	3962,757382690783	4041,079926320075
Полная энергия молекулы	1604,161814858491	-1668,329326218596

Получить оценку химической стабильности соединений можно, если вычислить их энергию атомизации – вычесть из суммы энергий изолированных атомов полную энергию молекулы. При этом энергии изолированных атомов необходимо вычислить тем же методом. Для некоторых соединений имеются экспериментальные данные по теплотам атомизации при стандартных условиях. Их можно использовать для оценки адекватности используемого квантово-химического метода. Для этого нужно вычислить также на основании частот колебаний поправки в полную энтальпию, связанные с тепловым движением атомов. Экспериментальные данные имеются в основном для малых молекул. В базе данных Национального института стандартов и технологии США [3] собраны данные для многих таких соединений и проведено сравнение с результатами расчета для большинства квантово-химических методов и базисных наборов. Из этих данных можно убедиться, что для вычисления энергии атомизации метод DFT B3LYP/6-31G** является одним из наиболее точных. Например, среднеквадратичная ошибка вычисления теплоты атомизации структурных изомеров бензола общей формулы C_6H_6 при экспериментальных значениях 5525 (бензол), 5384 (фульвен), 5231 (2,4-гексадиен) составляет всего 9 кДж/моль, тогда как для обычного метода Хартри-Фока в базисе 6-31G** значение ошибки для этих соединений равно 1444 кДж/моль (!).

Вычисленные в данной работе значения энтальпий атомизации для тетрабензопорфирина и фталоцианина составили соответственно 31634,61 и 29677,69 кДж/моль. Это, как видно, существенно больше, чем для бензола, и объясняется тем, что данные соединения имеют большее число атомов. Чтобы их можно было сравнить друг с другом, вычислим значения удельных энтальпий атомизации, то есть приведенных к числу атомов в молекуле соединения. Эти значения составили 510,24 и 511,68 кДж/моль соответственно. Для бензола легко подсчитать, что эта величина составляет 460,42 кДж/моль. То есть рассматриваемые соединения в среднем являются более энергетически устойчивыми по сравнению с бензолом. Это объясняется тем, что они помимо ароматических колец содержат также атомы азота, образующие сопряженные связи. По величине удельной теплоты атомизации фталоцианин несколько превосходит тетрабензопорфирин, хотя и очень незначительно. Эта оценка говорит лишь о средней энергетической устойчивости и, конечно, не относится к активности соединения в конкретной химической реакции. Для этого необходимо проводить термодинамический анализ именно той реакции, которая представляет интерес.

В качестве таких простейших реакций рассмотрим реакции образования ион-радикалов – отрыва и присоединения к молекуле одного электрона. Если пренебречь энтальпией свободного электрона по сравнению с энтальпией молекулы, то энтальпия таких реакций будет равна разности энтальпий ион-радикала и нейтральной молекулы. Полуэмпирическим квантово-химическим методом эти величины рассчитаны для многих соединений ароматического ряда [4]. В таблице 4 приведены для исследованных в настоящей работе рассчитанные значения энтальпий образования анион-радикалов (с обратным знаком: адиабатическое сродство к электрону), катион-радикалов (адиабатический потенциал ионизации) и разность потенциала ионизации и сродства к электрону. Последняя величина представляет собой в твердом теле ширину запрещенной зоны. Поскольку расчет производится в данном случае для изолированных молекул, то значения $I_p - A_g$ будут больше по сравнению со значениями в твердом теле. Однако для молекуляр-

Таблица 4

Рассчитанные значения сродства к электрону A_g, потенциала ионизации I_p и разности $I_p - A_g$ для некоторых органических молекул, эВ

Соединение	A_g	I_p	$I_p - A_g$
циклогексан	-3,70	9,27	12,97
бензол	-1,93	8,69	10,62
нафталин	-0,69	7,51	8,20
антрацен	0,16	6,73	6,58
тетрацен	0,73	6,21	5,48
фталоцианин	1,82	7,88	6,07
тетрабензопорфирин	1,26	5,73	4,47

Таблица 5

Частичные заряды на атомах и распределение спиновой плотности на нейтральных молекулах и ион-радикалах

Атомы	Нейтральная молекула	Катион-радикал		Анион-радикал	
	Заряд	Заряд	Спин	Заряд	Спин
	Тетрабензопорфирин				
N	-0,61	-0,61	-0,04	-0,63	0,10
C	0,29	0,32	0,15	0,29	0,04
C	-0,17	-0,16	-0,08	-0,18	0,03
C	0,23	0,26	0,17	0,2	0,10
N	-0,58	-0,59	-0,06	-0,57	-0,04
	Фталоцианин				
N	-0,56	-0,57	-0,04	-0,56	-0,03
C	0,4	0,44	0,14	0,36	0,10
C	-0,43	-0,43	-0,06	-0,46	0,07
C	0,35	0,39	0,15	0,34	-0,02
N	-0,58	-0,58	-0,06	-0,6	0,11

ных полупроводников эта разница не слишком велика и составляет около 1 эВ. Поэтому по данным $I_p - A_g$, приведенным в таблице, можно приближенно судить, относится ли соответствующее вещество к полупроводникам и может ли потенциально применяться в качестве рабочих элементов в фотовольтаике. Так, в частности, видно, что циклогексан относится к типичным диэлектрикам.

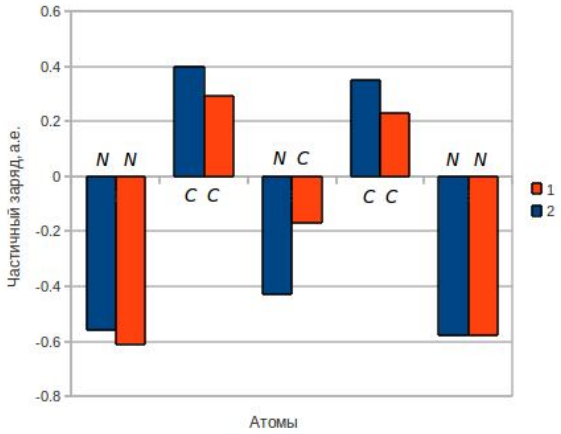

Рис. 3. Распределение частичных зарядов на атомах макроциклов тетрабензопорфирина (1) и фталоцианина (2)

Появление в молекуле сопряженной системы электронов (бензол) приводит к снижению потенциала ионизации, увеличению сродства к электрону. С ростом количества конденсированных колец (бензол, антрацен, тетрацен) эта тенденция нарастает. При этом уменьшается разность между потенциалом ионизации и сродством к электрону, так что соответствующее соединение может использоваться в фотоэлектрических преобразователях в видимой области спектра. Для тетрабензопорфирина эта величина меньше, чем для фталоцианина, так что вполне можно ожидать его более высокой эффективности [5].

На рисунке 3 показано распределение частичных зарядов по Малликену на атомах макроциклов исследуемых соединений, начиная с атома азота с группой NH (в силу симметрии молекул приведены заряды только на 5 атомах – четвертой части цикла). Как видно, распределение электронной плотности по атомам макроциклов для обоих соединений в целом подобно, однако в случае фталоцианина атомы углерода и азота, удаленные от центра цикла, оказываются поляризованными в большей степени. Для тетрабензопорфирина, наоборот, несколько в большей степени поляризованы атомы азота с NH-группой.

В случае ион-радикалов изменение поляризации атомов происходит для разных типов радикалов по-разному. Так, если в случае катион-радикалов и для тетрабензопорфирина и для фталоцианина частичный положительный заряд распределяется по атомам аналогичным образом, то для анион-радикалов имеется различие. Так, если в случае анион-радикала тетрабензопорфирина наблюдается увеличение поляризации атома азота у NH-группы, то для фталоцианина этого не происходит. Поскольку NH-группа является активным центром этих соединений в реакциях окисления, так как на нее в первую очередь будет направлена атака кислорода с отрывом водорода, то изменение поляризации этой группы в случае захвата молекулой электрона может сказаться на реакционной способности тетрабензопорфирина в реакции окисления. Для того чтобы оценить величину этого эффекта, необходимо моделировать реакции взаимодействия соединения с кислородом.

Таким образом, в настоящей работе проведено сравнительное исследование электронной структуры молекул фталоцианина и тетрабензопорфирина, являющихся родоначальниками двух ветвей большой группы соединений, применяемых во многих областях, в том числе в качестве катализаторов химических реакций, активных частиц в биологии и медицине, в качестве органических полупроводников. Являясь структурными аналогами, данные соединения, вместе с тем, согласно проведенным расчетам, различаются с точки зрения электронной структуры, что потенциально может отразиться на их реакционной способности и эффективности их применения в качестве элементов полупроводниковых устройств. В соответствии с полученными данными фталоцианин является несколько более стабильным в химических превращениях, тогда как тетрабензопорфирин может иметь более эффективное применение в фотоэлектрических преобразователях, поскольку имеет меньшую разницу между потенциалом ионизации и сродством к электрону молекулы.

Библиографический список

1. *Куранов Д.Ю.* Моделирование электронных свойств органических полупроводников: автореф. дисс. … канд. физ.-мат. наук. – СПб., 2011. – 16 с.

2. *Русаков А.И., Мендкович А.С., Гультай В.П., Орлов В.Ю.* Структура и реакционная способность органических анион-радикалов – М.: Мир, 2005. – 294 с.

3. Computational Chemistry Comparison and Benchmark DataBase. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cccbdb.nist.gov.

4. *R. G. Selsby, Alec Grimison.* A semi-empirical MO theory for ionization potentials and electron affinities. II. Vertical and adiabatic values, benzenoid and nonbenzenoid aromatic hydrocarbons, and conjugated molecules with heteroatoms // International Journal of Quantum Chemistry. – 1977. – V. 12. – № 3. – P. 527–544.

5. The world's first solution conversion type organic photovoltaic. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mitsubishichem-hd.co.jp/english/group/strategy/major_project/solar_cell.html.

УДК 536.24.08

Шадрин Сергей Юрьевич
syushadrin@gmail.com
Белкин Василий Сергеевич
dfcz_001@mail.ru
Дьяков Илья Геннадьевич
igdyakov@mail.ru
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕМПЕРАТУРНОГО ПОЛЯ ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИ ПРИ АНОДНОМ НАГРЕВЕ ДЛИННОМЕРНЫХ ОБРАЗЦОВ*

Рассмотрены особенности теплообмена между парогазовой оболочкой и длинномерным цилиндрическим анодом. По экспериментальным данным определен тепловой поток в выступающую над поверхностью электролита часть нагреваемого образца. Построена модель температурного поля длинномерного погруженного анода с линейным распределением плотности теплового потока по его боковой поверхности.

Ключевые слова: *анодный нагрев, парогазовая оболочка, тепловой поток.*

Дальнейшая разработка практических приложений анодного электролитно-плазменного нагрева для скоростной химико-термической обработки затруднительна без более глубокого понимания физической сущности самого явления. Совершенствование теплофизической картины процесса анодного электролитного нагрева происходит путем улучшения адекватности имеющихся полуэмпирических моделей расчета различных параметров теплообмена в трехфазной системе «анод – парогазовая оболочка – электролит». На сегодняшний день выполнен последовательный анализ допущений, принятых в моделях расчета температуры коротких образцов [6], а также самих моделей, в которых пренебрегается расширением оболочки в вертикальном направлении [2]. Моделирование температурного поля длинномерного анода является более сложной задачей, что затрудняет их создание и анализ. В работах [3; 4] предложены модели расчета вольт-амперных и вольт-температурных характеристик и профиля парогазовой оболочки при нагреве длинномерных образцов, также известна полуэмпирическая модель, основанная на сопряжении температурных полей в парогазовой оболочке и нагреваемом погруженном аноде [1].

Целью данной работы является определение параметров теплообмена при анодном электролитном нагреве погруженного длинномерного цилиндрического образца.

Эксперимент проводился в рабочей камере с переливом электролита, которым служил водный раствор нитрата аммония с концентрацией 160 г/л. Температура электролита на входе в ячейку поддерживалась постоянной на уровне 22±1 °С. Напряжение составляло 260 В.

В качестве деталей-анодов использовались цилиндрические образцы диаметром 12 мм и длиной от 50 мм до 100 мм, изготовленные из стали 20. Эксперимент проводился таким образом, чтобы длина выступающей над поверхностью электролита части образца составляла 50 мм независимо от глубины погружения, то есть анод длиной 100 мм погружался на глубину 50 мм, анод длиной 90 мм – на 40 мм, и так далее.

Температура измерялась в нескольких точках хромель-алюмелевой термопарой, которая размещалась в глухом отверстии, просверленном по оси образца, глубиной 50 мм. Таким образом, в ходе эксперимента снималось распределение температуры только в выступающей над поверхностью электролита части анода.

Тепловой поток в анод определялся по данным распределения температуры в выступающей над поверхностью электролита части образца в соответствии с методикой, изложенной в [5].

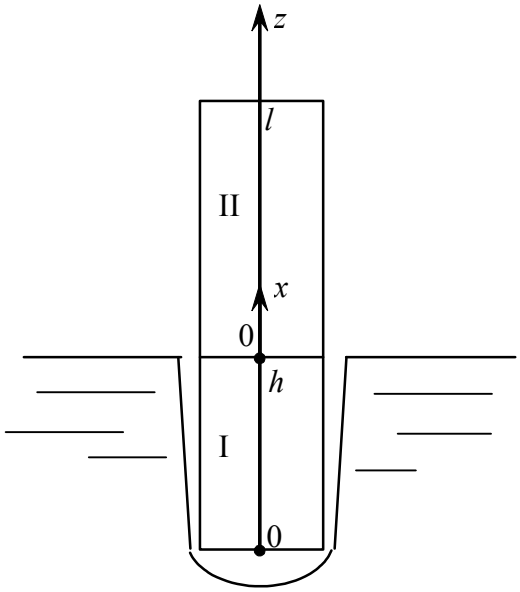

Рис. 1. Схема расчета распределения температуры в длинномерном аноде

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по программе государственного задания (проект 7.4120.2011).

© Шадрин С.Ю., Белкин В.С., Дьяков И.Г., 2013

Построим математическую модель температурного поля нагреваемого цилиндрического анода, погруженного на некоторую глубину в электролит. Для упрощения модели будем предполагать, что оба торца теплоизолированы, на боковой поверхности выступающей над электролитом части происходит теплообмен с окружающей средой по закону Ньютона, тепло из парогазовой оболочки поступает через боковую поверхность погруженной части образца. Также примем, что тепло распространяется только вдоль нагреваемой детали. Таким образом, имеем два одномерных уравнения теплопроводности для двух областей одного тела. Для удобства используем различные системы координат в рассматриваемых областях (рис. 1), в таком случае математическая модель температурного поля длинномерного образца может быть записана в следующем виде:

Для области I

$$\frac{d^2T_1}{dx^2}+\frac{2q(x)}{\lambda R}=0,\ \text{при } x=0\ \frac{dT_1}{dx}=0.$$

Для области II

$$\frac{d^2T_2}{dz^2}-m^2\left(T_2-T_f\right)=0,\ m=\sqrt{\frac{\alpha p}{\lambda S}},$$

$$\text{при } z=l\ \frac{dT_2}{dz}=0.$$

Условие сопряжения температурных полей

$$\text{при } x=h \text{ и } z=0,\ T_1=T_2$$

$$\frac{dT_1}{dx}=\frac{dT_2}{dz},$$

где x – вертикальная координата, отсчитываемая от погруженного торца образца, z – вертикальная координата, отсчитываемая от поверхности электролита, $q(x)$ – плотность теплового потока из парогазовой оболочки в погруженную часть анод, α – коэффициент теплоотдачи от анода к атмосфере, λ – теплопроводность материала анода, p – периметр анода, S – площадь его поперечного сечения, R – радиус образца-анода, l – длина выступающей части анода, h – глубина погружения, T_f = 20 ºC – комнатная температура.

Для решения поставленной краевой задачи необходимо задаться некоторым предположением относительно распределения плотности теплового потока по боковой поверхности погруженного анода. По причинам, обозначенным ниже, выберем линейную функцию для плотности теплового потока из парогазовой оболочки в анод:

$$q(x)=b-kx \qquad (1)$$

В таком случае решение может быть представлено в виде следующих функций:

$$T_1(x)=T_f+\frac{2bh-kh^2}{m\lambda R\,\mathrm{th}(ml)}+\frac{bh^2}{\lambda R}\left(1-\frac{x^2}{h^2}\right)-\frac{kh^3}{3\lambda R}\left(1-\frac{x^3}{h^3}\right)$$

$$T_2(z)=T_f+\frac{2bh-kh^2}{m\lambda R}\frac{\mathrm{ch}\left(m(l-z)\right)}{\mathrm{sh}(ml)}. \qquad (2)$$

Аппроксимируя далее экспериментально полученное распределение температуры в выступающей из электролита части анода функцией (2), мы можем получить коэффициенты b и k линейной зависимости плотности теплового потока (1) для дальнейшего изучения и анализа особенностей теплообмена между парогазовой оболочкой и анодом при значительном погружении последнего.

На рисунке 2 представлена зависимость температуры в выступающей из электролита части нагреваемого анода от вертикальной координаты z.

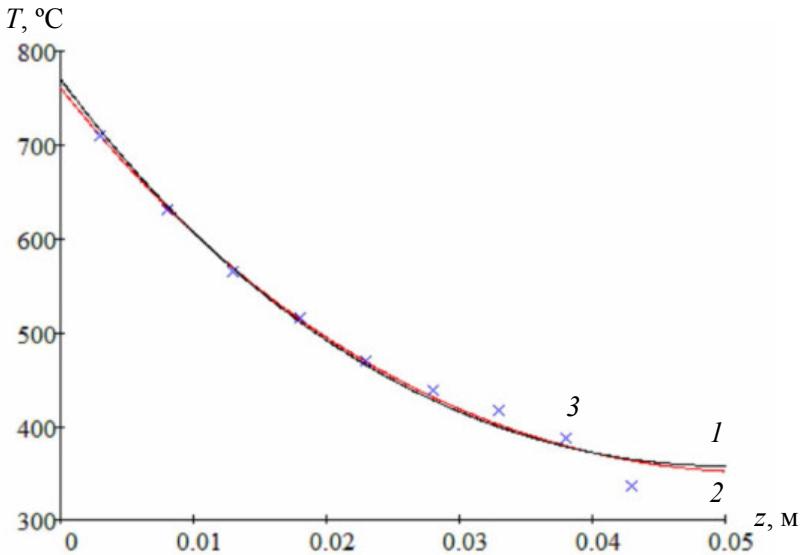

Рис. 2. Зависимость температуры выступающей части анода от вертикальной координаты.
Концентрация электролита – 160 г/л, напряжение нагрева – 260 В.
Цифрами обозначены: 1 – аппроксимация по методике [5],
2 – аппроксимация функцией (2), 3 – экспериментальные данные

Там же изображены аппроксимирующие функции: по методике [5] и (2). Как видим, точность аппроксимации вполне достаточная для теплофизических расчетов, при этом вычисленные кривые практически совпадают, что свидетельствует о достаточной достоверности допущения об отсутствии теплообмена на торцах образца.

В таблице приведены рассчитанные значения теплового потока из парогазовой оболочки в анод для различных глубин погружения последнего. При этом Q_1 – тепловой поток, полученный по методике [5], то есть это тепло, поступающее через поперечное сечение образца в его выступающую над поверхностью электролита часть. Для вычисления Q_2 использовалась формула:

$$Q_2 = 2\pi R\int_0^h q(x)dx = \pi R\left(2bh - kh^2\right), \qquad (3)$$

таким образом, это тепло, полученное погруженной частью анода. В соответствии с законом сохранения энергии данные тепловые потоки должны быть равны. Относительные погрешности определения теплового потока в обоих случаях практически совпадают и составляют 20%.

Также в таблице указана величина $x^* = b/k$, что, согласно формуле (1), соответствует вертикальной координате, в которой плотности теплового потока из парогазовой оболочки в погруженную часть образца-анода меняет знак.

Оценка полученных данных показывает, что в пределах погрешности тепловой поток из оболочки в анод не зависит от глубины его погружения. Это возможно в случае неравномерного распределения плотности теплового потока по боковой поверхности погруженной части анода или даже, ввиду высокой теплопроводности металла, изменения направления потока тепла. В простейшем случае можно предположить, что от оболочки нагревается только небольшая нижняя часть погруженного образца и дальнейшее увеличение глубины не приводит к росту теплового потока в анод при неизменной длине выступающей из электролита части образца. Данное предположение подтверждается простейшей моделью, предложенной выше, с линейным распределением плотности теплового потока по глубине нагреваемого анода. Приведенные в таблице численные значения координаты изменения знака плотности теплового потока соответствуют половине глубины погружения образца, что является следствием особенностей вычислительного алгоритма, а не каких-либо физических закономерностей. Полученные числовые значения x^* соответствуют ранее опубликованным в работе [1], где использовалась другая методика моделирования распределения плотности теплового потока по вертикали. Для улучшения предложенной модели следует опробовать другие профили плотности теплового потока по вертикали, например, сигмоидальный.

Таблица 1

Значения теплового потока в анод, полученные двумя способами, и координата перемены знака плотности теплового потока при различной глубине погружения анода (концентрация нитрата аммония 160 г/л, напряжение 260 В)

	Глубина погружения, мм					
	50	40	30	20	10	0
Q_1, Вт	80	77	77	75	75	74
Q_2, Вт	85	80	80	78	79	–
x^*, мм	25	20	15	10	5	–

Выводы

1. Показана независимость величины теплового потока из парогазовой оболочки в нагреваемую длинномерную деталь от глубины погружения последней при неизменной длине выступающей из электролита части образца.

2. Установлено, что плотность теплового потока из парогазовой оболочки в погруженную часть анода меняет знак на некоторой глубине.

3. В рамках линейной модели обнаружено, что координата изменения знака плотности теплового потока из парогазовой оболочки в анод расположена на половине глубины погружения последнего.

Библиографический список

1. *P.N. Belkin, T.L. Mukhacheva, I.G. Dyakov*. Features of the distribution of the heat fluxes in the anode–vapor-gas sheath system in anodic electrolytic heating // Journal of Engineering Physics and Thermophysics. – 2008. – № 81 (6). – P. 1069–1075.

2. *P.N. Belkin, S.Yu.* Shadrin Analysis of models for calculation of temperature of anode plasma electrolytic heating // International journal of Heat and Mass Transfer. – Vol. 55, Issues 1-3. – 15 January 2012. – P. 179–186.

3. *Белкин П.Н., Мухачева Т.Л.* Ламинарное движение пленки пара вдоль вертикального цилиндрического анода // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2004. – №3. – С. 4–6.

4. *Дьяков И.Г., Товарков А.К., Белкин П.Н.* Толщина парогазовой оболочки при анодном нагреве вертикально погруженного цилиндра // Электронная обработка материалов. – 2002. – №4. – С.43–49.

5. *Жиров А.В., Смирнова Т.С., Шадрин С.Ю.* Восстановление нестационарного граничного условия на нагреваемой поверхности при анодном нагреве // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2012. – №5. – С. 22–25.

6. *Шадрин С.Ю., Белкин П.Н.* Расчет температуры анодного нагрева // Электронная обработка материалов. – 2002. – №3 – С. 24–29.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 338.45

Козлов Алексей Анатольевич
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
kinemur@mail.ru
Цукерман Вячеслав Александрович
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН,
Филиал Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
в г. Кировске Мурманской области
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

В работе рассматриваются проблемы инновационно-технологического развития промышленных предприятий, создания государством общих условий их функционирования и государственной политики. Показано, что одним из наиболее эффективных механизмов реализации промышленной политики может являться региональная инновационная система.

Ключевые слова: *промышленные предприятия, инновационное развитие, региональная инновационная система.*

В начале XXI века существенно выросла роль промышленности минерально-сырьевого комплекса (МСК) в социально-экономическом развитии России. Замедление роста или падение объемов производства добычи и переработки минеральных ресурсов существенно снижает макроэкономические показатели России. Именно эта ситуация сложилась в настоящее время.

Экономический рост страны в последние десятилетия основывался на опережающей роли доходов от минерально-сырьевого экспорта, который обеспечивался благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой. При этом рост экспорта опережал промышленное производство, а объемы вложений в НИОКР значительно отставали от объемов соответствующих затрат зарубежных компаний.

Снижение индекса промышленного развития МСК диктует необходимость ее модернизации, привлечения новых современных технологий добычи и переработки минерального сырья.

Решение проблем модернизации промышленности МСК возможно путем разработки или привлечения инновационных технологий в топливно-энергетических и минерально-сырьевых отраслях, которые должны быть не менее наукоемкими, чем передовые отрасли промышленности [1].

Следует отметить, что в ряде научных работ противопоставляются минерально-ресурсный и инновационный пути развития, что, по мнению авторов, не соответствует действительности, поскольку именно МСК, прежде всего, и связан с производством высокотехнологической продукции. Так, для повышения эффективности использования недр принципиально важно следовать принципу максимального извлечения сырья из месторождений с применением новейших природосберегающих инновационных технологий. Приоритет должен быть отдан проектам, использующим технологии, направленные на максимально глубокую переработку сырья, где конечной продукцией будут продукты технологического передела.

Опыт высокотехнологических стран показывает, что применение инновационных технологий в нефтяной отрасли увеличивает отдачу вдвое. Например, в настоящее время в Норвегии извлекается не менее 50% нефти из земного пласта, в России – только 30%.

В настоящее время промышленность МСК функционирует в рамках третьего и четвертого технологических укладов и, следовательно, не может обеспечить решение задач по приведению структуры экономики в соответствие с достижениями наиболее развитых стран и обеспечению перехода к постиндустриальному развитию.

Модернизация промышленности МСК предполагает определение контуров и основных параметров, а также обоснование места и роли территориального сообщества и его участников как субъектов инновационной политики. При этом на первый план выдвигается задача создания государством общих условий развития промышленности МСК, создание среды, которая способствует привлечению частного и иностранного капитала в создание наукоемкой продукции. Это стимулирует различные формы кооперации между государственным, образовательным и предпринимательским секторами научной и промышленной деятельности. Именно партнерство государства и частного бизнеса снижает риски неэффективных решений в сфере инновационной деятельности [2].

Модернизация промышленности МСК во многом зависит от эффективности проводимой государством инновационной политики, основным направлением которой при этом является активизация инновационной деятельности, разработка механизмов ее реализации. Одним из наиболее эф-

© Козлов А.А., Цукерман В.А., 2013

фективных механизмов реализации инновационной промышленной политики может являться региональная инновационная система (РИС), которая через повышение инновационности всей экономики региона может значительно способствовать модернизации промышленности [3].

В этом плане целью управления РИС является формирование экономических условий для вывода на рынок конкурентоспособной инновационной продукции и технологий в интересах реализации стратегических приоритетов региона, в том числе: повышение качества жизни населения, достижение экономического роста, развитие науки, образования и культуры.

РИС является совокупностью учреждений и организаций, расположенных на территории региона, осуществляющих научно-образовательную, научно-техническую, инновационную деятельность и трансфер технологий в соответствии с законами РФ и субъекта Федерации и действующей конъюнктурой внешних и внутренних рынков на научно-технические и образовательные услуги.

Основные тенденции деятельности государства в инновационной сфере развитых стран привели к формированию универсальных, проверенных мировой практикой и доказавших свою эффективность рекомендаций в отношении содержания и основных задач государственной поддержки инновационной деятельности и модернизации промышленных предприятий. Этот опыт и рекомендации могут быть с успехом использованы для модернизации промышленности МСК, народнохозяйственный эффект от которого не ограничивается повышением конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. В процессе развития создаются предпосылки для дальнейшей структурной перестройки экономики.

Выявление объективных предпосылок для формирования РИС может быть проведено лишь на основе комплексного анализа в конкретном регионе с учетом сложившейся отраслевой структуры экономики, уровня промышленного развития МСК, наукоемкости продукции, степени научного обеспечения инновационных разработок и др. В то же время необходимо отметить, что мировой опыт свидетельствует о формировании и развитии РИС, как правило, в крупных территориальных образованиях.

Вследствие разнообразности потенциала и особенностей развития промышленного сектора МСК, различаются и инструменты управления РИС для каждого региона. Так, для регионов с наименьшим инновационным развитием наиболее эффективно применение административных механизмов, таких как государственная помощь организационного характера и прямые методы регулирования инновационной деятельности. Для инновационно развитых регионов необходимо шире использовать стимулирующие механизмы. При этом инновационная активность региона должна сочетаться с развитым промышленно-производственным комплексом, что позволит не только производить инновационный продукт, но и завоевывать рынки. Это позволит эффективно использовать имеющиеся ресурсы и сократить импорт инновационных технологий.

Политика в области развития инновационной деятельности реализуется путем создания благоприятной экономической и правовой среды в отношении формирования инфраструктуры РИС.

Инновационная инфраструктура является системой взаимосвязанных организаций, субъектов инновационной деятельности. Ядром этой системы являются научно-исследовательские институты и университеты, в которых на основе фундаментальных и прикладных исследований создаются востребованные на рынке инновационные продукты и услуги. Другие подсистемы могут содействовать продвижению новой продукции на рынок и оказывают производственно-технологические, финансовые, информационные, кадровые, консалтинговые услуги.

Управление РИС должно быть направлено на тиражирование эффективно функционирующих объектов инфраструктуры, создание и развитие ее недостающих элементов.

Следует отметить, что в последнее время наметилась положительная тенденция фундаментализации инновационной проблематики, требующей использования междисциплинарных когнитивных моделей с выходом на технологии инженерии знаний. Этому должна способствовать политика региональных властей в области инноваций, формирование инновационной инфраструктуры РИС, объединенной единой концепцией развития.

В регионах, основа экономики которых связана с деятельностью промышленности МСК, имеется множество примеров создания отдельных элементов инновационной структуры, но при этом отсутствует сама РИС. Причиной такой ситуации является не только качество институтов управления и регулирования реального сектора экономики органами государственной власти, но и недостаточная эффективность научного сообщества и бизнеса в сфере внедрения инноваций. Зачастую научная организация не может предоставить потенциальным инвесторам понимания того, как можно найти рыночное применение научным разработкам, а представители бизнеса более склонны заниматься менее рискованной деятельностью.

Одной из основных проблем формирования РИС является работа ее инфраструктурных элементов (вузы, научные организации, бизнес-инкубаторы, малые инновационные предприятия и т.д.) в практически автономном режиме и без постоянной, тесной взаимосвязи с реальным сектором экономки, в том числе с промышленностью МСК. Дан-

ные элементы функционируют либо за счёт частной инициативы, либо за счёт ресурсов, выделяемых государством, органами местного самоуправления, и мало связаны друг с другом.

Образовательные учреждения также недостаточно активно используют возможности создания малых инновационных предприятий при промышленных предприятиях МСК, с использованием льгот, прописанных в законодательных актах, например, в федеральном законе № 217 [4]. Основной целью таких предприятий должно являться обеспечение реального внедрения создаваемых за счет бюджетных средств результатов научно-технической деятельности.

Остро стоит вопрос финансирования инновационных проектов. На начало 2013 года в России действовало 22 региональных венчурных фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, созданных в 2006–2013 годах Минэкономразвития РФ совместно с администрациями регионов, общим объёмом 8,9 млрд. руб. Показательно, что из 22 регионов РФ, где созданы данные венчурные фонды, нет ни одного региона с экономикой, основой которой является промышленность МСК [5]. В этой связи можно рекомендовать использовать опыт западной системы венчурного кредитования в виде специального внебюджетного фонда и системы страхования рисков, связанных с инновационными проектами.

Для обеспечения модернизации промышленности МСК необходима существенная перестройка организационной структуры управления, что потребует вовлечение руководителей всех звеньев в инновационную деятельность. Однако до сих пор не сформирована эффективно работающая система переподготовки кадров для работы в среде инновационного развития. К решению подобной проблемы целесообразно привлечь вузовские коллективы. Также в перспективе для управленческих кадров наиболее эффективным представляется создание сети региональных центров (институтов повышения квалификации) на базе отраслевых вузов [6].

Для решения рассмотренных проблем необходимо формирование и совершенствование РИС с учетом опыта инновационно развитых стран, что позволит провести эффективную модернизацию промышленности минерально-сырьевого комплекса.

Библиографический список

1. *Березиков С.А., Цукерман В.А.* Технологическая структура экономики и ее влияние на конкурентоспособность северных регионов России минерально-сырьевой направленности // Горный журнал. – 2012. – № 9. – С. 63–66.

2. *Нижегородцев Р.М., Петухов Н.А.* Проблемы инновационной активности предприятий в современных условиях // Экономика устойчивого развития. – 2012. – № 10. – С. 143–151.

3. *Козлов А.А., Цукерман В.А.* К вопросам развития инновационной системы предприятий севера // Качество. Инновации. Образование. – 2012. – № 1. – С. 37–42.

4. Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

5. Сайт ОАО «РВК». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusventure.ru/ru/investments/regional_funds/

6. *Ганицкий В.И., Даянц Д.Г., Воробьев А.Г., Эйрих В.И.* О развитии инновационной деятельности и ее кадровом обеспечении в горнодобывающей промышленности // Горный журнал. – 2011. – № 12. – С. 27–30.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)"1941/1945"

Зотова Анастасия Валерьевна
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
anastasiyazotova@mail.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Опыт сельскохозяйственных предприятий блокадного Ленинграда в современных условиях представляет не только научный, но и практический интерес. Цель исследования – на основе материалов историографии и архивных документов изучить феномен сельскохозяйственного производства в блокадном Ленинграде.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, сельское хозяйство, финансы, кредит.*

Оказавшись с 8 сентября 1941 г. в кольце вражеской блокады, Ленинград с каждым днем испытывал все большие трудности с продовольствием. В первые месяцы войны жители Ленинграда и пригородов старались наспех обеспечить себя продовольствием. В Кронштадте было создано рыболовецкое хозяйство, вылавливавшее 80% всей рыбы, которую в тот момент удавалось добыть всем рыболовецким предприятиям, обеспечивавшим Ленинград и пригороды рыбой. В Кронштадте тогда же было организовано квасное производство, производство растительного молока и различных продуктов питания из сои. Жители и военнослужащие этого города-острова заготавливали сено, собирали и закладывали на хранение дикорастущие съедобные травы, ягоды и грибы [6, л. 7].

В целом осенью 1941 г. на оставшихся неоккупированными территориях в пригородах Ленинграда было собрано 83100 тонн овощей, включая картофель. Это составило лишь 15,4% «мирного» плана Ленинградской области на 1941 г. Из них 44000 тонн были направлены на обеспечение военнослужащих, а 39000 тонн – на обеспечение продовольствием горожан [6, л. 22].

С целью самообеспечения горожан продовольствием на территории Ленинграда и в самых ближайших пригородах стали создаваться подсобные хозяйства городских предприятий, совхозы, колхозы, выделялась территория для создания многочисленных индивидуальных огородов. Госбанку, Ленкомбанку, Сельхозбанку и их районным филиалам было поручено кредитование организаций, стремившихся развивать собственную сельскохозяйственную деятельность.

Весной, летом и осенью 1942 г. ленинградцы активно боролись за урожай, понимая, что во многом именно от их усилий зависит обеспечение города продовольствием до будущего лета. Многие горожане вступали в члены общественной организации огородников, что давало им различные права, в том числе и право на бесплатное получение семян, рассады и сельскохозяйственного инвентаря [3, с. 2].

Выращиванием овощей по мере сил занимались не только заводские и фабричные подсобные хозяйства, но и такие организации, как трест пригородного сельского хозяйства, «Ленглавресторан» и одно из его подразделений – свиноводческий трест, «Лензаготплодоовощторг», трест городской очистки, трест зеленого строительства, молочно-животноводческий трест, областной сельскохозяйственный трест. Благодаря их усилиям и усилиям отдельных горожан план выращивания овощей в Ленинграде в 1942 г., хотя и был выполнен лишь на 45,7%, позволил обеспечить снабжение войск 94300 тоннами овощей. Горожане получили 42100 тонн. В результате, в 1942 г. город обеспечил себя сельскохозяйственной продукции в три раза лучше, чем в 1941 г. [6, л. 23–25].

В 1942 г. весной, летом в ближайших пригородах был организован сбор дикорастущих съедобных растений, которым занимались наравне со взрослыми и школьники. Только силами «Ленглавресторана» за сезон того года было собрано 3350 центнеров трав, употреблявшихся в пищу в свежем и квашеном виде.

Суровые условия обеспечения продовольствием заставляли искать нестандартные пути решения проблемы. Один из них состоял в том, что «Ленглавресторан» организовал работу на побережье Белого моря по добыче пищевых водорослей и морской капусты. Тогда же были проведены подготовительные работы для добычи этого ценного сырья в количестве 10 тыс. центнеров в 1943 г. [6, л. 39]. После схода льда на Неве на Ладожском и пригородных озерах в 1942 г. предприятиями «Ленглавресторана», управления продторгами и другими торговыми организациями был налажен вылов рыбы, в результате чего горожане получили 260 тонн этого ценного продукта питания [6, л. 39].

Для выпуска дополнительного пищевого сырья потребовалось создание новых производственных предприятий. Так, для производства теста из целлюлозы были созданы Володарская, Выборгская, Свердловская и Кировская №2 фабрики-кухни, а также фабрика-кухня при Московском пищевом

© Зотова А.В., 2013

Таблица 1

№ п/п	Продукция	Ед. изм.	Количество
1	Соевая продукция (молоко, шрот, кефир, сырковая масса)	Тонн	20949
2	Козеин	"	844
3	Козеиновый сыр	"	26,3
4	Жмыхи, мучные отходы, овсяные отруби	"	577
5	Кишечный фарш	"	118
6	Желе фруктовое	"	1201
7	Тесто целлюлозное	"	20
8	Студень белковый	"	73
9	Чайный напиток	"	2
10	Глюкоза медицинская	"	14,2
11	-"- сироп	"	10,2
12	Переработка конины	"	63,7
13	Углекислота	"	178
14	Уксус	"	296,3
15	Агар-агар	"	15,7
16	Сиропы и клюквенный сок	"	605
17	Морская капуста	"	100
18	Безалкогольные напитки	г/л	270618
19	Хвойный напиток «С» тыс. чел. доз	"	203180
20	Белковые дрожжи	Тонн	178
21	Икра растительная	"	174
22	Яичный белок	"	12
23	Костный бульон	"	213

комбинате. Для производства глюкозы было переоборудовано ванильное производство и др. Московский пищевой комбинат в 1941–1942 гг. переработал и передал Красной армии различные виды питательных концентратов, галет, каш, желе и студня, там же было организовано изготовление чайного напитка. В «Ленглавресторане» создавали патоку из хлопка, дульцина и аскорбиновой кислоты [6, л. 36–37].

В тот период системой Главного Управления Ленинградских столовых, ресторанов и кафе было освоено, переработано и введено в употребление новое пищевое сырье (табл. 1) [6, л. 38].

Городские предприятия не имели свободных средств для развития подсобных хозяйств. По этой причине Ленкомбанк, Сельхозбанк и Госбанк развернули в условиях блокады широкую кампанию по разъяснению гражданам, и в первую очередь руководителям предприятий, сути получения целевых кредитов на развитие подсобных хозяйств. Сотрудники банков брали на себя обязанность сбора и оформления документов на выделение предприятиям и организациям сельскохозяйственного кредита. Это позволило дополнительно засеять площадь в 297 га. Общая сумма кредитов только Ленкомбанка на 1943 г. составила 2433 тыс. руб. [7, л. 37].

14 апреля 1944 г. Совнарком СССР принял постановление № 414, в котором обязал наркома совхозов РСФСР и наркома мясо-молочной промышленности РСФСР восстановить в Ленинградской области 38 совхозов. В экстренном порядке в них из других совхозов были завезены тракторы, прицепы, инвентарь, рабочий и продуктивный скот. Эти сельскохозяйственные предприятия планомерно в течение второго и третьего кварталов обеспечивались крупным рогатым скотом, овцами, свиньями и птицей. В совхозы были переданы 76 трофейных грузовых автомобилей [9, л. 6]. Государство заботилось об обеспечении возрождавшихся или создававшихся колхозов и совхозов на территории Ленинграда и пригородов, не занятых врагом, всем необходимым [9, л. 8].

Понимая, что в решении продовольственных задач главное – люди, сотрудники банков делали все для того, чтобы привлечь их к активному участию в сельскохозяйственной жизни, создать нормальные условия жизни. Все работники создававшихся совхозов бесплатно обеспечивались жилыми и хозяйственными постройками, приусадебными участками, если их общая стоимость не превышала 5 тыс. руб. [9, л. 8]. В том случае, если работники совхозов желали жить в более комфортабельных условиях, Сельхозбанк выделял им ссуды на индивидуальное жилищное строительство под 3% годовых сроком на 5 лет [8, л. 106]. Для обзаведения хозяйством рабочие новых совхозов имели возможность по льготной цене приобрести одну телку на семью [9, л. 8]. В случае если они желали более основательно укрепить свое хозяйство, им предоставлялся кредит на покупку домашнего скота под 3% годовых сроком на 2 года [8, л. 106].

Исполком Ленгорсовета по мере сил стимулировал деятельность ленинградцев, участвовавших в развитии городского сельского хозяйства. Два раза

в год, начиная с лета 1942 г., исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся принимал решение о награждении переходящим Красным Знаменем одного из городских коллективов, добившегося наилучших сельскохозяйственных результатов. Коллектив-победитель соцсоревнования удостаивался премии в размере 10 тыс. руб. За второе место полагалась премия в 5 тыс. и за третье – 3 тыс. руб. [2, с.1]. Вероятно, жизнь внесла свои коррективы, и вскоре труд работников подсобных хозяйств был оценен еще выше: в августе 1942 г. работники совхоза «Красный Выборжец» треста пригородного сельского хозяйства в качестве премии за первое место получили не 10 тыс. руб., а 15 тыс. руб. Совхоз «Красный Октябрь» за второе место получил 10 тыс. руб., а совхоз «Рабочий» – 5 тыс. руб. [1, с.1].

Опыт, накопленный ленинградцами за период блокадами в ведении сельскохозяйственной деятельности, во многом был уникальным. Его нельзя было не использовать в дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства. В октябре 1943 г., в условиях блокады, заведующим земельным отделом Ленгорисполкома Ларионовым и главным агрономом того же отдела Михайловым на имя руководителей города был представлен удивительный план – план развития сельского хозяйства пригородной зоны Ленинграда с 1944 по 1948 гг. В нем, в частности, отмечалось: «Для удовлетворения потребностей Ленинграда в продуктах питания, в соответствии с постановлением XVIII съезда ВКП(б) “Создать вокруг Москвы, Ленинграда <…> картофельно-овощные и животноводческие базы, обеспечивающие полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и в значительной степени, молоком и мясом”, необходимо полностью использовать имеющиеся возможности и создать в пригородной зоне цветущее сельское хозяйство <…> До войны в вышеназванных сельских районах (без Карельского перешейка) было 47 совхозов и 430 колхозов, которые давали Ленинграду незначительное количество товаров сельскохозяйственной продукции» [5, л. 1].

Документ поражает своей глубиной. В нем анализируются земельные ресурсы, делается расчет потребности ленинградцев в овощах, анализируется специализация сельскохозяйственных предприятий. В нем доказывается, что продукция, выращенная возле города, будет не только более дешевой, но и более качественной. Обосновывалась также экономическая выгода государства от развития такой сельскохозяйственной стратегии [5, л. 1–21]. По подсчетам авторов проекта его реализация могла бы давать ленинградскому бюджету ежегодную экономию в размере 20 млн. руб. [5, л. 19].

Победный 1945 г. стал годом закрепления успехов ленинградцев в сфере сельского хозяйства. Косвенным подтверждением тому можно считать фрагмент из социалистического обязательства работников торговли и общественного питания Ленинграда: «В целях увеличения продовольственных ресурсов города для дополнительного снабжения детских и закрытых учреждений и улучшение питания в столовых довести в 1945 г. в подсобных хозяйствах и совхозах организаций системы Наркомторга СССР и РСФСР: посевную площадь под картофелем и овощами до 2100 га против 1588 га в 1944 г. и валовый сбор урожая картофеля и овощей до 20 тыс. т против – 12285 т в 1944г.; поголовье скота к 1 января 1946 г. до 13,5 тыс. голов, в том числе крупного рогатого скота 3,3 тыс. голов и свиней 9,4 тыс. голов, против общего поголовья на 1 января 1945 г. 7 тыс. голов. Обеспечить товарный выход мяса 600 т и молока 1300 тыс. литров. Довести в 1945 г. улов рыбы в подсобных рыболовецких хозяйствах Ленинградских предприятий Наркомторга СССР и РСФСР до 7830 центнеров против 4432 центнеров в 1944 г. …» [4, с. 6].

В сознании многих историков утвердился стереотип: роль местной сельхозпродукции в питании ленинградцев во время блокады была незначительной. Факты показывают, что это глубокое заблуждение. Феномен сельскохозяйственного успеха ленинградцев очень прост: добросовестный труд, творческий подход к делу, рачительная деятельность государства. Все это позволило, несмотря на войну и блокаду, сделать сельское хозяйство отраслью, сыгравшей важную роль в выживании ленинградцев.

Библиографический список

1. О присуждении переходящего Красного Знамени лучшему совхозу за проведение весеннего сева (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 6 июля 1942 г. № 70, п. 71) // Бюллетень ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – 1942. –№ 15. – 16 авг. – С. 1.

2. Об установлении переходящего Красного Знамени Исполкома Ленгорсовета лучшему подсобному сельскому хозяйству города Ленинграда (Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 9 июля 1942 г. № 71, п. 4) // Бюллетень ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – 1942. – № 14. – 31 июля. – С. 1.

3. Пред. завкома. К сведению огородников // Искра. – 1943. – №5. – 31 марта. – С. 2.

4. Социалистическое обязательство работников торговли и общественного питания города Ленинграда на 1945 год // Бюллетень отдела торговли Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся. – 1945. – № 1–2. – 15 марта. – С. 6.

5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАИПД СПб.). – Ф. 4000. Оп. 20. Д. 74 Р.

6. ЦГАИПД СПб. – Ф. 4000. Оп. 20. Д. 77 Р.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.). – Ф. Р-1126. Оп. 12. Д. 18.
8. ЦГА СПб. – Ф. 7279. Оп. 2. Д. 28.
9. ЦГА СПб. – Ф. 7279. Оп. 2. Д. 30.

УДК 93/94

Пономарев Николай Андреевич
Ивановский государственный университет
sharukin87@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОТБОРА В ЛЕТНЫХ АЭРОКЛУБАХ ОСОАВИАХИМА В 1939 – ИЮНЕ 1941 ГОДОВ (на материалах Ярославской области)

В статье рассматриваются принципы и порядок медицинского отбора курсантов в аэроклубы Осоавиахима в предвоенный период, выступавших на данном хронологическом отрезке в роли основной базы комплектования летных школ ВВС Красной Армии. Целью исследования является оценка того, как качество работы медицинских комиссий в аэроклубах отражалось на состоянии советской военной авиации.

Ключевые слова: *Осоавиахим, аэроклуб, медицинская комиссия, курсант, ВВС.*

В предвоенный период, в связи с ростом угрозы вовлечения Советского Союза в крупномасштабные вооруженные конфликты на Востоке и Западе, прошло значительное увеличение численности летных школ ВВС. Если к 1937 г. на территории СССР насчитывалось 12 учебных заведений подобного типа, к 1 сентября 1940 г. – 28, к 1 мая 1941 г. – 88 [7, с. 44, 45]. Столь масштабный рост числа летных школ закономерно потребовал значительного увеличения базы их комплектования, в роли которой с 1938 г. по ноябрь 1940 г. выступали аэроклубы Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахима) [1, д. 165, л. 105; 4, с. 63, 64]. В соответствии с постановлением СНК № 2264-976сс от 5 ноября 1940 г. часть этого бремени была переложена на школы Гражданского Воздушного Флота и спецшколы ВВС (помимо того, летные школы начали комплектоваться призывниками, имеющими среднее образование), однако Осоавиахим продолжал оставаться основным поставщиком кандидатов на поступление для училищ ВВС [6, с. 342; 11, с. 61; 14, с. 233]. Таким образом, отдельные выводы касательно состояния выпускников аэроклубов могут быть экстраполированы и на курсантов летных школ, будущих военных летчиков. В том числе это касается состояния их физического здоровья – одного из важнейших показателей для военного авиатора. Соответственно, тема организации медицинского отбора в аэроклубы Осоавиахима в предвоенный период обладает, несомненно, высокой степенью научной актуальности.

Система набора курсантов аэроклубов Осоавиахима СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. предусматривала прохождение абитуриентом двух приемных комиссий – мандатной и медицинской. Первая была призвана гарантировать соответствие кандидата на поступление образовательному и возрастному цензу, политическим и моральным критериям, вторая – медицинским требованиям к будущему пилоту. При этом необходимо подчеркнуть, что медкомиссия представляла собой второй, завершающий этап отбора. Последнее было связано с тем, что, в соответствии со сложившейся практикой, при наборе абитуриентов руководство аэроклуба могло с санкции Управления военно-учебных заведений Красной Армии или же регионального отдела авиации оборонного общества нарушить, к примеру, образовательный ценз или пойти на зачисление кандидата, в социальном происхождении которого имелись сомнения, но никогда не получало разрешение на отход от медицинских критериев набора – слишком важен был данный показатель [10, д. 231, л. 29–31; там же, д. 233, л. 26а].

Столь строгое отношение высшего руководства к соблюдению требований к здоровью поступающих объяснялось просто. Во время полета на организм летчика воздействовало множество факторов: высота, скорость, резкая смена температурных режимов, переход от нормального барометрального давления к пониженному и др. Это обуславливало необходимость наличия у будущего летчика показателей здоровья, существенно превышающих среднестатистические [11, с. 13].

Для заключения о пригодности кандидата к летной работе требовались результаты осмотра абитуриента терапевтом, невропатологом, окулистом, ларингологом, хирургом, для женщин – гинекологом. В случае, если медкомиссия выносила решение о необходимости дополнительного обследования, поступающий направлялся на сдачу анализов крови и мочи, а также должен был пройти рентген легких и сердца. Интересно отметить, что невропатолог был обязан расспросить абитуриента о здоровье близких родственников (наличии нервно- и душевнобольных) [там же].

Особо следует оговорить то, что от будущего пилота требовалось обязательное соответствие оп-

© Пономарев Н.А., 2013

ределенным физическим параметрам. Его рост не должен был быть ниже планки в 156 см, а длина ног – не короче 73 см. Также абитуриент не должен был иметь пороков сердечно-сосудистой и нервной систем и легочного аппарата. От поступающего требовалась хорошая подвижность глаза (острота зрения не ниже 0,8 для каждого глаза). Лиц, обязанных носить корригирующие (исправляющие) зрение очки, к летной работе не допускали, равно как и дальтоников. Также от будущего пилота требовался хороший глубинный глазомер. Кандидат должен был обладать хорошим слухом (от него требовалось уметь воспроизвести шепот на расстоянии не менее 4 метров), развитой мускулатурой и хорошим вестибулярным аппаратом [11, с. 13].

Формирование медицинской комиссии, призванной гарантировать соответствие новых курсантов перечисленным требованиям, проходило следующим образом. На основании полученной из Управления Авиации ЦС Осоавиахима СССР директивы начальники аэроклубов и региональных отделов авиации устанавливали связь с соответствующим райвоенкоматом и договаривались о закреплении состава медкомиссии, организованной гор/райздравом на основании директивы Наркомздрава и ЦС Осоавиахима [2, д. 41, л. 7].

В состав медкомиссии входили следующие специалисты: терапевт, хирург, окулист, отоларинголог, невропатолог. Помимо того, при работе комиссии должна была быть обеспечена возможность консультироваться с прочими специалистами – психиатром, рентгенологом и т. д. [там же, л. 192].

Кроме того, с весны 1940 г. руководители аэроклубов были обязаны снабжать членов медкомиссии экземплярами приказа НКО № 183 от 1940 г. и приказа НКО № 193 от 1938 г. (с включенным в него расписанием болезней, несовместимых с летно-подъемной работой), руководствами для врачебно-летных комиссий, медицинскими карточками на кандидатов, инструкциями о порядке организации и прохождения медкомиссии и другими директивными материалами по медотбору. В случае замены военкоматом кого-либо из членов медкомиссии представителям аэроклубов предписывалось добиваться инструктажа лица, заменившего выбывшего, со стороны военно-окружной врачебно-летной комиссии [1, д. 139, л. 72; 2, д. 41, л. 7]. Работу медкомиссии требовалось проводить в строгом соответствии с приказом НКО № 183, жестко указывалось на недопустимость медосвидетельствований из расчета по количеству освидетельствованных лиц. Последнее было связано с тем, что при подобном порядке оплаты работы комиссии ее члены были материально заинтересованы в быстром проведении освидетельствования, что способствовало формализму и снижало точность оценок пригодности кандидатов [3, д. 38, л. 7].

Таким образом, теоретически в СССР к концу 1930-х – началу 1940-х гг. была создана эффективно работающая система по отбору пригодных с медицинской точки зрения абитуриентов в аэроклубы Осоавиахима. Однако на практике все обстояло несколько иначе.

В ходе проведенной на основании приказа НКО № 037 от 1940 г. с 20 марта по 1 мая того же года проверки переменного состава 165 аэроклубов (из 182 существовавших на тот момент. – *Н.П.*) было установлено, что медицинский отбор в ряде летных учебных заведений оборонного общества был организован неудовлетворительно. Комиссии комплектовались врачами местных амбулаторий, их работа не была обеспечена наличием надлежащих инструментов и нормативных документов. Как итог, в ходе набора курсантов отсеивались пригодные к обучению кандидаты и, напротив, принимались люди, явно негодные к летно-подъемной службе [10, д. 233, л. 29–31].

О нарушениях или халатности в работе приемных комиссий свидетельствуют документы, фиксирующие количество отчисленных курсантов летных школ ВВС, комплектовавшихся, как уже было указано выше, почти исключительно за счет выпускников аэроклубов. Так, в апреле 1940 г. из Балашовского училища, комплектовавшегося за счет выпускников ярославских аэроклубов (собственно Ярославского, Костромского и Рыбинского), было отчислено 152 курсанта, из них 48 – по медицинскому несоответствию [10, д. 233, л. 126].

Столь масштабные отчисления привели к тому, что проверки были организованы представителями училища уже в самих аэроклубах. Однако количество выявленных нарушений приема по медицинским критериям оказалось достаточно невелико. Так, в ходе проведенной в апреле же 1940 г. обследования Ярославского аэроклуба не было установлено ни одного подобного эпизода, в Рыбинском – лишь 3, в Костромском –лишь один [там же, д. 231, л. 127, 136, 137].

Однако затем в работе аэроклубов Ярославской области были обнаружены многочисленные нарушения при организации самого процесса медицинского отбора абитуриентов. В частности, в материалах обследования прикрепленных к Балашовской летной школе аэроклубов от 9 мая 1940 г. зафиксировали, что освидетельствование кандидатов медкомиссиями проводилось без учета приказа НКО № 193 от 1938 г., что повлекло за собой необходимость вторичной проверки поступивших [там же, л. 141]. Повторная проверка от 12 июля 1940 г. показала, что отбор учлетов по медицинским показателям в соответствии с расписанием болезней приказа НКО № 193 от 1938 г. большинством аэроклубов не производится [там же, д. 229, л. 225].

Перечисленные проблемы были связаны преимущественно с двумя факторами. Во-первых,

с постоянным ростом размеров нормативов контрольного задания (только в 1939 г. они увеличились на более чем 40%), а во-вторых – со значительным повышением критериев набора учлетов в 1940 г. В подобных условиях аэроклубы были обречены на постоянный недобор курсантов, и иной возможности восполнить недокомплект, кроме как путем частичного отхода от официальных требований к поступающим, у них не было [1, д. 139, л. 72, 73; там же, д. 165, л. 53; 2, д. 41, л. 7, 27, 29, 59, 192; 3, д. 31, л. 30; там же, д. 38, л. 4, 7; 6, с. 342; 10, д. 229, л. 165, 166, 170; там же, д. 230, л. 20, 21; там же, д. 233, л. 3].

В материалах проверок указывалось также, что медкомиссии для отбора кандидатов зачастую составляют из «случайных врачей», не имеющих опыта работы во врачебно-летных комиссиях. В документах также прописывалось, что комиссии составляются не по типу врачебно-летных комиссий, «а скорее представляют собой неполноценные медкомиссии, состоящие из 3–4 врачей». Помимо того, в материалах проверки было зафиксировано отсутствие в распоряжении ряда комиссий специального медицинского оборудования (манометра Воячека, кресел Барани, шкалы Меддокса и др.) [10, д. 229, л. 225, 226].

Данные проблемы являлись следствием хронической нехватки финансов в структурах Осоавиахима. Подобное положение прекрасно понятно на фоне общего состояния материальной базы аэроклубов. Стоит вспомнить лишь о том, что структура, ответственная за поставку элементов материальной базы в аэроклубы, – Авиаснабосоавиахим – находилась на тот момент в крайне тяжелом финансовом положении – ее счета на протяжении долгого времени были арестованы из-за долгов заводам-поставщикам [8, с. 13]. Показателен и другой факт – в 1938 г. Центральный Совет Осоавиахима выделил аэроклубам средства на строительство ангаров и бензохранилищ, однако в 1939 г. эти средства были отобраны у летных учебных заведений [13, с. 24]. Более того, средств не хватало даже на своевременное обновление самолетного парка. В материалах комиссии ВВС, осуществлявшей инспектирование аэроклубов Ярославской области в мае 1940 г., особо подчеркивалось, что самолетный парк аэроклубов по количеству выработки самолето-моторных ресурсов отличается крайней изношенностью. По нормативам следовало бы прекратить использование техники после того, как она исчерпала 70–80% ресурса, однако на практике обучение производилось на самолетах с 400% его выработки [10, д. 231, л. 141].

Вполне естественно, что в подобных условиях аэроклубы зачастую не могли позволить себе выделить на организацию полноценной медкомиссии необходимые для того средства.

Также необходимо подчеркнуть, что значительные проблемы с организацией медотбора абитуриентов были характерны не только для региональных, но и для столичных аэроклубов. В частности, на конференции представителей московских аэроклубов в январе 1939 г. отмечались следующие факты.

В некоторых аэроклубах в начале 1939 г. курсанты не смогли приступить к занятиям по причине того, что медкомиссии так и не были организованы. В результате абитуриенты были вынуждены самостоятельно искать соответствующие амбулатории и просить врачей провести их освидетельствование. Впоследствии в отдельных случаях поступающие приносили в аэроклуб противоречащие друг другу справки о состоянии здоровья [9, с. 5].

Гарнизонные комиссии по причине загруженности отказывались производить медосмотр, в результате чего зачастую аэроклубы были вынуждены проводить осмотр и оценку абитуриентов силами врачей районных поликлиник [5, с. 5].

Таким образом, мы приходим к выводу, что в предвоенный период была разработана высококлассная методическая система организации медотбора, однако ее использование на практике существенно ограничивало отсутствие соответствующего финансирования и нехватка кадров, обладающих соответствующей квалификацией. Помимо того, руководство аэроклубов зачастую вынуждено было идти на нарушения правил приема в результате необдуманного решения руководства НКО одновременно увеличить и нормативы контрольного задания по набору курсантов, и требования к поступающим (что порождало некомплект переменного летного состава). При этом необходимо подчеркнуть, что курсанты, не соответствующие официальным критериям пригодности к летно-подъемной работе, периодически отсеивались в результате проверок, проводимых в аэроклубах и училищах. Также следует учесть то обстоятельство, что выпускник аэроклуба мог поступить в летную школу, лишь пройдя через организованную ее руководством медкомиссию, что создавало дополнительные барьеры для зачисления в училище абитуриентов, непригодных для этого по состоянию здоровья. Все это гарантировало, что большинство лиц, поступивших в аэроклубы с нарушением правил медотбора, не будет зачислено впоследствии в летные школы, компенсируя тем самым недостатки системы приемных комиссий в летных учебных заведениях Осоавиахима.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. Р–2055. Оп. 2.

2. ГАИО. Ф. Р–2055. Оп. 3.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–8355. Оп. 5.

4. Дважды Орденоносное оборонное. Книга о ДОСААФ СССР, о возникновении и развитии об-

щества, его военно-патриотической деятельности, вкладе в укрепление оборонного могущества страны. – М.: ДОСААФ, 1983. – 544 с.

5. *Звезденков А.* Мытарства с медицинским осмотром // Самолет. – 1939. –№ 1. – С. 5.

6. Из постановления СНК СССР «О комплектовании школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии» // 1941 год: в 2 кн. – Кн. 1. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – С. 342.

7. *Кублова С.А.* Задачи и повседневная работа Курского аэроклуба в 1936–1937 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 5. – С. 39–45.

8. *Новиков В.* Кто срывает ремонт самолетов // Самолет. – 1939. – № 1. – С. 13.

9. Плоды самотека // Самолет. – 1939. – № 1. – С. 5.

10. Российский государственный военный архив. Ф. 29. Оп. 31.

11. *Сампер Я.Ф.* Здоровье учлета // Самолет. – 1939. – № 10. – С. 13.

12. *Толмачев Е.П.* «Организовать... авиационные спецшколы... по типу артиллерийских» // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 1. – С. 61–63.

13. *Чугунов П.С.* Как хранить и обслуживать самолет // Самолет. – 1939. – № 7. – С. 24.

14. *Шумихин В.С.* Советская военная авиация. 1917–1941 гг. – М.: Наука, 1986. – 286 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.3

Базанкова Дарья Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
dasa-sun@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В МИРОВОЙ ДИНАМИКЕ ИННОВАЦИЙ

В статье рассмотрены положительные и отрицательные тенденции российской экономики в мировой динамике инноваций. По абсолютным масштабам своего исследовательского сектора Россия занимает одно из ведущих мест в мире, увеличено финансирование науки. Вместе с тем Россия все хуже представлена в мировой науке, сохраняется достаточно низкий уровень цитирования работ российских ученых.

Ключевые слова: *динамика инноваций, экономический кризис, положительные и отрицательные тенденции, научная сфера экономики.*

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. замедлил экономический рост и динамику инноваций стран БРИКС. В 2011 году страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика) вместе составили около четверти мировой экономики [1]. Как отмечает Goldman Sachs, темпы экономического роста БРИКС оставляют желать лучшего. В последнем квартале 2011 г. они были самыми низкими за два последних года. Согласно данным МВФ, средний прирост ВВП по странам БРИКС в 2012 г. должен был составить 6,1%, тогда как в 2007 г. он был 9,1%. В то же время мировая экономика вырастет на 4%, сдерживаемая слабым ростом в еврозоне – на 1,1%. Впрочем, CEBR обещает России выход на четвертое место в числе самых крупных экономик мира к 2020 г., – на пятое. Бразилия, по данным CEBR, уже стала шестой экономикой мира, обойдя Великобританию, и этой позиции не уступит [2].

Для того чтобы определить тенденции экономической динамики инноваций развивающихся стран в сравнении с наиболее крупными развитыми экономиками, рассмотрим статистические данные. О состоянии динамики инноваций в странах БРИКС сегодня можно судить по индикаторам инновационной деятельности, которые публикует Росстат. Сравним динамику инновационных процессов России и ее компаньонов по группе БРИКС и развитых стран. Для этого начнем с характеристики численности персонала, занятого ИиР в странах БРИКС (см.: табл.1) [3, с. 316].

На основании данных, приведенных в таблице 1, можно сделать вывод, что в России численность персонала, занятого ИиР, с 2000 г. по 2008 г. постоянно снижалась, в то время как в других станах БРИКС эта численность росла. С 2000 г. по 2008 г. численность персонала, занятого ИиР, в России снизилась на 13,6% и составила в 2008 г. 869,8 тыс. чел., что меньше численности персонала в Китае более чем в 2 раза. В Китае, наоборот, с 2000 г. по 2008 г. эта численность увеличилась более чем в 2 раза и составила в 2008 г. почти 2 млн. чел.

По абсолютным масштабам своего исследовательского сектора Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Китаю, США и Японии. Однако по числу исследователей на 1 тыс. занятых в экономике Россия уступает более чем двадцати государствам, в том числе Финляндии, Франции, Германии, США, Японии и др.

Рассмотрим динамику изменения суммы внутренних затрат на ИиР в странах БРИКС (см.: табл. 2) [3, с. 317].

На основании данных, приведенных в таблице 2, можно сделать вывод, что динамика изменения внутренних затрат на ИиР в России и в других странах БРИКС с 2000 г. по 2008 г. положительная. В России в этот период расходы на исследования и разработки увеличились более чем в 2 раза, а в Китае – более чем в 4 раза и составили 121426,5 млн. долл., что в 4 раза больше, чем в России. В Китае этот показатель превысил уровень развитой экономики Германии, приближается к показателю Японии.

На протяжении 2000-х гг. внутренние затраты на ИиР в РФ в абсолютных цифрах неуклонно возрастали и увеличились с 48 млрд. рублей в 1999 г. до 485,8 млрд. рублей в 2009 г. В итоге Россия входит в первую десятку ведущих стран мира по общему объему таких затрат, хотя и существенно отстает от лидеров по такому показателю, как доля затрат на исследования и разработки в ВВП (1,24% по сравнению с 2,77% в США, 2,64% в Германии и 4,86% в Израиле). Рассмотрим данные таблицы 3 [3, с. 318].

На основании данных, приведенных в таблице 3, можно сделать вывод, что внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС колеблются на уровне 1% от ВВП, но в Китае этот показатель увеличился на 0,4% от ВВП и составил в 2008 г. 1,5% от ВВП. В развитых странах этот показатель составляет 2–4% от ВВП.

Другой проблемой является то, что ни частный, ни государственный секторы не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Уровень инновационной активности предприя-

© Базанкова Д.Н., 2013

Таблица 1

Численность персонала, занятого ИиР в странах БРИКС, тыс. чел.

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1007,3	986,9	973,4	951,6	919,7	916,5	912,3	869,8
Китай	922,1	1035,2	1094,8	1152,6	1364,8	1502,5	1736,2	1965,4
ЮАР	-	-	25,2	29,7	28,8	31,0	31,4	-
Бразилия	119,0	124,7	141,9	163,9	196,3	213,0	-	-

Таблица 2

Внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС (млн. долл. США)

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	10726,9	14563,6	16317,2	16487,8	18115,0	20210,3	23501,0	23402,5
Китай	26862,2	39200,8	46654,4	57332,8	71063,4	86747,7	102428,4	121426,5
ЮАР	-	-	2727,4	3166,4	3654,3	4103,5	4358,5	-
Бразилия	11507,7	12052,7	12155,3	12397,4	15338,7	17336,5	-	-
США	268121,0	277066,0	289736,0	300293,0	323047,0	347809,0	373185,0	398194,0
Япония	98896,0	108166,2	112275,4	117453,0	128694,6	138917,7	147939,2	149212,9
Германия	52348,3	56657,0	59409,2	61318,9	64298,8	68515,1	72241,9	76796,9

Таблица 3

Внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС (в % к ВВП)

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1,05	1,25	1,28	1,15	1,07	1,07	1,12	1,04
Китай	0,90	1,07	1,13	1,23	1,34	1,42	1,44	1,54
ЮАР	-	-	0,79	0,85	0,90	0,94	0,92	-
Бразилия	0,94	0,91	0,88	0,83	0,97	1,02	-	-
США	2,71	2,62	2,61	2,54	2,57	2,61	2,66	2,77
Япония	3,04	3,17	3,20	3,17	3,32	3,41	3,44	3,42
Германия	2,45	2,49	2,52	2,49	2,49	2,53	2,53	2,64

Таблица 4

Финансирование науки из средств федерального бюджета

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Расходы федерального бюджета на науку:						
млн. руб.	17396,4	76909,3	97363,2	132703,4	162115,9	219057,6
в том числе:						
фундаментальные исследования	8219,3	32025,1	42773,4	54769,4	69735,8	83198,1
прикладные научные исследования	9177,1	44884,2	54589,8	77934,0	92380,1	135859,5
в процентах						
к расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,27	2,22	2,14	2,27
к ВВП	0,24	0,36	0,36	0,40	0,39	0,56

Таблица 5

Распределение внутренних затрат на ИиР в странах БРИКС по секторам науки в 2008 г., %

Страны	Всего	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Сектор высшего образования	Сектор некоммерческих организаций
Россия	100	30,1	62,9	6,7	0,3
Китай	100	18,3	73,3	8,5	-
ЮАР	100	21,7	57,7	19,4	1,2
Бразилия	100	21,3	40,2	38,4	0,1
США	100	10,6	72,6	12,8	3,9
Япония	100	8,3	78,5	11,6	1,6
Германия	100	13,8	69,9	16,2	-

тий значительно уступает показателям стран-лидеров в этой сфере. Расходы на НИОКР в 2008 г. в России оцениваются в 1,04% ВВП, против 1,43% ВВП в Китае и 2,3% в странах ОЭСР, 2,77% ВВП в США, 3,44% ВВП в Японии (см.: табл. 4) [4, с. 406].

Несмотря на выдающиеся успехи отдельных российских ученых, Россия все хуже представлена в мировой науке. Так, в 2008 г. на Россию приходилось всего 2,5% научных статей (публикуемых в научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science), тогда как на Францию – 5,5%, Германию – 7,5%, Китай – 9,7%. По своему удельному весу в общем объеме научных публикаций Россия находилась между Бразилией (2,6%) и Нидерландами (2,5%).

Сохраняется достаточно низкий уровень цитирования работ российских ученых, что говорит о недостаточной их востребованности мировым научным сообществом. За период 2004–2008 г. в среднем на одну статью, опубликованную российскими авторами, приходилось лишь 2,4 ссылки со стороны ученых всего мира. Сравним: для Китая этот показатель равен 2,9, для Японии – 4,6, Франции – 5,5, Германии – 6,1.

На основании данных, приведенных в таблице 5 [3, с.319], можно сделать вывод, что в России затраты на ИиР покрываются государственным сектором (30%), в то время как в остальных странах государственный сектор тратит в среднем от 10 до 20% внутренних затрат. Остальная доля затрат приходится на предпринимательский сектор и сектор высшего образования.

На основании данных, приведенных в таблице 6 [3, с.320–321], можно сделать вывод, что результативность ИиР в странах БРИКС (как и в странах с развитой экономикой) постоянно растет, Россия находится на втором месте после Китая среди стран БРИКС по количеству выданных патентов.

Все же, по мнению В.В. Путина, позитивная динамика отмечается по всем ключевым показателям развития России. Россия быстрее других стран восстановилась после последствий мирового кризиса и демонстрирует самые высокие темпы роста экономики среди государств «восьмерки»: «Спад у нас был значительным, но и восстановились мы гораздо быстрее, чем многие другие страны. Сегодня у нас самые высокие темпы роста экономики среди государств “восьмерки”, и одни из самых высоких среди крупнейших экономик мира». ВВП увеличился на 4,3%, уровень инвестиций в основной капитал в минувшем году «достиг рекордной величины» в 10,8 трлн. рублей. Прибыль российских предприятий в 2011 г. возросла почти на 16%, а налоговые поступления в консолидированный бюджет страны – на 27%.

Таблица 6

Выдано патентов в патентных ведомствах

Страны	2000 г.	2008 г.
Россия	17592	28808
Индия	1263	7539
Китай	13058	93706
Бразилия	3219	2451
США	157496	157772
Япония	125880	176950
Германия	14707	17308

Инфляция за прошедшие четыре года снизилась с 13,3% до 6,1%. Такого низкого уровня инфляции в новейшей истории России не было никогда. У США госдолг превысил 100%, в Еврозоне – почти 90%, в России же – ниже 10% от ВВП. Это один из самых лучших показателей в мире – лучший среди стран «восьмерки», «двадцатки» и БРИКС [5].

За последние годы увеличено финансирование науки за счет государства, в том числе через механизм федеральных целевых программ, через государственные фонды финансирования науки. Значительные усилия предприняты в стимулировании исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005–2008 гг. на эти цели было выделено 30 млрд. рублей), почти трем десяткам университетов на конкурсной основе был присвоен статус национальных исследовательских университетов, получателям которого выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры, развитие исследовательской деятельности (в 2009–2010 гг. на программы развития было выделено 8,42 млрд. руб.).

Начата работа по формированию национальных исследовательских центров (например, на базе Курчатовского института). Сформирована инфраструктура поддержки инновационной деятельности – технико-внедренческие особые экономические зоны, предусматривающие значительные льготы инновационным компаниям, технопарки, бизнес-инкубаторы при вузах, центры трансфера технологий. Начата на конкурсной основе поддержка создания и развития инновационных кластеров. Положено начало созданию новой российской «территории инноваций» в подмосковном центре Сколково, где создается беспрецедентный правовой режим, минимизирующий административные барьеры и налоговое бремя для компаний-резидентов. Принят закон, разрешающий бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия, за первый год его применения уже создано около 600 малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. серьезно усложнил для России выход на траекторию инновационного развития. Государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большин-

стве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно. Не в полной мере удалось решить проблему старения научных кадров, хотя для улучшения ситуации государство предприняло значительные усилия.

Вместе с тем одним из важнейших с точки зрения инновационного развития сохраняющихся у России конкурентных преимуществ является человеческий капитал. По доле населения с высшим и дополнительным профессиональным образованием (22,8 % численности населения в возрасте от 25 до 64 лет) Россия находится на уровне таких ведущих зарубежных стран, как Великобритания, Швеция и Япония, а также опережает Германию, Италию и Францию. Особенно важен с точки зрения создания эффективной инновационной системы сохраняющийся высокий уровень высшего образования по естественнонаучным и инженерно-техническим специальностям.

В то же время ситуация в указанной сфере характеризуется рядом негативных тенденций, которые в перспективе могут фактически девальвировать это конкурентное преимущество.

Сохраняются проблемы по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях – от общего, начального и среднего профессионального образования до высшего и послевузовского профессионального образования. Согласно международным рейтингам, российские вузы практически не попадают в первую сотню мировых лидеров.

Эти негативные тенденции обусловлены в том числе и недофинансированием сферы образования в конце XX – начале XXI века. В последние годы наметилось некоторое улучшение ситуации, но по относительным показателям государственного финансирования этой сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-лидерам, а также значительному числу стран, идущих по пути догоняющего развития. По данным Федерального казначейства и Организации экономического сотрудничества и развития, в 2009 году Россия расходовала на образование 4,6% валового внутреннего продукта, тогда как Швеция – 6,1%, Финляндия и Франция – 5,5%, Бразилия и Великобритания – 5,2% и Соединенные Штаты Америки – 5% [6]. Недостаток финансирования существенно усугубляется структурными проблемами, включая устаревшие модели управления учебным процессом, нехватку в системе образования современных кадров, в том числе управленческих. При этом оценка качества образования, которую дают российские работодатели, в целом невысокая.

Кроме качества образования, значительную роль для будущего инновационного развития играют и формируемые у человека жизненные установки и модели поведения. Ключевые для инновационного предпринимательства личностные качества – мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска – в целом недостаточно развиты по сравнению со странами с высокой инновационной активностью. В России, по данным Федеральной службы государственной статистики, участие населения (в возрастной группе 25–64 года) в непрерывном образовании в 2008 году составило 24,8 % (в Великобритании – 37,6 %, Германии – 41,9 % и Финляндии – 77,3 %).

Библиографический список

1. БРИКС договорились давать друг другу кредиты в национальной валюте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2012/03/29/brics/ (дата обращения: 10.06.2012).

2. *Мереминская Е.* БРИК, который лопнул. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/financial/2011/12/28/3949573.shtml (дата обращения: 10.06.2012).

3. Россия и страны мира. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010.

4. Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011.

5. *Путин. В.* По всем ключевым показателям развития в России наблюдается позитивная динамика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.cri.cn/841/2012/04/11/1s422749.htm (дата обращения: 10.06.2012).

6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения: 10.06.2012).

УДК 332.1

Беляева Юлия Владимировна
кандидат экономических наук
belyaewa.yu@yandex.ru
Тимонин Александр Юрьевич
кандидат экономических наук
timonin.au@yandex.ru
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДИК АНАЛИЗА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье представлен сравнительный анализ зарубежных и отечественных методик оценки инновационного развития региона. Методики сгруппированы в соответствии с обобщающими признаками, даны рекомендации по их использованию на практике.

Ключевые слова: *анализ инновационного развития, оценка инновационного потенциала региона.*

Глубокий и всесторонний анализ инновационного развития региона обеспечивает обоснованность и научную состоятельность вырабатываемых и осуществляемых действий по построению региональной инновационной системы. В современной экономической науке накоплено множество методологических подходов к анализу, оценке и сравнительной оценке инновационного развития национальных экономик, регионов, хозяйствующих субъектов.

В данной статье инновационный потенциал рассматривается как комплексная характеристика инновационного развития региона, анализ которой подчинен задачам мониторинга состояния региональной инновационной системы и возможности сопоставления и сравнения различных региональных инновационных систем.

В настоящее время международные организации используют широкий набор разнообразных показателей и методик по анализу инновационного потенциала [6]. Большинство из этих методик объединяет две общие черты. Первая – это выделение в структуре инновационного потенциала основных составляющих (научной, технологической, кадровой, маркетинговой, инвестиционной, институциональной и др.) и последующий анализ показателей инновационного развития в рамках данных составляющих. Вторая – достаточно широкое привлечение экспертов для получения определенных (как правило, качественных) характеристик отдельных показателей.

Остановимся подробнее на одной из наиболее распространенных методик анализа инновационного развития – методике, используемой Всемирным банком и называемой методологией «оценки знания» (Knowledge Assessment Methodology – KAM) [5]. Данная методология предполагает использование более 80 количественных и качественных показателей развития страны по четырем основным параметрам «экономики знаний»: экономическая система и институциональные особенности, образование и человеческий капитал, уровень развития информационно-коммуникационных технологий, текущий уровень инновационной активности.

Блок «экономическая система и институциональные особенности» включает в себя такие показатели, как качество правительственного регулирования, верховенство закона. Блок «образование и человеческий капитал» включает показатели, учитывающие уровень грамотности взрослого населения и дающие возможность очень широкого диапазона измерения уровня образованности населения. Блок «текущий уровень инновационной активности» включает такие показатели, как прямые иностранные инвестиции, оплата вознаграждений и лицензий, работники, занятые в научных исследованиях, общие затраты на науку и исследования, доступ к средствам рискового капитала и др. Блок «уровень развития информационно-коммуникационных технологий» оперирует такими показателями, как количество телефонов и компьютеров на 1 тыс. населения, число пользователей Internet на 10 тыс. человек.

KAM используется для подсчета двух индексов – индекса знаний (Knowledge Index – KI) и индекса экономики знаний (Knowledge Economy Index – KEI). KI используется для оценки способности страны создавать, внедрять и распространять знание. KEI учитывает, насколько эффективно полученные знания используются для экономического развития, и подсчитывается на основе уже всех четырех параметров. Набор данных для подсчета KI и KEI состоит из 12-и переменных, которые представляют четыре столпа экономических знаний и двух переменных, характеризующих общее экономическое развитие: годовые темпы роста ВВП и индекс человеческого развития (Human Development Index – HDI). Последний отражает человеческий аспект экономического роста и включает в себя три показателя – среднюю продолжительность жизни, образованность, измеряемую долей грамотности среди взрослого населения и средним числом лет, затраченных на обучение в школе, и уровнем жизни (доход на душу населения по паритету покупательской способности). Н.Г. Никитенко схематич-

© Беляева Ю.В., Тимонин А.Ю., 2013

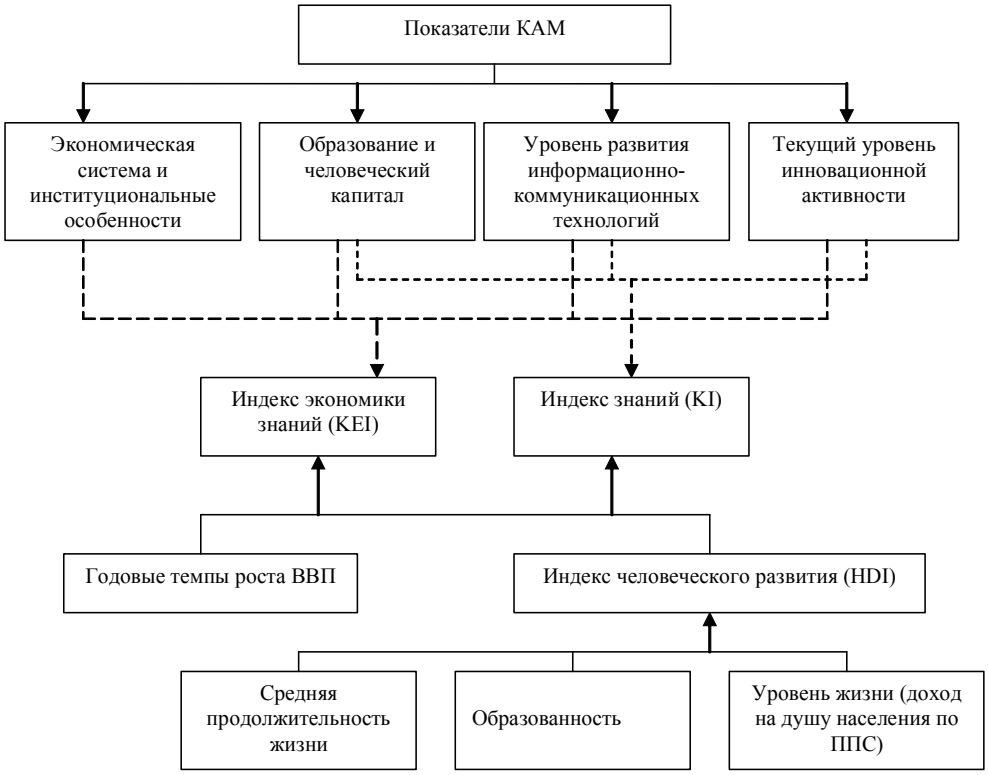

Рис. 1. Система показателей, используемая Всемирным банком для оценки инновационного развития

но изображает систему показателей, позволяющих провести анализ инновационного развития по методике КАМ (рис. 1) [8].

Следует отметить, что в отечественной теории и практике анализа инновационного развития также накоплен значительный опыт по разработке методов оценки инновационного развития. Так, ряд отечественных исследователей, согласуясь с международным опытом, основывает анализ инновационного развития на определении понятия «инновационный потенциал» и представлении инновационного потенциала как системы частных потенциалов. Этот подход особенно наглядно иллюстрирует структурно-отраслевой метод анализа инновационного потенциала, предлагаемый Т.Н. Даниловой и В.А. Грищенко [1]. Данная методика предполагает выделение структурных составляющих инновационного потенциала – кадровой, материально-технической, финансовой, информационной, организационной – и анализ структурных пропорций между элементами и межотраслевых соотношений. Методика позволяет получить такие показатели инновационного потенциала, как коэффициент инновационной емкости территории и совокупный инновационный потенциал региона. Недостаток данной методики, на наш взгляд, заключается в том, что она сосредоточивает внимания на показателях, характеризующих частные потенциалы. Вследствие этого существует опасность ухода от анализа сущности самого инновационного потенциала и подмены его анализом частных потенциалов.

Другой подход к оценке инновационного потенциала предполагает получение общих показателей и интегральных характеристик инновационного развития экономики. К таким подходам относятся методики, предлагаемые Ю. Максимовым, В.Г. Садковым, Е.А. Монастырным [4].

Методика, предлагаемая Ю.К. Максимовым и группой исследователей, основывается на представлении инновационного процесса в качестве некоторого конвейера, на входе которого находится определенное количество исходного продукта (результатов научно-исследовательской деятельности научных организаций), а на выходе – конечный продукт (продуктовая или технологическая инновация). Конвейер приводится в движение механизмом – инфраструктурой поддержки инновационной деятельности.

Результаты научно-исследовательской деятельности описываются некоторой функцией Ψ, представляющую собой инновационный потенциал экономической системы – меру ее готовности выполнить задачи, обеспечивающие достижение поставленных инновационных целей. А эффективность работы конвейера (его пропускная способность, обусловливающая скорость прохождения и уровень потерь) характеризуется функциональным индексом k. Таким образом, общая эффективность системы характеризуется обобщенным показателем инновационного развития экономической системы и определяется по формуле:

$$\Omega = k\Psi, \qquad (1)$$

где k – динамический индекс, характеризующий эффективность трансфера инновационных технологий; Ψ – инновационный потенциал, характеризующий наличие ресурсов для осуществления инновационной деятельности.

Методика оценки инновационного потенциала включает выделение в составе инновационного потенциала экономической системы нескольких составляющих, определение для каждой составляющей набора показателей и оценку инновационного потенциала по следующему алгоритму:

1. Сбор информации о числовых значениях показателей для каждой составляющей инновационного потенциала.

2. Вычисление составляющих инновационного потенциала по формуле:

$$\psi_i = \sum_{j=1}^{m_i} s_{ij} n_{ij} , \qquad (2)$$

где s_{ij} – весовой коэффициент j-го показателя i-й составляющей инновационного потенциала (определяется экспертно, при этом $\sum_{j=1}^{m_i} s_{ij} = 1$); m_i – число показателей в составе i-й составляющей инновационного потенциала.

Показатель n_{ij} вычисляется по формуле:

$$n_{ij} = 0,5^{\frac{k^*_{ij}}{k_{ij}}} , \qquad (3)$$

где k_{ij} – j-й показатель i-й составляющей инновационного потенциала; k^*_{ij} – соответствующий показатель, усредненный по группе экономических систем (статическая модель), либо показатель данной экономической системы за предыдущий период (динамическая модель).

То есть n_{ij} есть отображение показателя k_{ij} на отрезок действительной оси [0,1].

3. Вычисление инновационного потенциала по формуле:

$$\psi = \sum_{i=1}^{M} r_i \psi_i , \qquad (4)$$

где r_i – весовой коэффициент i-й составляющей инновационного потенциала, определяемый экспертно (при этом $\sum_{i=1}^{M} r_i = 1$); M – число составляющих инновационного потенциала экономической системы.

К достоинствам данной методики относится возможность приведения показателей k_{ij} разных типов к единой безразмерной шкале. Все n_{ij} находятся в интервале [0,1]. Значение $n_{ij} = 0,5$ и свидетельствует о среднем уровне или отсутствии изменений (при $k_{ij} = k^*_{ij}$). Результирующая функция инновационного потенциала Ψ также меняется от нуля до единицы. Значение Ψ > 0,5 свидетельствует о положительной динамике изменения инновационного потенциала по сравнению с базовым (предшествующим) периодом – при использовании динамической модели, либо о превышении инновационного потенциала экономической системы некоторого значения, усредненного по группе однородных систем (например, по отрасли), – при использовании статической модели.

Ресурсный подход к определению уровня инновационности экономики, предлагаемый В.Г. Садковым и группой авторов [9], позволяет получить интегральный критерий инновационности экономики с инвариантной, «сквозной» структурой, охватывающей одновременно три уровня: общенациональный, региональный, корпоративный. Авторы рассчитывают следующие интегральные критерии инновационности экономики: уровень инновационности экономики в общенациональном масштабе, уровень инновационности экономики в масштабе региона, уровень инновационности экономики предприятия. Кроме показателя инновационности экономики, данная методика предлагает более широкий показатель – интегральный показатель уровня инновационности общественного развития. Данная методика предлагает достаточно общие и широко охватывающие различные стороны экономики критерии инновационного развития, однако требует уточнения и детальной разработки показателей, необходимых для расчета данных интегральных критериев.

Структурную модель инновационной системы, основанной на выделении в составе системы ряда элементов, предлагает в своих работах Е.А. Монастырный [7]. Модель предполагает выделение в составе инновационной системы следующих элементов: органы власти и управления, организации инфраструктуры, образование, фундаментальная наука и прикладная наука, крупные промышленные предприятия, малые и средние предприятия. По отношению к каждому элементу вводятся понятия «потенциал элемента» и «коэффициент инновационности элемента». Взаимосвязь элементов системы устанавливается через определение интегральной характеристики (потенциала) инновационной системы:

$$S = \sum_{i,j=1}^{6} \beta_{ji} \cdot \alpha_i \cdot P_i , \qquad (5)$$

где P_i – потенциал элемента системы; α_i – коэффициент инновационности элемента; β_{ji} – коэффициент влияния элемента на элемент.

Данная методика для более глубокого анализа инновационного потенциала экономической системы предлагает также проводить построение «профиля зависимости» и «профиля влияния». «Профиль зависимости» субъекта инновационной деятельности – это степень его «встроенности» в систему, степень использования им возможностей других субъектов инновационной системы. «Профиль

влияния» субъекта инновационной деятельности – это степень его влияния на другие субъекты инновационной системы. Кроме того, данная модель дает возможность проводить ранжирование систем. Разработанный подход позволяет численно оценить уровень взаимосвязи элементов системы, нормировать его на сумму инновационных потенциалов и полученную относительную величину одной системы сравнить с показателями других систем.

Отдельного внимания заслуживает эволюционный подход, предлагаемый С.В. Кортовым [2]. Данная методика основывается на выделении на основе принципов эволюции трех типов стратегий (фаз жизненного цикла) инновационного развития: инвенциальную (использование результатов НТП); имитационную (диффузия инноваций в виде потребностей и технологических возможностей на новые рынки); адаптивную (диффузия потребностей при трансформации и оптимизации возможностей производства). Система индикативных показателей, разработанных в рамках данной методики, характеризует степень наукоемкости системы в условиях глобализации и развитие территории с точки зрения преобладания той или иной фазы инновационного развития. К таким показателям относятся: индекс наукоемкости (ИН) социально экономической системы, коэффициент технологической независимости (КТН), индексы международного технологического обмена страны (ИТОС) и промышленности (ИТОП), индекс технологической активности страны.

Ряд работ в отечественной литературе, посвященных оценке инновационного развития территорий, основывают свой анализ на определении инновационной способности, инновационной восприимчивости и инновационной активности экономической системы. При этом сами понятия «инновационной восприимчивости» и «инновационной активности» варьируются у различных авторов в зависимости от особенностей применяемой ими методики.

Так, Р.А. Косенков и В.Н. Цыганкова в своих работах по фазовому анализу состояния, инновационного характера и направления развития региональной экономики предлагают анализировать инновационную активность региона на основе определения инновационной способности и восприимчивости региона [3]. Распознавание их характеристик – фазового состояния и характера взаимодействия – позволяет определять направление развития экономики региона. При этом экономическим эквивалентом инновационной восприимчивости региона считаются экстенсивные факторы регионального роста (связываемые с увеличением объемов производства в результате прироста вовлекаемых ресурсов), а эквивалентом инновационной способности региона – интенсивные факторы регионального роста (связанные с эффективным использованием ресурсов). Отличительная особенность данной методики заключается в том, что она направлена не на изучение последствий, происходящих под влиянием изменений в экономики, а на изучение причин самих изменений.

Из проведенного анализа существующих методик можно сделать следующие выводы:

– методики первой группы направлены на исследование структурно-отраслевых пропорций в инновационном потенциале регионе (Knowledge Assessment Methodology – KAM, в частности блок «текущего уровня инновационной активности», методика Т.Н. Даниловой и В.А. Грищенко). Они служат, в основном, задаче планирования наиболее рациональных пропорций в совокупном объеме инновационного потенциала региона по отраслям народного хозяйства;

– методики второй группы направлены на получение интегральных показателей инновационного развития экономики (методики Ю.К. Максимова, В.Г. Садкова, Е.А. Монастырного, С.В. Кортова), во многих случаях они носят общий характер и требуют проведения значительных предварительных разработок;

– методика, рассматривающая инновационную активность через призму инновационной восприимчивости и инновационной способности (методика Р.А. Косенкова и В.Н. Цыганковой), также носит общий характер и нуждается в первоначальной значительной проработке большого количества данных.

Отметим, что практическое использование приведенных методик оценки инновационного развития и инновационного потенциала региона может быть затруднено в связи с отсутствием ряда официальных статистических показателей и низким числом составляющих инновационного потенциала (особенно это касается депрессионных регионов), а также сложностью подсчета весовых коэффициентов, определяемых экспертно.

Библиографический список

1. *Данилова Т.Н.* Подходы к оценке инновационного потенциала региона // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 17 (98). – С. 19–25.

2. *Кортов С.В.* Анализ инновационного развития территории на базе эволюционного подхода // Инновации. – 2004. – № 6. – С. 25–33.

3. *Косенков Р.А.* Фазовый анализ состояния, инновационного характера и направления развития региональной экономики (теоретические аспекты) / Р.А. Косенков, В.Н. Цыганкова // Инновации. – 2002. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://transfer.eltech.ru/innov/archive.nsf.

4. *Максимов Ю.* Инновационное развитие экономической системы: оценка инновационного потенциала / Ю. Максимов, С. Митяков, О. Митяко-

ва, Т. Федосеева // Инновации. – 2006. – № 6. – С. 53–56.

5. *Масленников Н.* Методология «оценки знаний» и инновационный потенциал Японии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.japan-assoc.ru/

6. *Минаева О.Н.* Количественное управление развитием экономики знаний в России: выбор системы показателей // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 2: материалы Одиннадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 13–14 апреля 2010 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2010. – С. 118–120.

7. *Монастырный Е.А.* Методологическое обеспечение развития региональной инновационной системы в условиях современной экономики России: дис. ... д-ра экон. наук / Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. – Томск, 2009. – 343 с.

8. *Никитенко П.Г.* Сравнительное определение уровня инновационного развития экономики Беларуси, Украины и России по методологии оценки знаний всемирного банка / П.Г. Никитенко, Г.Т. Кулаков, В.М. Цилибина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.incon-conference.org.ua.

9. Стратегии комплексного развития регионов России и повышение эффективности регионального менеджмента / В.Г. Садков, В.Е. Кириенко, Т.Б. Брехова, Е.А. Збинякова, Д.В. Королев – М.: ООО «Прогресс ИД», 2008. – 364 с.

УДК 338

Воробьев Кирилл Юрьевич
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
kirill.vorobyov@gmail.com

КЛАССИФИКАЦИИ АУТСОРСИНГА С ПОЗИЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА

Автор рассматривает аутсорсинг как одну из бизнес-концепций управления предприятием, учитывая это при систематизации различных видов. В работе проведен детальный анализ различных классификаций аутсорсинга, отмечены новые виды и подвиды аутсорсинговых отношений. Выделены основные признаки и подходы к классификациям и типологиям, предложен авторский вариант.

Ключевые слова: *аутсорсинг, классификация, типология, бизнес-процесс, стратегия, конкурентная борьба.*

В последние десятилетия компании все чаще в своей практике прибегают к использованию новой концепции бизнеса – аутсорсингу – современной методологии создания высокоэффективных и конкурентоспособных организаций в условиях жесткой конкуренции.

Существуют различные классификации аутсорсинга. Так, например, Дж.Б. Хейвуд классифицирует аутсорсинг исходя из структурной организации предприятия, выделяя аутсорсинг информационных технологий, бизнес-процессов, маркетинговых функций, производство по контракту, «управление мощностями и техническое обслуживание программного обеспечения» [1, с. 47]. Институт аутсорсинга (Outsourcing Institute) США выделяет аутсорсинг информационных технологий и аутсорсинг бизнес-процессов. В. Курьянович разграничивает аутсорсинг информационных технологий (IT-аутсорсинг), аутсорсинг бизнес-процессов, аутсорсинг в сфере услуг (торговых, гостиничных, почтовых, социальных и др.) и производственный аутсорсинг. Д. Михайлов типологизирует аутсорсинг на информационный и программный, финансово-бухгалтерский, аутсорсинг документооборота и использование Интернет-деятельности, маркетинговый аутсорсинг, аутсорсинг в логистике, в системе безопасности, в системе управления компанией, аутсорсинг кадров [2, с 49–165].

Данные классификации, тем не менее, не дают полного представления о содержательном наполнении аутсорсинга, сосредотачиваясь лишь на отдельных его проявлениях. На взгляд автора, аутсорсинг можно и нужно классифицировать по трем основным критериям:

1) по функциональному (в зависимости от того, какие функции предприятие передает на аутсорсинг);

2) по предметному (в зависимости от того, какие процессы предприятие передает на аутсорсинг);

3) в зависимости от объема функций, которые предприятие готово передать на аутсорсинг.

В рамках функционального критерия можно выделить такие виды аутсорсинга, как:

– производственно-операционный – когда на аутсорсинг передаются производственные функции;

– управленческий – когда на аутсорсинг передаются функции управления;

– ресурсный – когда предприятие взамен использования внутренних ресурсов приобретает ресурсы внешние.

Типологизация аутсорсинга по предметному критерию позволяет выделить следующие виды:

1. Аутсорсинг производственных / промышленных процессов, при котором производственные процессы или часть задач, связанных с производственным процессом, передаются для выполнения третьей стороне, располагающейся как на территории того же государства, так и за ее пределами и обладающей необходимыми навыками и инфраструктурой для выполнения данных процессов.

© Воробьев К.Ю., 2013

Таблица 1

Классификация аутсорсинга по предметному критерию (составлено автором на основании источников [1, 3, 5])

Вид аутсорсинга	Сфера аутсорсинговых отношений	Предмет аутсорсинга
Аутсорсинг производственных/ промышленных процессов	Производственный процесс	Различные стадии производственного процесса (подготовка производства, производство заготовок и комплектующих, сборочное производство, упаковочное производство и т.д.)
Аутсорсинг бизнес-процессов	Маркетинг	Исследование и анализ рынка, потребительских предпочтений Маркетинговые коммуникации Продвижение товаров на рынок Планирование маркетинговой и рекламной деятельности Управление продажами
	Рекламная деятельность	Изготовление рекламной продукции Графический дизайн и анимация
	Финансовое обслуживание	Ведение финансовой и бухгалтерской отчетности Расчет налогов Управление рисками Обработка счетов Банковское сопровождение Проведение аудита Финансовое планирование Страховое обслуживание
	Логистика	Распределение Фрахт Транспортировка Складское хранение
	Кадровое обеспечение	Подбор персонала Кадровое консультирование Программы поощрения/наказания работников
	Работа с потребителями	Обработка заказов Работа с рекламациями, жалобами Са11-центры Сервисное обслуживание
	Хозяйственное обслуживание предприятия	Ведение документооборота Организация питания Управление и обслуживание недвижимости (ремонт, перепланировка и т.д.) Уборка помещений Сооружение и строительство объектов Охранные услуги
Аутсорсинг познавательных процессов и знаний	Аналитические услуги	Разработка годовых отчетов Стратегическое планирование (разработка кадровой стратегии, ИТ-стратегии, стратегии в области коммуникаций и т.п.) Проведение анализа деятельности за истекший период
	Научные исследования	Разработка и тестирование новых продуктов Научные и инженерные разработки Проведение научных исследований
	Информационные технологии	Разработка и управление дистрибутивными/мобильными системами Разработка и управление системами коммуникации Разработка и внедрение прикладных программ Управление базами данных Разработка компьютерных программ Системы информационной безопасности Управление информационными системами Разработка программного обеспечения Разработка программ кодирования Разработка \Web-сайтов
	Профессиональные знания	Ведение судебных разбирательств Юридическое консультирование Конкурсное управление предприятиями Образовательные программы Программы повышения квалификации Корпоративные тренинги

2. Аутсорсинг бизнес-процессов, объединяющий управление бизнес-процессами и аутсорсинг, означающий рассмотрение бизнес-процесса и его дальнейшее совершенствование в рамках передачи его на аутсорсинг специализированному в данной сфере поставщику услуг. Аутсорсинг бизнес-процессов позволяет предприятию приобщиться к новейшим и наиболее качественным технологиям и производственным процессам в наиболее сжатые сроки при сохранении затрат на минимальном уровне.

3. Аутсорсинг познавательных процессов и знаний (Knowledge Process Outsourcing (KPO)), при котором бизнес передает аутсорсинговой компании на разработку и ведение профессиональные знания или аналитические услуги, проведение научных исследований или разработку информационных технологий [3, с 45].

Аутсорсинг познавательных процессов и знаний позволил вывести аутсорсинг на новый, более высокий уровень: от простого предоставления услуг по производству товара до исполнения процессов, требующих профессиональных аналитических и технических навыков, а также принятия решений. Услуги данного вида аутсорсинга, в основном, сконцентрированы на исследованиях в области интеллектуальной собственности, научно-конструкторских разработках в фармакологии и биотехнологии, добычи данных и в сфере аналитических услуг.

Исходя из основных направлений хозяйственной деятельности любого предприятия и изучения мирового опыта аутсорсинговых отношений по критерию их предмета, представляется целесообразным детализировать вышеприведенную классификацию за счет выделения предмета аутсорсинга и его видовой характеристики (см.: табл. 1).

В зависимости от того, насколько полно предприятие готово использовать аутсорсинг, и от объема передаваемых функций аутсорсинг в в современной литературе традиционно подразделяется на:

1. Полный аутсорсинг, предполагающий, что выполнение процессов, обеспечивающих основную деятельность предприятия, а также некоторая часть сотрудников и активов, ранее задействованных в обеспечении данных процессов, передаются поставщику услуг на время действия контракта.

2. Частичный аутсорсинг, связанный с тем, что предприятие передает на аутсорсинг лишь часть процессов, выполнявшихся в рамках какого-либо подразделения, таким образом значительная часть функций подразделения остается в ведении клиента.

3. Совместный аутсорсинг – в случаях, когда стороны соглашения об аутсорсинге являются партнерами.

4. Промежуточный аутсорсинг, предполагающий, что предприятие на некоторое время передает управление своими подразделениями (в которых, как правило, работают высококвалифицированные специалисты) третьей стороне.

5. Трансформационный аутсорсинг – когда предприятие для реорганизации работы подразделений, разработки новых систем и процессов, создания нового конечного продукта и т.п. приглашает поставщика услуг. Данный вид аутсорсинга является чем-то средним между полным аутсорсингом и использованием услуг консультантов (от первого его отличает то, что переход сотрудников и активов не окончателен – по завершении проекта клиент вновь обретает контроль и вступает в свои обязанности, от второго – то, что поставщик услуги обычно действует достаточно независимо от персонала клиента).

6. Аутсорсинг в рамках совместного предприятия предполагает, что персонал и активы клиента передаются созданному при участии поставщика услуг совместному предприятию, а не самому поставщику услуг. Данный вид аутсорсинга позволяет не только повысить качество работы переведенного подразделения, но и разработать товары и услуги, которые в дальнейшем могут быть проданы третьей стороне.

7. Доля в акционерном капитале партнера – когда, основываясь на уже имеющихся партнерских отношениях в рамках аутсорсинга, клиент или поставщик получает долю в акционерном капитале своего партнера [1, с. 35–37; 2, с. 40–42].

На взгляд автора, данная классификация является не совсем точной в силу того, что разграничения аутсорсинга в ней не всегда понятны и точны по своим рамкам. Так, не ясно, в чем именно заключается различие между совместным аутсорсингом, аутсорсингом в рамках совместных предприятий и долей в акционерном капитале партнера. Думается, пятый и седьмой виды аутсорсинга в вышеприведенной типологизации целесообразно объединить с третьим под общим названием «совместный аутсорсинг», расширив и уточнив его содержание: стороны соглашения об аутсорсинге являются партнерами и их взаимодействие не ограничивается лишь выполнением своих обязательств в рамках подписанного контракта. Такой подход позволяет выделить два пути взаимодействия предприятия-клиента и предприятия-поставщика аутсорсинговых услуг: 1) контрактный – когда предприятие привлекает поставщика для проведения работ, предоставления услуг и т.д. на некоторый оговоренный в контракте срок, по истечении которого их взаимоотношения либо прекращаются, либо пролонгируются; 2) сотрудничество – когда предприятие-клиент и предприятие-поставщик связаны между собой не только договорными отношениями в рамках аутсорсинга, но и сотрудничеством в рамках совместных предприятий, участием в акционерном капитале и т.п. В обобщенном виде авторская классификация аутсорсинга по критерию объема передаваемых функций представлена в таблице 2.

Таблица 2

Классификация видов аутсорсинга по критерию объема передаваемых функций и степени сотрудничества сторон (составлено автором на основании источников [3, 4, 5])

Виды аутсорсинга	Классификационная характеристика	Путь взаимодействия
Полный аутсорсинг	Максимальная передача функций; не подразумевает партнерство сторон.	Контрактный
Частичный аутсорсинг	Выборочная передача функций; не подразумевает партнерство сторон.	
Промежуточный аутсорсинг	Временная передача управления какими-либо подразделениями.	
Совместный аутсорсинг	Партнерство сторон в виде наличия совместных предприятий, участия в акционерном капитале и др.	Сотрудничество

В рамках развития концепции понимания возможностей аутсорсинга можно выделить такие его виды, как тактический, стратегический и трансформационный.

Причины тактического аутсорсинга обычно связывают со специфическими проблемами, которые может испытывать предприятие, и аутсорсинг, таким образом, является своего рода способом разрешения возникшей проблемы, приводя обычно к крупной реструктуризации всего предприятия.

Однако по мере развития аутсорсинговых отношений меняются и сами цели данных отношений. Так, предприятия приходят к пониманию того, что, передавая какие-либо процессы/функции на аутсорсинг, они получают дополнительную выгоду не только от улучшения их качества, но и от того, что могут теперь сосредоточиться на выполнении своих основных процессов/функций и не тратить время на второстепенные, но все же необходимые для функционирования предприятия процессы/функции. На этом этапе существенно расширяется круг процессов, передаваемых на аутсорсинг, качество предлагаемых услуг, продолжительность отношений между клиентом и поставщиком. Важно отметить, что на данном этапе развития отношений покупатель и поставщик услуги уже не просто являются контрагентами, а превращаются в настоящих равных партнеров по бизнесу, стремящихся достичь взаимных преимуществ и выгоды.

И наконец, вершиной развития аутсорсинговых отношений на сегодняшний день является аутсорсинг трансформационный, на уровне которого происходит переосмысление бизнеса как такового. Суть аутсорсинга уже не в том, что он позволяет повысить качество предоставляемых услуг и сфокусироваться на основных процессах (хотя и это тоже остается), а в том, что аутсорсинг позволяет предприятию самому формировать бизнес-среду и становится мощным оружием, позволяющим выиграть битву за долю на рынке и в умах потребителей.

Библиографический список

1. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ / пер. с англ. – М.: Вильяме, 2004. – 176 с.

2. Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса: учеб. пособие / Д.М. Михайлов. – М.: КНОРУС, 2006. – 256 с.

3. *Мезинова И.А.* Международный аутсорсинг и его роль в повышении конкурентоспособности российских компаний в мирохозяйственной среде: дис. … канд. экон. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 231 с.

4. Аутсорсинг: создание высокоэффективных и конкурентоспособных организаций: учеб. пособие / под ред. проф. Б.А. Аникина. – М.: ИНФРА-М, 2003, 187 с.

5. *Шадрин В.Г.* Аутсорсинг: управление процессами и формирование регионального аутсорсингового центра: дис. … канд. экон. наук. – К., 2006. – 170 с.

УДК 338.46

Исаев Николай Викторович
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
econ@ksu.edu.ru

СТОИМОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

Конкурентоспособность университета зависит от рыночной стоимости образовательных услуг. Для исчисления этой стоимости необходима адекватная методология. В настоящее время отсутствует единство среди экономистов по этой проблеме. Кроме того, учитываются не все элементы, составляющие эту стоимость. Выход из сложившегося положения видится в разработке нового метода оценки интеллектуального капитала.

Ключевые слова: *стоимость, образовательная услуга, университет, методология, новая экономика.*

Фундаментальной основой формирования современных подходов к оценке рыночной стоимости образовательной услуги являются теории стоимости, эволюция которых представлена следующими этапами: концепции ресурсно-затратной природы стоимости (трудовая теория стоимости, теория факторов производства), концепции полезностной теории стоимости (теория полезности, теория предельной полезности), концепции многофакторной теории стоимости (неоклассическая теория, теория трансакционных издержек). Анализ и обобщение этих теорий позволяет выделить в качестве основного принципа оценки рыночной стоимости образовательной услуги ее наиболее эффективное использование. С учетом этого рыночная стоимость определяется как ожидаемая стоимость объекта оценки, по которой его можно приобрести на открытом рынке при условии, что продавцы и покупатели, обладающие свободой и независимостью, действуют в соответствии с вышеуказанным принципом.

В период, когда формируется постиндустриальная (информационная) экономика, в которой источником стоимости далеко не всегда является труд, следует детально разобраться с перечнем источников стоимости, а также выявить природу их возникновения. Практики управления полагают, что традиционный взгляд на факторы и ресурсы производства как на источники стоимости (дохода) уходит в прошлое. Более того, собственность на факторы и ресурсы не является обязательным условием получения дохода. Процесс управления новой экономикой как экономикой знаний как раз и состоит в том, чтобы найти способ извлечения стоимости из тех ресурсов, которые не только не находятся в собственности организации, учреждения, фирмы, но и попросту виртуальны, эфемерны.

Традиционные методики оценки товара или услуги, которые в определенной части применимы и к образовательной услуге, учитывают, прежде всего, имущественные затраты, включая затраты материальных и нематериальных активов. Принципиальное значение имеет то, как употребляются термины *цена*, *затраты*, *рынок* и *стоимость*.

Наиболее сложным является определение понятия *стоимость*. Это фундаментальная экономическая категория, не имеющая единственного или хотя бы общепринятого определения. Как известно, истоки mainstream современной экономической теории восходят к «маржиналистской революции», которая привела к тому, что центральная для экономистов всех времен проблема ценности (стоимости) переместилась из сферы материального производства в сферу рационального потребительского выбора. А. Смит отмечал, что стоимость всякого товара для лица, которое имеет в виду обменять его на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Вслед за ним Д. Рикардо писал: «Стоимость товара… зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства» [13, с. 403]. С этим определением совпадают положения К. Маркса о трудовой стоимости [5, т. 23, с. 47], который основывает свое понимание стоимости на принципе соизмерения товаров в обмене, известном экономистам со времен Аристотеля. «…[И]меть больше своей [доли], – значит “наживаться”, а иметь меньше, чем было первоначально, – значит “терпеть убытки”, как бывает при купле, продаже и всех других [делах], дозволенных законом. А когда нет ни “больше”, ни “меньше”… говорят, что у каждого его [доля] и никто не терпит убытка и не наживается» [1, с. 154].

Смена акцентов привела к сдвигу проблемного поля экономической науки. Наиболее адекватное осмысление и описание этого процесса принадлежит английскому экономисту Л. Роббинсу (1898–1984), который сопоставляет «материалистическое» определение и «определение через редкость» и отмечает, что современная теория настолько отдалилась от точки зрения А. Смита и физиократов, что не признает производительным даже труд, создающий материальные объекты, если последние не имеют ценности. Более того, доход, полученный от использования материального объекта, в конечном счете является «нематериальным» [12, с. 14]. Л. Роббинс показывает, что существует экономическая проблема выбора между видами деятельности – проблема распределения ограниченного ресурса.

© Исаев Н.В., 2013

Стоимость в современной трактовке ассоциируется, прежде всего, со спросом, во-вторых, с полезностью, в-третьих, стоимость рассматривается как мера затрат, в-четвертых, стоимость связывается с относительной редкостью вещи, в-пятых, возможность передачи прав собственности, в-шестых, стоимость рассматривается как категория обмена. С различных точек зрения, «стоимость – это денежный эквивалент, который покупатель готов обменять на какой-либо предмет или объект». Или: «Стоимость – мера того, сколько покупатель (инвестор) будет готов заплатить за оцениваемую собственность». Или: «Стоимость является экономическим понятием, касающимся денежной связи между товарами и услугами, доступными для приобретения, с одной стороны, и теми, кто их покупает и продает, с другой. Стоимость является не фактом, а расчетной величиной ценности конкретных товаров и услуг в конкретный момент времени в соответствии с выбранным толкованием стоимости. Экономическая концепция стоимости отражает взгляд рынка на выгоды, приобретаемые теми, кто является собственником данных товаров или пользуется услугами на дату действия оценки стоимости» [3, с. 54].

В современных условиях избегают качественно не определенного употребления термина стоимость и добавляют к нему некоторые слова или словосочетания, поясняющие, какой тип стоимости имеется в виду. Это связано с тем, что существует много идентифицирующих типов стоимости и связанных с ним определений. Некоторые из них являются стандартными и широко применяемыми при оценке активов. Другие используются в особых обстоятельствах, требующих тщательной идентификации и раскрытия.

Они могут быть объединены в две основные группы:

– стоимость в обмене как выражение меновой стоимости, которая характеризует способность объекта оценки обмениваться на деньги или на другие товары;

– стоимость в использовании как выражение потребительной стоимости, которая обусловлена полезностью объекта для пользователя.

Для понимания и применения к образовательной услуге важны ясное указание типа и толкования стоимости и обеспечение их соответствия конкретным условиям. Изменение толкования стоимости может существенно повлиять на величины стоимости, которые будут приписаны разным активам.

Существуют условия определения рыночной стоимости образовательной услуги. К ним обычно относят: открытость рынка – как отсутствие серьезных препятствий, которые затрудняли бы или делали невозможным появление на рынке новых покупателей и продавцов или их уход с рынка; конкурентность рынка – как совокупность соотношения числа покупателей и продавцов, наличие неценовой конкуренции, контроль над ценами со стороны отдельных контрагентов; типичная мотивация сторон – как стремление в наилучшей степени удовлетворить свои экономические интересы; разумная информированность сторон – как обладание сторонами информацией для достоверной оценки собственных выгод; достаточное время – как период предложения товара для продажи; типичные средства платежа в виде денег или их общепринятого эквивалента; отсутствие необычных условий сделки, то есть ситуации, когда стороны связаны иными обязательствами.

В.В. Мещеров, рассматривая вслед за К. Марксом действительную и ложную социальную стоимость как исходные формы образования рыночной стоимости, отмечает, что рыночная стоимость единицы продукции в земледелии равняется стоимости единицы продукта регулирующего класса земли, и в основе непосредственно обмена товаров лежит рыночная стоимость [7, с. 11]. В связи с этим отметим вклад Дж.М. Кейнса в разработку этой проблемы. Согласно его теории, «рыночная ценность продукции является в одно и то же время необходимым условием для определения величины денежного дохода и достаточным условием для того, чтобы общая сумма, которую лица, откладывающие сбережения, решили накопить, была равна общей сумме, которую инвесторы намерены использовать в качестве капиталовложений» [4, с. 66]. В классической политэкономии проблема рыночной стоимости решалась бы исходя из этого предположения, но именно Дж.М. Кейнс показал необходимость перехода в экономической теории к вопросу «о расхождении между сбережением и инвестированием, которые вытекают из специфических определений дохода и, следовательно, превышения дохода над потреблением» [4, с. 80].

С учетом теории Дж.М. Кейнса, то есть возможности разрыва между доходами и расходами, сбережениями и инвестициями, определение рыночной стоимости К. Маркса не отрицается, а становится частным случаем в общем механизме действия закона рыночной стоимости в параметре образования и изменения свободного остатка сбережений как ложной социальной стоимости, действительной стоимости, общеэкономической оценки эффективности производства. При достаточно обоснованном теоретическом подходе к предмету исследования не составляет труда проследить глубинную связь между теорией стоимости и земельной ренте К. Маркса и общей теорией занятости, процента и денег Дж.М. Кейнса. На основе такого симбиоза двух направлений можно представить процесс формирования рыночной стоимости.

Оценка образовательной услуги предполагает учет рентного фактора, что невозможно без глубокого понимания процессов образования рыночной

стоимости и цены. Отечественные экономисты так определяют рыночную стоимость: «Рыночная стоимость – наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства: одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект или предмет, а другая не обязана принимать исполнение; стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах; объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки; цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки, и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было; платеж за объект оценки выражен в денежной форме» [9, с. 53].

В постиндустриальном обществе затраты на развитие собственной личности превращаются в выгодные инвестиции в интеллектуальный капитал. Интеллектуальный продукт (информация, знание) при его создании требует больших затрат, но его копирование при современных технологиях производится практически бесплатно, и передача этого продукта не означает его утрату для продавца. Постиндустриальное общество стремится перейти к такому экономическому росту, который опирается не на природные ресурсы, а на использование знаний, что оказывает меньшую нагрузку на окружающую среду и сохраняет ее для будущих поколений. На пути к устойчивому развитию у России есть свои преимущества, среди которых можно выделить интеллектуальный и трудовой потенциал, наличие значительных природных ресурсов и территорий, не затронутых хозяйственной деятельностью, и несформированность институтов, характерных для развитых обществ потребления. Разработка и реализация стратегии устойчивого развития может оказаться общенациональной идеей, которая объединит общество для возрождения России и выведет нашу страну на путь гармоничного развития с новым качеством жизни населения.

Интеллектуальный капитал, включая интеллектуальную собственность, представляет собой определенные нематериальные активы. Э. Брукинг выделяет следующие его составные части [2]: рыночные активы; человеческие активы; инфраструктурные активы; интеллектуальная собственность как актив.

Рыночные активы – тот потенциал университета, который обеспечивается нематериальными активами, связанными с операциями на рынке образования и информационном рынке. Они включают фирменную продукцию университета, то есть образовательные и информационные услуги, потребителей именно этих услуг именно этого университета, повторяемость процесса обучения, «портфель заказов» в виде ежегодных конкурсов абитуриентов в зарекомендовавший себя вуз, трудоустройство выпускников, различные контракты и соглашения.

Человеческие активы – совокупность коллективных знаний сотрудников университета, их творческих способностей, умения решать проблемы, лидерских качеств, предпринимательских и управленческих навыков. Сюда включаются и психометрические данные, и сведения о поведении отдельных личностей в различных ситуациях. При запуске необходимых «механизмов» хороший руководитель в состоянии предоставить сотрудникам возможность полной реализации своего потенциала в рамках данного университета. Человеческие активы – качества, присущие людям, и университету они принадлежат только вместе с этими людьми. По мере приобретения опыта и роста квалификации они приумножают свои знания и умения и становятся еще более ценными. Наилучшая ситуация для университета – научиться извлекать максимальную выгоду из работы данного сотрудника. Он же за это заслуживает компенсации в виде роста заработной платы, других форм материального и морального поощрения.

Инфраструктурные активы – те технологии, методы и процессы, которые делают работу университета вообще возможной, Например: корпоративная культура, методики обучения различным дисциплинам, методы управления персоналом и студенческой массой, финансовая структура, базы данных, коммуникационные системы. Речь при этом идет не о стоимости материальных предметов, а о характере их использования в университете. Например, Интернет-пространство никому не принадлежит и не отразится в чьем-либо бухгалтерском балансе. Однако умение посредством Интернета вести процесс обучения означает, что университет формирует дополнительный канал деятельности, и Интернет переходит в разряд активов.

Интеллектуальная собственность включает ноу-хау, научные труды, разработки, патенты и различные авторские права. Это узаконенный инструмент для защиты корпоративных университетских активов. Ценность патента заключается в том, что он закрепляет за своим владельцем монополию на изобретение, научный труд на определенный срок. Патент обладает особой ценностью, если защищает сам продукт интеллектуального труда, поскольку никто другой в таком случае не имеет право его копировать.

Известность, «доброе имя», деловая и научная репутация – особая составляющая. Ее можно именовать «гудвилл». Она представляет ту часть нематериальных активов, которая определяется устойчивыми деловыми связями, широкой известностью

в научных и общественных кругах. Она имеет место в случае, когда образовательная услуга превышает средний уровень в регионе или по направлениям научной и образовательной деятельности. Уровень и стабильность общественной репутации становится все более существенным моментом в определении стоимости образовательной услуги. За последние 15 лет доля стоимости репутации в общей стоимости западных компаний возросла с 18 до 82%. Повышение репутации на 1% дает рост рыночной стоимости акций фирмы на 3%. Репутацию, имидж образовательной услуги создает система связей с общественностью. Рынок услуг в этой области характеризуется в России высокими темпами роста, и при оценке образовательной услуги нельзя не учитывать уровень, стабильность и качество его имиджа. Высокая деловая репутация выступает важным нематериальным активом.

Для нашего исследования имеет значение разграничение общественных и частных издержек и выгод, проведенное А. Пигу в связи с проблемой увеличения национального дивиденда [10], или, в интерпретации А. Маршалла, внешних эффектов [6]. Положительный внешний эффект от деятельности университета возникает потому, что он приносит выгоду не только тем фирмам и индивидам, с которыми у него существуют контрактные отношения, но и третьим лицам, и обществу в целом. Предельные общественные выгоды от деятельности университета включают и предельные частные выгоды для контрагентов, и предельные внешние выгоды. И общество, и индивиды выигрывают от того, что студенты получают хорошее образование, а в городе формируется другая культурно-информационная среда. Предложение А. Пигу состояло в том, чтобы «интернализовать», то есть сделать из неявных явными различия между общественными и частными выгодами и издержками. В качестве решения данной проблемы он предлагал использовать корректирующие субсидии производителям или потребителям экономических благ с положительными внешними эффектами, что позволит приблизить предельные частные выгоды к предельным общественным. В нашем случае корректирующая субсидия, равная предельным внешним выгодам от деятельности университета, может быть предоставлена и самому университету, и студентам, что повысит спрос на услуги образовательного комплекса до уровня, при котором предельные общественные выгоды будут равны предельным общественным издержкам.

Р. Коуз показал, что существование внешних эффектов связано с институциональными особенностями, а именно с системой прав собственности, изменение которой в направлении их более четкой спецификации позволяет интернализовать внешние эффекты и, соответственно, устранить вмешательство государства [11, с. 33–52]. В последующем в своей нобелевской лекции он сделал оговорку: «Но никто не может поручиться, что в мире положительных трансакционных издержек действия правительства (типа управления предприятиями, регулирования или налоговой политики, включая субсидии) не смогут дать лучшего результата, чем переговоры между индивидами на рынке. Так ли это на самом деле, можно установить, изучая деятельность реальных, а не воображаемых правительств. Мой вывод: давайте изучать мир положительных трансакционных издержек» [11, с. 347]. Для нас эта оговорка является существенной, поскольку в условиях современной России государственное и общественное вмешательство в процесс образования и воспитания является весьма значимым фактором.

В передовых европейских странах не менее 10% ВВП выделяется на развитие системы образования. Эти расходы расцениваются как капиталовложения. Иной подход в России: расходы на образование в федеральном бюджете возросли с 3,75% в 2000 году до 4,43% в настоящее время. Однако данный уровень расходов остается крайне низким по сравнению с ведущими зарубежными государствами. Если в США на развитие образования из федерального бюджета расходуется около 100 млрд. долл., или 4 тыс. долл. на душу населения, то в России – 22 долл. на душу населения. Показатель затрат в расчете на одного научного работника в США – 180 тыс. долл., в Южной Корее – 60 тыс. долл., в России – 34 тыс. долл.

В связи с тем, что происходят качественные внутренние изменения в самой образовательной услуге, справедливо ожидать, что за этим последуют кардинальные перемены в способах учета и оценки новых факторов производства, которыми являются интеллектуальные ресурсы. Но на протяжении эпохи индустриального общества такие факторы, как научно-технический прогресс и рост интеллектуального потенциала производства, по существу и послужившие причинами экономического развития, относились к категории внешних (экзогенных), в то время как земля, труд и капитал рассматривались как основные факторы производства. В XXI веке знание стало важнейшим ресурсом постиндустриальных экономик, а знание и информация, воплощенные в интеллектуальном капитале, – основными факторами производства. Это обстоятельство предопределяет то значение, которое приобретает сегодня информация о формировании, использовании, особенностях воспроизводства интеллектуальных ресурсов, а также эффективное управление интеллектуальными ресурсами, которое невозможно без их адекватной оценки. В новой экономике, где информация является основным производственным ресурсом, а знание – внутренним источником прогресса, общество обретает новую меру стоимости – интеллектуальный капитал.

В связи с этим особую важность принимает оценка величины интеллектуального капитала, использованного при оказании образовательной услуги. Экономисты предлагали различные пути решения проблемы, но прийти к единому мнению они так и не смогли. Причиной этому явилась сама суть нового вида факторов производства, а точнее, их виртуальное начало, которое не соответствует существующим стандартам «материальности» бухгалтерского учета. Можно выделить ряд подходов к оценке интеллектуального капитала и, соответственно, к определению реальной стоимости образовательной услуги в новой экономике: метод определения «goodwill» [14]; метод Д. Петерсона и Т. Паркинсона [8, с. 101]; метод Дж. Тобина; метод П. Страссмана [14]; метод NCI Research [8, с. 103]; метод А. Пулика; метод К.-Э. Свейби; метод «Skandia Navigator» [8, с. 105]; метод Р. Каплана и Д. Нормана [8, с. 106]. Множество различных способов оценки стоимости интеллектуального капитала, в большинстве своем основанных на исчислении косвенных показателей в денежной форме, несовершенны. Основным недостатком предложенных концепций является именно то, что они ориентированы на суждение о субъективных предпочтениях по динамике денежных показателей.

Единственный выход из сложившегося положения видится в разработке нового совершенного метода оценки интеллектуального капитала, сочетающего как анализ хорошо известных стоимостных показателей, так и условные субъективные оценки неосязаемых факторов. Это одна из важнейших проблем современной экономической науки, так как, решив проблему оценки интеллектуального капитала, мы решим вопрос о полной оценке образовательной услуги в новой экономике.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 53–293.

2. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал / пер. с англ. под ред. Л.Н. Ковалик. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

3. *Исаев Н.В*. Сколько стоит университет. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 286 с.

4. *Кейнс Дж.М*. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Дело, 1999. – 720 с.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: в 30 т. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат – Политиздат, 1955–1968.

6. *Маршалл А*. Принципы экономической науки. Т. 1. – М.: Издат. группа «Прогресс Универс», 1993. – 415 с.

7. *Мещеров В.А*. Методология и теория экономики: рыночная стоимость и рыночная цена // Прил. к журн. «Экономические науки». – 2002. – № 4. – 76 с.

8. Неоэкономика: очерки теории и методологии / под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Экон. ф-т МГУ, ТЕИС, 2003. – 244 с.

9. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / А.Г. Грязнова, М.А. Федотова, М.А. Эскиндаров и др. – М.: Интерреклама, 2003. – 544 с.

10. *Пигу А.С*. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985.

11. Природа фирмы / под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера: пер. с англ. – М.: Дело, 2001. – 360 с.

12. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 10–23.

13. *Рикардо Д*. Начала политической экономии и налогового обложения // Антол. эконом. классики: Петти, Смит, Рикардо. – М.: Эконов-Ключ, 1993. – 890 с.

14. *Страссман П*. Как измерить знания? // Computerworld Россия. – 1998. – № 15.

УДК 339.13

Камакина Ольга Владимировна
Беляев Евгений Иванович
Ицкович Игорь Исаакович
Буров Николай Николаевич
kamakina@mail.ru
Рыбинский государственный авиационный технический университет им. П.А. Соловьева

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ СПРОСА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА НА УСЛУГИ СИСТЕМЫ ГЛОНАСС С УЧЕТОМ БАЗОВЫХ ПАРАМЕТРОВ РЕГИОНА

В статье определены основные показатели, влияющие на объем спроса на услуги регионального предприятия-оператора по использованию результатов системы ГЛОНАСС (валовой региональный продукт, численность населения в регионе, среднемесячная заработная плата в регионе). Сформированы эконометрические модели, позволяющие прогнозировать спрос на услуги предприятия-оператора с использованием этих показателей.

Ключевые слова: *модели прогнозирования спроса, услуги ГЛОНАСС, эконометрические модели.*

В настоящее время космические навигационные технологии в экономически развитых странах нашли широкое применение во многих областях человеческой деятельности и имеют все основания стать новым видом «сетевых услуг», наравне с Интернетом и мобильной связью.

По прогнозам, по мере расширения взаимопроникновения Интернета, сотовой связи и технологий спутниковой навигации потребительская ценность последних будет возрастать. Предполагается рост номенклатуры и качества предоставляемых услуг спутниковой навигации, услуг по проведению высокоточных геодезических измерений на местности, услуг по мониторингу статических объектов, а также рост рынка по охвату потребителей и объемам продаж.

В связи с этим работы по разворачиванию на территории субъектов РФ специального оборудования и использование его для народнохозяйственных целей в ближайшей перспективе станут типовыми для большинства субъектов РФ. Поэтому разработка и актуализация моделей экономического обоснования проектов создания региональных предприятий-операторов, предоставляющих услуги с использованием системы ГЛОНАСС, в том числе моделей спроса на услуги этих предприятий, является актуальной задачей.

Данная работа выполнялась в рамках первого этапа реализации Государственного контракта № 14.B37.21.0504 от 06.08.2012 по теме «Экономическое обоснование создания предприятия по использованию результатов системы ГЛОНАСС в экономике региона», заключенного в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (XV очередь – мероприятие 1.2.2, гуманитарные науки).

Разработка экономического обоснования создания предприятий-операторов по предоставлению услуг на основе системы ГЛОНАСС, обслуживающих отдельные субъекты РФ, включает два этапа:

1) моделирование спроса на услуги в зависимости от особенностей территории и экономики региона,

2) расчет затрат на функционирование предприятий и денежных потоков.

В данной статье представлены эконометрические модели, позволяющие прогнозировать спрос на эти услуги предприятия по использованию результатов системы ГЛОНАСС в экономике региона в зависимости от особенностей территории и экономики региона.

Разработка таких моделей включает в себя следующие этапы:

1. Классификация хозяйствующих субъектов экономики региона, предъявляющих спрос на услуги предприятия по использованию результатов системы ГЛОНАСС.

В результате классификации выявлено, что услуги, предоставляемые населению предприятием, использующим результаты системы ГЛОНАСС, включают:

– аренду комплектов геодезической спутниковой аппаратуры ГЛОНАСС с постобработкой данных геодезических измерений и вычислением координат точек;

– перевычисление координат из геоцентрической системы координат WGS-84 в национальную референтную систему координат СК-95 и местные системы координат;

– продажу автомобильного навигационного оборудования;

– монтаж автомобильного навигационного оборудования;

– мониторинг и сервисное обслуживание транспортных средств с использованием системы ГЛОНАСС.

Поэтому можно выделить пять групп потребителей, предъявляющих спрос на услуги, предоставляемые с использованием системы ГЛОНАСС:

G1 – группа потребителей, использующих данные высокоточного позиционирования (ВТСП) при регистрации прав на земельные участки;

© Камакина О.В., Беляев Е.И., Ицкович И.И., Буров Н.Н., 2013

G2 – группа потребителей, использующих данные ВТСП при оформлении сделок продажи земельных участков;

G3 – группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – автобусов;

G4 – группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – грузовых автомобилей;

G5 – группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – легковых автомобилей.

Моделирование спроса было проведено по каждой группе с учетом факторов, характеризующих регион.

2. Отбор факторов для построения эконометрических моделей прогнозирования спроса на услуги создаваемого предприятия.

На основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики в разрезе субъектов РФ сформированы перечни показателей для анализа эконометрических зависимостей спроса хозяйствующих субъектов в регионе на услуги, предоставляемые с использованием системы ГЛОНАСС.

Основными параметрами региона, влияющими на численность потребителей, являются: P1 – валовой региональный продукт (ВРП), млн. руб.; P2 – численность населения региона, тыс. чел.; P3 – среднедушевой денежный доход в месяц, руб.; P4 – площадь территории региона, тыс. кв. км; P5 – объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», млн. руб.; P6 – инвестиции в основной капитал, млн. руб.; P7 – количество предприятий и организаций, зарегистрированных на территории региона, тыс. шт.; P8 – количество предприятий и организаций, зарегистрированных в регионе по видам экономической деятельности, тыс. шт.; P9 – плотность населения в регионе, чел. на 1 кв. км.

На основе анализа рабочих гипотез, определяющих взаимосвязи между численностью потребителей и базовыми параметрами региона, установлено, что построение моделей с большим количеством влияющих факторов затрудняет ее применение для прогнозирования. Поэтому в качестве основных параметров региона, влияющих на численность потребителей, выделим:

P1 – валовой региональный продукт (ВРП), млн. руб.;

P2 – численность населения региона, тыс. чел.;

P3 – среднедушевой доход в месяц, руб.

Эти показатели характеризуют масштабы регионов и уровень экономической активности в них, что влияет на количество и объем спроса потребителей услуг предприятия-оператора.

3. Разработка частных эконометрических зависимостей, позволяющих спрогнозировать спрос потребителей на услуги предприятия-оператора по использованию результатов системы ГЛОНАСС.

Далее приведены модели для определения объема спроса по каждой группе.

3.1 Группа потребителей, использующих данные ВТСП при регистрации прав на земельные участки.

Количество потребителей группы $G1_{r,i}$ определяется для каждого региона (r) и каждого расчетного периода планирования i=1…M, где M – количество периодов планирования.

При расчете количества потребителей этой группы учитываются: $N1_{r,i}$ – количество зарегистрированных прав на земельные участки в регионе r в i-й период планирования; $d1_{r,i}$ – доля проникновения услуги высокоточного позиционирования создаваемого предприятия на рынок услуг по регистрации прав на земельные участки в регионе r в i-й период планирования; $b1_{r,i}$ – доля работающих базовых станций от общего планового количества базовых станций в регионе r в i-й период планирования.

Расчет количества потребителей производится следующим образом:

$$G1_{r,i} = d1_{r,i} \cdot b1_{r,i} \cdot N1_{r,i} . \qquad (1)$$

В связи с тем, что статистическая информация по объему данного вида услуг ограничена, а интервал варьирования имеющихся данных колеблется в небольшом диапазоне ±13%, в качестве прогнозного значения параметра $N1_r$ принимаем скользящее среднее арифметическое за исследуемый период времени.

3.2 Группа потребителей, использующих данные ВТСП при оформлении сделок продажи земельных участков.

Количество потребителей группы $G2_{r,i}$ определяется для каждого региона (r) и каждого расчетного периода планирования i=1…M, где M – количество периодов планирования.

При расчете количества потребителей этой группы учитываются: $N2_{r,i}$ – количество сделок продажи земельных участков в регионе r в i-й период планирования; $d2_{r,i}$ – доля проникновения услуги высокоточного позиционирования создаваемого предприятия на рынок услуг по оформлению сделок продажи земельных участков в регионе r в i-й период планирования; $b1_{r,i}$ – доля работающих базовых станций от общего планового количества базовых станций в регионе r в i-й период планирования.

Расчет количества потребителей производится следующим образом:

$$G2_{r,i} = d2_{r,i} \cdot b1_{r,i} \cdot N2_{r,i} . \qquad (2)$$

Установлено, что основным фактором, влияющим на количество сделок по продаже земельных участков, является величина валового регионального продукта – индикатора деловой активности в регионе. При прочих равных условиях, чем выше ВРП, тем больше количество сделок по купле-продаже земельных участков.

Таблица 1

Эконометрические модели прогнозирования количества сделок по продаже земельных участков

r	Регион	Количество сделок по продаже земельных участков ($N2_r$), шт.
7	Костромская область	$N2_7$=3050×Ln($P1_7$) – 30173
16	Ярославская область	$N2_{16}$=13730×Ln($P1_{16}$) – 158701

Таблица 2

Расчет количества автобусов на 100 тыс. населения (A_r)

r	Регион	Количество автобусов на 100 тыс. населения (A_r), шт.
7	Костромская область	$A_7=8\times10^{81}\times e^{-0,092\cdot t}$
16	Ярославская область	$A_{16}=5\times10^{15}\times e^{-0,0158\cdot t}$

Эконометрические модели, характеризующие влияние объема ВРП региона ($P1_r$) на количество сделок по продаже земельных участков в регионах ($N2_r$), имеют, как правило, логарифмический характер. В таблице 1 представлены соответствующие модели для ряда регионов Центрального федерального округа, а на рис. 1, 2 их графическая интерпретация.

Анализ полученных моделей показывает, что во многих регионах еще продолжается становление рынка услуг геодезических измерений с использованием современных технологий, а затем предполагается насыщение спроса и стабилизация рынка.

3.3 Группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – автобусов.

Количество потребителей группы $G3_{r,i}$ определяется для каждого региона (r) и каждого расчетного периода планирования *i*=1…M, где M – количество периодов планирования.

При расчете количества потребителей этой группы учитываются: $N3_{r,i}$ –количество автобусов в регионе r в *i*-й период планирования; $d31_{r,i}$ – доля проникновения услуги создаваемого предприятия по мониторингу транспортных средств на рынок эксплуатации автобусов, находящихся в государственной и муниципальной собственности; $k31_{r,i}$ – доля автобусов, находящихся в государственной и муниципальной собственности; $d32_{r,i}$ – доля проникновения услуги создаваемого предприятия по мониторингу транспортных средств на рынок эксплуатации автобусов, находящихся в частной собственности; $k32_{r,i}$ – доля автобусов, находящихся в частной собственности;

Расчет количества потребителей производится следующим образом:

$$G3_{r,i} = d31_{r,i} \cdot k31_{r,i} \cdot N3_{r,i} + d32_{r,i} \cdot k32_{r,i} \cdot N3_{r,i}. \quad (3)$$

Показатель количество автобусов в регионе $N3_r$ может быть определен при помощи предложенной авторами эконометрической модели с использованием относительных показателей:

$$N3_r = A_r \times P2_r / 100, \quad (4)$$

где A_r – количество автобусов в регионе на 100 тыс. населения, шт./100 тыс. населения; $P2_r$ – численность населения в регионе, тыс. чел.

В свою очередь удельный показатель A_r определяли на основе моделирования временных рядов по регионам ЦФО за период 1995–2011 гг. Примеры расчетных формул для двух регионов ЦФО представлены в таблице 2.

Из полученных данных видно, что подобные зависимости имеют преимущественно экспоненциальный характер с отрицательным показателем степени. Это указывает на то, что потребность населения регионов в услугах общественного транспорта год от года снижается. Это может быть связано в том числе с увеличением количества частного автотранспорта.

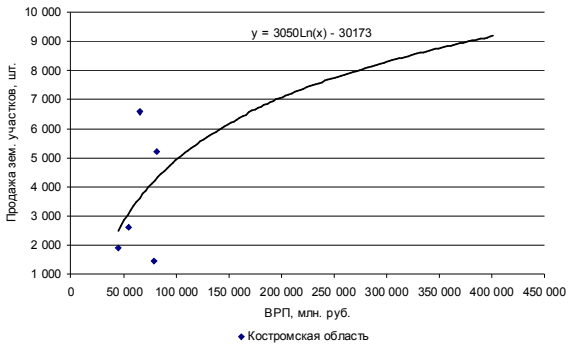

Рис. 1. Эконометрическая модель зависимости количества сделок по продаже земельных участков от ВРП в Костромской области

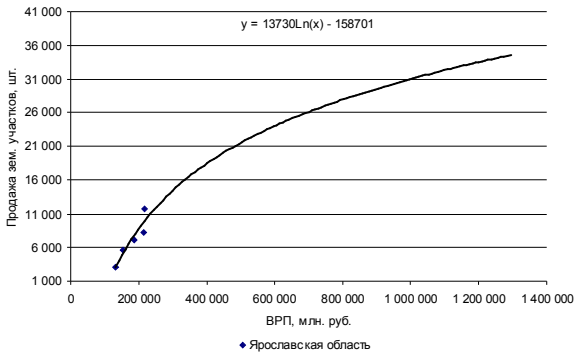

Рис. 2. Эконометрическая модель зависимости количества сделок по продаже земельных участков от ВРП в Ярославской области

Таблица 3

Эконометрические модели прогнозирования количества легковых автомобилей ($N5_r$)

r	Регион	Количество легковых автомобилей ($N5_r$), шт.
7	Костромская область	$N5_{7,i}$=3,8637×$P3_{7,i}$ + 100904
16	Ярославская область	$N5_{16,i}$=2,8724×$P3_{16,i}$ + 207722

3.4 Группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – грузовых автомобиле.

Количество потребителей данной $G4_{r,i}$ определяется для каждого региона (r) и каждого расчетного периода планирования *i*=1…M, где M – количество периодов планирования.

При расчете количества потребителей этой группы учитываются: $N4_{r,i}$ – количество грузовых автомобилей в регионе r в *i*-й период планирования; $d41_{r,i}$ – доля проникновения услуги создаваемого предприятия по мониторингу транспортных средств на рынок эксплуатации грузовых автомобилей, принадлежащих организациям; $k41_{r,i}$ – доля грузовых автомобилей, принадлежащих организациям; $d42_{r,i}$ – доля проникновения услуги создаваемого предприятия по мониторингу транспортных средств на рынок эксплуатации грузовых автомобилей, принадлежащих гражданам; $k42_{r,i}$ – доля грузовых автомобилей, принадлежащих гражданам.

Расчет количества потребителей производится следующим образом:

$$G4_{r,i} = d41_{r,i} \cdot k41_{r,i} \cdot N4_{r,i} + d42_{r,i} \cdot k42_{r,i} \cdot N4_{r,i}. \quad (5)$$

Показатель количества грузовых автомобилей $N4_r$ может быть определен при помощи предложенной авторами статьи эконометрической модели, основным фактором которой является ВРП ($P1_r$).

Для Ярославской области указанная модель имеет следующий вид:

$N4_{16}$=0,0147×$P1_{16}$ + 5063,1 (6).

Следует отметить, что и для других регионов субъектов РФ при определении данного показателя наблюдаются линейные зависимости аналогичного характера. Данные модели характеризуются высокими значениями коэффициента корреляции, которые для разных периодов находятся в диапазоне 0,76 ÷ 0,98.

3.5 Группа потребителей, использующих данные мониторинга транспортных средств – легковых автомобилей.

Количество потребителей данной группы $G5_{r,i}$ определяется для каждого региона (r) и каждого расчетного периода планирования *i*=1…M, где M – количество периодов планирования.

При расчете количества потребителей этой группы учитываются: $N5_{r,i}$ – количество легковых автомобилей в регионе r в *i*-й период планирования;

Таблица 4

Исходные данные и результаты прогнозирования спроса на услуги, предоставляемые предприятием с использованием результатов ГЛОНАСС в Ярославской области

Наименование показателей	Прогнозные значения			
	2013	2014	2015	2016
Базовые параметры региона				
ВРП, млн. руб. (P1)	348 805	394 725	446 690	505 497
Численность населения, тыс. чел. (P2)	1 530	1 540	1 550	1 560
Среднедушевой доход в мес., руб. (P3)	27 843	30 070	32 476	35 074
Параметры региона, влияющие на объем спроса				
Количество операций по регистрации прав на зем . участки, шт. (N1)	76 472	76 472	76 472	76 472
Количество сделок продажи зем. участков, шт. (N2)	16 525	18 223	19 921	21 619
Количество автобусов общего назначения на 100 тыс. населения (A)	77	76	75	73
Количество автобусов общего назначения, шт. (N3)	1 177	1 166	1 155	1 145
Количество грузовых автомобилей в регионе, шт. (N4)	10 191	10 866	11 629	12 494
Количество легковых автомобилей в регионе, шт. (N5)	287 698	294 096	301 006	308 469
Объемы спроса				
Количество операций по регистрации прав на зем. участки с использованием ВТСП (G1), шт.	3 824	7 647	11 471	15 294
Количество операций по регистрации сделок по продаже зем. участков с использованием ВТСП (G2), шт.	826	1 822	2 988	4 324
Количество автобусов, подключенных к мониторингу ТС (G3), шт.	538	533	528	523
Количество грузовых автомобилей, подключенных к мониторингу ТС – (G4), шт.	1 032	1 100	1 178	1 265
Количество легковых автомобилей, подключенных к мониторингу ТС (G5), шт.	2 877	2 941	3 010	3 085

$d5_{r,i}$ – доля проникновения услуги создаваемого предприятия по мониторингу транспортных средств на рынок легковых автомобилей.

Расчет количества потребителей производится следующим образом:

$$G5_{r,i} = d5_{r,i} \cdot N5_{r,i}. \quad (7)$$

Показатель количества легковых автомобилей $N5_r$ может быть определен при помощи предложенной авторами статьи эконометрической модели, основным фактором которой является среднедушевой денежный доход населения в регионе ($P3_r$).

Эконометрические модели, отражающие влияние среднедушевого денежного дохода населения в регионе на количество легковых автомобилей в регионе, имеют преимущественно линейный характер. В таблице 3 представлены соответствующие эконометрические модели для двух регионов Центрального федерального округа.

Данные модели характеризуются высокими значениями коэффициентов корреляции, которые для разных периодов находятся в диапазоне 0,81 ÷ 0,98. Полученные зависимости подтверждают гипотезу, что увеличение среднедушевого денежного дохода в регионе приводит к росту количества легковых автомобилей на его территории.

Полученные эконометрические модели (1–7) позволили спрогнозировать объемы спроса на услуги данного предприятия-оператора по использованию результатов системы ГЛОНАСС в Ярославской области со стороны каждой группы потребителей. Исходные данные и результаты прогнозирования представлены в таблице 4.

Анализ полученных в работе результатов указывает на то, что в Ярославской области наблюдается постепенная стабилизация объема спроса на рынке услуг по мониторингу транспортных средств. В данном регионе уже реализованы крупные проекты по оснащению регионального и муниципального транспорта, а также транспорта специального назначения оборудованием и программным обеспечением по мониторингу транспортных средств, следовательно, этот рынок в данном регионе переходит в состояние насыщения. Расширение спроса на услуги мониторинга транспортных средств будет происходить преимущественно за счет подключения к мониторингу частного грузового и легкового автотранспорта. Рынок услуг, использующих результаты высокоточного позиционирования, в Ярославской области еще формируется и является средой, где представлены разнообразные технологии проведения измерений и наблюдений на местности. Поэтому объемы спроса на услуги с использованием высокоточного позиционирования в Ярославской области будут постепенно нарастать. Аналогичные тенденции характерны для спроса на данные услуги и в других регионах РФ. Они могут быть использованы при формировании концепции деятельности предприятий-операторов по оказанию услуг, предоставляемых с использованием системы ГЛОНАСС, которые планируются к открытию в регионах РФ.

Полученные эконометрические модели прогнозирования спроса на услуги регионального предприятия-оператора, использующего результаты ГЛОНАСС, являются основой для моделирования его денежных потоков и формирования бизнес-плана.

УДК 33с

Курова Галина Маратовна
кандидат сельскохозяйственных наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
kurovashults@rambler.ru

ДЕТЕРМИНАНТНОСТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

В статье рассматривается значение различных детерминантов для управления конкурентоспособностью предприятий, раскрываются новые теоретические аспекты проблемы, даются новые классификации детерминантов конкурентоспособности, приводятся данные авторских исследований по корреляции некоторых детерминантов.

Ключевые слова: *детерминант, конкурентоспособность, классификация, корреляция.*

Категория «детерминант» происходит от латинского «determinare», что означает ограничивать, определять [4, с. 232]. Есть мнение, что термин «детерминант» – это определитель, выражение, составленное из элементов матрицы, с помощью которого находят решения линейных систем уравнений. В то же время вполне приемлемо понимание категории «детерминант» как фактора, определяющего влияние на что-либо [15, с. 109]. В нашем понимании детерминант конкурентоспособности – это причина, вызывающая возникновение и развитие конкурентоспособности на уровне экономической организации, предприятия, фирмы.

Наиболее подробно охарактеризовал детерминанты конкурентоспособности М. Портер. Он является автором знаменитого «ромба» детерминантов конкурентоспособности, компоненты которого взаимно усиливаются и влияют друг на друга. Факторы конкурентоспособности М. Портер рассматривает как один из четырех детерминантов конкурентного преимущества, которыми являются: стра-

© Курова Г.М., 2013

тегия фирмы; структура фирмы и ее конкуренты; условия спроса и наличие родственных или смежных отраслей и предприятий; конкурентоспособность на мировом рынке. М. Портер связывает детерминанты конкурентного преимущества предприятия с факторами производства, которые делит на 5 групп. Кроме того, М. Портер выделил типы факторов, влияющих на конкурентоспособность. Другой принцип классификации – специализация, по которой факторы делятся на два типа – общие и специализированные. Также М. Портер делит детерминанты на естественные и искусственно созданные [8, с. 126].

Такие ученые, как А. Олливье, А. Дайано и Р. Урсе, предположили, что конкурентоспособность должна обеспечиваться восемью факторами (гипотетический «многоугольник конкурентоспособности»), к которым относятся: концепция; качество; цены; финансы; торговля; послепродажное обслуживание; внешняя политика; предпродажная подготовка [7, с. 102].

Японские специалисты выделяют 5-уровневую иерархию факторов конкурентоспособности предприятия. В итоге японские ученые открыли следующую зависимость: чем больше прибыль, тем выше конкурентоспособность, и чем выше конкурентоспособность, тем больше прибыль.

Артур А. Томпсон-младший и А. Дж. Стрикленд выделили 9 основных факторов конкурентоспособности предприятия [11, с. 520]. Дэвид Кревенс считает, что для руководства компанией необходимы ключевые компетенции, определяемые конкурентоспособными преимуществами, универсальностью в различных ситуациях, сложностью дублирования. Он предложил весьма относительную группировку факторов по направленности функциональных процессов: внешние, направленные из внешнего окружения внутрь организации; внутренние, идущие изнутри организации; и третья группа – двухсторонние (внешние процессы связывают организацию с ее внешним окружением, обеспечивая обратную с нею связь и формируя внешние связи) [9, с. 340–343]. Д. Хасби выделяет детерминанты: качество продукции, относительная цена продукции, продвижение продукции на рынке и мощность сбытовой сети [13, с. 158–162].

Большинство отечественных экономистов выделяет множество других детерминантов конкурентоспособности. Е.Н. Кучерова предлагает учитывать количественные и качественные факторы [6, с. 85–88]. Е.В. Васькова предположила взаимосвязь конкурентоспособности национальной экономики и налоговой политики государства и доказала, что последняя также является детерминантом конкурентоспособности [2, с. 150–160]. Большой интерес, с точки зрения наших исследований по теории детерминантности конкурентоспособности экономических организаций, представляет работа В.В. Худеевой, в которой рассматривается как детерминант федеральная политика регионального развития [14, с. 3–14]. Всю совокупность факторов И.У. Зулькарнаев и Л. Р. Ильясова поделили на три группы: ресурсы, цели, факторы внешней среды [3, с. 24]. В.Л. Белоусов сделал группировку по отдельным элементам комплекса маркетинга: продукт, цена, доведение продукта до потребителя, продвижение продукта на рынок или маркетинговые коммуникации, деловая активность и эффективность деятельности организации [1, с. 25]. Анализ доступной литературы свидетельствует о том, что наиболее популярно деление детерминантов на внешние и внутренние. Е.А. Сысоева считает, что для экономических организаций как открытых систем необходимо делить факторы конкурентоспособности на внешние (прямого и косвенного воздействия) и внутренние.

Из всего сказанного выше становится ясно, что нахождение и появление факторов – процесс накопительный, динамичный. Постоянно идет прибавление все новых детерминантов конкурентоспособности. Мы считаем, что современная теория детерминантности недостаточно полно представлена в данных работах. Постараемся разработать собственные классификации детерминантов конкурентоспособности, основанные на 12 базовых факторах, влияющих на конкурентоспособность с учетом различных экономических уровней (слоев). К этим факторам относятся: политика государства; природно-климатические условия; ресурсы; рынок; финансовая система; инновации; отношения с потребителем; управление качеством работы; партнерство; структура и стратегия организаций; организация производства и труда; мотивация и психология.

Большинство этих детерминантов охарактеризовано в работах зарубежных и отечественных экономистов. Можно предложить новые классификации детерминантов конкурентоспособности. Прежде всего, мы должны выделить статический и динамический виды детерминантов. Разделение это довольно условно, так как одни и те же детерминанты из 12 перечисленных могут в разное время и на разных экономических уровнях находиться как в статическом, так и в динамическом состояниях. Наиболее статичны, тем не менее, природно-климатические условия, наличие ресурсов, системно-комплексные методы управления качеством работы (менеджмент качества продукции и труда), мотивация и психология. Остальные детерминанты даже своим существованием во многом обязаны динамике, гибкости и своей способности к изменениям в зависимости от внешних и институциональных условий.

Во второй классификации перечисленные детерминанты по отношению к современности могут быть разделены на традиционные, рациональные

и современные (продвинутые). К традиционным относятся исторически устойчивые, десятилетиями и даже столетиями закрепленные детерминанты, используемые для регулирования конкурентоспособности экономических организаций, отраслей, регионов, государств. Они имеют определенные преимущества, закрепившиеся за ними со временем, но могут нести в себе и определенные недостатки или излишние затраты средств и труда. Рациональные детерминанты возникают благодаря инновациям, удачным экономическим экспериментам, социально ориентированной политике, стратегии и тактике на всех уровнях экономики. Главное отличие рациональных детерминантов конкурентоспособности состоит в том, что конкурентоспособность максимизируется, а затраты минимизируются. Современные детерминанты также возникают благодаря развитию научных исследований, положительным экспериментам, практическому опыту и т.д.

При систематизации детерминантов необходимо учитывать возможные методологические подходы к изучению объекта и предмета исследования. Р.А. Фатхутдинов насчитывает до 13 методологических подходов в современной экономической науке. Мы же систематизируем детерминанты конкурентоспособности по основным подходам, принятым в экономической теории и теории организации. При использовании системного подхода можно выделить спонтанные, системные и институциональные детерминанты. К первым можно отнести некоторые характеристики рынка, ошибки или находки в политике, природные катаклизмы, кризисы финансовой системы, не связанные с государственной системой, и т.д. К системным могут относиться: политика государства, природа и климат, имеющиеся и разрабатываемые по программам ресурсы, системное использование инноваций, использование систем управления качеством работы, выбор партнерских связей; структура и стратегия организаций, организация производства и труда; система мотивации работы и базовые психологические моменты. Многие системные детерминанты, тесно взаимосвязанные между собой, постепенно могут вырасти в институты, которые представляют собой системы более высокого уровня и развития. К ним относятся, например, институт политики, рыночный институт, институт партнерских отношений (ИПО) и, наконец, сам институт конкурентоспособности.

Понятно, что институты и системы не могут существовать без взаимосвязи друг с другом, поэтому при использовании комплексного подхода можно выделить элементные и комплексные детерминанты конкурентоспособности. К первым мы относим природные, климатические, ресурсные, структурные, стратегические, психологические детерминанты. Остальные относятся к комплексным.

При использовании функционального подхода детерминанты можно разделить на причинные и следственные. Особенностью этого методологического подхода является то, что причины могут перерастать в следствия, а следствия снова превращаться в причины, относящиеся к конкурентоспособности. То есть нет ничего постоянного, стопроцентно статичного в системе детерминантов. Например, причиной внедрения системы управления качеством продукции и труда может являться материальная мотивация труда. Установившаяся и используемая комплексная система управления качеством продукции (КСУКП) вызывает, как следствие, изменения детерминантов мотивации и даже

Рис. 1. Взаимосвязь партнерства с конкурентоспособностью через внутренний детерминант (СОКО)

коллективной психологии экономической организации.

Наиболее перспективным, по нашему мнению, является каузально-институциональный методологический подход, используя который все детерминанты можно разделить на внешние и внутренние. При этом имеется в виду, что внешние детерминанты, соединяясь с внутренними, позволяют получать желательный эффект повышения конкурентоспособности или же, наоборот, нежелательный. Данный эффект соответствует широко известному и, по мнению некоторых ученых, «устаревшему» правилу «черного ящика». Например, партнерство, которое служит основным побуждающим фактором любой производственной и коммерческой деятельности, можно считать внешним детерминантом. Внутренним детерминантом может служить организация комплексной системы управления качеством продукции и труда на предприятии. Вспомним о схеме СОКО (система обеспечения конкурентоспособности объекта), предложенной Р.А. Фатхутдиновым в 2002 г. и подходящей для любых систем, которые могут обеспечить конкурентоспособность объекта [12, с. 452–457]. Мы заполнили эту схему, исходя из сделанных собственных выводов (рис. 1).

Как видно из схемы, главной целью является формирование и использование института партнерских отношений (ИПО) для регулирования экономических показателей (конкурентоспособности) экономических организаций, то есть институционализация сложившейся системы партнерско-экономических отношений, которая обеспечивается работой пяти подсистем. Обязательным при использовании как внутреннего детерминанта паспортизации качества работы является создание и использование в деятельности предприятия отдела или бюро качества, которые в настоящее время существуют далеко не на всех исследованных нами объектах (по нашим данным 2009–2010 гг., примерно на 30–50% всех изученных предприятий) [5, с. 116]. Таким образом, для формирования, использования и функционирования ИПО требуется определиться с концепцией институционализации партнерства, конкурентоспособности и качества работы, которые тесно связаны с институтом экономики, сложившимся в России. При этом необходимо отметить, что паспортизация является не просто методом оформления документации для внедрения системы менеджмента качества на предприятии, а продуманным и разработанным нами методом комплексной системы управления качеством работы, новым направлением в достижении национального стандарта ISO. В ГОСТ Р ИСО 9001–2008 [10, с. 3–35] декларируется необходимость применения Европейского стандарта ISO и использования показателей качества для производства и реализации любой продукции во всех отраслях народного хозяйства. По сути дела, разработка паспортизации качества работы на предприятиях – это перспективное научное направление в экономике, так как речь идет не просто об организации производства какой-либо продукции или услуг, а именно о производстве качественной продукции, соответствующей мировым стандартам. За рубежом существует универсальная система достижения высокого качества и, соответственно, конкурентоспособности, названная TQM. Паспортизация качества (ПКР) как метод, направление, разработана нами пока для отраслей птицеводства и молочного скотоводства; также была попытка разработки паспортов качества для предприятий пищевой промышленности.

Одной из задач наших исследований было доказательство возможной взаимосвязи между конкурентоспособностью предприятия и уровнем развития на нем партнерства как внешнего детерминанта. Для этого опрашивалось 203 эксперта (руководителя предприятий) по специально разработанной анкете в 2008–2010 гг. Подробные результаты данного наблюдения охарактеризованы в монографии «Партнерско-экономические отношения как система» [5, с. 3–109] и в некоторых статьях. Индикатором конкурентоспособности служила рентабельность предприятия. По величине рентабельности все предприятия были разделены на три группы: убыточные (с рентабельностью менее 0%); с простым воспроизводством (рентабельность 0,1–25%) и с расширенным воспроизводством (рентабельность более 25%). По уровню развития партнерства на предприятиях первоначально использовались два показателя: доля предприятий с наличием партнерских связей (в %) и качество развития партнерства в баллах (по 5-балльной шкале). Первый показатель означал активность предприятий, второй – качество партнерских отношений. Результаты оценки рассчитывались в программе «Exell». Оказалось, что с повышением рентабельности предприятий повышаются оба показателя (балл качества и наличие партнерства). Причем эта тенденция наблюдается как при партнерстве с предприятиями, так и с организациями, с частными лицами и по средним показателям. Коэффициенты корреляции рентабельности с показателями уровня развития партнерства с предприятиями, организациями и частными лицами составили соответственно: 0,29; 0,28 и 0,25. Таким образом, в 2010 г. впервые была доказана положительная тенденция взаимосвязи между конкурентоспособностью (рентабельностью предприятий) и уровнем развития партнерских отношений [5, с. 100–105].

В 2011 г. экспертным методом было исследовано 148 предприятий для определения возможной корреляции между рентабельностью (как основным индикатором конкурентоспособности) и степенью использования на предприятиях систем управления

качеством работы, как внутреннего детерминанта конкурентоспособности экономических организаций. Коэффициент корреляции составил 0,41–0,44. При этом по рентабельности все экономические организации были также разделены на три основные группы, как и при исследовании внешнего детерминанта (партнерства). Таким образом, в 2011 г. впервые был доказана положительная тенденция между конкурентоспособностью и уровнем использования комплексных систем управления качеством продукции и услуг в экономических организациях. Было установлено, что использующиеся на предприятиях системы относились, в основном, к методу сертификации качества; на 7% предприятий применялись системы, разработанные непосредственно на этих конкретных предприятиях. Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

– необходима дальнейшая разработка теории детерминантности конкурентоспособности, особенно на уровне экономических организаций;

– наиболее перспективным является использование каузально-институционального подхода и деление детерминантов на внутренние и внешние;

– в 2010–2011 гг. впервые были доказаны прямые положительные тенденции между конкурентоспособностью (рентабельностью) и уровнем развития на предприятиях партнерства, а также использованием комплексных систем управления качеством работы;

– при разработке данного нового научного направления (ПКР) теория детерминантности конкурентоспособности переходит от чисто теоретического осмысления к практической экономической деятельности и приобретает большое практическое значение.

Библиографический список

1. *Белоусов В.Л.* Анализ конкурентоспособности фирмы // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 5. – С. 25.

2. *Васькова Е.В.* Взаимосвязь конкурентоспособности национальной экономики и налоговой политики государства: дисс. … канд. экон. наук. – Иркутск, 2006. – 163 с.

3. *Зулькарнаев И.У., Ильясова Л.Р.* Метод расчета интегральной конкурентоспособности промышленных, торговых и финансовых предприятий // Маркетинг в России и за рубежом. – 2004. – № 4. – С. 24.

4. *Крысин Л.П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2011. – 842с.

5. *Курова Г.М.* Партнерско-экономические отношения как система: монография. – Кострома: Ред.-изд. отдел Костромского областного института развития образования, 2011. – 118 с.

6. Образовательный сайт Е.Н. Кучеровой. Конкурентоспособность предприятия: методологические основы // Образование, наука и производство: сб. науч. трудов. Т. 4. – Вязьма: ВФ МГИУ, 2005. – С. 84–91.

7. *Олливье А., Дайан А., Урсе Р.* Международный маркетинг. – М.: Экономика, 1993. – 162 с.

8. *Портер М.* Международная конкуренция / под ред. В.Д. Щетинина. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.

9. *Смольянова Е.Л., Малицкая В.Б.* К вопросу о классификации факторов и резервов обеспечения конкурентоспособности предприятия // Вестник ТГУ. – 2009. – № 2 (70). – С. 336–344.

10. Система менеджмента качества. Требования ISO 9001-2008. – М.: Стандартиформ, 2010. – 35 с.

11. *Томпсон-мл. А.А., Стрикленд III А.Дж.* Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа / пер. с англ. – 12-е изд. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2006. – 928 с.

12. *Фатхутдинов Р.А.* Организация производства: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 670с.

13. *Хасби Д.* Стратегический менеджмент. – М.: Контуры, 1998. – 382с.

14. *Худеева В.В.* Модернизация федеральной политики регионального развития как детерминант конкурентоспособности территорий: автореф. дис. … док. экон. наук. – Тамбов, 2011. –15 с.

15. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – 524 с.

УДК 332

Лукин Александр Владимирович
Пермский институт внутренних войск МВД России
elen.lukina@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС И ЕГО ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В МЕЗОСОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье развивается предложенный Н.В. Логвин подход к рассмотрению региона (в рамках экономического анализа) как мезосоциоэкономической системы.

Ключевые слова: *экономическое интересы, регион, мезосоциоэкономическая система.*

Вопрос о выборе системы ценностных ориентации весьма важен, так как совокупность сложившихся (или усвоенных) ценностей воздействует на мотивацию любой человеческой деятельности, в том числе и хозяйственной, предопределяет содержание и направленность потребностей и интересов, проявляющихся в процессе этой деятельности как у отдельных личностей, социальных групп, так и у общества в целом.

В конце XX века в отечественной экономической литературе появилось понятие «общерегиональный интерес», и наметились подходы к его обоснованию. Так, Лексин и А. Швецов считают, что общерегиональный интерес – это возможность реализации на каждой конкретной территории конституционно гарантированных прав и свобод для каждого человека [1]. М. Решетников утверждает, что региональный интерес – это справедливое распределение бюджетных услуг [2]. М. Викторов и А. Шалмуев рассматривают общерегиональный интерес как повышение благосостояния населения региона, которое является комплексной экономической категорией, отражающей все стороны жизнедеятельности индивида [3].

Соглашаясь с подобными подходами, мы считаем, что общерегиональный интерес формируется на основе интересов всего регионального сообщества, как населения, хозяйственных агентов, так и региональной власти.

Попытка анализа взаимодействия групповых региональных интересов требует выделения носителей этих интересов – субъектов исследования. Анализ литературы по данному вопросу позволяет разделить существующие подходы к проблеме, используя критерий, согласовано которому субъект управления зависит от субъекта собственности, представляющего его интересы.

И тогда можно утверждать, что субъектами региональных экономических интересов выступает сам регион и его местные территории, а также хозяйствующие экономические и социальные организации.

Можно рассмотреть несколько подходов, раскрывающих возможные варианты взаимопереплетения экономических интересов субъектов в регионе.

Первый подход предполагает, что экономические интересы региона представляет его администрация. Именно она является выразителем совокупного группового интереса – регионального (территориального) экономического интереса. Обладая всеми необходимыми правами по управлению социально-экономической жизнью региона, она представляет региональные интересы на федеральном уровне и одновременно реализует федеральные экономические интересы на региональном уровне. Администрация региона владеет не всем «пучком прав», но наиболее важными составляющими. Назовем это условно «контрольным пакетом прав». Сюда входят такие основные права, как право использования собственности, право управления, право на доход и другие.

С этих же позиций рассмотрим территорию региона. Экономические интересы какой-либо территории ограничиваются представлением своих интересов вне региона (внешний интерес) и управлением регионом (внутренний интерес). Если рассматривать «контрольный пакет прав» территории, то он будет по форме аналогичен пакету прав администрации региона, а по содержанию – практически пустым, так как полностью поглощается «контрольным пакетом администрации». Следовательно, процесс согласования экономических интересов региона и территории регулируется не экономическим инструментарием, а чисто административным.

Остановимся на втором подходе. Здесь появляется новый субъект – отрасль хозяйства.

Отрасли в лице своих форм в регионе обладают практически полным «пучком прав» на объекты собственности. Этот набор прав соответствует или превышает «контрольный пакет прав» региона. Если рассматривать внешние экономические интересы хозяйствующих субъектов в регионе, то они соответствуют федеральным экономическим интересам в той части, которая вытекает из интересов Федерации.

При рассмотрении внутренних отраслевых интересов следует отметить совпадение части прав из «пучка прав» на объекты собственности у региона и местных территорий. Это право владения, использования, управления, право на доход и другие.

С учетом того, что любая отрасль в регионе представлена хозяйствующими субъектами – экономическими организациями, возникает триада региональных экономических интересов: регион – отрасль – экономическая организация (предприятие, фирма).

© Лукин А.В., 2013

Экономические интересы в этой триаде имеют единый ключевой объект – ресурсы. Распределение и перераспределение финансовых, материальных, трудовых, интеллектуальных, информационных ресурсов лежит в содержании различных групповых интересов в регионе.

Рассмотрим эту триаду подробнее.

1. Регион – отрасль.

Уточним, что носителем региональных экономических интересов выступает администрация региона. Его экономические интересы концентрируются в политике, проводимой администрацией на подведомственной ей территории. В соответствии с делением интересов на внешние и внутренние, экономическую политику администрации можно разделить, с достаточной степенью условности, на внешнюю и внутреннюю. С одной стороны, политика администрации должна опираться на потребности и запросы населения, с другой – создавать условия для эффективного функционирования (хозяйствующих субъектов), а с третьей – проводить политику центра в регионе. То есть согласовывать интересы внутри субъекта (носителя интересов), что трудно осуществить. Но это с точки зрения объективных условий функционирования администрации. Если же учесть субъективные факторы, такие как социально-политическая обстановка в регионе, уровень жизни населения, интересы чиновничества (бюрократии), то проблема будет еще более сложной. Можно утверждать, что внешние и внутренние интересы даже одного субъекта не согласованы. Такое положение можно считать нормой, так как не бывает совпадения интересов регионального развития и общегосударственных интересов. Здесь всегда существуют противоречия, но только наличие противоречий выступает первопричиной развития любой системы.

Если говорить о втором субъекте – отраслях, то здесь также присутствуют противоречия в интересах, но они не являются постоянными. Интересы отраслей проявляются в наиболее согласованной форме и в большей части совпадают с региональными интересами, когда речь идет о росте доходов работников, о получении в пользование ресурсов, например субсидий из центра.

После получения субсидий интересы субъектов меняются, становятся даже противоположными. Здесь отрасли перестают быть единым целым, каждая заинтересована в большей доле полученного. Иными словами, ориентация интересов различна не только у администрации и хозяйствующих субъектов в регионе, но и у отраслей.

Администрация, согласовывая интересы различных уровней и объектов управления, кроме того, имеет так называемые «собственные» экономические интересы. Бюрократическая машина власти обладает свойством воспроизводить себя, работать, прежде всего, для достижения своих интересов. «Собственные» экономические интересы бюрократов учитываются при выявлении, защите групповых региональных интересов. Механизм реализации интересов в связке «регион – отрасли» происходит через лоббирование отраслями интересов региона в центре. В качестве объектов лоббирования выступают, как правило, денежная, бюджетная, налоговая политика и внешнеэкономическое регулирование. Рассматривая связку «регион – отрасли», можно сделать вывод о том, что направление групповых экономических интересов не является постоянным и может меняться от практически полного совпадения до разнонаправленности.

2. Отрасль – предприятия, фирмы, организации.

К основным объектам экономических интересов этой связки можно отнести:

– распределение инвестиций, поступающих из центра, для данной отрасли (для предприятий государственной формы собственности);

– вопросы соотношения долей, получаемых в результате финансового аспекта хозяйственной деятельности, и остающихся в распоряжении предприятий.

Особенностью данной связки интересов является то, что они могут быть реализованы только после того, как предыдущая связка в определенной степени согласует свои экономические интересы.

3. Регион – предприятия, фирмы, организации.

Объектом экономических интересов этой связки выступают:

– ресурсы: природные, трудовые, финансовые;

– результаты хозяйственной деятельности предприятий;

– социально-экономическая ситуация в регионе;

– уровень жизни населения;

– социальная сфера;

– уровень занятости трудоспособного населения.

Для анализа ориентации интересов в этой связке из сотен предприятий региона необходимо рассматривать структурообразующие. В экономической литературе [4; 5] предлагается четыре критерия, по которым предприятия и фирмы можно отнести к структурообразующим:

– фирмы и предприятия, формирующие доходную часть регионального бюджета;

– фирмы и предприятия, дающие региону основную долю валютных поступлений;

– фирмы и предприятия, от которых в значительной мере зависит положение на рынке труда, – гаранты социальной стабильности в регионе;

– фирмы и предприятия, которые содержат основные объекты социальной сферы.

Вполне естественно, что, если фирмы и предприятие удовлетворяют более чем одному критерию, соответственно увеличивается его экономический и политический вес в регионе.

Распределение и перераспределение ресурсов – основной объект интересов фирмы и предприятий

и организаций. Одной из его особенностей является несовместимость экономических интересов хозяйствующих субъектов. Они в принципе не могут быть полностью согласованы в силу ограниченности ресурсов. Другая особенность –характер самого процесса согласования. Регион в лице администрации выступает в качестве третейского судьи и через это качество реализует собственные интересы в связке «регион – фирма, предприятие, организация». Сам же процесс согласования принимает форму политизированного перераспределительного конфликта. Третьим аспектом согласования интересов можно считать то, что администрация становится практически единственным посредником и одновременно участником борьбы предприятия за положение на рынке. В силу своего монополизма в вопросах перераспределения ресурсов администрация в состоянии изменять направленность интересов предприятия в контексте своих экономических и политических интересов. Отсюда вытекает четвертая особенность согласования интересов рассматриваемой связки – экономические интересы предстают в форме политических интересов.

В современной экономической теории экономическая организация как экономический институт выступает производителем товаров и услуг, является экономической, социальной, технологической и организационной системой. Но при этом предприятие рассматривается в первую очередь в качестве технологической единицы, осуществляющей процесс переработки ресурсов в продукт.

Для нормальной экономической деятельности у хозяйствующих субъектов возникает необходимость в политической поддержке через соответствующих лиц, принимающих решение на региональном уровне. Для того чтобы эти субъекты могли получить политическую поддержку для реализации своих экономических интересов, в регионе начинают создаваться группы «особых интересов».

В теории общественного выбора к группам «особых интересов» относят формальные или неформальные группы людей или организаций, объединенных одной идеей, которые тратят деньги на поддержку политиков и превращают свои идеи в законодательные акты. Если один из наиболее ярких представителей школы теории общественного выбора – Дж. Бьюкенен [6] рассматривал группы «особых интересов» как продукт спонтанной самоорганизации гражданского общества, то другой – лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих фон Хайек – считал, что организация влиятельных групп «особых интересов» невозможна без помощи правительства. По его мнению, организация групп «особых интересов» ведет при помощи правительства к постоянной эксплуатации неорганизованных и не поддающихся организации групп. Жертвами при этом оказываются такие группы, как потребители в целом, налогоплательщики, женщины, старики и многие другие. Поэтому Ф. Хайек [7] предлагает ограничить правомочия центральной власти, какой бы демократический курс она не проводила.

Итак, с началом перехода к рыночным отношениям в региональном сообществе образовались организации, группы людей, которые имели свои особые интересы и пытались защитить их с помощью исполнительной и законодательной власти.

Сторонники теории общественного выбора [8] считают, что близость к власти означает для бизнеса:

– безнаказанность или минимальные наказания при нарушении хозяйственного законодательства;

– получение госзаказов, субсидий с нарушением конкурсных условий;

– информационное сопровождение, в том числе упреждающего характера (информация о готовящихся нововведениях);

– устранение конкурентов силами репрессивных органов;

– использование государственных ресурсов (финансовых, силовых, интеллектуальных и др.) для развития фирмы;

– приоритетный учет интересов фирмы при выработке законодательства.

По мнению сторонников теории общественного выбора, участие бизнеса во власти – это необходимое условие развития крупного бизнеса, так как власть – это благо, без которого развитие крупного бизнеса едва ли возможно.

В деле «захвата власти» бизнесом выделяют две стратегии: рыночную и инвестиционную.

При рыночной стратегии властные решения рассматриваются как товар, который может быть куплен. Бизнес интересуют формальные нормы, как напрямую связанные с данным бизнесом (например, установление импортных квот на определенный вид товара), так и косвенно на него влияющие (например, экологическое регулирование). Между представителями бизнеса идет конкурентная «борьба влияний» с попытками предотвратить или ускорить принятие решений, изменить смысл, формулировки принимаемого документа. Решения власти имеют определенную цену, зависящую от трех факторов:

– размера ренты, которая может быть присвоена за счет получения нужного решения или потеряна при неполучении этого решения;

– времени, в течение которого может быть получена рента;

– статуса чиновника, получающего оплату за услугу.

При инвестиционной стратегии бизнес покупает не услуги чиновника или законодателя, а место во власти, ставя на него своего человека. В этом случае покупается не властная услуга, а обязательства политика, который при избрании (назначении) на должность будет обеспечивать властные аспекты развития конкретного бизнеса. Считается, что

«политическое инвестирование» возможно в трех формах действий:

– лоббирования назначения на руководящие должности;

– проведения своего кандидата на всевозможных выборах местного, регионального и федерального уровней;

– покупки и финансирования деятельности политических партий.

Итак, персонификация регионального экономического интереса в мезосоциоэкономической системе позволяет в дальнейшем осуществлять развитие теоретической экономики на базе многоуровневого подхода к анализу экономических интересов.

Библиографический список

1. *Лексин В.* Региональная политика России: концепции, проблемы, решения // Российский экономический журнал. – 1995. – №2. – С. 25–31.

2. *Решетников М.* О переходе к управлению, ориентированному на конечный результат // Вопросы экономики. – 2006. – № 3. – С. 152–157.

3. *Викторов М.Ю., Шалмуев А.А.* Основы устойчивости регионального развития // Вестник ИНЖЭКОНА. – 2006. – Вып. 2(11). – С. 111–126.

4. *Качалов Р.М., Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л.* Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. – М.: Экономика, 1997. – 241 с.

5. *Чекмарев В.В.* Хозяйственные кластеры и сетевые взаимодействия российских предприятий // Девятый всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий», Москва, 15–16 апреля 2008 г: материалы симпозиума. Секция 3. – М., 2008. – С. 187–188.

6. *Бьюкенен Дж.* Сочинения / пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т.1. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.

7. *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой. – Челябинск: Социум, 2011. Вып. 24. – 393 с.

8. *Скаржинский М.И., Чекмарев В.В.* Методология экономической науки. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 358 с.

УДК 332.1

Меньших Наталья Геннадьевна
natmen3004@rambler.ru
Цукерман Вячеслав Александрович
tsukerman@iep.kolasc.net.ru
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН (г. Апатиты);
филиал Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова (г. Кировск Мурманской области)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА И АРКТИКИ*

В работе рассмотрен понятийный аппарат в стратегии социально-экономического развития Севера и Арктики, связанный с человеческим капиталом, а также подходы и элементы качественной структуры человеческого капитала и выявлены основные причины, тормозящие устойчивое экономическое развитие в регионах Севера и Арктики.

Ключевые слова: *человеческий капитал, инновационное развитие, Север.*

Роль человеческих ресурсов в условиях становления рыночной экономики предельно актуализируется, их оптимизация и развитие выступают одной из стратегических задач эффективного управления. Инновационное развитие экономики требует соответствующих знаний, навыков, психологической готовности к принятию решений, действиям в нестандартных ситуациях, творческого, инициативного подхода к делу, а также умения взять на себя ответственность за принимаемые в сложных ситуациях решения, что предопределяет повышение качества человеческих ресурсов.

Эффективность функционирования экономики знаний напрямую связана с качеством и эффективностью использования человеческого капитала (далее – ЧК).

За создание основ теории человеческого капитала американским экономистам Саймону Кузнецу (1971), Теодору Шульцу (1979) и Гэри Беккеру (1992) были присуждены Нобелевские премии по экономике.

Первоначально под ЧК понималась лишь совокупность инвестиций в человека, повышающая его способность к труду – образование и профессиональные навыки. В дальнейшем понятие существенно расширилось и превратилось в сложный фактор развития современной экономики [1].

Обзор теоретических интерпретаций категории «человеческий капитал» приведен в таблице 1.

Классификация видов ЧК возможна по разным признакам и в разных целях, при этом выделяются виды ЧК, основанные на разграничении групп

* Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН № 34 «Прогноз потенциала инновационной индустриализации России» при поддержке РГНФ, проект 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития».

© Меньших Н.Г., Цукерман В.А., 2013

Таблица 1

Авторские интерпретации понятия «человеческий капитал» [2–6]

Автор	Содержание определения
Адам Смит, шотландский экономист (1723–1790)	Образование, уровень квалификации, профессионализм, предпринимательские способности всех жителей и членов общества.
Ирвинг Фишер, американский экономист (1867–1947)	Не только знания и умение людей, не только их способность к работе, но и физические, психологические, мировоззренческие, общественные, культурные качества и способности людей.
Фриц Махлуп, австрийский и американский экономист (1902–1983)	Неусовершенствованный труд может отличаться от усовершенствованного, ставшего более производительным, благодаря вложениям, которые увеличивают физическую и умственную способность человека. Подобные усовершенствования и составляют человеческий капитал.
Теодор Шульц, американский экономист (1902–1998)	Совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом.
А.И. Добрынин, д.э.н., профессор Петербургской академии управления и экономики	Имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (заработков).
Гэри Беккер, американский экономист (род. 1930)	Умение и мастерство, общее или специальное, приобретенные человеком в ходе профессиональной подготовки и производственного опыта.
Лестер Туроу, американский экономист (род. 1938)	Способность производить предметы и услуги. Но при этом он выделяет экономическую способность, которая влияет на производительность всех других вложений.
М.П. Щетинин, педагог, академик РАО (род. 1944)	Метафора, то есть перенесение свойств одного явления на другое на основе общего для них признака.
Ю.А. Корчагин, к.ф.-м.н., директор Центра исследований региональной экономики (род. 1947)	Интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и качество жизни

способностей, необходимых для активной жизнедеятельности человека, в том числе капитал здоровья, культурно-нравственный капитал, интеллектуальный капитал, трудовой капитал и организационно-предпринимательский капитал. Эти виды ЧК имеют общую особенность – они неотчуждаемы от человеческой личности. Однако составляющие ЧК неоднородны, овеществленные знания могут отчуждаться от человека.

Большое значение имеет классификация ЧК по следующим видам:

– общий (перемещаемый) – является результатом общей профессиональной подготовки и может быть использован практически в любой специальности и на любом рабочем месте;

– специальный (неперемещаемый) – создается в результате специальной подготовки для реализации преимущественно на конкретном предприятии или на данном рабочем месте и может быть использован лишь в ограниченном пространстве.

Структуру видов ЧК можно представить следующим образом (см.: рис. 1).

Возможности реализации на Севере стратегии инновационного развития во многом определяются уровнем развития человеческого капитала и кадровым потенциалом («ресурсом компетенции») северных субъектов Российской Федерации.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) рассчитывается по методике ООН, хорошо зарекомендовавшей себя при проведении межстрановых сравнений в 1990–2012 гг.

При подсчёте ИРЧП учитываются 3 вида показателей:

1. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении – оценивает долголетие.

2. Уровень грамотности взрослого населения страны (2/3 индекса) и совокупная доля учащихся (1/3 индекса).

Рис. 1. Структура видов человеческого капитала

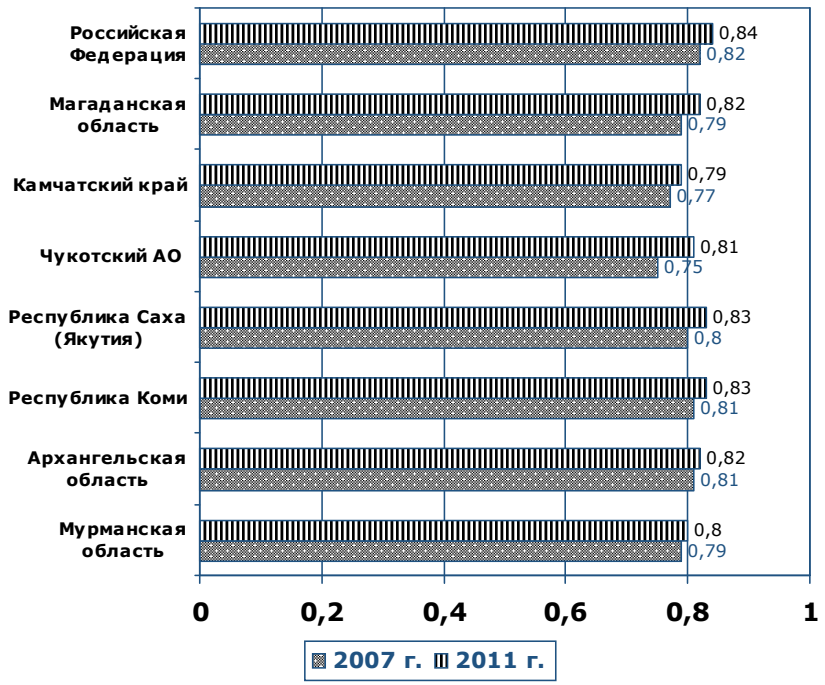

Рис. 2. Индекс развития человека в субъектах регионов Севера и Арктики в 2007 и 2011 гг.

3. Уровень жизни, оценённый через ВВП на душу населения при паритете покупательной способности в долларах США.

По данной методике проведен расчет ИРЧП регионов Российского Севера и Арктики (см.: рис. 2).

Сравнительный анализ индексов в субъектах регионов Севера и Арктики в 2007 и 2011 гг. показал, что только в одном регионе – Тюменской области – наблюдается тенденция снижения данного показателя.

Согласно методике величина ИРЧП колеблется от 0 до 1, где 0 – min, а 1 – max. Если ИРЧП меньше или равен 0,5 – он оценивается как низкий; от 0,51 до 0,8 – средний и 0,81 до 1 – высокий. В соответствии с этим было выявлено, что в 2007 г. 5 региона из 8 (62,5%) имели показатель – средний и остальные 3 региона (37,5%) – высокий уровень. К 2011 году ситуация изменилась: уже 3 региона имеют средний показатель и 5 – высокий.

В соответствии с рассчитанным индексом проведено сравнение среднего показателя ИРЧП по анализируемым регионам Севера и Арктики с аналогичным показателем в целом по Российской Федерации (см.: рис. 3).

Проведенный сравнительный анализ показал, что и в 2007, и в 2011 гг. средний показатель ИРЧП по регионам Севера и Арктики оказался ниже, чем в целом по Российской Федерации, но положительная тенденция его развития существует.

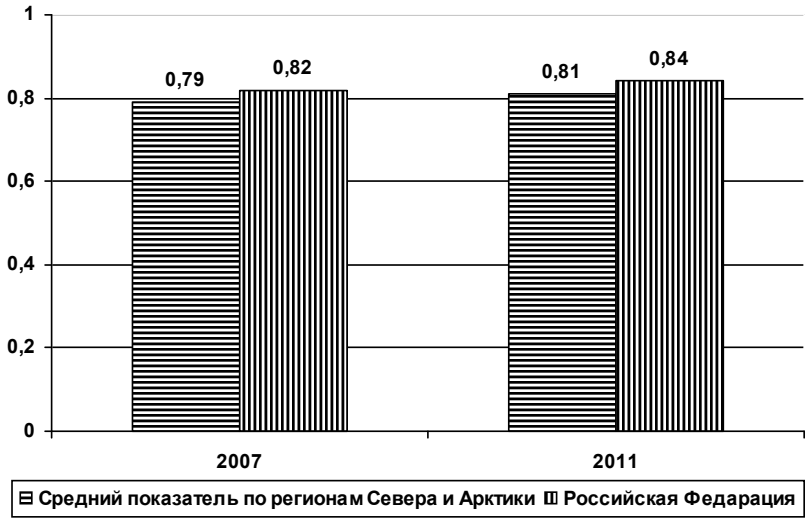

Рис. 3. Средний показатель ИРЧП по регионам Севера и Арктики и РФ за 2007 и 2011 гг.

Очевидно, все показатели, используемые при расчете ИРЧП по методике ООН, в той или иной мере характеризуют состояние человеческого потенциала.

Территориально-отраслевое распределение ЧК Севера и Арктики характеризуется удаленностью от центров, суровыми природными условиями, малой привлекательностью для постоянного проживания и занятости. Затруднение саморегулирования экономики усиливает зависимость Севера и Арктики от государственных программ. Экономическая политика государства отражается на характере развития отраслей и через него на формировании и использовании ЧК. Эта политика не имеет целей создания самодостаточной развивающейся экономики Севера и Арктики, что приводит к рискам и неопределенности в его развитии, к медленному улучшению социального благополучия.

Особенности природных условий Севера и Арктики, организации и функционирования производств, социальных проблем, вопросы формирования ЧК в настоящее время приобретают особую значимость, когда основные финансовые потоки идут мимо окраин России. Особенности отношений с Центром не в пользу Севера и Арктики [7].

Не учитываются, точнее игнорируются, почти полная потеря ЧК при переходе и переквалификации, депрессивные явления, сопровождающие эти процессы. Из-за изменения профессии и естественного снижения со временем уровня и темпа развития у меняющего род деятельности ЧК в среднем снижается до уровня ЧК выпускника средней школы. При одинаковом уровне качество его ниже по многим причинам, прежде всего по возможностям увеличения.

Очевидно, что именно ЧК, как способность человека создавать добавленную стоимость работодателю и обеспечивать соответствующий доход человеку, отражает эффективность человека в трудовом процессе. Поэтому для перехода Севера и Арктики на инновационный путь развития особую значимость представляет качество трудового потенциала. Составными элементами качественной структуры трудового потенциала регионов Севера и Арктики являются:

– интеллектуально-профессиональный потенциал (квалификационно-образовательный уровень и повышение квалификации);

– творческий потенциал (способность к генерации новых идей и знаний);

– физический потенциал (уровень здоровья и физические способности человека);

– мотивационный потенциал (стремление индивида к реализации потенциала).

ЧК, являясь частью совокупного капитала, представляет собой накопленные затраты на общее образование, специальную подготовку, здравоохранение, перемещение рабочей силы в регионах Севера и Арктики. Сравнительный анализ приведенных и других определений позволяет акцентировать внимание на следующих основных свойствах человеческого капитала.

Во-первых, ЧК неотделим от его носителей – работников организации или населения региона.

Во-вторых, физиологические свойства и природные способности человека, получаемые наследственным путем, являются базовой частью ЧК, называемой капиталом здоровья.

В-третьих, ЧК в виде знаний, умений и навыков является приобретенной в результате затрат самого человека и общества.

В-четвертых, ЧК может быть использован в сфере общественного производства и является одним из факторов повышения эффективности последнего.

Для инновационного развития промышленности северных регионов можно рекомендовать модель М. Фридмана. По ней строится следующий порядок управления ЧК на региональном уровне:

– формирование инфраструктуры региональной экономики;

– формирование социальной инфраструктуры, рынков труда и образовательных услуг;

– обеспечение минимального уровня социальных услуг населению.

Решение этих задач – условие привлечения инвестиций в хозяйственные комплексы, условие эффективного использования человеческого капитала, обеспечивающих экономический рост.

В работе рассмотрены показатели 9 регионов Севера и Арктики, в том числе: Республика Коми, Архангельская область, Мурманская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область и Чукотский АО.

1) Капитал здоровья.

Физическая сила, выносливость, работоспособность, иммунитет к болезням, увеличение периода активной трудовой деятельности необходимы каждому человеку, в любой сфере профессиональной деятельности. В Табл. 2 представлены основные показатели, характеризующие капитал здоровья в регионах Севера и Арктики, за 2000–2011 гг. [8].

Показатель численности населения за период с 2000 по 2011 гг. показал, что и в регионах Севера и Арктики и в Российской Федерации в целом наблюдается снижение численность населения на 4,6 и 2,2% соответственно.

Прирост общего коэффициента рождаемости за исследуемый период составил 131,7% в регионах Севера и Арктики и 144,8% – в целом в Российской Федерации. Общий коэффициент смертности в регионах Севера за 11 лет не изменился и составил 10,6 чел. на 1 тыс. человек населения, тогда как в Российской Федерации данный коэффициент снизился на 11,8%. Неизменность данного показа-

Таблица 2

Основные показатели, характеризующие капитал здоровья в регионах Севера и Арктики и РФ, за 2000–2011 гг.

Регион	2000	2005	2011	2011 к 2000 г., %
Численность населения (на конец года, млн. чел.)				
Регионы Севера и Арктики	6792	6582	6477	95,4
РФ	146304	143236	143056	97,8
Общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1 тыс. человек населения)				
Регионы Севера и Арктики	10,4	12,4	13,7	131,7
РФ	8,7	10,2	12,6	144,8
Общий коэффициент смертности (число умерших на 1 тыс. человек населения)				
Регионы Севера и Арктики	10,6	12,0	10,6	100,0
РФ	15,3	16,1	13,5	88,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет				
Регионы Севера и Арктики	63,62	63,78	67,81	106,6
РФ	65,34	65,37	69,83	106,9

теля в регионах Севера и Арктики говорит о том, что регионы характеризуются суровостью климата, экстремальными условиями жизнедеятельности.

Следует отметить, что ожидаемая продолжительность жизни, как основной показатель, характеризующий капитал здоровья, за исследуемый период увеличивается в регионах Севера и Арктики в тех же темпах (7%), что и в целом в Российской Федерации.

Таким образом, капитал здоровья является неотъемлемой частью ЧК, инвестиции в который выражаются в сохранении работоспособности за счет уменьшения заболеваемости и увеличения продуктивного периода жизни. Уровень здоровья во многом зависит от качества услуг здравоохранения, которое сопровождает человека с самого рождения до его пенсионного возраста. Инвестиции в здоровье обеспечивают нормальный оборот рабочей силы в производстве.

2) Трудовой капитал.

Чем сложнее труд, тем выше требования к квалификации, знаниям, опыту и ответственности работника. Как отмечал П. Друкер, «бизнес – это организация, определяющим фактором существования или разрушения которой является квалификация ее сотрудников... Но знания – это специфический ресурс человека. Знание нельзя найти в книгах. Там можно найти только информацию; но знание – это способность применять информацию в конкретной сфере деятельности».

В таблице 3 и на рисунке 2 представлены основные показатели, характеризующие трудовой капитал в регионах Севера и Арктики за период с 2000 по 2011 гг. [8].

На предприятиях трудовой капитал воплощается в труде квалифицированных рабочих, доля которых зависит от применяемой технологии.

В 2000 г. экономически активное население составляло в Российской Федерации около 72770 тыс. человек, из них было занято в экономике 65359,3 тыс. (89,8%). К 2011 г. экономически активное население практически не увеличилось в регионах Севера и Арктики (0,9%) и увеличилась на 4,1% в Российской Федерации.

Таблица 3

Основные показатели, характеризующие трудовой капитал в регионах Севера и Арктики и РФ, за 2000–2011 гг.

Регион	2000	2005	2011	2011 к 2000 г., %
Численность экономически активного населения, в среднем за год; тыс. чел.				
Регионы Севера и Арктики	3738	3756	3772	100,9
РФ	72770	73432	75752	104,1
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.				
Регионы Севера и Арктики	3573,4	3541,3	3565,4	99,8
РФ	65359,3	66791,6	67727,2	103,6
Численность безработных, в среднем за год; тыс. чел.				
Регионы Севера и Арктики	450	307	262	58,2
РФ	7700	5263	5020	65,2
Численность безработных по уровню образования, в среднем за год; в %				
	высшее профессиональное			
Регионы Севера и Арктики	7,9	6,1	14,2	179,7
РФ	9,9	10,4	15,6	157,6
	среднее профессиональное			
Регионы Севера и Арктики	23,9	18,8	17	71,1
РФ	25,3	19,6	20,4	80,6

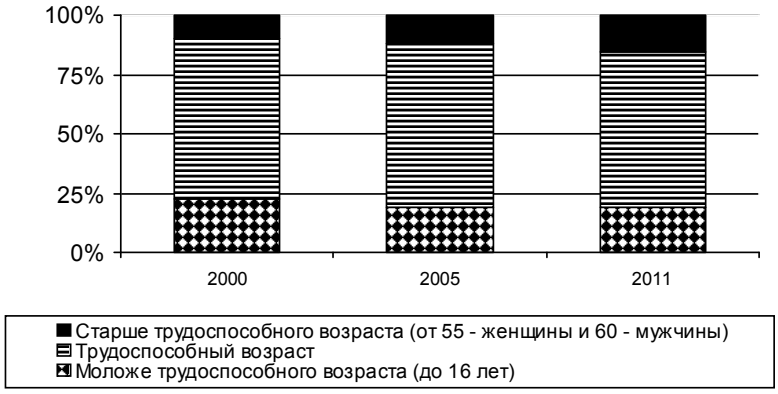

Рис. 3. Динамика изменения возрастного состава населения в регионах Севера и Арктики и в РФ за 2000–2011 гг., на конец года; в % от общей численности населения.

В течение исследуемого промежутка времени имело место значительное снижения численности безработных как в регионах Севера и Арктики (41,8%), так и в целом в Российской Федерации (34,8%). Показатель численности безработных с высшим профессиональным образованием увеличился за 11 лет на 71,9% в регионах Севера и Арктики и на 57,6% в целом в Российской Федерации. В то время как численность безработных со средним профессиональным образованием значительно сократилась.

В России наблюдаются проявления кризиса системы профессионального и общего образования, что связано с затяжным кризисом. Увеличение финансирования образования в качестве инвестиций в трудовой капитал должно оставаться одной из приоритетных задач государства и регионов (рис. 3) [8].

Рисунок 3 наглядно показывает, что доля лиц трудоспособного возраста как в регионах Севера и Арктики, так и в целом в РФ за период с 2000 по 2011 гг. имеет тенденцию к сокращению, и видно, что доля лиц старше трудоспособного возраста выше, чем лиц моложе трудоспособного, что свидетельствует о существенном старении населения и возникновению дополнительных социальных проблем.

3) Интеллектуальный капитал.

Интеллектуальный капитал – это сумма всех знаний всех работников компаний, организаций, предприятий, которая обеспечивает ее конкурентоспособность. Интеллектуальная, творческая деятельность является пока уникальным атрибутом человеческого ума, изобретательности, смекалки [9].

В таблице 4 представлены основные показатели, характеризующие интеллектуальный капитал регионов Севера и Арктики и РФ, за 2000–2011 гг. [8].

Намечаемое увеличение численности студентов в высшей профессиональной системе дает основание для оптимистических оценок, связанных с воспроизводством интеллектуального капитала и в целом человеческого [9].

При всей критике недостатков в науке, следует отметить сохранение тяги к творческой деятельности. За 11 лет численность аспирантов выросла почти в 2 раза в регионах Севера и Арктики и прак-

Таблица 4

Основные показатели, характеризующие интеллектуальный капитал в регионах Севера и Арктики, за 2000–2011 гг.

Регион	2000/01	2005/06	2011/12	2011 к 2000 г., %
Численность обучающихся в ОУ СПО на 10000 чел. населения на начало уч. года				
Регионы Севера и Арктики	128	151	127	99,2
РФ	158	173	139	88,0
Численность обучающихся в ОУ ВПО на 10000 чел. населения на начало уч. года				
Регионы Севера и Арктики	123	384	333	270,7
РФ	324	493	454	140,1
Численность аспирантов, чел.				
Регионы Севера и Арктики	1636	2955	3169	193,7
РФ	154470	157437	156279	101,2
Численность докторантов, чел.				
Регионы Севера и Арктики	47	36	42	89,4
РФ	4213	4282	4562	108,3
Персонал, занятый исследованиями и разработками, чел.				
Регионы Севера и Арктики	11825	12768	11024	93,2
РФ	887729	813207	735273	82,8

тически осталась неизменной в целом в Российской Федерации. Тогда как численность докторантов в регионах Севера и Арктики снизилась на 10%, а в целом в Российской Федерации увеличилась на эти же 10%.

Возрастание вклада интеллектуального капитала обеспечивается сохранением значительного числа исследователей, занятых научными разработками, хотя их число в регионах Севера и Арктики и снизилось на 6,8% (на 800 чел.) относительно 2000 г. В 2000 г. в РФ в науке было занято 887,7 тыс. человек, и к 2011 г. их доля уменьшилась на 17,2%.

Сохранение ЧК на Севере невозможно без привития ответственности за принимаемые решения, веры в собственные силы. Важным инструментом управления инвестициями в человеческий капитал является муниципальная политика. Социальный капитал не только как общественное доверие, но и вера в собственные силы в изменение социальных условий начинает формироваться именно на этом уровне. Население вполне способно сопоставить условия жизни и занятости в соседних селах, городах, районах, тем самым вынести не только оценку эффективности процесса, но и включиться в управление, то есть, развивая социальный капитал, способствовать накоплению человеческого.

ЧК – это интенсивный производительный фактор развития экономики регионов Севера, общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности.

Таким образом, человеческий капитал в современных экономических системах является необходимым самостоятельным ресурсом и имеет большое значение для обеспечения национальной конкурентоспособности. Разработка доктрины развития человеческого капитала, как основного фактора прогресса общества, – требование сегодняшнего дня. Центром приложения главных усилий государства должен стать человек. Чем больше возможностей – образовательных, интеллектуальных, информационных и т.д. – будет иметь каждый член общества, тем выше интеллектуальный ресурс всей нации и государства, тем динамичнее темпы роста экономики, тем значительнее возможности общества.

Библиографический список

1. *Меньших Н.Г., Цукерман В.А.* О подготовке инновационных менеджеров для развития экономики Севера // Качество. Инновации. Образование. – 2011. – № 11. – С. 23–26.

2. *Маврина Н.А.* Сущность человеческого капитала и особенности инвестиций в него // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 29. – С. 11.

3. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс, 1966.

4. *Добрынин А.И., Дятлов С.А., Курганский С.А.* Методология человеческого капитала // Экономика образования. – 1999. – № 1. – С. 10.

5. *Щетинин В.П.* Человеческий и вещественный капитал: общность и различия // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 8.

6. *Корчагин Ю.А.* Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? – Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – С.2.

7. *Цукерман В.А., Козлов А.А.* Инновационные проекты по развитию кадровой базы для регионов Севера // Россия: тенденции и перспективы развития: сб. науч. трудов. Вып. 3. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – 708 с. – С. 680–685.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб., 2000–2011 гг.

9. *Устинова К.А.* Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2012. – № 3. – С. 252.

УДК 338.24

Муравьев Алексей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
muravyev.ksu@gmail.com

СЕТЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КООРДИНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается роль сетевых экономических отношений в процессе координации экономических взаимодействий. Приводятся аргументы в пользу рассмотрения сети в качестве механизма координации, сосуществующего с такими механизмами, как рынок и иерархия. Выделяются адаптационная и поисковая функции сети как механизма координации.

Ключевые слова: *рынок, иерархия, сеть, механизмы координации экономических взаимодействий, сетевые экономические отношения.*

Под координацией подразумевается упорядоченное взаимодействие, которое должно служить достижению определенной цели. При этом на всем протяжение человеческой истории механизмы координации экономических взаимодействий претерпевали существенные изменения.

Классическое и неоклассическое направление экономической теории в качестве идеального механизма координации рассматривают рынок. Однако противники этой точки зрения указывают на ряд недостатков рынка как механизма координации, которые, на их взгляд, свидетельствуют о необходимости организованного действия в иерархической форме. В экономической теории развитие этого направления связано в первую очередь с работами Дж.М. Кейнса, который рекомендовал регулирование спроса и заявительное планирование.

При этом государство как механизм координации также обладает рядом недостатков. Иерархический механизм облегчает формулирование целей, важных для экономики и общества, мобилизацию ресурсов для их достижения, а также контроль исполнительных действий [5]. С одной стороны, он необходим в определенных сферах экономический деятельность, с другой – может приводить к бюрократизации, растягиванию времени принятия решения, коррупции и другим явлениям, характеризующимся с позиции институциональной экономики как оппортунистические.

Иными словами, координацию экономических взаимодействий невозможно свести к традиционной дихотомии «рынок — иерархия». Как отмечает Р. Доманьски, существуют области, в которых они не обеспечивают надлежащей координации. В этих областях существенны неформальные механизмы взаимодействия независимых субъектов. Координация этих областей осуществляется переплетающимися цепями общественных, политических и хозяйственных отношений, приобретающими форму сети [5]. При этом, на наш взгляд, перечисленные механизмы координации сосуществуют, дополняя друг друга, а не являются взаимоисключающими.

Среди инструментов рынка выделяют такие, как цена, спрос и предложение, формальные правила и принуждение – инструменты иерархии. Сети, в отличие от иерархии, основаны на горизонтальных связях и действуют на основании принципов, отличных от рынка и иерархии. Их характерной чертой являются доверие, самоорганизация и сотрудничество (табл. 1).

Остановимся более подробно на функциях сетевого механизма координации.

На наш взгляд, с одной стороны, сетевой механизм координации экономических взаимодействий – это, в первую очередь, адаптационный механизм. По отношению к государству он может смягчать неэффективность институциональной среды за счет действия неформальных институтов. При этом неэффективность формально институциональной среды можно рассматривать как одно из условий формирования сетевых экономических отношений. Приведем ряд аргументов к этой позиции.

Так, изучая межфирменные сети, Н.Ф. Апарина отмечает, что постсоветские предприятия были вынуждены искать способы адаптации к возрастающей неопределенности внешней среды в условиях трансформации. При этом «разрушение механизма координации, основанного на централизованном распределении ресурсов, было восполнено взаимосвязями между предприятиями, сформировавшимися как в рамках прежней хозяйственной системы, так и новыми неформальными связями, с помощью которых предприятия обеспечивали

Таблица 1

Сравнение иерархических и сетевых экономических отношений

Критерий сравнения	Иерархия	Сеть
Связи	Вертикальные	Горизонтальные
Организация	Сверху	Снизу/самоорганизация
Основа взаимодействия	Подчинение	Сотрудничество/доверие
Ответственность	Возложенная	Воспринятая

© Муравьев А.А., 2013

себя необходимыми для производства экономическими ресурсами. Это привело к развертыванию специфического сетевого механизма координации хозяйственной деятельности и формированию межфирменных сетей» [1].

Иными словами, в условиях несовершенства формальных институтов и стремительных изменений иерархия как механизм координации оказывается неэффективной. Это, в свою очередь, приводит к усилению роли неформальных институтов и, в частности, института доверия, и формированию сетей экономических отношений. Данный процесс можно рассматривать как процесс адаптации экономических взаимодействий к неэффективной институциональной среде.

Согласно мнению Барсуковой, «модифицируя вертикаль власти, сетевые структуры, как и в случае с рынком, повышают гибкость системы и тем самым укрепляют командную иерархию, т.е. иерархические структуры используют сетевые элементы в качестве средства стабилизации. Впрочем, в кризисных ситуациях сети способны подменять собой иерархию и при определенных обстоятельствах трансформироваться в новую иерархическую структуру» [3, с. 126–127].

Комментируя приведенное высказывание, следует отметить, что происходит трансформация сетевых отношений в иерархические, при этом сетевая и иерархическая координации продолжают сосуществовать при изменении баланса их влияния на координацию экономических взаимодействий.

По отношению к рынку сетевые экономические отношения смягчают неэффективность рыночных отношений и снижают социальное неравенство за счет создания механизмов перераспределения и реципрокных обменов. Данная функция особенно актуальна для России, в которой «в ходе непродуманного и стихийного реформирования экономики произошла резкая деформация распределительных отношений. В этом случае в центре внимания оказывается вопрос о дифференциации населения по имуществу и доходам, который в нашей стране явно избыточен и сопровождается многообразными искажениями и деформациями» [8, с. 363].

Приведем ряд аргументов. Так, по мнению И.Е. Штейнберга, система неформальных отношений социальной взаимопомощи сельских семей, которую чаще обозначают как «сеть социальной поддержки» играет роль стабилизирующего фактора экономической жизни крестьянской семьи и частично компенсирует кризис государственных социальных институтов. «Наше исследование, проведенное в селе, где хозяйство вообще в течение года не выплачивало заработную плату, а натуроплату, да и то частично, показало, что средний размер денежных поступлений семьи составил 23160 руб. Доходы отдельных семей колебались от 7 тыс. до в 82 тыс. руб. Эти цифры косвенно отражают долю “сетевого ресурса” в бюджете сельской семьи. В денежном и натуральном выражении этот ресурс составляет от 30 до 70% семейного бюджета»[13, с. 184].

Кроме того, сетевые экономические отношения выступают источником безвозмездных дотаций и заемных кредитов. При этом «безвозмездные денежные ссуды основаны на родственных связях. Именно родственники обеспечили 96% безвозмездной денежной помощи селянам и 97% горожанам» [2].

Рассматривая сетевые обмены частными трансфертами, Г.В. Градосельская отмечает, что при перераспределении частных трансфертов «возникает невидимая сеть поддержки, которая позволяла семьям выживать в условиях кризиса в России» [4, с. 75]. По данным исследования, проведенного Институтом экономики РАН (руководитель – д.э.н. В.В. Радаев, см. табл. 2), в обменные отношения в России вовлечено до 80% семей. Вполне вероятно, что частные трансферты замещают собой «пробелы» государственных трансфертов, социальной помощи.

Другое исследование в этой области, на которое мы сошлемся для аргументации своей позиции – негосударственное лонгитюдное обследование домохозяйств – «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (RLMS) [14]. По данным RLMS, средний размер нисходящих материальных трансфертов в 2010 году в России оставил примерно половину заработной платы, которую опрошенные получали по основному месту; почти в пять раз превысил размер стипендии; составил 63% от средней суммы пенсионных поступлений; почти в три раза превысил средний размер пособия по безработице; оказался в два раза больше средств, полученных в качестве процента по вкладам. Конечно, ввиду использования средних показателей эти результаты нашего анализа могут быть несколько «грубыми», однако в целом ситуация описывается достаточно точно. Средний размер трансфертов от всех рассматриваемых

Таблица 2

Распространенность частных трансферов в России в конце 90-х годов XX века [4, с. 76]

	Исследования частных трансфертов в России	Год исследования	Количество домохозяйств, обменивающихся ресурсами, %
1	В. Якубович	1998	65,4
2	В. Радаев	1998	79,7
3	Я. Рощина, О. Кузина	1999	62,1

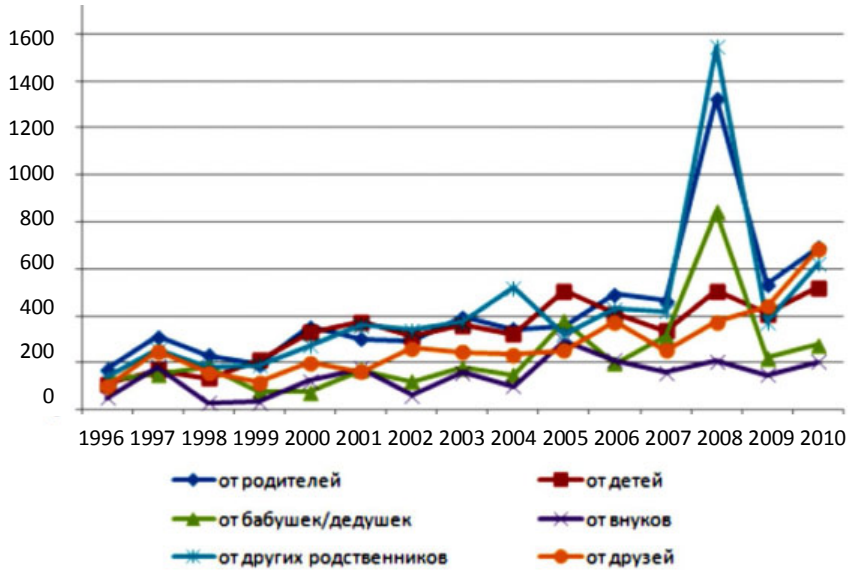

Рис. 1. Средний размер материальных трансфертов в РФ в ценах 1996 г., руб. [7, с. 7]

участников обмена за период с 1996 по 2010 год имеет тенденцию к росту (рис. 1). *В 2008 кризисном году отмечается резкий всплеск трансфертных поступлений от других родственников, родителей, бабушек и детей. Это связано со страховой функцией трансфертов*. В кризисных ситуациях межпоколенная помощь играет существенную роль, перераспределяя благосостояние между участниками обмена и снижая тем самым степень неравенства.

Приведенные выше примеры иллюстрируют значимость сетевых экономических отношений в процессах перераспределения. При этом подобного рода перераспределения связаны с адаптацией к условиям неэффективного действия иерархического и рыночного механизмов координации. В этих условиях в качестве адаптационного механизма выступает сетевой механизм.

Действие сетевого механизма координации как адаптационного сказывается и в сетевых межфирменных отношениях. Так, Б. Уицци на основе этнографического анализа 23 швейных предприятий Нью-Йорка приходит к следующим выводам: «На поведенческом уровне основным следствием укорененности являются отступление от узких экономических целей, которые первоначально конституировали обмен, и производство результатов, не связанных с узкоэкономическими целями взаимоотношений. <…> Например, предприниматель, решивший перебазировать все свое производство в Азию, за девять месяцев предупредил подрядчиков, с которыми у него сложились укоренные отношения, чтобы те имели возможность приспособиться к выводу его бизнеса. Подрядчиков, с которыми у него были лишь случайные рыночные связи, производитель не информировал. <…> Есть и примеры того, как фирмы дают работу партнерам по сети, если последним для выживания в краткосрочной перспективе срочно требуется заказ, даже если эта работа могла быть передана другим подрядчикам, которые к тому же предлагали оптовые скидки, и таким образом помогают своим партнерам оставаться на плаву» [10, с. 65–66].

Рассматривая сетевую межфирменную интеграцию, Н.Е. Егорова [6] отмечает, что для устойчивого функционирования любой интеграции (в том числе и сетевого типа) необходимым условием является наличие *синергического эффекта, который должен покрывать возможные убытки от колебаний рыночной конъюнктуры*. Иными словами, в экстренных ситуациях в сетях межфирменных взаимодействий также происходят процессы адаптации, связанные с действием сетевого механизма координации.

С другой стороны, сетевую координацию можно рассмотреть как поисковый механизм. В пользу этого утверждения можно привести следующие аргументы.

Сетевой механизм координации экономических взаимодействий сохраняет лучшее разнообразие процедур поиска, чем иерархия, и обеспечивает участников более богатой и комплексной информацией, чем рынок [12]. В сетях происходит неформальный обмен информацией, знаниями и творческими идеями [5].

Согласно упомянутому выше исследованию Б. Уицци, сетевые экономические отношения обладают такой характеристикой, как передача достоверной информации. «Информационный обмен в укорененных связях имеет более персонифицированный и неявный характер, нежели в случайных и безличных отношениях. Он включает стратегические и неявные знания, которые повышают трансакционную эффективность компании и ее чув-

ствительность к сигналам внешней среды. <…> Обмен важной информацией помогает прирастить знания и сократить число проблем такими способами, которые затруднены для контрагентов при случайных рыночных связях» [10, с. 61].

Сетевые экономические отношения являются той средой, в которой при эволюции институтов снизу формируются наиболее эффективные формы экономических отношений, которые при закреплении превращаются в экономические институты. Такое виденье связано с концепцией неформальности Д. Норта [9], согласно которой неформальные институты трактуются как изначальные схемы экономической деятельности. Наиболее устойчивые из них, а также отвечающие интегративным морально-этическим, культурным и правовым нормами общества, кодифицируются в виде формальных институтов. В этом случае неформальные институты трактуются как потенциал, инкубатор формальных экономических институтов. То есть сетевые экономические отношения являются своеобразной средой, в которой формируются новые идеи, отношения и институты. Сетевая координация при этом является поисковым механизмом.

На основе выделенных функций мы можем говорить о дальнейшей актуализации проблематики сетевых экономических отношений. Задачи по преобразованию институциональной среды, переходу к эволюции институтов снизу (формализация сформированных в рамках сетевых экономических отношений схем деятельности) повышают роль сетевых экономических отношений в связи с имеющейся у сетевого механизма координации поисковой функции. С этой функцией также связана и задача модернизации российской экономики, решение которой во многом зависит от перехода на инновационный путь развития и формирования инновационных стратегии.

Нарастание динамики и плотности экономических отношений [11], запаздывание формальных институтов позволяют нам говорить о повышении роли сетевых экономических отношений в связи с имеющейся адаптационной функцией сетевого механизма координации. В связи с наличием адаптационной функции значение сетевых экономических отношений также резко повышается в периоды экономических кризисов (о чем свидетельствуют и приведенные в работе эмпирические данные).

Библиографический список

1. *Апарина Н.Ф.* Межфирменные сети: проблема отношенческих контрактов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16207730/ (дата обращения: 06.18.13)

2. *Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. Часть II. Сетевые обмены российских домохозяйств: эмпирический анализ (продолжение). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16212606/ (дата обращения: 09.08.13)

3. *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика. – М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. – 354 с.

4. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии. – М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004. – 248 с.

5. *Доманьски Р.* Экономическая география: динамический аспект. Пер. с пол. – М.: Новый хронограф, 2010. – 376 с.

6. *Егорова Н.Е.* Малые предприятия: предпринимательские стратегии и кооперация. – М.: Компания Спутник, 2004. – 198 с.

7. *Миронова А.* Внутрисемейные межпоколенные трансферты в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/demoscope521.pdf (дата обращения: 19.08.13).

8. *Николаева Е.Е.* О расширительной трактовке распределительных отношений // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2011. – № 3. – С. 363–367.

9. *Норт Д.* Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. – 1999. – Вып. 1. – № 4. – С. 5–17.

10. *Уицци Б.* Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организации: влияние сетей // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6. – № 2.– С. 55–88.

11. *Чекмарев В.В.* Экономика в трехмерном формате: феноменология экономического пространства. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010 – 376 с.

12. *Чистяков С.В.* Сетевые экономические взаимодействия. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 303 с.

13. *Штейнберг И.Е.* Реальная практика стратегий выживания сельской семьи – «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 183–189.

14. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Негосударственное лонгитюдное обследование домохозяйств. 1993–2013. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 20.08.13).

УДК 339.13

Перский Юрий Калманович
доктор экономических наук, профессор
Пермский научный исследовательский политехнический университет
ukp@pstu.ru
Калошина Екатерина Александровна
ЗАО «ПРОГНОЗ»
Ekaterina.kaloshina@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ И ПОТРЕБИТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ НОВОГО ТОВАРА

В статье рассмотрен процесс развития и выявлены тенденции формирования взаимоотношений производителя и потребителя. Дано обоснование модели их ценностного взаимопроникновения в деятельность друг друга как выражение нового маркетинга, объединяющего традиционный маркетинг производителя с маркетингом потребителя, получающим все большее признание в мировой экономической теории и практике.

Ключевые слова: *производитель, потребитель, ценность, новый маркетинг, эволюция взаимоотношений.*

В системе взаимоотношений рыночных агентов особое внимание исследователей уделялось мотивационным связям между субъектами рынка в момент возникновения потребностей в благах. Различные научные школы пытались выявить детерминанты, оказывающие влияние на возникновение заинтересованности у участника рынка в приобретении определенных благ. Рассматривая взаимоотношения между потребителями и производителями экономических благ, они либо отрицали, либо, наоборот, признавали важность субъективного характера потребительского влияния на экономические отношения. Однако в любом случае мнения теоретиков сходились на необходимости исследования феномена потребительских предпочтений.

Общий механизм взаимоотношений и взаимодействий фирмы (производителя) и потребителей есть отражение их традиционных рыночных связей, основанных на маркетинговой деятельности фирмы (рис. 1).

Основной чертой классического механизма взаимоотношений потребителя и фирмы является обособленность производства товара от мнений потребителей. Момент принятия решений жестко увязан на производителе, а сам процесс создания нового блага подчиняется следующему алгоритму. У фирмы возникает идея производить товар, она исследует рынок на предмет спроса и цены товара. Далее фирма делает заключение о том, выгодно ей производить данный товар или нет. Если фирма принимает решение производить благо, то она дает ему характеристики, подходящие большинству респондентов и отвечающие определенному технологичному процессу. После вывода продукта на рынок и изучения реакции потребителя фирма принимает решение: прислушиваться к мнению потребителей или нет – оставлять продукт на рынке или изменять его. В первую очередь, производитель ориентируется на максимизацию своей полезности и только затем на мнение большинства потребителей. Таким образом, все основные функции и решения лежат в области ответственности производителей. Какой товар производить, с какими характеристиками, где и за какую стоимость – решает фирма. Изучая мнения потребителей посредством маркетинговых исследований, производитель принимает решение – учитывать их мнение или нет.

Однако для современного этапа развития общества, который характеризуется высокой скоростью обмена информацией и развитой сетью коммуникаций, данная модель взаимоотношений между потребителями и производителями является достаточно архаичной.

Дальнейшая актуализация проблемы получает свое развитие по ряду причин, можно назвать, по крайней мере, две из них. Первая причина – влияние глобальных тенденций, быстрых изменений, обостряющейся конкуренции на мировых товарных рынках. Вторая причина – современное развитие новой институциональной экономической теории, предопределившее не менее скоротечное движение институциональной практики. Чтобы понять, в каких преобразованиях нуждается существующий

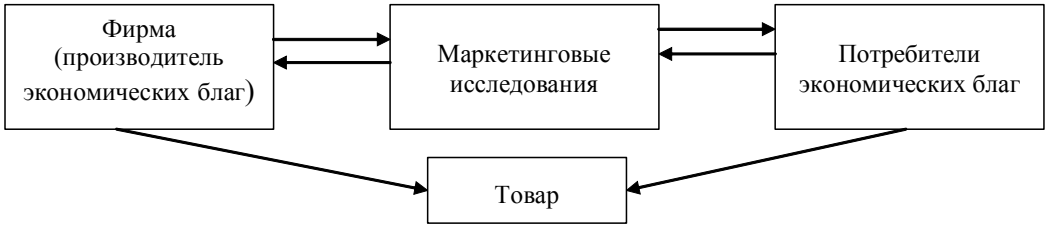

Рис. 1. Классический механизм взаимодействия фирмы и потребителей

© Перский Ю.К., Калошина Е.А., 2013

механизм взаимодействия, обратимся к двум конкретным тенденциям, протекающим в современном экономическом пространстве:

– тенденции в восприятии продукта потребителем;

– тенденции преобразования продукта.

Тенденции в восприятии продукта потребителем. В научной литературе все чаще упоминается новое экономическое явление последних десятилетий – «консюмеристский бум» или «вирус потребительства». Потребление уже утратило свою изначальную функцию – «поддержания жизненных сил и работоспособности человека» [1, с. 163–165]. Данная функция потребления возводится в ранг первоочередных, процесс приобретения товаров становится «бессмысленным и неконтролируемым демонстративным явлением». Об этом, к слову сказать, говорили еще ранние институционалисты, рассуждая о необходимости рассмотрения психологических аспектов выбора потребителем определенного товара.

Одной из важных тенденций преобразований в области восприятия продукта является то, что в сознании потребителя формируется новая совокупность требований. В частности, любой товар с точки зрения потребителей должен отвечать определенным эргономичным и функциональным требованиям: обладать программным интерфейсом, русскоязычным дисплеем и т.д. Таким образом, появляются «умные» кофеварки, позволяющие одним нажатием кнопки приготовить каппучино или эспрессо, чайники, могущие вскипятить воду или только разогреть до необходимой температуры, роботы-пылесосы автоматически начинающие уборку, лампочки, включающиеся от хлопка и т.д.

Помимо этого в сознании потребителя возникают определенные клише относительно некоторых слов-маркеров. Если продукт имеет в названии слова «нано-», «инновационный-» и т.д., то он априори имеет более высокий технологичный и качественный уровень.

Все больше товаров, начиная от музыкальных плееров и заканчивая автоматически паркующимися машинами, наделяются так называемым пользовательским интерфейсом, который упрощает использование данного товара. Приходя в торговый магазин, покупатель из всего ассортимента, к примеру, микроволновых печей, предпочитает микроволновую печь с сенсорным дисплеем вместо обычной механической.

Помимо всего прочего, в современном мире покупатели, благодаря существованию всевозможных кредитов, перестали задумываться о необходимости оплаты товаров. Они покупают продукт, а уже после этого работают над его «выкупанием». Таким образом, в современной экономике все большую роль играет тенденция опережения потребления над накоплением.

Тенденции преобразования продукта. Определенные тенденции в восприятии продукта потребителем влекут за собой и новые тенденции в преобразовании самого продукта как носителя потребности.

Тенденция формирования в сознании потребителей определенной совокупности требований рождает важное, принципиальное новое изменение: фирма переходит от продажи продукта к продаже услуги. К такому же выводу пришли Прахалад и Кришнан: «Товар выступает как интегральная часть услуги, но в основе ценности лежит услуга» [2, с. 32]. Практическим подтверждением данной тенденции могут быть такие примеры, как увеличение предложения услуги «доставка еды» или любого другого товара. По сути, товар остается прежним – фирма продает еду, контактные линзы, однако предлагает покупателям услугу – доставку данного продукта в любое удобное для покупателя время и место. Покупатель, в свою очередь, сталкиваясь с потребностью в данном товаре, предпочитает тот, который сэкономит его время (время, затраченное на поиск и покупку данного продукта в магазинах) и деньги (транспортные затраты). Еще один пример. Фирма «М-Видео» предлагает своим покупателям вывезти старую технику и получить скидку на покупку в их магазине. Сталкиваясь с необходимостью покупки новой техники, потребитель будет рассматривать необходимость утилизации старой. В данном случае фирма предоставляет услугу выноса данной техники. Потребитель при обращении в данную фирму получает товар (необходимая ему техника) и услугу (утилизация старой техники), причем именно услуга будет решающей в том случае, если потребитель не имеет возможности сам избавиться от старой техники.

Классическая экономическая теория исходит из того, что товар удовлетворяет какую-то определенную, единственную потребность потребителя. В современном мире все больше товаров приобретает более чем одну функцию, способную удовлетворить потребности индивида, а само производство нацелено на совмещение различных функций. Например, производитель дополняет микроволновую печь функцией гриля, стремится расширить функциональность телевизора возможностью проигрывания видео и т.д. Возникает вопрос, какую именно потребность удовлетворяет данный товар – потребность в телевидении или просмотра видео. Если последователи кардиналистской теории утверждали, что полезность подлежит измерению, то в данной ситуации возникает вопрос и об измерении соотношения полезностей внутри товара. Для примера можно взять компьютер, который равноправно используется в качестве оргтехники, необходимой для работы, игрового аппарата, проигрывателя музыки/видео, средства общения и т.д.

Покупатель, вознамерившийся купить некий предмет, определяет для себя полезность каждой

определенной марки товара, обладающей различным соотношением полезностей каждой функции товара. Такую тенденцию можно определить понятием «полиполезности» товара, когда проблема потребительского выбора возникает не между двумя товарами, как в теории предельной полезности, а между товарами одного вида, удовлетворяющими одинаковые потребности, но в разных объемах и соотношениях. Так, потребитель, определивший для себя потребность использования того же компьютера как оргтехники, стремится выбрать товар с более удобной тастатурой; потребитель же выбравший компьютер в качестве средства развлечения – с большим разрешением экрана или улучшенной звуковой картой и т.д. В таком случае предельная полезность будет определяться не соотношением двух товарных наборов, а одного товара, обладающего разными характеристиками. Если в классической теории данный товар обладал одной стоимостью, и позволял построить на основе этого кривую соотношения «цена-спрос», то сейчас уместно поставить вопрос о ценовом формировании совокупного товара.

Рассмотрим данный подход на примере пакета услуг операторов сотовой связи. Пакет услуг включает минимум четыре стоимостных составляющих: расходы на подключение (или абонентская плата), расходы на исходящие звонки, расходы на SMS-сообщения, расходы на Интернет. Потребитель при покупке SIM-карты стремится улучшить свое благосостояние – удовлетворить свою первоочередную потребность. Однако он не может при удовлетворении наиболее важной для него потребности отказаться от других составляющих данной совокупности.

При пользовании сотовой связью потребители, в основном, реализуют все функции пакета услуг: совершают звонки, посылают сообщения, а современные телефоны все больше опираются на Интернет. Таким образом, потребитель при покупке пакета услуг, действуя рационально, должен определить для себя полезность каждой конкретной функции, соотнести ее с ценовым фактором и выявить совокупную полезность данного пакета.

Существует еще одна, другая, негативная составляющая современных товаров – «планируемое старение» [3]. Современная действительность такова, что товары выходят из строя практически сразу же после истечения срока гарантии. И это не случайное явление, а четкий, рассчитанный производителем процесс. Это делается для того, чтобы потребитель по истечении данного срока был заинтересован в приобретении новой версии данного продукта. Это рассчитанный ход для увеличения темпов производства и сбыта товаров. «Технология преждевременного старения продумана до мелочей», – пишет В. Семенов. – «Так, этот процесс является следствием технических усовершенствований» [3]. Данное явление позволяет добиться сразу двух целей: уменьшить затраты производителя, заменив качественные материалы более недолговечными и недорогими и увеличить прибыль от послегарантийного ремонта. С одной стороны, это стимулирует людей покупать все новые и новые товары, что регулирует потребительскую активность и темпы промышленного воспроизводства, с другой стороны, делает продаваемый предмет менее качественным и более дорогим в обслуживании.

Еще одна развивающаяся тенденция, о которой следует упомянуть – увеличение доступности товара. Компании стремятся увеличить сегмент потребителей за счет менее обеспеченного контингента. Иными словами, фирма начинает предлагать свой продукт по меньшей стоимости, но с определенными ограничениями, что увеличивает его доступность.

Одна из современных теорий, описывающих механизм взаимодействия потребителей и фирмы, принадлежит уже упомянутым американским ученым Прахаладу К.К. и Кришнану М.С., которые высказывают идею о необходимости современной компании использовать модель, сочетающую два условия [2, с. 22]:

1. Ценность, по мнению авторов, создается благодаря уникальному и индивидуальному опыту покупателей, поэтому компании необходимо ориентироваться на каждого конкретного потребителя вне зависимости от общего количества покупателей, даже если компания обслуживает десять миллионов человек.

2. Ни одна компания в мире не имеет в полной мере ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей покупателей в полной мере. В настоящее время любая фирма может получить любой ресурс с любого конца света благодаря глобальной экономической системе, включающей предприятия различных масштабов и сфер деятельности. Главным в этой ситуации является вопрос о доступе к данным ресурсам и способности ими управлять, нежели о владении данными ресурсами.

Достоинство рассматриваемого подхода состоит в том, что традиционное представление о фирме, создающей ценность и обменивающейся ею с потребителями, последовательно уступает место положению, в соответствии с которым фирма обменивается опытом с потребителем и совместно с ним создает новую ценность. Кришнан и Прахалад рассматривают инновации как «процесс формирования потребительских ожиданий, а также как постоянную реакцию на изменяющиеся потребности, виды поведения и опыт потребителей» [2, с. 23], что конструктивно развивает идеи И. Шумпетера.

Иными словами, фирма совместно с покупателем, располагая умением компании оперировать ресурсами и основываясь на опыте и предпочтени-

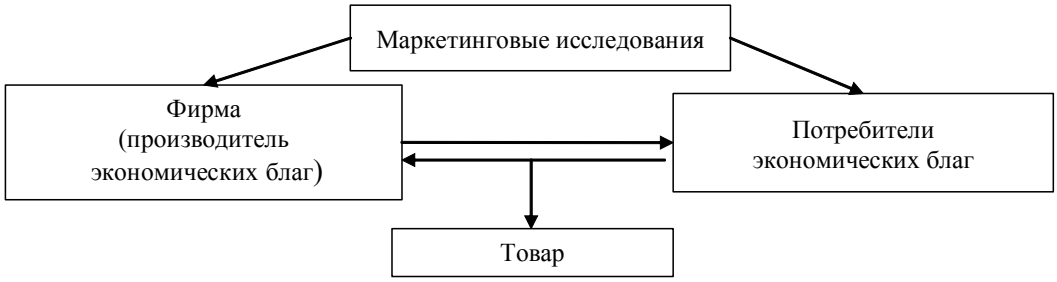

Рис. 2. Современный механизм взаимодействия производителей и потребителей

ях покупателей, создают новый товар, базирующийся на длительных прочных связях потребителя и производителя. Возникает интересная исследовательская задача по выбору наилучшего варианта цены спроса и предложения до того, как произойдет окончательный выбор рыночной цены. Данная задача возникает в рамках более широкой задачи в контексте так называемого нового маркетинга (совмещенного маркетинга), когда потребитель, выступая в новой для себя роли «сопроизводителя», и производитель, также принимая на себя новую роль «сопроизводителя», взаимодействуют друг с другом, создавая общую (совместную) ценность на рынке.

Совместную ценность производителя и потребителя можно определить как такую степень их сотрудничества, познавания и восприятия друг друга, которая в конечном счете должна воплотиться в истинно необходимых обществу товарах или услугах в рамках новейших форм его постидустриального развития, определяемого доминированием интеллектуальной составляющей вовлекаемых ресурсов. Компания и потребитель совместно создают продукт, отвечающий максимальной относительно конкретного потребителя полезности, что, в свою очередь, «привязывает» данного потребителя к фирме в долгосрочном периоде, создавая перманентный спрос на товар. Компания получает стабильную прибыль в долгосрочном периоде, что в конечном итоге ведет к достижению основной цели компании – увеличению рыночной стоимости фирмы.

В частности, в рамках данной концепции следует сказать следующее: необходимо исходить не из сегментирования покупателей, а из рассмотрения нужд каждого конкретного индивидуального покупателя. Речь не идет даже о такой сфере бизнеса как B2B. Многие компании, такие например, как ЗАО «ПРОГНОЗ» (г. Пермь), строят свою деятельность именно на разработке продуктов непосредственно для нужд заказчика или изменяя характеристики уже созданного продукта согласно требованиям покупателя. Сфера же B2C принципиально изменяется в рамках данной концепции. Благодаря развитию средств коммуникаций, становится возможным создавать типовые продукты, модифицированные непосредственно для каждого отдельного потребителя. В этом и есть суть приобретения индивидуального опыта покупателя для создания новой ценности.

Заметим, что еще недавно применение данной модели было невозможно в силу недостаточной скорости и объемов информационно-коммуникационных связей. Однако нынешний этап развития научно-технического процесса позволяет почти мгновенно перемещать в пространстве значительные объемы информации. В частности, компании имеют возможность разработать такой социальный интерфейс, который бы мог оперативно аккумулировать и анализировать получаемую от потребителей информацию.

Практическое обоснование данной модели также находит себя в использовании при продаже продукции явления Web 2.0, все более распространяющейся в последнее время. Так, Google и Facebook предлагают партнерам предугадывать запросы покупателей, основываясь на профилях их пользовательских интерфейсов, что позволяет компаниям обращаться именно к тем, конкретным потребителям, которые нуждаются в товаре фирмы.

Графическая интерпретация вышеизложенного представления современного механизма взаимодействия производителей и потребителей представлена на рисунке 2.

При этом традиционные маркетинговые исследования по-прежнему остаются в поле зрения производителей, являются неотъемлемой частью ее хозяйственной деятельности в рыночной среде, однако теперь они играют роль лишь сопутствующего звена, соединяющего производителей и потребителей.

Проводимые нами на базе Пермского национального исследовательского политехнического университета исследования в рамках нового маркетинга, в основном подтверждают изложенные в статье положения по поводу формирования нового качества взаимоотношений производителей и потребителей. Основные результаты исследований связаны с совместным управлением со стороны обоих участников рынка процессом формирования потребительских предпочтений и с оценками качества восприятия потребителем товаров и услуг. Полученные результаты в том и другом случае основаны на моделировании рассмотренных взаимоотношений и соответствующих вычислительных экспериментах.

Библиографический список

1. *Володина Д.* Как постиндустриальный потребитель влияет на экономику? // Общество и экономика. – 2010. – № 12. – С. 163–179.

2. *Прахалад К.К., Кришнан М.С.* Пространство бизнес-инноваций: создание ценности совместно с потребителем / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер: Юрайт, 2012. – 256 с.

3. *Семенов В.* Экономике не нужны «вечные вещи». «Одноразовые» автомобили и сотовые телефоны – новая концепция общества потребления» // Новый Регион – Экономика за 29.07.2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nr2.ru/economy/294166.html.

УДК 338.46

Пономаренко Елена Васильевна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А Некрасова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Выявлены основные факторы, обеспечивающие эффективное использование бюджетных ресурсов, расходуемых на военно-патриотическое воспитание и обучение молодежи военно-учетным специальностям.

Ключевые слова: *военно-патриотическое воспитание, военно-учетные специальности, управление результативностью, затраты, результаты.*

> Главной задачей ДОСААФ России является комплексная подготовка молодежи к службе в армии. Собственно подготовка допризывной молодежи по военно-учетным специальностям – это вершина пирамиды, в основании которой находится военно-патриотическое и морально-психологическое воспитание, вовлечение молодежи в занятия военно-прикладными и массовыми видами спорта, развитие технического творчества молодежи, овладение техническими навыками со школьной скамьи, укрепление физического здоровья подрастающего поколения.
>
> С.А. Маев [1, с. 184]

Экономика военно-патриотического воспитания и обучения молодежи находится в стадии зарождения. Эта та сфера жизнедеятельности общества, в которой актуализировать проблему экономии затрат не этично. И это закреплено в сознании населения. Формирование способности и готовности населения защищать свое Отечество столь свято, что сама постановка проблемы экономии средств на эту деятельность интуитивно воспринимается человеком как безнравственный поступок. И, тем не менее, финансовые ресурсы государства и общества ограничены. Известно, что люди умеют получать очень высокий конечный результат при скромных финансовых (и в целом ресурсных) вложениях. Но в последнее время мы все чаще сталкиваемся с фактами, когда огромные финансовые вливания не дают должной отдачи. Примером тому служит опыт работы «Миноборонсервиса» в 2010–2012 годах [2]. Следовательно, ресурсы, выделенные для выполнения каждой суверенной функции государства, должны быть обоснованы, использование их непременно оптимизировано, обязательно учтено, а результат проанализирован. Таким образом, процесс финансирования военно-патриотического воспитания и обучения молодежи должен быть публичным. Важно обеспечить его прозрачность, в каждом мероприятии достигнутый результат сопоставлять с затратами на него, анализировать и искать наиболее выгодные и малозатратные технологии достижения более высокого результата. Управление результативностью вместе с интегрированным набором инструментов и решений может поставить экономику военно-патриотического воспитания и обучения молодежи на один уровень с другими, более зрелыми дисциплинами.

Управление результативностью – это процесс превращения планов в результаты при наиболее рациональном (экономичном) использовании ресурсов. Другими словами – это целенаправленная и эффективная деятельность на достижение результата. Стремясь усилить оборонительную мощность России, хозяйствующие субъекты, входящие в состав холдинга «ДОСААФ», постоянно сталкиваются с препятствиями и проблемами. Обороноспособность страны зависит от экономики государства. А успешно развивающаяся экономика (эффективная экономика) каждого хозяйствующего субъекта, как и страны в целом, постоянно требует ответа на вопрос: при каких затратах достигнут результат (эф-

© Пономаренко Е.В., 2013

фект)? А этот вопрос, в свою очередь, заставляет отвечать на другие, не более легкие вопросы.

Руководители хозяйствующих субъектов спрашивают: «Как добиться выгодного роста своей организации, обеспечивая качественное выполнение государственных заданий при наличии минимально необходимого состава и качества ресурсов? Как внедрить инновации, не нарушая при этом технических и организационных регламентов? Как можно эффективно расширить спектр предоставляемых услуг, чтобы выгодно отличаться от конкурентов?»

Финансовые директора (главные бухгалтеры) задаются вопросами: «Как выйти за рамки стратегии (политики) снижения затрат, чтобы правительство в качестве надежного стратегического партнера рассматривало субъекты холдинга ДОСААФ? Как организовать документирование достоверной и надежной информации о доходах и издержках каждого субъекта холдинга? Как избавиться (устранить) от искаженных неверным, как правило, произвольным распределением как косвенных, так и прямых затрат? Как добиться большей прозрачности?»

Руководители планово-экономических служб или заменяющие их ответственные исполнители этих функций интересуются: «Как предоставлять услуги и установить соглашения об уровне сервиса со справедливыми расценками для обучающихся (клиентов)? Как мы можем доказать свою ценность для населения, для молодежи? Как привлечь компетентные кадры? Как обосновать и определить справедливый уровень компенсации затрат труда персонала?»

Каждый из этих вопросов обусловлен сложностью современной экономики, но сами по себе эти вопросы не новы. Если и появилось что-то новое в их постановке и решении, так это необходимость верных ответов в условиях постоянно усложняющихся и взаимозависимых процессов. Кроме того, положение усложнилось информационными технологическими системами, которые были разработаны как конкретные решения, а стали проблемными из-за разнообразия нестандартных пакетов программ, отсутствия преемственности и несовместимости компьютерных платформ.

Не легче и непосредственным исполнителям и менеджерам, от которых руководители требуют улучшения результата. Они тоже сталкиваются с проблемами. Как сократить бюджет, не теряя качество услуги? Какой должна быть квалификация, чтобы справиться с учебной нагрузкой или новой программой при том же объеме бюджетных ресурсов? Как выйти из этого положения: отвечаю за процесс, но при этом у меня минимум правомочий контроля и влияния? Должен ли осваивать новую учебную программу, если техническое обеспечение явно не адекватно требованиям? Что будет если прекратить производство одной – двух освоенных учебных программ или изменить их частоту (повторяемость), какой эффект произведет интерактивная образовательная технология? Какой процесс подготовки обучающихся по военно-учетным специальностям создает (требует) наибольшие затраты? На какой операции? Как их можно оптимизировать? Кто из нас выполняет лишнюю работу? Существуют ли более эффективные образовательные технологии военно-патриотического воспитания?

Проблема организации военно-патриотического воспитания состоит в том, что сотрудники не могут получить ответы на эти вопросы при помощи только профессионального знания. Здесь нужно новое, предметно профессиональное знание. Результативная и эффективная деятельность предполагает, что исполнители понимают, какой эффект они должны достичь и какие затраты на достижение этого эффекта можно себе позволить. Еще раз: любые затраты всегда должны быть сопоставлены с результатом, и оценена их рациональность, и предпринята попытка поиска более выгодного способа достижения этого результата. И каждый раз – анализ, каждый раз – поиск. Это обеспечит результативную эффективную деятельность каждому участнику исполнения суверенной функции государства в части военно-патриотического воспитания молодежи и обучения ее военно-учетным специальностям.

Кроме того, нужно глубокое знание самого предмета деятельности сотрудника ДОСААФ: воспитание, патриотическое воспитание, военно-патриотическое воспитание, обучение, технологии обучения, формы организации обучения и др. Нужно знание анатомии процессов.

Чтобы подключить свою интуицию к пониманию глубины проблемы, рассмотрим бытовую ситуацию. Результативно и эффективно действует водитель автомобиля. Он контролирует три параметра: направление движения, мощность, которой он может располагать, и скорость. Чтобы изменить направление, он может повернуть руль. Чтобы увеличить мощность на крутом подъеме – может переключить передачу, чтобы увеличить скорость – можно нажать на газ. Руководитель хозяйствующего субъекта не в состоянии непосредственно контролировать такие параметры своей организации. Как их контроль, так и оптимизация этих показателей достигаются путем воздействия на людей, на сотрудников. Как создать рабочую атмосферу, в которой сотрудники проявляют неподдельную заинтересованность в эффективном результате, как будто бизнес принадлежит им?

В этой статье я не ставлю себе целью дать ответы на все упомянутые вопросы. Попытаюсь показать глубину проблемы, где, с одной стороны, «рождаются» затраты, а с другой – кроется источник эффекта.

Мы недооцениваем значение управления параметрами проводимых мероприятий по военно-патриотическому воспитанию или используемых технологий обучения молодежи военно-учетным специальностям. С каждым годом я все больше понимаю, что важно управлять параметрами, формирующими результат мероприятия. Организаторы мероприятий должны отдавать себе отчет, осознавать: что обеспечивает качество и определяет затраты на подготовку допризывной молодежи? Воспитательная и учебная деятельности теперь не хуже, чем медицина или машиностроение, обеспечена кодифицированным знанием. Десятилетие за десятилетием специалисты в области психологии и педагогики изучают анатомию процессов воспитания и обучения и специфику особенностей самого человеческого организма воспринимать и усваивать сигналы, информацию, трансформировать в знания, формировать умения, навыки, приобретать компетентность – как способность и готовность к конкретной деятельности. Важно эти знания использовать в педагогической, в том числе и воспитательной, деятельности, что позволит оптимизировать процессы, а значит, это будет способствовать повышению результата при снижении затрат на него.

Наши рассуждения можно подтвердить результатами исследований. В последнем номере журнала «Экономика образования» опубликована статья А.В. Зобкова «Психолого-педагогические особенности саморегуляции субъектами образования учебной деятельности». Исследователь пишет: «Отрицательные характеристики интеллектуальных возможностей и познавательной активности обучающихся оцениваются педагогами весьма дифференцированно, которые являются, как правило, следствием неправильной организации обучения. При этом возможны четыре основных принципиальных нарушения, допускаемые учителем, педагогом:

1) несоблюдение принципа “достаточность условий” (П.Я. Гальперин), то есть не обеспечивается активное включение учащегося в процесс решения учебных задач;

2) не стимулируется сверхнормативная или надситуативная активность учащегося, то есть не поощряется использование нестандартных приемов и способов решения задач;

3) не обеспечивается психологическая защищенность учащихся. Не удивительно, что одним из наиболее часто регистрируемых страхов до сих пор остается “страх оценки”;

4) не осуществляется обучение как процесс активного субъект-субъектного взаимодействия учителя (педагога) и учащегося. В результате такого взаимодействия у учащихся должны формироваться не только определенные теоретические знания, умения и навыки, а в значительной степени должна складываться система качеств и особенностей личности учащегося…» [3, с.171].

Результаты приведенного исследования помогают нам понять, что эффективный, малозатратный, как по времени, так и по расходу всех других ресурсов, процесс обучения происходит лишь в результате совпадения активности учителя и учащегося. Организовать (создать) ситуацию «совпадения активностей» может и должен учитель (преподаватель.) Следовательно, кадры, которым доверено (поручено) осуществлять военно-патриотическое воспитание молодежи, должны быть специально подготовлены к эффективной организации обучения. В контексте нашей статьи это означает, что скорость (глубина) осознания и усвоения материала зависят от наличия или отсутствия в аудитории ситуации «совпадения активностей». Мощность педагогического воздействия зависит от компетентности преподавателя. Направление движения знания определено актуальностью и востребованностью практикой темы занятия. В конечном счете, эффект обучения и затраты на обучение зависят от компетентности преподавателя как в предметной области, так и в области психолого-акмеологических особенностей обучающегося. Следовательно, для преподавателя необходимо систематическое повышение его квалификации.

Теперь полезно поразмышлять над обоснованностью затрат на военно-патриотическое воспитание молодежи. Чем оправданы эти затраты? Под влиянием чего в сознании молодого человека формируются убеждения о доминирующей важности обеспечения благополучия Отечества над собственным благополучием?

Воспитание как самостоятельный феномен исследуется специалистами разных отраслей знания. Мы разделяем толкование сущности феномена «воспитание» теми авторами, которые рассматривают его как сознательное формирование качеств личности, определяющих ее социально-психологическое поведение, культуру, отношение к людям и делу, мировоззрение, привычки и традиции, образ жизни. Такая трактовка не позволяет отрицать воспитание в процессе обучения. Воспитание в процессе обучения объективно существует, а проблема заключается лишь в том, каковы условия развития индивидуальных интересов обучающегося, способствуют ли они проявлению и закреплению позитивных для личности и общества привычек, установок, норм поведения и ориентиров. То, какие качества воспитывает в обучающемся процесс обучения, можно наблюдать и оценивать по косвенным факторам: культура организации учебного процесса и организации занятий физкультурой и спортом, эстетика отношений между обучающимися и между ними и преподавателями, между самими преподавателями; методика подачи (презентации) знаний и сама программа обучения во всех ее проявлениях. В процессе обучения человек усваивает (присваивает, превращает в свои убежде-

ния) некие положения и добровольно как бы берет на себя ответственность за их выполнение. Это и есть воспитание. Без воспитательной составляющей не может быть обучения. Важно, чтобы этот процесс не проходил стихийно. Неформальное, одухотворенное, очеловеченное усвоение (присвоение) знания дает воспитательный эффект. Условия, требования, среда процесса обучения создаются сознательно и целенаправленно, в этом суть воспитательной деятельности, это требует затрат и, при хорошей организации их использования, дает нужный эффект. Как зафиксировать этот эффект? В идеале существует модель гражданина, модель патриота. С помощью социометрических измерений можно проверить меру соответствия выпускников или обучающихся этой модели. Но это в идеале, это дорогой способ оценки. На практике такая оценка проводится в процессе проведения разнообразных мероприятий: смотров, соревнований, конкурсов, экзаменов, тестов и, наконец, в демонстрации выпускниками квалификационного уровня их профессиональной деятельности. Эти результаты будут оправдывать затраты на военно-патриотическое воспитание, если каждый раз будут сопровождаться глубоким и беспристрастным анализом динамики результатов, достигнутых обучающимися. Необходимо обязательное сопоставление результатов с затратами. Обязательное осознание причин снижения положительной динамики результатов, что позволяет установить новые целевые ориентиры в военно-патриотическом воспитании.

Неотъемлемой компонентой военно-патриотического воспитания является качество обучения. В его оценке нельзя ограничиваться только проверкой знаний или даже навыков. Контроль качества предполагает многокритериальную оценку последовательного формирования гражданской позиции обучающегося. Все многообразие существующих и потенциально возможных методов обучения мы рассматриваем в аспекте некоторого множества личностных переменных, взятых в единстве со статусом гражданина. Конечно, такой подход требует новых технологий обучения. По критериям приоритетов принято выделять несколько технологических схем обучения. Рассмотрим их.

1. Технология презентации знаний, которая основана на методах мотивирования превращения их в профессиональные установки.

2. Технологии адаптивного типа, предполагающие корректировки форм занятий по результатам мониторинга качества обучения.

3. Технологии социально-психологического типа, реализующие специфические особенности восприятия обучающимся знаний и самого преподавателя.

4. Технологии креативного обучения, основанные на использовании творческих возможностей обучающегося, его способности к неординарному восприятию материала и его самостоятельной обработке.

5. Технологии самообразования. Главный акцент здесь делается на самостоятельном освоении предмета под руководством и при наличии консультаций преподавателя. Результат такой технологи зависит от организационно-методического сопровождения занятий, от системы контроля глубины усвоения знаний.

Каждая из этих технологий по-разному проявляет основные параметры качества обучения, и каждая технология требует разного ресурсного обеспечения и методического сопровождения. В выборе нужной технологии главное значение имеет понимание того, что центральной фигурой учебного процесса является обучающийся – его устремления, его мотивы и образовательные потребности в целом, его мироощущение и его способности.

В заключение сформулирую свое видение ответов на поставленные вопросы.

Надо заботиться о систематическом повышении компетентности преподавателей, участвующих в военно-патриотическом воспитании. Случайный человек в военно-патриотическом воспитании принесет больше вреда, чем пользы. Педагогика военно-патриотического воспитания – это сложнейшая и важнейшая человеческая деятельность.

Необходим мониторинг динамики результатов проведенных мероприятий военно-патриотического характера. Без анализа этих результатов и разработки внятных мер по их улучшению нельзя признать затраты на мероприятие полезными, целесообразными.

Военно-патриотическое воспитание молодежи, как любая человеческая деятельность, имеет свои технологии, реализация которых требует затрат ресурсов и обеспечивает получение разных результатов. Есть варианты для выбора, надо оптимизировать для практического использования набор образовательных технологий.

Библиографический список

1. *Маев С.А.* Российскому оборонному обществу 85-лет. – М.: Издательская группа ООО «Типограф РОСТО», 2011. – 202 с.

2. СКР возбудил пять дел в Оборонсервисе // Новая газета. – 2012. – 25 октября.

3. *Зобков А.В.* Психолого-педагогические особенности саморегуляции субъектами образования учебной деятельности // Экономика образования. – 2012. – №4. – С. 171–177.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

Груздева Ольга Станиславовна
Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
olena020670@rambler.ru

ИДЕЯ СОЗДАНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА» НА ОСНОВЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматриваются основные идеи Д. Дьюи о создании демократического сообщества. Вкладывая в понятие демократии в первую очередь этический смысл, он считал, что реформирование общества невозможно без реформирования образования на основе новой философии, развития творчества и коммуникации.

Ключевые слова: *демократия, культура, коммуникация, образование, реконструкция, демократическое сообщество.*

Прагматизм – философское течение, возникшее в конце XIX века в США и воспринятое современниками как философия свободы, поскольку в ней предлагались принципы реформирования общества на основе углубления демократии. Один из основоположников прагматизма Д. Дьюи вкладывал в понятие демократии не столько политический смысл, сколько этический, предлагая трактовать демократию как форму нравственного общения. Разделяя точку зрения Дьюи, Х. Патнэм считала демократию когнитивной ценностью всех областей человеческой жизни, так как «демократия – это требование экспериментального исследования» в любой из них. Следовательно, отказываясь от демократии, человечество отказывалось от идеи экспериментирования. «Думаю, – писала Х. Патнэм, – у нас достаточно опыта, чтобы понять, что бывает, когда мы не считаем нужным быть экспериментаторами» [2, с. 80–81].

Сравнивая демократию с аристократической идеей, Дьюи отмечал, что они не отличаются по своей цели: индивид достигает своего наиболее полного развития, когда он находит то место в обществе, к которому наиболее приспособлен. Но демократия, в отличие от аристократии, предполагает, что найти это место должен главным образом сам человек. Преданность интересам общества должна «начинаться в самом человеке, каким бы значительным при этом ни был вклад со стороны добродетельных и мудрых членов общества. Ответственность личности, индивидуальный почин – вот интонации демократии» [4, с. 29]. В демократии, по мнению Дьюи, присутствует «индивидуализм свободы, ответственности перед этическим идеалом и инициативы ради него», поэтому личность – это начальная и конечная реальность [4, с. 29]. В каждом индивиде живёт личностное начало, и индивид сам должен сделать выбор в пользу его развития. Способность личности к социальной инициативе, её степень свободы в социальном и культурном отношении свидетельствуют о степени демократизации общества, в котором она живёт. Таким образом, только демократическое общество позволит создать условия для наибольшего развития личности. Основными принципами демократии, по Дьюи, являются: свобода, равенство, братство, которые он конкретизировал в духе времени и сообразно своим философским воззрениям.

Демократический идеал включает свободу, поскольку свобода – «выражение той этической идеи, что личность есть высший и единственный закон, что каждый человек – абсолютная самоцель» [4, с. 30]. Без этого внутреннего побуждения и выбора идеала, без внутреннего следования ему демократия – ничто. Кроме того, по мнению Дьюи, свобода – это не только идея, это эффективная сила делать что-то конкретное. Нет свободы вообще: «Если мы хотим оценить, каковы условия свободы в некое данное время, то нам следует рассмотреть, что в это время могут делать индивиды и что они делать не могут» [8, с. 213]. Степень свободы зависит от принятого в данное время в конкретном обществе распределения политических и экономических сил, причём «система свобод, наличных в какое-то время, с другой стороны, всегда является системой ограничений и контроля, существующей в то же самое время. Невозможно делать что-либо вне связи с тем, что могут и не могут делать другие» [8, с. 214]. Поэтому вопрос свободы – это, в первую очередь, вопрос социальный, так как «доля свободы, присущая любому индивиду, зависит от текущего распределения сил или свобод, а это распределение есть не что иное, как реальный общественный порядок» [8, с. 214]. Почему же так велика ценность свободы, так высоко ценится стремление к ней? Дело в том, писал Дьюи, что «полная свобода человеческого духа и свобода личности достижимы только при условии эффективных возможностей для участия человека в освоении и создании культурных ресурсов цивилизации. Ни одно экономическое состояние дел не является чисто экономическим. От него колоссальным образом зависит наличие или отсутствие культурной свободы» [6, с. 235]. Объединение людей в группы происходит на основе общих ценностей, формирующихся у них в процессе повседневного общения,

© Груздева О.С., 2013

на производстве, в образовании, науке, искусстве, религии, которые у Дьюи аккумулированы в понятии «культура». «Проблема в том, чтобы установить – какого рода культура настолько свободна сама в себе, что зачинает и порождает политическую свободу в качестве своего спутника и следствия», – объяснял он [7, с. 26]. Для Дьюи – это культура, в которой личность получает возможность самореализации, осуществления творческих способностей в различных сферах деятельности. С наибольшей полнотой, считал Дьюи, творчество воплощается в художественной деятельности. Произведения искусства являются мощными средствами общения, затрагивающими эмоции и воображение человека, которые «более действенны в формировании общественных чувств и взглядов, чем факты и разумные доводы» [7, с. 30]. Следовательно, они формируют его личное мнение по различным вопросам жизни общества, тем самым являясь «важной частью общественных условий, воздействующих на демократические учреждения и личную свободу» [7, с. 29]. Таким образом, в качестве господствующих «элементов» природы человека в культуре Дьюи выделяет «разум» и «сотрудничество», которые он соотносит с индивидуальным и общественным в человеке. Одни культурные явления и процессы влияют на развитие психологических «элементов», которые способствуют индивидуализации людей, другие – на «элементы», способствующие их солидарности. Человек должен обеспечить развитие каждого «элемента», так, чтобы он помогал полностью созревать другому «элементу», поэтому, считал Дьюи, «проблема свободы сотрудничающих личностей есть, таким образом, проблема, которую надлежит рассматривать в контексте культуры. Культура – взаимодействие многих факторов, главные из которых право и политика, промышленность и торговля, наука и техника, изобразительные искусства и средства общения, и этика, или ценности, которыми люди дорожат, и способы определения этих ценностей, и, наконец, хотя и косвенно, система общих идей, используемых людьми для оправдания и критики основных условий жизни, – социальная философия. Мы заняты скорее проблемой свободы, чем решениями этой проблемы, будучи уверены, что они тщетны, пока проблема свободы не поставлена в связь с составляющими культуру элементами в процессе их воздействия на исконную природу человека» [7, с. 42]. Кроме того, любой общественный строй будет существовать длительное время, только если он создаёт условия для развития тех «элементов» природы человека, проявлению которых раньше не предоставляли возможности.

Свобода, как уже отмечалось, является необходимым условием самореализации личности. Но это осуществимо только в условиях подлинной, многоплановой ассоциации с другими. Поэтому демократический принцип братства у Дьюи подразумевает идею сотрудничества личностей и «является синонимом сознательно принимаемых благ, исходящих из ассоциации, членами которой являются все» [5, с. 110]. Идея равенства для Дьюи предполагает равенство перед законом, равенство возможностей самореализации, но не социальное равенство. Равенство, по мысли Дьюи, – идеал человечности, идеал демократии, поскольку только в этом случае каждый человек имеет шанс и знает, что он его имеет; это шанс стать личностью. Это также справедливая доля в результатах совместной деятельности, которая измеряется исключительно потребностью и способностью использовать полученное для реализации своих целей.

Дьюи справедливо полагал, что «проблема демократически организованного общества – это по сути своей интеллектуальная проблема», поскольку необходимо отыскать те условия, при которых, возможно, «великое общество» перестанет находиться «в состоянии затмения» и превратится в «великое сообщество» [5, с. 93]. Главными агентами общества являются личности, которые представляют общество, а общество, приходя к тем или иным решениям, воплощает их в жизнь через деятельность личностей. Идея демократии, чтобы быть реализованной, должна проникнуть во все виды человеческой ассоциации: школу, семью, религию, промышленность. Поэтому, кроме принципов свободы, равенства, братства, условием возникновения демократического сообщества является «ассоциативная» или совместная деятельность, что предполагает наличие коммуникации. В этом случае индивидуальные желания, импульсы приобретают общий смысл, преобразуются в цели, которые могут заинтересовать других людей. Так возникают предпосылки для совместной деятельности, основанной на общности интересов и начинаний, способствующей созданию сообщества. Результаты совместной деятельности анализируются и передаются с помощью языка – знаков и символов, становящихся «тем коммуникационным средством, с помощью которого осуществляется распространение и усвоение обобщённого опыта» [5, с. 158]. Средства и способы сообщения смыслов должны постоянно совершенствоваться, чтобы смыслы понимались и использовались «всеми участниками совместной деятельности» [5, с. 112].

Возникшая всеобщая заинтересованность в результатах совместной деятельности приводит людей к согласию, которое у Дьюи соотносится с истиной. Переосмысливая истину, Дьюи отказался от этого термина и вместо него предложил «правдивое утверждение» [1, с. 250]. Обращаясь к природе истины, Дьюи отмечал, что если идеи, концепции, понятия, теории служат инструментами активного переустройства внешней среды, то тестом на прочность и ценность является успешное решение

проблемы. Если они справляются с поставленной задачей – они надёжны, значимы, весомы, пригодны, верны; если они только углубляют путаницу – ложны. Данную точку зрения Дьюи поддерживала Патнэм, считая, что «если мы допускаем существование в этике и политике такой вещи как истина, то она должна быть подчинена тем же ограничениям, что и научная истина. Это означает, что мы должны проверять и перепроверять её сами и должны позволять другим проверять её. Мы должны постоянно обсуждать и наши методы верификации» [2, с. 79]. Соответственно, научные методы надо применять и «для реформы тех институтов, которые погрязли в коррупции или устарели» [1, с. 248].

Дьюи отмечал, что «данная проблема является проблемой морали и решение её зависит от разума и образованности людей»[5, с. 114]. Самым эффективным средством общественного прогресса является «правильное и осмысленное» образование детей, а критерием ценности институтов взрослой жизни является их способствование непрекращающемуся образованию. Социальные институты создают условия для развития индивидуальных способностей человека, поэтому их ценность определяется тем, дают они или нет каждой личности такое образование, которое полностью отвечает её возможностям. Кроме того, для того чтобы члены общества обладали достаточными знаниями и уровнем понимания в воплощении в жизнь принципов демократического сообщества, должна присутствовать свобода социального исследования и свобода распространения выводов социологических исследований. А это возможно только в условиях свободной коммуникации, основанной на принципе плюрализма, означающего в прагматизме «сохранение различий при продолжающейся коммуникации» [2, с. 83]. Поэтому венцом демократии Дьюи считал «формирование неразрывной связи между свободным социальным исследованием и искусством волнующей и всесторонней коммуникации» [5, с. 134]. Чем сильнее коммуникация, тем сильнее демократия. Поскольку признаками демократии являются взаимоуважение, терпимость, гибкость, ее «можно рассматривать как моральный идеал, а не как группу институционных процедур или организационный аппарат» [9, с. 421].

Дьюи указывал, по меньшей мере, на три индикатора сообщества, обязательных для его существования. Основным из них Дьюи называл «сознательную идентификацию с группой и привязанность к группе и её членам» [9, с. 416]. Признание своей принадлежности к социальной группе, чувство сопричастности к ней развивает человечность и индивидуальность. «Индивидуумы дорастают до чувства самосознания через сообщества, в которых они живут, а не просто в них находятся» [9, с. 419]. Непрерывное участие в жизни сообщества способствует разностороннему опыту всех его членов, что приводит к развитию индивидуальности, являющейся «набором способностей, которые развиваются со временем и через взаимодействие» [9, с. 419]. Для успешного существования сообщества важно наличие общих ценностей, разделяемых его членами.

В демократическом сообществе по Дьюи люди стремятся к непосредственному общению «лицом к лицу», к диалогическому взаимодействию, следовательно, «демократия должна зарождаться дома, а таким домом для демократии является сообщество ближайших соседей» [5, с. 155]. В противном случае общество не решит свою главную проблему – проблему самоидентификации. Взгляды молодёжи должны формироваться в процессе воспитания путем усвоения традиций с учетом интересов конкретной ассоциации, чтобы вырабатывалось «самосознание индивидуально неповторимого члена сообщества – то есть того, кто понимает и разделяет присущие сообществу убеждения, устремления и методы и вносит свой вклад в дальнейшее преобразование органических сил в истинно человеческий ресурс, в истинно человеческие ценности» [5, с. 113]. Но нельзя забывать, что демократия имеет и личностный смысл, предлагая нравственные нормы, которые регулируют индивидуальное поведение. Только выполнение всех вышеуказанных условий послужит превращению «великого общества» в «великое сообщество», «то есть в такое общество, в котором условия непрестанно множащихся и всё более обязывающих последствий совместной деятельности будут в полном смысле слова познаны, благодаря чему и станет возможным возникновение организованного, структурированного общества» [5, с. 133–134].

В формировании демократического сообщества, как уже отмечалось, важную роль играет образование, «в задачу которого входит предоставить возможность каждому индивидууму внести вклад в соответствии со своими способностями» [9, с. 425]. Создание новой концепции образования, решающего эту задачу, по мнению Дьюи, невозможно без методологической основы, которой является философия, основанная на вере в человеческий разум и в силу научных методов. Необходим «новый тип философствования», соответствующий изменившемуся социокультурному контексту, «значительная доля содержания» которого должна носить «социальный, идеологический, этический, религиозный, эстетический характер» [10, с. 164].

Человеческий разум, человеческий опыт, как инструменты познания и практического преобразования действительности, направлены у Дьюи на поиск истин, помогая людям решать жизненно важные проблемы во всех сферах культуры.

В первую очередь Дьюи обращал внимание на социальность и историчность человеческого разума, его способность преобразовывать и совершен-

ствовать мир. В философской реконструкции разум должен рассматриваться, по мнению Дьюи, как целеустремлённый и энергичный преобразователь тех сторон природы и жизни, которые препятствуют социальному благополучию. В новой философии личность предстает как ответственная сила, «посредством инициативы, изобретательности и разумно управляемого труда изменяющая мир и превращающая его в орудие и объект интеллекта» [3, с. 48]. Разум – это экспериментальный интеллект, который направлен на формирование социальных навыков и является принципом реконструктивной деятельности. «Задача разума при решении любой проблемы, с которой сталкивается личность или общество, писал Дьюи, состоит в том, чтобы осуществить эффективную связь между старыми привычками, обычаями, институтами, верованиями, с одной стороны, и новыми условиями, с другой» [6, с. 360]. Философия должна «объяснить» человечеству, что «пытливый и цельный разум, предназначенный для наблюдения и понимания конкретных общественных событий и сил, способен строить такие идеалы, то есть цели, которые не являются ни иллюзиями, ни простыми чувственными компенсациями» [3, с. 89].

На формирование человеческого опыта, писал Дьюи, оказывают влияние окружающая среда, культурные традиции, генетические предрасположенности личности, такие как биологическая наследственность и врождённые индивидуальные различия. Человеческий опыт для Дьюи – это экзистенциальный опыт или опыт жизни, то есть «опыт – это “весь человек”, его жизненный мир во взаимодействии с тем, что создано эволюцией природы, и с тем, что он вносит в него собственной субъективностью, культурой и историей» [10, с. 168].

Таким образом, идеальный образ демократии, предложенный Дьюи, до сих пор не утратил своего значения, поскольку «демократия – это обозначение жизни свободного, развивающегося сообщества» [5, с. 134]. В первую очередь Дьюи искал в демократии нравственное значение, считая, что «высшим тестом для всех политических институтов и производственных формирований будет их вклад во всестороннее развитие каждого члена общества» [3, с. 118]. Достижение этой цели он напрямую связывал с реформированием образования на основе новой философии. Следовательно, реконструкция в философии необходима для реформирования образования и создания «демократического сообщества», которое строится на принципах свободы, равенства, братства и возможно только при условии развития творчества и коммуникации. В этом случае станет реальностью общение «лицом к лицу», общность интересов, существование множества истин при сохранении индивидуальности отдельных личностей. И только в этом случае каждая личность примет «ответственное, сообразное своим способностям участие в формировании целей и политики социальной группы, к которой она принадлежит. В этом факте зафиксировано всё значение демократии» [3, с. 130].

Библиографический список

1. Американская философия. Введение. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 576 с.

2. *Боррадори Дж.* Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. – М.: Дом Интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. – 208 с.

3. *Дьюи Д.* Реконструкция в философии // Реконструкция в философии. Проблемы человека. – М.: Республика, 2003. – С. 4–132.

4. *Дьюи Д.* Этика демократии // Полис. – 1994. – № 3. – С. 28–32.

5. *Дьюи Д.* Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

6. *Дьюи Д.* Либерализм и социальное действие // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 331–384.

7. *Дьюи Д.* Свобода и культура: пер. с англ. – Лондон, 1968. – 195 с.

8. *Дьюи Д.* Проблемы человека // Реконструкция в философии. Проблемы человека. – М.: Республика, 2003. – С. 133–450.

9. *Кэмпбелл Дж.* Сообщество и демократия // Американская философия. Введение. – М.: Идея – Пресс, 2008. – С. 413–436.

10. *Юлина Н.С.* Философская мысль в США. XX век. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. – 600 с.

УДК 1:37.01

Левицкая Ирина Александровна
Ивановский государственный химико-технологический университет
Rusachok@list.ru

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается древнегреческий идеал пайдейи и дается обоснование его актуальности в современной философской и педагогической мысли.

Ключевые слова: *идеал пайдейи, гуманизация, образование, компетентностный подход.*

В сложные, критические периоды жизни общества возрастает потребность в теоретическом анализе изменений духовной культуры, важнейшей составляющей которой является система образования.

В современном обществе и образовании в значительной мере проявляются черты их дегуманизации. Наблюдаются утрата духовных и нравственных ценностей, отказ от мировоззрения, основанного на справедливости, отсутствие внимания и уважения к человеку, обесценивание жизни человека. В образовании на первый план вышли требования к уровню профессионально-технических знаний при забвении его гуманистических основ. Игнорирование вопросов личностного развития, формирования гражданственности человека отрицательно сказывается и на уровне профессиональных качеств молодых специалистов.

Из современной школы постепенно уходит воспитательная функция, приоритет отдается обучению в самом традиционном его виде как передаче готовых знаний, что противоречит поставленной в период перестройки цели образования. «Образованный человек – это не столько человек знающий, сколько подготовленный к жизни, ориентирующийся в сложных проблемах современной культуры, способный осмыслить свое место в мире», – так комментировали суть проходящих образовательных реформ в 1992 году [13, с. 155]. По мнению А.Я. Кузнецовой [10], сегодня в образовании наблюдаются такие негативные явления, как дезинтеграция знания, осколочность предметного образования, нарушение целостности и устойчивости развития человека. Существующая система образования все более превращает знание в товар на рынке идей, в инструмент манипулирования людьми.

Компетентностный подход, который развивается сегодня, снимает часть указанных выше проблем, а именно:

1) дает ответы на запросы производственной сферы (Т.М. Ковалева) [9];

2) проявляется как обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность (И.Д. Фрумин) [16];

3) и как обобщенное условие способности человека эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций (В.А. Болотов) [4];

4) характеризуется возможностью переноса способности в условия, отличные от тех, в которых эта компетентность изначально возникла (В.В. Башев) [3];

5) компетентность определяется как атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности (П.Г. Щедровицкий) [17];

6) компетентность человека имеет вектор акмеологического развития (Н.В. Кузьмина) [11];

7) компетентность основывается на знаниях, как интеллектуально и личностно обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность. Основанный на компетентности подход характеризуется усилением как собственно прагматической, так и гуманистической направленности образовательного процесса и не противоречит формированию общей культуры личности в системе образования (И.А. Зимняя) [6].

Тем не менее центральная проблема гуманизации образования, ценностного наполнения когнитивного образовательного резервуара остается нерешенной. Все это иллюстрирует меру кризиса, охватившего образование, и доказывает необходимость пересмотра его философских оснований, прежде всего, философско-антропологических. Чтобы преодолеть кризис, система образования должна быть ориентирована на человека как высшую ценность бытия [8, с. 55]. Гуманизация образования в современном российском обществе становится насущной потребностью и должна рассматриваться как принцип образования и как путь и средство выхода из критического состояния.

Проблема гуманизации образования находится в центре современной гуманистической философии образования и гуманистической педагогики, как отечественной (Э.Н. Гусинский, Ю.И. Турчанинова, А.П. Огурцов, В.В. Платонов, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили, Л.И. Новикова, Т.Н. Мальковская, А.В. Мудрик и другие), так и зарубежной (Ф. Смит, К. Роджерс, Д. Дьюи, Ж. Пиаже и др.).

Основная задача гуманистической педагогики – пробуждать у человека тягу к самопознанию и критическому исследованию, к самостоятельности. Ее цель – воспитание человека гуманного, открытого всему миру, всем не тоталитарным и не человеконенавистническим мировоззрениям, идеологиям и политическим учениям, способного сделать осмысленный, свободный и ответственный выбор в любой из областей культуры и социальной жизни. Как говорил В.А. Сухомлинский, «в человеке, которого мы воспитываем, должны сочетаться нрав-

© Левицкая И.А., 2013

ственная чистота, духовное богатство, физическое совершенство» [15, с. 133].

Гуманистическая педагогика призвана преодолеть отчуждение человека от самого себя, от своих способностей и потребностей. В ее рамках этические принципы проверяются каждым человеком непосредственно в контексте конкретной ситуации, своего уникального жизненного опыта. Гуманизм выступает здесь за нравственную свободу каждого отдельного человека определять смысл и образ своей жизни на основе не столько групповых, идеологических или религиозных, но прежде всего, общечеловеческих ценностей. Образование должно помочь каждому человеку открыть для себя и осмыслить эти ценности.

Цель, заложенная в гуманистической концепции образования, совпадает с греческим идеалом пайдейи, в котором также предполагалось формирования культурной, развитой личности, воспитание человека интеллектуального и здорового, хорошо развитого физически, сочетающего красоту тела и нравственные добродетели. Древнегреческая пайдейя представляла собой своего рода программу культивирования истинно человеческого в человеке. Она была ориентирована не на формирование некоторых индивидуальных способностей, навыков и «талантов», а на достижение идеала духовного и физического совершенства – калокагатии. Пайдейя формирует, образовывает человека как такового. Овладевая «предметами всеобщего интереса», человек трансцендирует свое «Я» и, отвлекаясь от субъективного и случайного, усваивая более широкий и объективный взгляд на вещи, приближается к воплощению идеала, с которым ему в дальнейшем в течение всей жизни нужно будет соизмерять свои помыслы и поступки [7].

Целью образования считалось «обретение мудрости как искусства жить» [1, с. 133], которая, конечно же, исключала профессиональное обучение какому-либо искусству или ремеслу. Аристотель, например, четко различает образование как таковое и специальное знание того или иного предмета: «человек всецело образованный способен судить о любых вещах, в то время как “знающий” сведущ только в определенной области» [2, с. 50]. С этой точки зрения, быть «образованным» лучше, чем просто «знающим», а воспитание, которое «заключает цель в самом себе», предпочтительнее ремесленного «обучения», которое «необходимо для применения в деловой жизни и имеет в виду другие цели» [2, с. 61]. Главной же целью воспитания Аристотель считал гармоническое развитие личности, развитие высших сторон души – разумной, нравственной и волевой.

Идея приоритета воспитания над обучением, высказанная древнегреческими философами, соответствует глубинным истокам отечественной педагогической культуры. Для российской педагогики всегда «строительство внутреннего человека», его нравственного стержня было важнее, чем некая сумма знаний. В отечественной педагогике советского периода принцип единства воспитания и образования отстаивали такие известные педагоги, как К.Д. Ушинский, В.П. Вахтеров, С.И. Гессен, А.С. Макаренко. Например, А.С. Макаренко критически относился к традиционной педагогике, в которой всегда на первом плане были вопросы дидактики, а воспитательные проблемы отодвигались на второй план. Педагог считал это принципиальной ошибкой, поскольку воспитание является широким явлением, которое включает в себя и обучение, и образование [12].

Особый акцент А.С. Макаренко делает на социальном характере воспитания, считая, что «воспитанию подлежит не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом этапе. Подлежит воспитанию или в специально организованных формах, или в формах широкого общественного влияния. Каждое наше дело, каждая компания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождается не только специальными задачами, а и задачами воспитания» [12, с. 238]. Аналогичный принцип характерен и для греческого идеала пайдейи. Пайдейя – дело всей жизни (а не исключительно лишь периода «школьного» воспитания), и притом главное дело: «это продолжающаяся всю жизнь борьба за познание высшего Блага, против владеющего душой невежества, преграждающего ей путь к счастью» [14, с. 321].

Ориентируясь на стандартизированный образец – всестороннее и гармоническое развитие личности, – А.С. Макаренко не выпускал из поля зрения индивида как представителя человеческой общности с его естественными задатками (темперамент, характер, способности, интеллект). По мнению Макаренко, человек «должен быть просвещенным, квалифицированным, дисциплинированным, политически развитым... В нем надо воспитывать чувство обязанности и чувство чести, умение подчиниться товарищу, умение быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным – в зависимости от условий жизни и борьбы [12, с. 114].

Идеи, близкие по своему содержанию к идеалу древнегреческой пайдейи, высказывал и другой великий русский педагог – В.П. Вахтеров. В его педагогической концепции, которая получила название «Эволюционная педагогика», основу составляет идея развития, то есть трактовка обучения и воспитания как поступательного движения, соединенная с убеждением, что образование во всех его видах и формах является одним из важнейших факторов общественного прогресса. И главное значение для педагога, по мнению В.П. Вахтерова, имеет развитие личности воспитанника. «Психолог изучает ребенка, чтобы на простейших проявлениях детской психики легче понять и психику

вообще; антрополог – чтобы найти в развитии ребенка указания и намеки на развитие всего человечества; археолог – чтобы в изделиях и рисунках ребенка найти аналогии с археологическими находками; филолог – чтобы в развитии детской речи уловить законы развития языка, и пр. А педагог, пользуясь своими наблюдениями, может присоединить к ним результаты работ и психологов, и антропологов, и биологов и т. п. с тем, чтобы сообразовать с законами развития ребенка его воспитание, смену методов и материалов для его образования по мере возрастания своего воспитанника» [5, с. 123].

В постсоветский период в социальной среде приоритетными становятся прагматические идеи, что приводит к дегуманизации культуры и образования. Информационная революция, широкая компьютеризация являются прогрессом в технологии обучения, но они способны поглотить человеческую личность, поэтому сегодня не случаен выход к проблеме понимания античности как культурного и образовательного идеала. Задача современной философии образования состоит, на наш взгляд, в выработке гуманистического идеала образования, сохраняющего основные принципы греческой пайдейи, прежде всего принцип единства образования и воспитания.

Возможно ли сохранение традиционных ценностей образования в кардинально изменившемся со времен античности мире? Ответ на этот вопрос зависит от того или иного решения философско-онтологической проблемы общей природы человека. Если общая природа человека и универсальные человеческие потребности действительно существуют, то соответствующие им ценности могут сохраняться на протяжении длительных периодов истории культуры. Если же человеческая природа изменчива и носит конкретно-исторический характер, тогда ценности в каждую эпоху специфичны и, соответственно, специфичны избираемые конкретным обществом образовательные стратегии. Однако анализ названной проблемы выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

1. *Аристотель.* Собр. соч. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 552 с.

2. Аристотель, Платон. Пайдейя: Восхождение к доблести. – М.: УРАО, 2003. – 480 с.

3. *Башев В.В., Фрумин И.Д.* Проблемно-рефлексивный подход в обществознании: уч.-метод. пособие. – М.: МИРОС, 2002. – 176 с.

4. *Болотов В.А., Сериков В.В.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.

5. *Вахтеров В.П.* Нравственное воспитание и начальная школа. – М.: Ред. жур. «Русская мысль», 1901. – 241 с.

6. *Зимняя И.А.* Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический подход) // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 21–26.

7. *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека: в 3 т. Т. 1. / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шачилина, 1997. – 336 с.

8. *Калинина Н.А.* Гуманизация образования: философский аспект // Вестник Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса. Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 53–61.

9. *Ковалева Т.М.* Школьные умения и ключевые компетентности – что общего и в чем различие // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-й научно-практической конференции. – Красноярск, 2003. – С. 63.

10. *Кузнецова А.Я.* Гуманистическая концепция философии образования // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 43–50.

11. *Кузьмина Н.В.* Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. – 144 с.

12. *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма. – М.: Азбука-классика, 2009. – 416 с.

13. *Мехова А.А., Будыкина Е.П.* Гуманистическая философия образовательных реформ: адекватность целей и результатов их реализации // Источник. – 1996. – № 3. – С. 6–14.

14. *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2010. – 632 с.

15. *Сухомлинский В.А.* О воспитании. – М.: Политиздат, 1988. – 269 с.

16. *Фрумин И.Д.* Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-й научно-практической конференции. – Красноярск, 2003. – С. 36–55.

15. *Щедровицкий Г.П.* О методе исследования мышления. – М.: Инст. Развития им. Г.П. Щедровицкого, 2006. – 600 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-2

Галлямова Мария Сергеевна
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный университет
maria_gallyamova@mail.ru

ТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (на материале пьесы «Лондонский купец» Джорджа Лилло)

В статье рассматривается мотив преступления и наказания в мещанской трагедии Джорджа Лилло «Лондонский купец». Эпоха Просвещения требовала нового подхода к этой теме, которая была злободневной, современной и имела огромное воспитательное значение. Английский драматург написал пьесу, отражающую социальные, личностные, нравственные проблемы.

Ключевые слова: *преступление, наказание, закон, Джордж Лилло, мещанская трагедия.*

Библейские заповеди «не убий», «не укради», «возлюби ближнего, как самого себя» ведут человечество сквозь века. К сожалению, далеко не все люди выполняют эти мудрые заветы. Человек нарушает законы морали, а после ошибок ищет пути нравственного исправления общественного устройства, поэтому никогда не теряет своей актуальности вопрос преступления и наказания.

В Англии эта проблема особенно обострилась в XVIII веке в эпоху перехода к буржуазному обществу. Уголовная тема становилась актуальной, что было обусловлено рядом социальных причин: бурной общественной борьбой, парламентскими реформами, а главное, особенностями английского законодательства и судопроизводства, которые отличались жестокостью. В это время уровень преступности в стране увеличился и закономерно вызвал к жизни вопрос о наказании. В центре внимания оказались закон и право, которые и определили социальную реальность того периода.

Учитывая достаточно частое обращение российских исследователей к определениям данных терминов в словарях и энциклопедиях, мы считаем возможным привести их в данной статье.

Например, согласно словарю В.И. Даля, слово «преступление» происходит от глаголов «преступать» и «переступать» (то есть «нарушать, выходить из пределов законов, прав своих, власти»), а толкуется «преступление» как «самое дело, проступок в грехе, беззаконие, поступок, противный закону» [2].

В «Большой советской энциклопедии» «наказание» рассматривается как «особая мера государственного принуждения, применяемая судом от имени государства за совершение преступления» [1].

Теоретическое значение данного исследования заключается в том, что в нём также заложены основы литературоведческого анализа проблемы художественного отражения английской действительности XVIII столетия. Джордж Лилло в пьесе «Лондонский купец» обратился к поискам ответа на вопрос: что такое преступление и наказание?

Когда Мэри Уортли Монтегю, английская писательница, после спектакля обсуждала с друзьями характер и поступки главного героя этой трагедии, она без тени сомнения произнесла следующие слова: «Тот, кто не переживал за судьбу Барнвела, должен быть приговорен к повешению» [6, с. 89]. По мнению Монтегю и многих других зрителей того времени, только человек, черствый душой и сердцем, не способен пережить всю трагедию Джорджа Барнвела. Такую карательную меру они считали справедливой, так как, по их мнению, зло всегда должно быть наказано.

Бесчувственной в мещанской трагедии Лилло была только Сара Мильвуд. Именно она не испытывала жалость к несчастному главному герою. Мильвуд получила по заслугам. Она закончила свою жизнь трагически – на виселице. Безусловно, приговор драматурга обрадовал английскую писательницу Мэри Уортли Монтегю. Сторонников такой развязки сюжета было много.

Поддержка пьесы зрителями оказалась грандиозной. Большинство из них сопереживали Барнвелу. Так, у одного графа в 1768 году не выдержало сердце.

В день премьеры у многих было приподнятое настроение. Один предприимчивый человек быстро воспользовался ситуацией и напечатал балладу-оригинал, сюжет которой Джордж Лилло заимствовал. Недоброжелатели торговали копиями старинной истории перед театром. В театре царила бурная атмосфера ожидания. Недоброжелателям драматурга не удалось достигнуть своей цели. По мере того как развивалось действие, выявилось заметное изменение в настроении зрителей. Т. Сиббер писал: «…Сцены были такие яркие, убедительные и патетичные, что весело настроенные джентльмены были огорчены и пристыжены. Они были вынуждены отбросить балладу в сторону и достать свои носовые платки» [3, с. 9]. Другими словами, пьеса вызвала интерес публики и ее симпатию.

© Галлямова М.С., 2013

Хотя сезон подходил к концу, спектакль продержался на сцене еще двадцать вечеров, и в течение следующей зимы он был снова представлен в переполненном театре, а его постановке покровительствовали купцы и другие богатые люди, которые поддерживали мораль пьесы.

Финальная сцена, когда преступники расплачиваются за свои грехи на виселице, представляет зрителям урок – всем воздается по заслугам, за свои поступки нужно отвечать. Что происходит с человеком в этот драматический момент? Раскаивался ли Джордж Барнвел в своих грехах? А как вела себя Мильвуд? Джордж сожалел обо всем, сокрушался и через покаяние искал спасение от адского пламени. Мильвуд же была непреклонна, даже когда шла на казнь. Она выступила с весьма необычной для XVIII века защитой в свой адрес, которая явилась вызовом общепринятому мнению: «*Millwood*: If such I had, well may I curse your barbarous sex, who robb'd me of 'em, e'er I knew their worth, then left me, too late, to count their value by their loss. Another and another spoiler came; and all my gain was poverty and reproach. My soul disdain'd, and yet disdains dependence and contempt. Riches, no matter by what means obtain'd, I saw, secur'd the worst of men from both; I found it therefore necessary to be rich; and, to that end, I summon'd all my arts. You call 'em wicked; be it so! They were such as my conversation with your sex had furnishe'd me withal (IV, 18)» [5]. («*Мильвуд*: Если бы я имела все это, то я бы проклинала ваш варварский и грубый пол. Вы все обворовывали меня, прежде чем я узнала вашу настоящую цену. Потом вы бросили меня слишком поздно, чтобы осознать, что вами потеряно. Каждый из вас все больше и больше усугублял мое положение, и все, что я имею, – это бедность и угрызения совести. Моя душа была надменна и остается такой же до сих пор, а еще зависима и презренна. Богатые, независимо от их достатка, я знаю, становятся еще более развращенными. Но я считаю, что необходимо быть состоятельной, и в конечном итоге я приложила все усилия, чтобы разбогатеть. Вы называете мои стремления порочными. Пусть будет так! Они были такими же, как и все мое общение с мужчинами» (здесь и далее собственный перевод. – *М.Г.*).)

Мильвуд интересна своим самообладанием и стойкостью. В сцене, добавленной в пятое издание, она рассуждает о жизни. Ее речь отражает перемену ее чувств: от отчаяния до открытого неповиновения и полного пренебрежения общественным мнением: «*Millwood*: Is this the end of all my flattering hopes? Were youth and beauty given me for a curse, and wisdom only to insure my ruin? They were, they were! Heaven, thou hast done thy worst…. Now pour it now on this devoted head, that I may feel the worst thou canst inflict, and bid defiance to thy utmost power! (V, 11)» [5]. («*Мильвуд*: Неужели это конец всем моим лестным надеждам? Молодость и красота были даны мне для проклятья, и мудрость – только для того, чтобы обеспечить мое падение? Да, действительно, Небеса сотворили свое дело…. А теперь вылейте все это на обреченную голову, чтобы я смогла почувствовать самое плохое и не смогла бы противостоять людской морали и пренебрегать ею».)

И все же когда приближается момент смерти, Мильвуд забывает свое пренебрежение и становится почти непоследовательной в своем страхе: «*Millwood*: Incompassed with horror, wither must I go? I wouldn't live – nor die… (V, 11)» [5]. («*Мильвуд*: Охваченная ужасом, куда должна я идти? Я не буду жить и не умру…»)

Новаторская концепция женского злодейства стала одним из главных достижений Джорджа Лилло. У суда драматурга была двойная роль – по закону и по совести. Эти две нормы друг другу не противоречили. Правовая система страны была сурова, но справедлива. Созданный человеком кодекс соответствовал моральным принципам и божественным канонам. Именно поэтому наказание за соучастие Мильвуд в преступлении зрители встретили бурными овациями.

До Джорджа Лилло никто из драматургов XVIII столетия не осмеливался представить на сцене действие, изображающее публичную казнь преступников, которая обретает статус уголовного наказания и общественного порицания.

Перечень преступлений, подпадающих под такую меру пресечения, все более расширялся в Англии. Сначала это были государственные, затем религиозные, а позже и бытовые правонарушения. Таким образом, к концу XVIII века смертная казнь в Англии назначалась, по разным данным, от 160 до 250 случаев, во Франции – 119, в Германии – 44. Истинная цель наказания заключалась в защите общества и его индивидов от особо опасных преступников.

В трагедии Лилло можно увидеть черты пуританской назидательной притчи. Своих преступников он судит земным и небесным судом. На заднем плане сцены в финале видны виселицы, предназначенные для Мильвуд и Барнвела. И если в обвинении Мильвуд сомневаться не приходится, то главный герой Джордж Барнвел заслуживает особого внимания.

Он является самым добродушным, привлекательным, бесхарактерным и мягкотелым героем трагедии. «Быстрота падения Джорджа и бесплодность его намерений все исправить означает, что он во многом не может контролировать свою жизнь и что его судьба предопределена» [4, с. 22]. Лилло настаивал на том, что Барнвел не осознавал того, что он делал, а поэтому и оказался жертвой судьбы и коварной куртизанки. И что самое удивительное в этой пьесе – драматург предполагает, что грехи

Барнвела идут от доброты. Эта черта характера и приводит главного героя в ловушку. Джордж Лилло подразумевал, что Барнвел совершал преступления не из-за испорченности натуры и дурных мыслей, а по неопытности и доверчивости.

Теория коллективной вины и личной безответственности в пьесе доказана. Барнвел совершает воровство и убийство пусть и по глупости, но по продуманному плану своей сообщницы.

Даже слуга куртизанки Блант на стороне подмастерья. По его мнению, нет ничего страшного в том, что Барнвел совершил преступление. Его душа добрая и чистая. Молодой человек, допустив безнравственные поступки, раскаивается, молится и рыдает. Он просит Бога о помощи не только для себя, но и для своей сообщницы.

Например, после убийства Лилло вновь описывает угрызения совести Барнвела для доказательства неиспорченности его натуры. Молодой человек прямо признает свою вину, становится ясно: он мучается и страдает, а следовательно, его душа и сердце не искушены: «*Barnwell*: O hide me from myself, if it be possible; for while I bear my conscience in my bosom, tho' I were hid where man's eye never saw, nor light e'er dawn'd, 'twere all in vain. Behold these hands all crimson'd o'er with my dear Uncle's blood! Here's a sight to make a statue start with horror, or turn a living man into a statue. (IV, 2)» [5]. («*Барнвел*: О, если это возможно, спрячьте меня от себя самого! До тех пор, пока моя душа жива в моей груди, я спрятался бы от людских глаз и солнечного света, но все напрасно. Посмотрите на мои руки, алые от крови! Это зрелище заставит даже статую содрогнуться или превратит живого человека в камень».)

Мильвуд же пытается переложить вину только на Барнвела. Она предает его, а значит, совершает еще более тяжкое преступление. Джордж испытывает к Мильвуд доверие, не догадываясь о том, что она приготовила такое сложное испытание. Преодолеть все молодому человеку оказалось не под силу.

У предательства всегда есть цена. Но, чаще всего, она гораздо ниже, чем ценности и убеждения, которым изменяют. Естественные законы человеческого общества связаны с правовыми, и наказание за их нарушение герои получили сполна.

Лилло использовал театральную сцену в качестве дискуссионной площадки, где вопросы о нормах морали и права возникали через поступки героев. Нравственность и закон регулировали человеческие взаимоотношения в пьесе. Эти нормы, идеалы и принципы были обращены ко всем зрителям, влияли на массовое сознание рядовых граждан XVIII столетия.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bse.sci-lib.com/article079842.html (дата обращения: 6.06.2013).

2. *Даль В.И.* Толковый словарь, 1863–1866. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.slovopedia.com/1/207/756011.html (дата обращения: 6.06.2013).

3. *Cibber T.* George Lillo // Lives of the Poets. – Vol. V. – L.: R. Griffiths, 1753. – P.9.

4. *DeBoe F.E.* George Lillo/Diss. University of Wisconsin. – Wisconsin, 1965. – P. 22.

5. *Lillo G.* London Merchant or the History of George Barnwell. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archive.org/stream/londonmerchantor00lilluoft#page/108/mode/2up (дата обращения: 7. 06.2013).

6. *Montagu M.W.* The Letters and works of Lady Mary Wortley Montagu. – Vol. 1, 2nd rev. ed. / ed. by James Archibald Stuart-Wortley-Mackenzie, Lord Wharncliffe. – L.: Richard Bentley, 1837. – P. 89.

УДК 82-311.2

Гладкова Екатерина Валерьевна
кандидат филологических наук
Высшая школа народных искусств (г. Санкт-Петербург)
gladius27@mail.ru

ЛЕГЕНДА О КИТЕЖЕ И КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ С.Н. ДУРЫЛИНА «КОЛОКОЛА»

В статье рассматривается интерпретация легенды о граде Китеже в творчестве С.Н. Дурылина, а также Б.Н. Ширяева и М.М. Пришвина, анализируется роман-хроника С.Н. Дурылина «Колокола», в котором писатель осмысляет трагические итоги русской истории в XX веке. Мотив апокалипсиса организует художественную структуру романа на уровне сюжета, образов героев, их речевой характеристики.

Ключевые слова: *народная легенда, град Китеж, символ, Соловецкая обитель, Светлояр, роман-хроника, летопись, прием звукописи, мотив энтропии, апокалиптическая тематика, концепция времени.*

С 1906 по 1917 г. русский мыслитель и писатель С.Н. Дурылин побывает в ряде поездок на русском Севере (Олонецкий край, Соловки, Архангельск, старообрядческие места Заволжья). Этот опыт станет основополагающим в его дальнейших работах, в размышлениях о русской народной религиозности, русской культуре. Дурылин откроет образ незримого града Китежа как духовного центра и основания русской культуры. Между тем всплеск интереса русской интеллигенции к истокам русской цивилизации был созвучен религиозным поискам эпохи. Можно вспомнить другие интеллигентские паломничества начала XX века: побывают на берегах Светлояра З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.К. Короленко, М. Горький, М.М. Пришвин, М.А. Новоселов. Правда, опыт общения с этим местом был у всех разный. Дурылин скажет об этом так: «Горький был “на Китеж-озере”. И ничего о том, что там видел и слышал, не написал. Не по нутру ему, как и Короленке. Удивительно! Там, на Светлояре, религиозно – светло и ярко – так ярко и явно светло, что отрицать этого прямо нельзя, – и приходится зажмурить глаза: ничего не видел-де. Короленко и Горький оба и зажмурили. Удивительно!» [7, с. 107].

Дурылин воссоздает и философски осмысляет народную легенду о таинственно исчезнувшем граде Китеже в своих работах 1910-х гг. – «Церковь невидимого града» (1913), «Начальник Тишины» (1916), «Сказание о невидимом Граде-Китеже» (1916).

Актуализированная в начале XX в., в преддверии великих исторических потрясений, легенда приобретет в позднем творчестве Дурылина символическое значение. Победа большевиков, коллизии революционной и послереволюционной жизни России воспринимались как победа вражьих сил, погубивших Святую Русь. Но, как и в легенде, тайная жизнь незримого града должна стать явной в конце времен.

В народной легенде, записанной в «Китежском Летописце» XVII в. и художественно обработанной Дурылиным, смыкаются два мотива: история таинственного исчезновения Китежа (здесь существуют три варианта: в земле, под водой и на земле – в незримом облике) и слава его, явная для всех, – в конце времен.

Отметим здесь исследование С.В. Шешуновой, посвященное восприятию легенды о Китеже и влиянию ее на художественную прозу XX в. Для нас особенно интересна «традиция обращения к Китежу как символу сохранения – вопреки трагическим обстоятельствам – лица национальной культуры. Эта традиция коренится в фольклоре, но приобретает в литературе XX в. новые конкретно-исторические черты. У тех писателей прошедшего столетия, которые твердо выбрали преемственность по отношению к тысячелетней отечественной традиции, сохраняется христианский характер китежской легенды. Китеж предстает у них одновременно и как символ незримой Святой Руси, и как символ реальной, но утраченной исторической России. Так народная вера в материальное существование невидимого, но реального города породила сначала переносные значения топонима “Китеж”, а потом нематериальный, но емкий символ национального образа мира» [10].

Рассмотрим художественные интерпретации легенды о Китеже в творчестве Дурылина в сопоставлении с интерпретациями Ширяева, Пришвина, объединенных, на наш взгляд, общей традицией: восприятием Китежа как символа незримой Святой Руси. С.Н. Дурылин, Б.Н. Ширяев и М.М. Пришвин (воспринимавшийся как писатель пейзажист и практически неизвестный современникам) не относятся к официальной литературе эпохи. Говоря словами Дурылина, принадлежа к царственной линии отечественной словесности, они никогда не занимали престола. Это вполне объяснимо: идеологический климат не способствовал, да и внутренних мотивов не было, их удел была эмиграция – у кого-то биографически подтвержденная, пространственная, у других – внутренняя. В их творчестве роль легенды о Китеже чрезвычайно плодотворна и концептуальна.

В «Неугасимой лампаде» Б.Н. Ширяева образ Китежа связан с послевоенным восстановлением Соловецкой обители и шире – с воскресающей ве-

© Гладкова Е.В., 2013

рой русских людей. Все это (писатель прибегает к символике) – разгорающийся свет от огонька лампады последнего на Руси схимника. «Я снова всмотрелся и теми же глазами увидел иное. Дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновленными золотыми ризами оделись обгорелые купола соловецкого Преображенского собора, вознеслись в бессмертную высь и запели повергнутые на землю купола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепеленная, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны сменили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменилось вечным» [11, с. 422–423].

В главе 5 «Звон Китежа» пасхальный звон соловецкой заутрени соединяет в одну нить била земляной церкви Преображения, церковь русских изгнанников в лагере Пагани (итальянские лагеря ИРО) – и дивный звон «Китежских колоколов сокровенных озерных глубин» [11, с. 420]. Главы «Святые ушкуйники» и «Летопись мужицкого царства» написаны в иной стилистической манере, чем другие. Этот стилевой слом многозначителен. Дореволюционная жизнь мужицкого царства передается летописным сказом (музыкальная, ритмизованная орнаментальная проза), а трагичная антилетопись соловецкой каторги XX века – «записи безвременных лет» – «бедной» прозой, с просторечием и клише советской эпохи.

М.М. Пришвин побывает на Светлояре летом 1908 г., и в следующем году в журнале «Русская мысль» выйдут главы, названные «У стен града невидимого», а следом и сама книга «Светлое озеро». В ней проявится «громадная религиозная и апокалиптическая напряженность, интерес к сектантству» русской интеллигенции и самого автора [2, с. 106]. Эта поездка в Керженские леса разбудит в Пришвине богоискателя, приведет его и в Религиозно-философское общество. Писатель найдет на берегу Светлояра «сокровенные стороны русской души, архетипы народной веры», а легенда о Китеже будет мифологизирована, обыграна как «сказочный мотив вхождения в мир, духовного роста, поисков иного царства» [8, с. 255–256], таинственного и притягательного для петербургского интеллигента начала XX века. Авторский дискурс подчеркнуто иной, отличный от его героев из самой народной гущи, похожий на интерес этнографа («Все эти предметы культа… – для меня лишь этнографические ценности» [9, с. 396]). Тем не менее встреча с «душой народа» окажется важной и для самого писателя, и для осмысления ее связи с духовными поисками столицы: «Слушаю их и думаю: какие-то тайные подземные пути соединяют этих лесных немоляк с теми культурными. Будто там и тут два обнажения одной первоначальной горной породы» [9, с. 475].

В романе-хронике Дурылина «Колокола», как и у Б.Н. Ширяева, ведется историческое повествование, летопись, на что и указывает жанр произведения. Перед нами не безмятежное летописание, а трагическая хроника, мчащаяся к концу, к апокалипсису. Старое и новое противопоставлены.

Сюжет, несмотря на прихотливый рисунок вставных картин, прост и в то же время символичен: колокола с собственными именами, с историей новая власть спускает с колокольни на переплавку («дьяволу способствующу», – скажет дьякон Потапий, один из действующих лиц хроники). Сопротивляется этому кощунству сама природа: лед не выдержит, и колокола опустятся на дно озера. К ним-то и приведет девушек слушать звон невидимого града «пророчица», толковательница Апокалипсиса – Тришачиха, или Испуганная. «Звон это цельный. В Княжнин благовестят, и древний Царев звонит. Не к вечерне это. Ко всенощной звон. В граде Темьяне храмы отверсты, служба идет, а в водах – звонница сокровенная. Звон неувядаемый и неприглушимый!» [3, с. 430]. Здесь ясно прочитывается сюжет легенды о Китеже – хроники Темьяна и «Китежский Летописец» символически перекликаются.

Спуск колоколов с колокольни (движение вниз), десакрализация звона значимы в хронике. Этого измерения (верх/низ) не стало после революции. Тогда как данная оппозиция (колокольня – суетная человеческая жизнь) задает смысловые координаты во всем повествовании. «Суета дней и времен» [3, с. 181] ясно видна для звонарей: «шумно у вас на низине», «сверху – все таракашки» [3, с. 309]. Сюда приходит спасаться купец Иван Филимонович Холстомеров, пожертвовавший земным богатством и взыскующий высшего («Отсюда вы мне виднее будете»[3, с. 200]); здесь находит успокоение от семейной драмы Николка. На колокольне учатся они «молчать». «Каждому по-своему молчалось на колокольне» [3, с. 219]. «Нам и надобно молчать. – Он указывал на колокола. – Вот кто у нас речуны, мы – молчуны» [3, с. 216]. Тишина и шум – еще одна оппозиция хроники.

Мотив энтропии, приближения мира к «концу времен» звучит на протяжении всей хроники. Писатель рисует постепенное обмирщение, потерю веры, ведущие к катастрофе. Духовная атмосфера сгущается: герои в конце XIX – начале XX века полны тягостных предчувствий. «Жесточь пошла в мир», «зябота идет в мир» (общехристианская оппозиция тепла, связанного с ощущением присутствия Божия, и мертвящего люциферовского холода у Данте, например). Колокола, по замечанию старожилов, в начале века «без молитвы звонят», празднословят, разглагольствуют, слышится «лай колокольный» в противовес былому молитвенному, ласковому, серебряному звону.

Далее мотив наступающего холода и мрака усиливается. Это и недобрые предзнаменования, ко-

торые осмысляются как знаки «конца времен» хроникерами – городской «интеллигенцией». К недобрым знамениям они отнесут похороны самоубийцы Щеки по православному обряду, венчание странно одетой пары – «новых», «свободных» людей (невеста – в красном), комету 1914-го года, метель 1917-го («белый всадник»).

Хроникеров-летописцев будет в романе несколько: позитивист Щека ведет Диарий, куда собирает приметы глупости человеческой (отрывки из нее мы узнаем), любитель старины Хлебопеков ведет свою летопись (о ней есть только упоминание). Учитель-историк Ханаанский и начетчик Авессаломов – тоже свидетели и наблюдатели. Правда, если Авессаломов обличает и вмешивается в эту историю, вскоре его и погубившую, то Ханаанский благоразумно или убоявшись «умолчит» в послереволюционную эпоху. Мотив времени можно угадать и в именах, а чаще в фамилиях действующих лиц: Ханаанский, Авессаломов, Геликонский, протопопы Донат, Гелий, хранители памяти, истории, традиции, – вызывают библейские или античные аллюзии; Коростелев, Павлов, Усиков и Уткин – деятели новой эпохи. Переименование улиц города Темьна на собрании комячейки будет иронически обыграно. Товарищ Павлов предложит новые названия: Дунькина гора – в честь товарища Евдокии, « Миллионная – в улицу Красного Горна, Семинарская – в улицу Красной Учебы, Дворянская – в Пролетарскую, Солдатская – в Красноармейскую <…> А затем в целях культпросвещения и ознакомления граждан с активистами литературы предлагается, товарищи, почтить писателей. Ясно, что рабочий класс должен подытожить им мандат признательности. Никольская будет теперь улица Герцена, Спасская – улица Белинского, Успенская – улица Шеллер-Михайлова <…> С производственной точки зрения, по трудовой продукции много превосходит…» [3, с. 403].

«Показательно, как с переломом эпохи в романе меняется и речевой строй. Вместо напевного лада в духе “русского узорочья” являются вдруг надолбы “пролетарского косноязычия”», – замечает Ю. Архипов [1, с. 390].

Действительно, речь активистов собрания новой власти показательна: «В самом деле, черт знает что! Нельзя говорить. Ни лысого беса не слышно. Орать и без того надоело. На площади – ори, на заседании – ори. Чертову глотку надо!» Новый язык обрубками слов оттесняет прошлое: наробраз, финотдел. Активисты сами же и осознают свою выключенность из истории, а колокольный звон и все, что с ним связано, – своими противниками. «А какой муж блажен, товарищи? А? Тот самый, который в Совдеп не ходит и с нами здесь не заседает. “Иже не идет на совет нечестивых”. На “совет”! Прямо против Советов вызванивает» [3, с. 401].

В романе «Колокола» звуку, звону, музыкальным образам отдана роль авторского суждения. Автор с помощью звуковых образов рисует энтропию общества и человека.

Прием звукописи – ведущий в изображении «конца времен». Туча «стояла над Темьяном белым сияющим облаком небесного звона, и его звуки весенним живительным жданным дождем орошали скудную и горькую ниву темьянского бывания» [3, с. 183]; «Текла, текла пенливая река над тихим Темьяном»; «Ласковый серебряный звон»; «Звон пасхальный – светел, золотист, повсюден» [3, с. 358], – так звучат колокола в начале века.

Наступает Первая мировая война, – и на Святой неделе не все звонят, на колокольне все больше разговоров. 1917 – вой и вопль метели. Безудержный, буйный перебой (звонят в Разбойный (!) колокол великим постом, когда «царя сверзили»). Пасха после революции – «звон стелется по земле, а в небо не улетает» [3, с. 379]. «Брось звонить. Мешает!» (митингу на площади). Колокола «уныло гудят» [3, с. 399] – и наконец – «звон на колокольне умирал» [3, с. 410]. О философии церковного звона рассуждают многие герои хроники, даже люди светские (переплетчик Коняев говорит о честности колокольного голоса, обличающего всю людскую ложь, о том, что «звон поднимать человека будет из пыли, из грязи житейской») [3, с. 409] и откровенно враждебные церкви. «Валяй их, милый! Катай их! Сверли в уши! <...> Оглушай свободным словом!» [3, с.354] – скажет Усиков в 1914 году, а после революции тот же герой на собрании большевиков будет ораторствовать о голосе прошлого, атавизме звона: «Социальная природа церковного звона, товарищи, таким образом, совершенно ясна. Она контрреволюционна и антисоциальна» [3, с. 405].

Конец времен наступает и в человеческой истории, «дошумливает жизнь», уходят в мир иной герои прошлого: первый звонарь Влас, его ученик Николка, последний звонарь Василий, расстрига Геликонский, толкователь Апокалипсиса Авессаломов, барыня Демертша. Нарастание этого мотива конца времен, смерти видно в названиях двух последних глав романа: «Перед концом», «Конец», напоминающих конец щедринской хроники: «История прекратила течение свое». Мотив времени звучит и как энтропия, и как близящаяся катастрофа и суд в «конце времен». Не случайно Авессаломов завещает библейское «Откровение Иоанна Богослова» Испуганной, или Тришачихе. Она же переплетет книгу и станет новой «пророчицей», толковательницей.

«– Читай! – строго и даже с досадою повторил Авессаломов. – В каждом граде должен быть один читающий. Тебе и передаю.

– По силам ли?

– Силы Бог подаст, – тишая, ответил Авессаломов и прошептал: – “Колесница Израилева и кони его!”» [3, с. 315].

«С тех пор “Быти вскоре” чуялось ей в вещаньях колокольного звона, в высоком колокольном плаче, в рыдании незримом над гробом, гибнущем в грехе и неведении. Ежедневно с этого вечера раскрывала она со страхом и благоговением обновленную книгу и переходила в ней от тайны к тайне, от испуга к испугу…» [3, с. 318].

Два временных пласта – прошлое и будущее – рисуются не только разной стилистикой, их контраст – это еще и контраст вечного и временного. Вечное соотносится с мотивами тишины или благовеста (молчание Василия, «плач серебряный колоколов», «оттишь», «тихмень» перед озером). Лай человеческих голосов, шум митингов и «щелканье кнутом» стрельбы – это звуки современности, и прием сатиры раскрывает эту пустоту бытийственности. Это важная тема для мировоззрения Дурылина, идущая красной нитью и в романе «Сударь-кот», и в «Углах». Образы «пустотела», мотив томления духа, боязнь пустоты мира отражают метафизическую тревогу самого автора. Герой избавляется от этого наваждения-искушения обращением к подвигу служения людям: Николка спасает от пожара людей своим звоном. Эта же тема возникнет и в «Сударе-коте» (1924), когда монахиня Иринея борется с искушением отвергнуть этот мир, заподозрив в тщете не только его, но и Творца.

Сам писатель осознавал «конец времен», запечатлевая ушедший лик страны: «удивительны судьбы конца России» [7, с. 829], – скажет он, размышляя в «Углах» о В.Розанове, которого близко знал, и просвещении. Метафизический контраст тишины и шума – предмет раздумий автора в этой мемуарно-дневниковой прозе: «Все шумнеет и все теряет какой-то стержень, тишиною связующий с корнем бытия.

Великое в шуме не родится» [7, с. 697].

Итак, роман-хроника запечатлевает трагический ход времени, угасание былой Тишины. Сатирические черты усиливают это впечатление разрушенности былой жизни – социальной, бытовой, духовной. И здесь «работают» контрасты: верх-низ, старое-новое, тишина-шум. Мотив апокалипсиса придает этому нарастанию энтропии характер окончательности. Снятие колоколов для переплавки, запечатанная колокольня, смерть последнего мастера колокольного звона – все это, казалось, не оставляет надежды. Роман завершается изображением безрадостного крестного хода на Ильин день – без колокольного звона, по уныло-знойному полю. Толковательница Апокалипсиса Тришачиха, доведя девушек до озера с утонувшими колоколами, восклицает: «Неугасим, неугасим звон града Господня!» [3, с. 430]. Возникающий в конце образ града Китежа дарит надежду, хотя и потустороннюю, на торжество вечной Тишины.

Таким образом, легенда о Китеже концептуальна не только для философской прозы С.Н. Дурылина, но и для художественной. Сюжет легенды становится символическим финалом хроники «Колокола»: история исчезновения града и его слава в «конце времен» проецируются на русскую историю: Русь обретает надежду на воскресение.

Библиографический список

1. *Архипов Ю.* Русь прикровенная. Послесловие // С.Н. Дурылин. Колокола. Избранная проза. – М.: Издательство журнала «Москва», 2009. – 432 с.

2. *Варламов А.Н.* Пришвин (ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 2003. – 848с.

3. *Дурылин С.Н.* Колокола. Избранная проза. – М.: Издательство журнала «Москва», 2009. – 432 с.

4. *Дурылин С.Н.* Сударь-кот // Дурылин С.Н. Колокола. Избранная проза. – М.: Издательство журнала «Москва», 2009. – 432 с.

5. *Дурылин С.Н.* Начальник Тишины // Русь прикровенная. – М.: Паломник, 2000.

6. *Дурылин С.Н.* Церковь невидимого града. Сказание о невидимом граде-Китеже. – М.: 1913, 1916. – 32 с. (Переиздано: Дурылин С.Н. Русь прикровенная. – М.: Паломник, 2000).

7. *Дурылин С.Н.* В своем углу. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 879 с.

8. *Иванов Н.Н.* Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен града невидимого» // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки).

9. *Пришвин М.М.* Светлое озеро // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т.2.

10. *Шешунова С.В.* Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Трансформации в русской литературе: парадоксы и тенденции, 2005 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. transformations.russian-iterature.com/nacionalnoe-samosoznanie-v-russkoj-klassicheskoj-literature-i-ego-transformacii-v-literaturovedenii (дата обращения: 25.06.2013).

11. *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. – 432 с.

УДК 82.09

Склизкова Алла Персиевна
кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
burelomy@list.ru.

МОНИСТИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ: ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ (на примере драмы-сказки Г. Гауптмана «Потонувший колокол»)

В драме-сказке Г. Гауптмана «Потонувший колокол» даётся монистическая картина мира. Для слияния со Вселенной главный герой Генрих должен заглянуть в глубину собственной, разорванной и хаотичной, души. Как герой эпохи модерна, он принимает этот хаос и приходит в итоге к высокоорганизованному монистическому единству.

Ключевые слова: *дуальность, гетерогенность, монизм, пантеизм, трансцендентность, оккультизм, психофизика.*

В конце XIX – начале XX века идейные тенденции, связанные с различным восприятием мира, приводят к хаотической разноголосице, дуальности мысли в любой сфере бытия. Изменённый мир воспринимается «слишком различно, чрезмерно гетерогенно ведущими в разные стороны традициями и возможностями» [9, s. 492]. Принцип монистического тождества, согласно которому многообразие мира выводится из единого принципа, всегда питал философскую мысль Германии. В конце века стремление к всеединству приобретает особый смысл, связывается с преодолением кризиса сознания. Поэтому на монистическое мировоззрение возлагаются особые надежды, оно «претендует на роль научной религии, призванной заменить традиционное христиантсво, возместить секуляризацию религиозных ценностей сакрализацией посюстороннего мира» [8, с. 39]. Необходимо отметить, что само по себе единство «является пустым словом, оно значимо лишь в чувственном переживании как единство апперцепций, или апперцепирующего духа» [10, с. 33]. Поэтому можно вести речь о разных видах монизма. Так, Г. Бюхнер, к примеру, связывает с монизмом только естественнонаучный порядок, обращается лишь к феноменальному миру [1, с. 67] Второй вид монизма – пантеистический. Э. Геккель, называя себя пантеистическим монистом, говорит о единстве органической и неорганической природы [6, с. 12]. Близок к нему В. Бёльше, который видит опасность современности в кризисе отрицания, он, по Бёльше, может сойти на нет благодаря монизму [2, с. 12, 37]. Третий вид монизма вбирает в себя результаты первых двух. Это трансцендентный монизм эпохи модернизма, основанный на принципах трансцендентной психологии, призванный изучать явления по ту сторону психофизического порога. В другой мир человек погружён трансцендентной частью своего существа, познаёт его в связи с перемещением порога сознания. На позициях трансцендентного монизма стоят оккультисты и все те мыслители и художники слова, которым оказывается близка столь распространённая в это время психофизическая теория Фехнера [15, s. 65].

Следует отметить, что деление монизма на три разновидности является условным. Между монистами возникает мало разногласий, поскольку доминирует желание создать не противоречивую, а внутренне цельную картину мира, ликвидировать дробность, осознать всеобщность. Творчество Г. Гауптмана является ярким тому примером. Особенно ярко монистическая картина мира, связанная с проблемой сознания, проявляется в драме-сказке «Потонувший колокол».

Мастер Генрих не удовлетворён своим деянием – отлитым в долине колоколом. Он уходит в горы с феей Раутенделейн, забывает о жене Магде, о своих сыновьях. В итоге он, объятый раскаянием, отталкивает Раутенделейн, покидает этот мир, понимая, что близким он принёс лишь страдания, творческие порывы его безнадёжно иссякли.

В первых действиях Гауптман посредством драматической каузальности воссоздаёт то, что Шеллинг наметил в «Системе трансцендентного идеализма»: теоретическую декларацию *Я*, становление *Я* интеллигенцией через собственное субъективное восприятие. Что же касается финальных действий, то внимательное их прочтение позволяет говорить о воссоздании Гауптманом особого модернистского синтеза. Драматург пристально всматривается в сознание своего героя и предлагает Генриху возможность монистического слияния со вселенной. Генрих, по замыслу Гауптмана, должен проникнуть в глубины собственной, разорванной и хаотичной, души и, как герой эпохи модерна, принять этот хаос и вновь прийти к высокоорганизованному монистическому единству. В рамках статьи имеет смысл сосредоточиться именно на последних действиях драмы, поскольку в них наиболее полно раскрывается проблема сознания главного героя.

Мастер Генрих понимает, что способен создать лишь прекрасные части работы, но соединить их с целым не в состоянии. Он должен изменить ракурс видения – почувствовать не только творящее *Я*, но и *Я* кающееся, тогда, по Гауптману, индивид поймёт волю мира, соединит с ней собственные стремления, с радостью подчиниться великому космическому решению.

© Склизкова А.П., 2013

В самом начале у Генриха отсутствует монистическая связь с миром. Не случайно время суток в четвёртом действии – вечер. Гауптман, восхищаясь мраморными фигурами Микеланджело, воздвигнутыми над гробницей Медичи во Флоренции, подчёркивал, что они отражают состояние души великого художника. Он воспринимает День Микеланджело как свободного солнечного гиганта, Ночь – красивая, тяжёлая и глубокая, Утро – наполовину сестра Ночи, Вечер – брат Дня, в Вечере и Утре борются тень и сон с силою Дня [19, s. 117].

В душе мастера-литейщика вечером происходят сходные борения. Он сам теперь не уверен, является ли он великим мастером. Задаёт этот вопрос карлику, который помогает ему в работе. В самом тоне, смысловых оттенках, явленных на письме в особом синтаксисе, Гауптман подчёркивает сомнение Генриха, в котором, правда, весьма значительны оттенки самовосхваления: «Bin ich der Meister nicht?» Главным в данном случае становится не слово «мастер», а знак вопроса в конце фразы и отрицание «Nicht». Отрицаний в дальнейшей речи Генриха чрезвычайно много, что является свидетельством глубочайшей внутренней разорванности. Генрих, обращаясь к себе самому, пытается утвердиться в собственном величии, внутренне убедиться, что работа его хороша, но ударным словом оказывается отрицательное наречие «никогда»: «Nie word ich so wie grade jetzt beglückt,/ Nie stimme Hand und Herz so überrein» [17, s. 155].

У мастера Генриха сейчас особое состояние – сумерки сознания. В этом плане необходимо иметь в виду оценку Генриха, которую даёт ему Водяной. Он говорит о вине мастера («Schuld bleibt Schuld»), о расплате, которая будет равнозначна вине («Schuld in Verdienst, Strafe in Lohn»), о его одежде, которая вся пропитана кровью («Blutig starrt Dein Kleid») [17, s. 158]. В данной сцене драматически представлено изменение сферы подсознания Генриха, внутренняя работа его мысли, исследование *Я* в качестве монады высшего порядка, как называет Э. фон Гартман творческого индивидуума [4, с. 142]. Генрих, как сказано в ремарках, грезит с открытыми глазами, что, по Гауптману, равнозначно бессознательному погружению в сон. Он находится на границе сознания, она «чрезвычайно зыбкая, как и разница между мыслимым и немыслимым» [18, s. 249]. Отсутствие чётких границ, их намеренная размытость драматически представлены через образ тумана, который, как подчёркивает Гауптман, проникает в отверстие стены и окутывает всё кругом. Из тумана появляется Водяной и предвещает Генриху грядущие беды. Несомненно, что Водяной, как художественный образ, драматический персонаж, значим сам по себе, но в данном случае можно говорить о его весьма ощутимой метафизической сущности, что в какой-то мере возвышает его над текстом, отчасти выводит за рамки жизненной драмы: Водяной выполняет роль трансцендентного субъекта, который, как писал К. Дюпрел, «находится в нас самих, управляет бессознательной жизнью души <...>, его можно назвать трансцендентной энтелехией, поскольку трансцендентный субъект служит бытию, является корнем нашей индивидуальности» [7, с. 457, 489]. Гауптман, будучи хорошо знаком с произведением Дюпрела «Философия мистики», во многом соглашается с его выводами о необходимой самокритичности человеческой энтелехии. Гауптман утверждает, что «самым страшным для человека является сам человек» [18, s. 352], который, однако, может внутренне прозреть, увидеть «себя страшного», ощутить свою тяжёлую нравственную вину. Подобное, по Гауптману, может происходить во сне или в состоянии, близком к нему. Немецкому драматургу знакомы сочинения психолога И.Ф. Гербарта (1776–1841), научная значимость работ которого на рубеже XIX–XX века была неоспорима. Гауптман не соглашается с его методом «математической психологии», но драматургу переходной эпохи близки рассуждения Гербарта об эмпирическом *Я*. Гербарт, говоря о наблюдении как факте сознания, выдвигая наблюдение как один из принципов психологии, предлагает исследовать себя – заглянуть в собственную душу <...>, в те глубины, куда не достигает глаз [5, с. 61, 63, 74]. Гауптман, отмечая важность для себя рассуждений Гербарта, связывает их с размышлениями Дюпрела о значимости сновидений. Драматург определяет сон как творческую часть духа, как переживания души, когда действует незамутнённое, чистое (эмпирическое, по Гербарту) *Я*, «оно во сне как бы лампой высвечивается <...>, поэтому именно во сне и происходит полное слияние, амальгам, микро- и макрокосма, творческий прорыв в универсум» [20, s. 390, 392].

Во сне Генрих приобретает мистическое знание. Он погружён во мрак бессознательного, из глубины которого невольно всплывают мысли о вине. Речи Водяного, мыслимого как часть природы, как её важнейшее первоначало, проникают в подсознание Генриха. Водяной, играя роль трансцендентного субъекта для мастера-литейщика, включает Генриха в общую природную связь всех вещей, заставляет слиться с универсумом, услышать его божественный глас, его божественное веление. Речи Водяного высвечивают ту сферу самосознания Генриха, в которой он становится участником драматических событий собственного *Я*. Столь глубокий внутренний процесс внешне чрезвычайно тонко передаётся Гауптманом. Генрих спит, сон его беспокоен, поскольку в его сознание, беззащитное и незащищённое в данный момент, проникает трансцендентная истина. Водяной говорит о колоколе, которым играют русалки – дочери Водяного, колокол стремится из глубины вод выплыть наружу. Раздаётся его звон, гул, Генрих должен бояться

подобных звуков. Пророческие речи Водяного передаются Гауптманом в форме экстатического вещания (почти в каждом предложении ставится знак восклицания), придающего смыслу высказывания яркую стилистическую и эмоциональную наполненность. Недаром Генрих мечется во сне, взывает о помощи. Водяной говорит не абстрактно, а обращается напрямую к мастеру: «O wehe, Du, wenn ihre Stimme Dir wieder schall!», вызывая тем самым ощущение чёткого присутствия трансцендентного мира, неумолимый вход его в сознание героя. Погребальный звон колокола раздаётся в душе мастера, музыкальный ритм, слышимый в словах Водяного («Bim! Baum! Bim! Baum!», гармонично сливающийся с неоднократно повторяющимся словом «Traum»), придаёт им мистическую силу, влияние которой чувствует Генрих. Гауптман творчески осуществляет то, о чём мечтал Р. Вагнер, говоря в работе «Искусство будущего» о музыкальной поддержке драматического диалога [3, с. 107]. Водяной как бы намеренно напевно растягивает гласные «а», и их смысловое, музыкальное, лейтмотивное, по Вагнеру, «ein”, укрепляя подобным мистическим растягиванием невидимые глазом, но ощутимые музыкально, нити между индивидом и космосом. Музыкальность ритма приобретает вселенский размах: «Sie rüttelt, sie lockert und hebt sich vom Grund./ O wehe, Du, wenn ihre Stimme Dir wieder schallt!/ Bim! Baum! /Helfe Dir Gott aus Deinem Traum! /Bin! Baum!/ Bang und schwer, wie wenn der Tod in der Glocke war'!/ Bin! Baum!/ Helfe Dir Gott aus Deinem Traum!» [17, s. 159].

Необходимо отметить, что в пророческих речах Водяного, кроме их мистически-пугающего смысла, угадывается и намёки на возможное духовное изменение и избавление Генриха. Таковой может считаться фраза, дважды повторенная духом воды: «Helfe Dir Gott aus Deinem Traum», – в ней содержится намёки на то, что «бог из сна-мечты» Генриха поможет ему обрести ещё одно новое рождение. Этот «бог из сна» – солнечный Христос, о котором грезил мастер, тот бог света, поклонение которому возможно только через ощущение внутреннего солнца в своей душе. Новая солнечная религия озарит своим светом бездны тёмного доселе подсознания героя. Такое солнце светит в тот момент, когда герой, прежде объятый самовосхвалением и самовозвеличиванием, способен ощущать страдание, сострадание и милосердие. По Гауптману, как пишет К. Гутке, «страдания заложены в самой сути мира <...> изначально заданы, метафизически укоренены <….> являются судьбой мира и судьбой индивида» [21, s. 13, 15, 18]. Тот момент, когда перед внутренним взором Генриха предстают его дети, карабкающиеся на гору и несущие кувшинчик, полный слёз их матери, является высшей точкой сопричастности героя вселенскому бытию. Генрих способен увидеть детей, почувствовать их муки, воспринять душевную боль своей жены Магды только после своего контакта с трансцендентным миром, явленным посредством пугающих речей Водяного. Раутенделейн, находясь рядом с Генрихом, не видит ничего – это его личное, душевное видение, голос совести. Осознание Генрихом своей вины передаются Гауптманом через звуки – звоном колокола, проникающим в душу мастера. Этот звук – душевный отклик Генриха на собственные нравственные переживания, он слышим только героем, входит во внутренний мир его сущности, является, используя термин Г. Зиммеля, тем камертоном, на который в дальнейшем будет настраиваться существование Генриха.

При анализе финальных сцен необходимо иметь в виду учение Шеллинга о центре и периферии, изложенные им в «Философском исследовании о сущности человеческой свободы». Шеллинг, размышляя о возникновении зла, подчёркивает, что оно заложено в воле основы, в периферии. Индивид покидает центр – божественный свет, в нём действует основа, но, считает Шеллинг, зло не происходит от неё, возникает в сокровенной воле собственного сердца, является следствием личного выбора. Однако, что является главным, зло должно познаться, оно служит основой для добра, основа находится не вне бога, а в нём самом, принадлежит ему, но и отличается от него [13, с. 122, 125, 128, 132]. Кажется, что герой Гауптмана полностью отошёл от центра – от воли божественной любви. Осознавая свою вину перед Магдой, детьми, он оказывается не менее виноват перед Раутенделейн – называет её эльфийской нищенкой, обвиняет фею в собственных несчастьях, убегает в долину к людям, потом вновь появляется в горах, не постигая, как и прежде, сокровенный смысл своих деяний. Между тем, чем больше Генрих погружается во тьму собственной тотальной душевной неразличимости, чем больше из неё выступает непреодолимые бытийные бинарности сознания, тем сильнее единство (стремление к центру, по Шеллингу) обнаруживает своё могущество. Раскаяние Генриха, его желание исправить то, что не подлежит изменению (возвращение к людям, попытка физической расправы с ними, смерть Магды, утрата Раутенделей) способствует обновлению сознания. Пересмотр прежних сумбурных понятий приводит Генриха к истинному монистическому единству. В душе мастера возникает особое созревание судьбы, тот момент бытия, когда смерть наступает по внутренним причинам. Он становится сам для себя не столько объектом познания, сколько модернистским объектом переживания.

В эпоху модернизма «смерть виделась внутри жизни, а не вне её... Религиозная натура постоянно чувствовала свою связь с абсолютом, поэтому понятия жизни и смерти стоят на одной ступени бытия как тезис и антитезис ...жизнь сама требует

смерть как свою противоположность» [9, с. 85]. Гауптман, будучи писателем эпохи модерна, постигает мир в его внутреннем разрушении и непрестанном внутреннем становлении. Немецкий драматург уверен, что сама идея смерти предполагает внутреннее становление: «Важнейшие события нашей жизни – рождение и смерть – происходят из темноты в темноту» [20, s. 279]. Гауптман приходит к выводу, что «тот, кто дальше хочет жить, должен претерпеть смерть» [16, s. 13]. Таково финальное, в рамках драматического действия, продвижение сознания мастера Генриха.

В последней сцене время суток – ночь, тот час, когда, как писал Гауптман, наиболее возможна смерть. В целом литературоведы не придерживаются конкретной точки зрения на финал произведения, лишь в достаточно ранних работах о Гауптмане подчёркивается, что последние реплики произносит умирающий человек [22, s. 266]. Между тем это не совсем так. Генрих вновь появляется в горах, он бледен и растерян, как и раньше, мечтает о духовном воспарении. Однако его желания сейчас слабо выражены, не случайно он почти сразу же соглашается с Виттихой о невозможности его осуществления. Слова Виттихи полны пророческого смысла. Она говорит, что Генрих был могучим ростком, но его рост остановился, он был призван к делу, но не стал избранником. Она предлагает Генриху три кубка с вином – белый, красный и золотой, в одном – сила, в другом – небесный дух, но кто выпил первые два, должен выпить и третий.

Русский исследователь творчества Гауптмана А. Измайлов видит в кубках с вином аналогию с «Заратустрой», ссылается на работу А. Родэ «Гауптман и Ницше». Действительно, в главе «О духе тяжести» Ницше пишет о густой жёлтой и алой краске, «их требует вкус, – примешивающий кровь во все цвета. Но кто окрашивает свой дом белой краской, обнаруживает выбеленную душу» [11, с. 304]. А. Родэ делает вывод, что белое вино для тех, кто влюблён в призраки, то есть в бога, красное – сила сверхчеловека, поэтому он и вызывает Раутенделейн как воплощение великого здоровья земли. Жёлтое – вино мумий, оно носитель смерти. Генрих поэтому уходит в вечную ночь, в ничто [12, с. 28, 29, 31].

Однако Гауптман отрицал влияние Ницше на драму «Потонувший колокол», называл «Рождение трагедии» эпохальной книгой, но в ней не хватает чувственности, отсутствует идея сострадания и любви к людям [16, s. 137, 139]. Немецкий драматург уверен, что существует другая действительность, ничего не кончается, начинается новый, неведомый круг [18, s. 29]. Руководствуясь данными рассуждениями Гауптмана, можно воспринимать финал «Потонувшего колокола» как апофеоз жизни, её торжества над небытием.

Генрих погружается в самый низ – в холод смерти. Он констатирует приближение ночи, которую все хотят избежать, но последняя фраза мастера Генриха полна глубокого смысла: «Die Sonne... Sonne kommt! – Die Nacht ist lang». После первой реплики поставлено многоточие. Солнце воспринимается Генрихом как нечто отдалённое, давно утраченное. Следующая часть уже иная – «Sonne kommt!» – со знаком восклицания и тире – «das Ausrufezeichen und Gedankenstich». В сознании Генриха уже утвердилась мысль о возможном приходе солнца. Недаром он слышит перезвон солнечных колоколов («Sonnenglockenklang»), тех, которые мечтал сотворить сам. Сейчас, понимая, что замысел его был слишком грандиозен, ему не под силу оказалось ни обновление мира, ни собственной души, Генрих вынужден признать доминанту ночи над светом дня: «Die Nacht ist lang», – такова его финальная реплика. Однако авторская ремарка «Morgenröte» – заря – свидетельствует о том, что ночь уходит, на смену ей идёт утро как провозвестник нового круга бытия, а вместе с ним – нового рождения, нового возвращения. Генрих обретает истинный монистический синтез – сливается с мировым универсумом, постигает его волю, мысленно преклоняет колени перед его мудрым решением, обретая тем самым внутреннее природное бессмертие.

Библиографический список

1. *Бюхнер Л.* Сила и материя. – СПб.: Вестник знаний, 1907. – С. 291.

2. *Бёльше В.* Монизм. – М.: УРСС, 1909. – С. 37.

3. *Вагнер Р.* Произведение искусства будущего // Р. Вагнер. – М.: Эксмо, 2001. – С. 1–797.

4. *Гартман Э.* Философия бессознательного. – М.: Типография Грачева и К, 1873. – С. 322.

5. *Гербарт И.Ф.* Психология. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – С. 283.

6. *Геккель Э.* Монизм. – СПб.: Мысль, 1907. – С. 67.

7. *Дюпрел К.* Философия мистики. – М.: Эксмо, 2006. – С. 592.

8. *Жеребин А.И.* Новалис и проблемы неоромантизма // От Виланда до Кафки. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. – С. 1–475.

9. *Зиммель Г.* Избранное. – М.: Юрист, 1996. – С. 1–606.

10. *Липпс Т.* Философия природы. – М.: УРСС, 1873. – С. 236.

11. *Ницше Ф.* Рождение трагедии. – М.: Издательство АСТ, 2006. – С. 756.

12. *Роде А.* Гауптман и Ницше. – М.: А.И. Мамонтов , 1902. – С. 32.

13. *Шеллинг Ф.В.И.* Сочинения. – М.: Мысль, 1987. – С. 636.

14. *Шлегель Ф.* Сочинения. – М.: Искусство, 1983. – С. 447.

15. *Fik M.* Sinnenwelt und Weltseele. – Tübingen: Max Niemezer Verlag, 1993. – S. 390.

16. *Hauptmann G.* Abenteuer meiner Jugend. – Berlin und Weimar: Fischer Verlag, 1980. – S.900.

17. *Hauptmann G.* Versunkene Gloke // G. Hauptmann Dramenn. – Berlin und Weimar: Fischer Verlag, 1976. – S. 1–516.

18. *Hauptmann G.* Tagebücher 1897–1905. – Berlin und Weimar: Fischer Verlag, 1985. – S. 270.

19. *Hauptmann G.* Italienische Reise. – Berlin: Fischer Verlag, 1976. – S. 138.

20. *Hauptmann G.* Buch der Leidenschaft. – Berlin: Fischer Verlag. – S. 81.

21. *Gutke K.* G. Hauptmann. – München: Francke Verlag, 1980. – S. 101.

22. *Lemke E.* G. Hauptmann. – Leipzig: Leipzig Verlag, 1923. – S. 239.

УДК 82.09

Устинов Алексей Валерьевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

1013801@mail.ru

О ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ Д.Л. МОРДОВЦЕВА

Статья посвящена результатам исследования художественных особенностей литературного стиля Д.Л. Мордовцева (1830–1905). В качестве фактической основы исследования были привлечены материалы из архивных источников, публицистики и художественных произведений писателя.

Ключевые слова: *стиль, художественность, история русской литературы XIX в., Н.И. Костомаров, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Пыпин, А.С. Суворин, С.Н. Шубинский, В.Д. Александрова (Мордовцева).*

«Беззаконной кометой среди расчисленных светил» назвал Д.Л. Мордовцева критик Н.К. Михайловский [7, с. 674]. Плодовитый беллетрист, уважаемый коллегами и читателями историк, он так и остался непонятым для большинства своих критиков, а для литературоведов – второстепенным художником эпохи Толстого и Достоевского. Духовная близость к народническим кругам, сложность идентификации произведений в контексте предыстории советской литературы, – все это способствовало снижению интереса к творчеству Мордовцева в советские годы. Место писателя в литературе сводилось к «поучительному бытописательству» [10], идейность – к «культурничеству» [8, с. 970], а мировоззрение признавалось «путаным» [9, с. 498]. Диссонансом с устоявшимся в советский период мнением о Мордовцеве звучит отзыв прижизненного биографа и издателя П.В. Быкова: «Без сомнения, Мордовцев имеет в русской исторической литературе крупное значение» [1, с. XIV–XV].

Востребованность исторической беллетристики в конце 1980-х – начале 1990 гг. повысила научный интерес к Мордовцеву – автору популярных в XIX веке исторических романов. Однако работ, посвященных изучению творческой лаборатории художника, в настоящий момент практически нет. Исключение составляют книга А.Ю. Сорочана «Квазиисторический роман» [33] и несколько статей, в которых исторические произведения Мордовцева рассмотрены в сопоставлении с темами ряда сочинений Л.Н. Толстого [34], М.Ю. Лермонтова [6], М.Н. Загоскина [5].

В рамках исследования романа «Великий раскол» в контексте исторической беллетристики XIX века нами была предпринята попытка определить специфику общественно-политических воззрений литератора, охарактеризовать эстетические взгляды Д.Л. Мордовцева, исследовать своеобразие его творческого метода. Одним из источников для этого послужили документы (художественные альбомы, письма, черновики статей) архивных фондов Института русской литературы (ИРЛИ), Российского государственного архива литературы и искусств (РГАЛИ), Российской национальной библиотеки (РНБ), публицистика, рукописный текст автобиографии писателя 1884 г. [11].

В процессе изучения эпистолярного и публицистического наследия писателя нами был установлен ряд характерных черт, раскрывающих художественную индивидуальность литератора. На наш взгляд, следует выделить следующие особенностиего его стиля: именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, внимание к художественной детали, историзм, зооморфная образность, масштабность использования образов мировой культуры.

1) Именование. Большую роль в «любительском» творчестве Мордовцева играет отношение к собственному имени, именам адресатов, вовлеченных в литературную игру, разнообразие эпитетов, сопровождающих друзей и близких. По письмам к дочери [18] и «Альбомам Веры Даниловны» [31; 32] установлен ряд его домашних прозвищ, являвшихся частью игры-воспитания: Папокоста[31, л.1], Папуас [32, л. 23], [престарелый] Лир [32, л. 30], Гомер Лукич [31, л. 3]. При этом настоящее имя *Даниил Лукич* является всего лишь псевдонимом настоящего автора – Папакосты. Имя вымышленного героя фельетонов Мордовцева – мистер Плюмпудинг, эсквайр. Широк выбор используемых псевдонимов, среди которых – Афродита; Берне из Бердичева; Фома Брут, Елизавета Воро-

© Устинов А.В., 2013

бей; Гиппократ; Дельта-ми; Джемс Плумпуддинг – эсквайр; Д. Дионисиев; Дмитруне Мірдівцев; Евдокия Зуб; Мистер Плумпуддинг; Данило Мордовец; Данило Сліпченко-Мордовець; Nonmoriturus; Sineira[4, т. 4, с. 323].

Присваивал Мордовцев выразительные эпитеты-псевдонимы и своей дочери Вере: «Юный Фукидид» [31, л. 3], «Будущая леди Пфейфер» [32, л. 2], «Капитан Кук» [32, л. 15]. Обращает на себя внимание их культурно-историческая направленность: Фукидид – древнегреческий историк, Кук – английский мореплаватель, леди Пфейфер – вероятно, персонаж детских игр Веры Даниловны.

Эпитеты в адрес дочери почти всегда интимны, нежны («Голубушка моя, дорога, большая Вера» [18, л. 4]; «Дорогой мой Верок» [18, л. 10]; «Дорогой мой ребеночек» [18, л. 5 об]. Иногда, следуя наигранному раздражению или обиде, Мордовцев изображает гнев: «Эх ты, дрянь, дрянь старый, дружище» [18, л. 15], «гадкая старушенция» [18, л. 17], «глупый Верок» [18, л. 23].

Исследование эпистолярного наследия Мордовцева показывает, насколько важную роль в его художественном мировоззрении играли эпитеты и обращения. Изучение писем к А.С. Суворину [21], С.Н. Шубинскому [23; 24; 25; 26], А.А. Краевскому [19], С.А. Юрьеву [27] не только позволяет проследить развитие дружеских и профессиональных отношений между писателем и знаменитыми редакторами, но и показывает, насколько мастерски использовал Мордовцев обращение как риторическую фигуру в качестве коммуникативного инструмента. В обычном деловом письме Мордовцев использовал обращения «милостивый государь» [21, л. 3, 75; 27, л. 1], «многоуважаемый» [26, л. 242]. Если же того требовала ситуация и позволял характер взаимоотношений с адресатами, Мордовцев использовал целый ряд эмоциональных оттенков, среди которых дружеский: «батюшка» [21, л. 33, 48], «искренно любимый мною» [21, л. 62], «добрейший» [26, л. 244]; превосходный: «Царь-Осударь» [21, л. 11об], «отче милостивый» [21, л. 47], «отче» [21, л. 51], «отец родный» [26, л. 195]; ироничный: «сынку мой золотой» [21, л. 49], «золотой мой» [21, л. 50], «сынку» [21, л. 52, 55, 56, 61], «сынку блудный» [21, л. 58], «голубе» [21, л. 59], «чадо мое драгое» [21, л. 60], «сынку голубчик» [21, л. 74], «паноченьку» [21, л. 71]; гиперболизированный: «кровожаднейший вы человек» [21, л. 68]; откровенный: «жестокий и “обрывочный”» [21, л. 70], «милейшая и “отрывочная” тигра»[21, л. 69].

Для выражения своего отношения к адресату, к тому или иному его поступку или черте характера, Мордовцев указывал на проблемы в личных отношениях, конкретизируя их с помощью художественных образов: «любезнейший москаль» [21, л. 82], «упрямый, но сердцу милый человек» [26, л. 241], «Злюка» [17, л. 3 об].

Иногда Мордовцев для выражения своего отношения к адресату создавал юмористические миниатюры, например, в письме к Шубинскому от 9 мая 1879 года: «Сейчас видно, драгоценнейший Сергей Николаевич, что лето начинается и у вас зайцы в голове: вы прибегаете к заячьей орфографии, а скоро и числа позабудете» [25, л. 93].

Присуща Мордовцеву и передаваемая с помощью эпитетов самоирония: «грешный, лихом недобитый Данило Мордовец» [13, с. 404], «звонарь твоего капища Данилка Столярный» [28, л. 27]. В адрес же идейных противников Мордовцев мог быть и резок, например, при жизни называя М.Н. Каткова «Катонсо Вшивой горки» в письме А.А. Краевскому от 8 апреля 1866 г [19, л. 3] а после смерти – «в чорте околевший публицист» в письме О.К. Нотовичу от 7 октября 1887 г. [20, л. 8].

2) Разнообразие персонажей. Действующие лица домашних «Художественных альбомов…» – реальные и воображаемые герои домашнего быта, участники различных происшествий и случаев из жизни Веры Мордовцевой, одушевляемые фантазией автора явления природы и физические объекты. Это Коза-дереза (персонаж малороссийской сказки, изданной Мордовцевым в своем «Малорусском литературном сборнике»), Старые козы (сюжет «Юный Фукидид или история о Козе-дерезе» [31, л. 3]); Пароход, Папин платок, Вода (сюжет «Проводы папки» [31, л. 5]); прислуга Мордовцевых в образе Констанции (сюжет «Мое первое знакомство с Верком, и Верка со мною» [31, л. 7]; Бабушка, Пеленки, Дворовые блохи, Кошка, Палетка (сюжет «Перенесение честных пеленок из Юнгеровки в град Саратов» [31, л. 9]); и др. Подобный прием характерен и для художественной прозы писателя. Массовые сцены – существенный элемент художественного повествования Мордовцева. Ему особенно удавалось создавать энергичные картины движущихся скоплений народа, объединенных общей целью. «11 сентября 1665 года и вся Москва ждала чего-то. С раннего утра от Серпуховских ворот вдоль земляного города до самой заставы и далее по серпуховской дороге толпились москвичи, ожидая чего-то необыкновенного. Сидельцы разных торговых рядов и линий, Охотный и Юхотный ряд, Лоскутный и Сундучный, мясники и ножевщики, шапочники и картузники, резники и свежерыбники, уличные разносчики и торговцы, суконные фабричники и зипунники всевозможных черных работ – все это валмя валило за город, шурша зипунами и сермягами, толкаясь и бранясь, спотыкаясь и падая» [29, кн. 17, с. 62–63]. В этом фрагменте Мордовцевым использовано 18 различных наименований групп людей (москвичи, сидельцы, мясники, ножевщики, шапочники, резники, свежерыбники, картузники, разносчики, торговцы, фабричники, зипунники). При этом для передачи мощи движения литератор специально увеличива-

ет панораму описания (Москва ждала, москвичи толпились, валмя валило), что позволяет читателю увидеть сцену словно с высоты птичьего полета.

3) Игровая стилизация. Среди эпистолярного наследия Д.Л. Мордовцева нами были обнаружены письма к различным адресатам, содержащие признаки литературной игры. Поздравительное письмо литератору А.М. Шеллеру (Михайлову) по случаю его творческого юбилея (письмо без даты, предположительно – 1893 год, когда Михайлов отмечал 30-летний творческий юбилей) от имени «протопопишки Аввакумки» создано в форме челобитной царю Алексею Михайловичу на «книжного воровского атамана на Алексашку на Шеллерова» [22, л. 3]. Повод для жалобы – «тиснение» «непотребным сыном Шеллеровым» «на соблазн и погибель благочестивых мужей и жен, паче же отроковиц и убеленных сединами старцев» «гнюсных и любострастных книжиц, романами именуемых» [22, л. 3]. В праведном гневе «Аввакумка» требует воздаяния писателю и его «книжного дела целовальнику, Сережке Добродееву существом же злодееву» «батоги нещадно, ноздри злодеям вырвать». Заканчивается письмо припиской с пожеланием от самого Мордовцева: «Сердечно поздравляю и желаю еще 30 лет злить протопопа Аввакума» [22, л. 3 об].

В послании от 30 октября 1893 г к писателю Буренину [17, л. 3] Мордовцев, в образе «козака Піхіма Чумандренко», разочарованного отсутствием внимания со стороны редактора «Нового времени» к литературным переводам внучки Мордовцева, Наталии Первольф, в шуточном тоне проклинает своего давнишнего литературного оппонента: «Коли Вы не надрукуете перекладив моей Наталки, то нехай у Вас на тім свити, у штанех, очкур лопнет! – щоб на том світі на вас штаны не держались! – хой вам на тім світі борщу нідадуть! Щоб Вы у Господа Бога на обіді вареником об галушку подавылысь!» Казак в праведном гневе призывает на помощь «печерских угодников», которые должны всучить «дулю під ніс» Буренину и его начальнику – «Алешке Суворенкову» – [там же]. В 1870-е – 80-е годы Буренин не раз жестко критиковал Д.Л. Мордовцева, эта жесткость была чрезмерной даже для сторонних наблюдателей. «Суворин милый человек, – писал Г.П. Данилевский в письме С.Н. Шубинскому 31 июля 1879 г., – но за что же в его газете Буренин глумится над друзьями своего патрона, да еще с таким бесцеремонным, презрительным тоном?» [2, л. 55 об].

По возвращении из заграничного путешествия, собирая друзей для званого ужина, Мордовцев отправил шуточную записку другу детства А.Н. Пыпину – «Государю царю и великому князю Олександру Николаевичу всея Великия и Малыя и белыя Русіи великому божественных писаний радетелю». Многословная и витиеватая эпистолия служит приглашением к «утробному беснованию» с целью «трапезу устроить из некоего худого утробного яствия, Помеднарицаемого» (то есть приглашением отпробовать помидоров) [28, л. 35].

Подобные словесные эксперименты с древнерусским языком были не чужды для круга литераторов, к которому принадлежал Мордовцев. Н.И. Костомаров, рекомендуя своего коллегу А.А. Краевскому, известному петербургскому редактору и издателю, использовал схожие приемы литературной игры: «Сей муж, его же видите перед очима Вашима, нарицается Даниил Лукич Мордовцев, муж зело честен, и премудр, и праведен во всех путех своих, вития изряден, в писании же российским языком велми искусен, злокозненнаго московскаго надмения и катковския идоложертвенныя прелести бегаяй, суесловиваго же нигилизма уметаяся, добронравием же аки звезда восточная сияяй, в терпении же тверд и крепок аки адамант. Сей предстоит пред вами аки овча руно злато носяй. Отризете е ножницы благословия Вашего» [3, л. 10]. В воспоминаниях о Т.Г. Шевченко Мордовцев приводит следующий обмен репликами между двумя Николаями – Чернышевским и Костомаровым – при личной встрече в Санкт-Петербурге на квартире Костомарова: «Нет бога, кроме бога, и Николай пророк его.<…>– Здравствуй, волк в овечьей шкуре!» [13, с. 406].

4) Художественная деталь. Важнейшей особенностью стиля Мордовцева являлась способность одним словом передать смысл описываемого события, дать исчерпывающую авторскую оценку. В основе этого приема лежит очень чуткое отношение писателя к факту, способность взглянуть на него с подчас неожиданных и парадоксальных сторон. В фельетоне «Наши потери во внешней торговле» [16] Мордовцев с помощью своего литературного героя «мистера Плумпудинга» остроумно прокомментировал показатели внешнеэкономического баланса Российской империи, сравнив продажи в европейские страны печатной продукции и свиной щетины. «Это скромное, благородное животное дает стране до 12 миллионов рублей в год» [16, с. 4], тогда как продажа книг – только 256,889 р. [16, с. 2]. С иронией отзывается «сын Альбиона» и об российском балансе с отдельными странами: «Греция прислала вам книг на 3 р., а вы не послали ей даже и “Крестного календаря” г. Гатцука, хоть бы в благодарность за то, что Греция просветила вас светом евангелия» [16, с. 5]. В повести «Пойманы есте Богом и Великим Государем» (1887) один из персонажей – юродивый Иванушка – при встрече с обозом псковской знати, отправленной по указу Великого князя Василия Ивановича в московские земли, – приветствует князя Щенятева, «под главным начальством которого совершалось переселение трехсот псковских семейств в Москву» [29, кн. 27, с. 142] недвусмысленным обращением «Здравствуй, фараон!» Художественная диспозиция, устанавливаемая автором, предельно конкретна. Псковичи – это библейские евреи, уво-

димые в плен египетский под власть фараонов, роль которых играют представители московской власти.

5) Зооморфные образы. Одной из самых ярких черт художественного стиля Мордовцева является использование зооморфной образности, причем в самых разных риторических ситуациях. Литератор использует эпитеты, символы, сравнения, а самих животных, как в романе «Великий раскол», нередко использует для формирования образа своих персонажей (особую роль в этом произведении играют мышь для Аввакума и птица для Никона). В некоторых произведениях Мордовцева животные персонажи могут быть выстроены и в отдельную мизансцену, как в повести «Господин Великий Новгород». Попадая в пещеру кудесницы, один из новгородцев в ужасе замирает перед ожившей тьмой подземелья: «Словно бешеный замяукал и зафыркал огромный черный кот с фосфорическими желто-зелеными глазами и стал метаться из угла в угол... Какая-то большая птица, махая крыльями, задела ими по лицу обезумевшего от страха пришлеца и, сев в углубление, уставила на него свои круглые, огромные, неморгающие глаза – глаза точно у человека, а уши торчат, как у кота, – голова, как у ребенка, круглая, с загнутым книзу клювом, которым она щелкает, как зубами...» [29, кн. 10, с. 27].

6) Образы мировой культуры. Вероятно, это самая ярко выраженная черта стиля писателя. Едва ли не все эпохи мировой истории в лице известных деятелей, персонажей мифов и легенд, героев популярных известных произведений нашли свое новое место на страницах, принадлежащих перу Мордовцева. В «Альбоме» дочери сам Мордовцев выступает как «Гомер Лукич», дочь Вера – в образе «Фукидида», а ее мама, Анна Никаноровна Пасхалова (Мордовцева), – как «мать Фукидида» [32, л. 3]. В сюжете «Нарушение честного слова и ужасные последствия этого нарушения» Вера Даниловна названа «Ундиной». В романе «Двенадцатый год» (1879) домашних животных героини произведения, Надежды Дуровой, – зовут Наполеон (кот), Робеспьер (собака), Алкид (конь) [29, кн. 4, с. 5–7]. В письме А.С. Суворину от 23 мая 1894 г. Мордовцев свое местоположение указывает с помощью мифических «Рифейских гор» (старое поэтическое название Уральских гор), тогда как он сам находится «всего лишь» в Челябинске: «Я по своей воле, по капризу бродяги, перемахнул через Рифейские горы, и теперь строчу Вам жалобу» [21, л. 91]. Иногда образы, использованные Мордовцевым, имели конкретно-национальное значение: «В большинстве чехов сидит частица души Гуса или Жижка»,– писал он в статье «Развитие славянской идеи в Русском обществе XVII–XIXвв.» [30, с. 248 об]. Но чаще всего Мордовцев стремился максимально нивелировать границы между культурами, используя большинство образов в их общемировом значении. Показательным примером является очерк «Люди, их слова и дела» [14]. Литературная прогулка писателя по Саратову расцвечена множеством упоминаний имен исторических лиц, мифических персоналий, используемых как в конкретно-историческом, так и в аллегорическом смысле. В статье присутствуют Писарев, Благосветлов, Байрон, Гораций, Юпитер Капитолийский, апостол Петр, Наполеон, Христос (как Сын Человеческий), Грибоедов, Тохтамыш, Костомаров, Степан Разин, Пугачев, Державин, Бошняк. А панорама саратовских улиц метафорически расцвечивается образами Рима (Колизей), Иерусалима (Елеонская гора), древнегреческой Фессалии (Фарсал) и современного Альбиона. Иногда Мордовцев допускал некоторую литературную игру, когда для подтверждения того или иного бытового или художественного факта использовал образ из украинской литературы или истории, хорошо известных писателю. Так, в повести «Сидение раскольников на Соловках» в авторском отступлении о процессах русской истории, расколовших «вековой московский дуб» [29, кн. 23, с. 26], Мордовцев неожиданно упоминает архимандрита Иоаникия Галятовского (1620–1688), польского православного деятеля, чье появление в тексте носит особый, совершенно «закодированный» смысл. Читателю предстоит самому разобраться, какое отношение этот деятель XVII века имеет к русскому расколу и что именно позволяет Мордовцеву опереться на его образ: «На эти страшные вопросы во вкусе бессмертного Иоаникия Галятовского можно отвечать только в его вкусе, метафорически» [там же].

7) Историзм. Еще одной важной особенностью художественного стиля Мордовцева является стремление взглянуть на какой-либо объект современности сквозь призму истории. При этом Мордовцеву удается не только провести параллели с прошлым для характеристики настоящего, но и устремиться в будущее, чтобы читателю могли яснее представиться возможные последствия событий дня сегодняшнего. Картины, рисуемые Мордовцевым, зачастую находятся между временами завершенными и временами еще не наступившими. «Нет ничего удивительного, что нашим потомкам придется когда-нибудь, обозревая монастырские ризницы, наполненные стеклярусом и бусами вместо драгоценностей, вспоминать стихи поэта: Не говори с тоской – “их нет”, / а с благодарностию – “были”» (строки из стихотворения В.А. Жуковского «Воспоминание» («О милых спутниках, которые наш свет...») [12, с. 188]. Драгоценности прошлого Мордовцев символически сопоставляет со «стеклярусом» будущего, тем самым обозначая проблему культурной преемственности.

Литературность охватывала все стороны жизни писателя. Детские и домашние штудии, переписка с родными и близкими не только способствовали оттачиванию писательского мастерства, но и позво-

ляли Мордовцеву в полной мере воплощать свои идейно-эстетические представления об особой ценности Слова в «художественном мире» писателя. Изучение особенностей стиля Мордовцева позволяет высказать мнение о сомнительном субъективизме прижизненных критиков писателя, обвинявших его в низком литературном вкусе и стремившихся убедить читателя в слабых художественных достоинствах его исторических произведений.

Библиографический список

1. *Быков П.В.* Д.Л. Мордовцев. Критико-биографический очерк // Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов Д.Л. Мордовцева. – Петроград: П.П. Сойкин, 1914. – Т. 1. – С. III–XXXVIII.

2. *Данилевский Г.П.* Письма С.Н. Шубинскому // РНБ. Ф. 874. Т. 15.

3. *Костомаров Н.И.* Письма (17) А.А. Краевскому // РНБ. Ф. 391. Е.х. 452.

4. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – М., 1960.

5. *Мещерякова Л.А.* Загоскин и Мордовцев. Исторические переклички // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: сб. науч. статей. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2003. – С. 203–208.

6. *Мещерякова Л.А.* Тема народного восстания в «Вадиме» М.Ю. Лермонтова и публицистических произведениях Д.Л. Мордовцева // Лермонтовский выпуск: учеб. пособие / глав. ред. И.П. Щеблыкин. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1996. – №5. – С. 93–97.

7. *Михайловский Н.К.* Центробежные и центростремительные силы г. Мордовцева // Михайловский Н.К. Сочинения. – Т. 6. – СПб., 1897. – С. 663–675.

8. Мордовцев Д.Л. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962–1978. – Т. 4. – С. 970–971.

9. Мордовцев Д.Л. // Литературная энциклопедия: в 11 т. – [М.], 1929–1939. Т. 7. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. – Стлб. 497–499.

10. Мордовцев Д.Л. // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. – Т. 2. М-Я / под ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990.

11. *Мордовцев Д.Л.* Автобиография // ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. № 18. Архив П.В. Быкова. Мордовцев, Даниил Лукич. Автобиография. Автограф. Б/д. 3 л.

12. *Мордовцев Д.Л.* Где искать земству помощи в деле народного образования? // Отечественные записки. – 1876. – №4. – Отд. II. – С. 171–190.

13. *Мордовцев Д.Л.* Из былого и пережитого // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – Киев: Дніпро, 1988. – С. 402–409; 565–566.

14. *Мордовцев Д.Л.* Люди, их слова и дела // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов, 1908. – Вып. XXIV. – С. 4–7.

15. *Мордовцев Д.Л.* Малорусский литературный сборник. – Саратов, 1859. – 376 с.

16. *Мордовцев Д.Л.* Наши потери во всемирной торговле // Отечественные записки. – 1875. – №5. – С. 1–41.

17. *Мордовцев Д.Л.* Письма Буренину В.П. // ИРЛИ. Ф. 36. Оп. 2. Е.х. 307.

18. *Мордовцев Д.Л.* Письма к дочери, В.Д. Мордовцевой (Александровой) // РГАЛИ. Ф. 320. Оп. 1. Е.х. 10.

19. *Мордовцев Д.Л.* Письма Краевскому А.А. // РНБ. Ф. 391. Е.х. 555.

20. *Мордовцев Д.Л.* Письма О.К. Нотовичу // Ф. 339. Оп. 1. Е.х. 176.

21. *Мордовцев Д.Л.* Письма Суворину А.С. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Е.х. 2778.

22. *Мордовцев Д.Л.* Письма Шеллеру-Михайлову А.К. // РГАЛИ. Ф. 558. Оп. 1. Е.х. 29.

23. *Мордовцев Д.Л.* Письма С.Н. Шубинскому // РНБ. Ф. 874. Архив Шубинского. Отд. I. №5.

24. *Мордовцев Д.Л.* Письма С.Н. Шубинскому // РНБ. Ф. 874. Архив Шубинского. Отд. I. №16.

25. *Мордовцев Д.Л.* Письма С.Н. Шубинскому // РНБ. Ф. 874. Архив Шубинского. Т. 13.

26. *Мордовцев Д.Л.* Письма С.Н. Шубинскому // РНБ. Ф. 874. Архив Шубинского. №19.

27. *Мордовцев Д.Л.* Письма С.А. Юрьеву // РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Е.х. 359.

28. *Мордовцев Д.Л.* Письма, записки (34) и записки на визитной карточке (2) А.Н. Пыпину // РНБ. Ф. 621. Е.х. 565.

29. *Мордовцев Д.Л.* Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: с портр. авт. и критико-биогр. очерком, сост. П.В. Быковым: в 50 кн. – Петроград: П.П. Сойкин, 1914. – Двенадцатый год. Книги 4–6. – С. 1–485; Господин Великий Новгород. Книга 10. – С. 1–189; Великий раскол. Кн. 17. – С. 1–396; Сидение раскольников на Соловках. Кн. 23. – С. 1–184; Пойманы есте Богом и Великим Государем. Кн. 27. – С. 97–111.

30. *Мордовцев Д.Л.* Развитие славянской идеи в Русском обществе XVII–XIX вв. // ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. Е.х. 20.

31. *Мордовцев Д.Л.* Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания и составленный Мордовцевым Даниилом Лукичем (псевдоним Папокосты). Выпуск II // РГАЛИ. Ф. 320. Оп. 1. Е.х. 5.

32. *Мордовцев Д.Л.* Художественный альбом или черты из жизни Веры Мордовцевой и других лиц, достойных внимания, составленный художником Д. Мордовцевым. Выпуск III. // РГАЛИ. Ф. 320. Оп. 1. Е.х. 6.

33. *Сорочан А.Ю.* «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века: Д.Л. Мордовцев. – Тверь: Марина, 2007. – 216 с.

34. *Сорочан А.Ю.* Кавказский герой и Хаджи-Мурат. Несколько замечаний о «кавказском» диалоге Д.Л. Мордовцева и Л.Н. Толстого // Встречи в библиотеке: авторы и читатели. – Тверь, 2009. – С. 48–54.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.2

Виноградова Полина Павловна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vpp.home@gmail.com

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРОДНО-РАЗГОВОРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ «ХЛЕБЕННЫХ» ИЗДЕЛИЙ В КНИГЕ С.В. МАКСИМОВА «КУЛЬ ХЛЕБА И ЕГО ПОХОЖДЕНИЯ» И КОСТРОМСКИЕ ГОВОРЫ

Очерк «Куль хлеба и его похождения» С.В. Максимова, уроженца Костромской губернии, является одним из достоверных источников лингво-этнографической информации. Анализ функционирования слова «хлеб» *в тексте книги и в современном литературном языке позволяет говорить о более ёмком семантическом наполнении и более широкой сочетаемости данной лексемы в языке XIX века. Ареальный анализ наименований выпечных изделий, встречающихся в очерке Максимова, выявляет общерусский характер большинства исследуемых лексем, часть наименований является севернорусской лексикой.*

Ключевые слова: *диалектология, лексикология, этнолингвистика, лингвистическая география, лингвистический анализ художественного текста.*

Исследование истории отдельных слов и выражений в литературных источниках XVIII–XIX вв. наглядно показывает разнообразие семантических процессов, характеризующих развитие русского литературного языка [1, с. 205]. Именно художественные тексты прекрасно иллюстрируют значение слова, дают дополнительные этнографические и культурные сведения, являются «бесценным источником знаний, который помогает понять, почему возникло то или иное название» [3, с. 3–4].

Книга «Куль хлеба и его похождения» Сергея Васильевича Максимова, уроженца посада Парфентьево Кологривского уезда Костромской губернии, была опубликована в 1873 году, в эпоху повышенного интереса к быту и мировоззрению простого народа (в это время издают свои работы В.И. Даль, А.Н. Афанасьев, П.Н. Рыбников, В.В. Киреевский и другие). Очерк явился результатом многолетних «экспедиций» автора по России, своеобразной художественной формой воплощения земледельческой этнографии, энциклопедией крестьянской жизни и труда. С теплотой и личной заинтересованностью описывает Максимов крестьянское житьё, связанное с «властью хлеба», используя жанр путешествия-похождения [7, с. 174].

Рассказ о куле хлеба и его похождениях насыщен этнодиалектными и этнографическими деталями, это сплав самых разнообразных сведений и наблюдений над жизнью народа, уникальный по богатству фольклорно-этнографический и диалектно-речевой материал, позволяющий исследовать особенности семантики слова *хлеб* и других наименований хлебных изделий в народно-разговорном языке XIX и проследить судьбу этих наименований в современном русском литературном языке и народных говорах, в том числе костромских.

Исследование семантических связей слова *хлеб* в тексте книги позволяет говорить о том, что система значений данной лексемы с XIX века по настоящее время существенно не изменилась, однако соотношение и объём значений в семантической структуре слова претерпели некоторые преобразования. В очерке Максимова *хлеб* – это прежде всего «колосовые растения с мучнистыми зёрнами, которыми человек питается охотнее и больше съедает всех других народов целого света, и которых посев и жатва составляют основу всей нашей русской жизни». Значение ‘злак’, как кажется, было основным значением слова *хлеб* в русском языке XIX века и ранее. Неслучайно оно даётся в словарях В.И. Срезневского и В.И. Даля в начале соответствующих словарных статей [14, т. 3, с. 1371; 9, т. 4, с. 552]. В современном русском языке основным номинативным значением лексемы *хлеб* можно считать значение ‘продукт, выпекаемый из муки’ (например, *черный хлеб, белый хлеб, буханка хлеба*), потому что горожане знают только результат выращивания зерна [9, т. 17, с. 171].

Сема ‘злак’ становится в произведении Максимова отправной точкой при назывании словом *хлеб* различных объектов действительности, связанных с зерном, мукой, начиная с ржаной соломы, на которой спит и которой кроет крыши русский крестьянин, и заканчивая всем его рационом, состоящим из каш, крупяных супов и, наконец, добытого тяжёлым трудом после мучительных ожиданий и бесчисленных страхов ржаной хлеб – ежедневный продукт питания, без которого русский человек не может представить свой обед.

Наряду с лексемой *хлеб* в очерке встречаются производные от неё наименования *хлéбный* (в знач. прил.), *хлéбное* (в знач. прил. и сущ.), *хлéбенный* (в знач. прил.), *хлéбенное* (в знач. прил. и сущ.), которые, так же как и лексема *хлеб*, соотносятся

© Виноградова П.П., 2013

в тексте книги с любыми изделиями из муки (каши, хлебные блюда, мучные жидкие блюда и напитки и т. д.), а также практически со всем, что связано с зерном. Прилагательное *хлебный* в значении ‘относящийся к хлебу’ (как печёному, так и зерновому) встречается уже в памятниках письменности XI века [14, т. 3, с. 1371–1373]. В последующие эпохи слово укрепляет свои позиции: словари XIX–XX вв. отражают широкий круг понятий, объединённых этой лексемой. Интересно отметить, что в очерке Максимова наименование *хлебный* часто является частью устойчивых номинаций, обозначающих зерновые растения и их части: *хлебные растения, хлебная солома, хлебные злаки, хлебный колос, хлебные зёрна:* «Но самый великий прихотник и капризник и самый лучший и дорогой *хлебный злак* – пшеница»; «Продуванье зерна на ветру от пыли – последнее дело в длинной лестнице уходов за *хлебным колосом и зерном*» и т. д.

Лексемы *хлебенный, хлебенное* (в знач. прил., ‘относящийся к хлебу или свойственный печёному хлебу’), лексемы *хлебное, хлебенное* (в знач. сущ., ‘всякого рода мучное печенье, пироги и пирожное’) [9, т. 4, с. 553; 15, т. 2, с. 403] соотносятся в тексте книги прежде всего с мучными и, в частности, печёными изделиями: «И ещё в посту *хлебенное* лакомство <…>: пекут из хлеба колобки в виде птичек»; «Но о *хлебном* довольно; довольно, чтобы видеть, насколько этот вид пищи важен для русского человека» и т.д. Возможно, соотнесённость этих лексем именно с готовым хлебом объясняется тем, что слово *хлебенный,* по данным толковых словарей XIX века, обычно употреблялось, когда речь шла о хлебопекарне (она называлась *хлебня, хлебенная, хлебная*) или других помещениях, связанных с использованием готового печёного хлеба: *хлебенные сени, хлебенный двор, хлебенная келья* [9, т. 4, с. 553; 15, т. 2, с. 403]. Прилагательное *хлебный* в этих случаях не использовалось. В современном литературном языке наблюдаются существенные потери в этой группе наименований: в значении ‘относящийся к хлебу’ (как печёному, так и зерновому) мы используем слово *хлебный*, лексемы *хлебенный, хлебенное* являются устаревшими и иллюстрируются в Словаре современного русского литературного языка цитатами из книги Максимова [8, т. 17, с. 177–178].

В очерке не приводятся «местные» наименования хлеба, однако писатель обращает внимание на важную «географическую» особенность хлебных изделий: «Проходя всею Русью, видим, что по сортам потребляемого хлеба она делится на три части. В тёплой России – Малороссии – неохотно едят ржаной хлеб, в средней и северной России в ржаном хлебе всё спасенье, пшеничный только по праздникам, в самой северной холодной России ржаной хлеб как лакомство, а в замену его яшный – из ячменя, каковой годится в пищу только на тот день, когда испечён».

С особым чувством С.В. Максимов рассказывает в очерке о праздничном «хлебенном» – пирогах, которые являются необходимым атрибутом русской кухни: «Попались мы теперь на такое кушанье, которому у нас износу не будет и счёт сортам подвести невозможно».

Большинство названий пирогов, упоминаемых писателем, до сих пор встречаются в говорах Костромской области и, возможно, отражают личный опыт писателя, костромского уроженца. Максимов «собственно *пирогом*» называет *защипанные глухие* пироги «с какой-нибудь начинкой». *Глухими* называли пироги в севернорусских говорах, в том числе костромских: прилагательное *глухой* в значении ‘*пирог, у которого начинка закрыта слоем теста*’ в Словаре русских народных говоров имеет пометы Новг. (со ссылкой на словарь Даля), Буйск. Костром. [13, вып. 6, с. 215]. Лексема *защипанный* образована от глагола *защи́пывать*, который и в современном русском языке сохраняет значение ‘сводить края раскатанного теста, придавливая их пальцами’ [8, т. 4, с. 1118]. В картотеке Костромского областного словаря (ККОС) находим образованные от этой лексемы наименования закрытых пирогов: *защи́пок* (Нерехт. р-н), *защи́пыши* (Шарьин. р-н) – ‘пирог с защипанными краями’.

Максимов отмечает, что «на начинку пирожницы наши не спесивы, в пирог всё годится, всё завернёшь, говорят они». Он называет несколько наименований пирогов «по начинке»: *гороховик*, *крупеник* (с кашей), *грибник* (с грибами), *ку́рник* (круглый пирог с начинкой из курицы), *кулебяка* (с мясной или рыбной начинкой). Хотя все эти наименования были весьма распространены в русском языке XIX–XX веков, их нельзя считать равноценными в плане ареальной характеристики. По данным словаря русских народных говоров, среди этих номинаций лишь лексема *ку́рник* (‘пирог с начинкой из куриного мяса’) повсеместно распространена в говорах Европейской части России [13, вып. 16, с. 134–135]. Это слово, как и лексемы *горо́ховик* (‘пирог с начинкой из варёного гороха’) и *грибни́к* (‘пирог с грибной начинкой’), зафиксировано в Словаре современного русского литературного языка (с пометой «обл.»), что может служить показателем широкой распространённости этих лексем в русских говорах [8, т. 5, с. 1870; т. 3, с. 311, 397]. Однако наименования *грибник* и *гороховик* (в интересующих нас значениях) встречаются в основном в северных и в меньшей степени центральных и южных говорах Европейской части России [13, вып. 7, с. 67, 141]. Все эти наименования есть и в говорах Костромской области: *«Пошто-то не пеком нынче гороховиков»* (Павин.; Чухл., Шарьин. р-ны); *«Отрежь мне кусок грибника попробовать»* (Нерехт.; Галич. р-ны); *«Я в начинку-то лук кладу, так курник вкусней»* (Чухл.; Судисл., Галич., Буйск. р-ны) (ККОС). Лексема *крупени́к* (‘пирог

с кашей') встречается в основном в говорах Русского Севера, в говорах Костромской области оно не зафиксировано [13, вып. 15, с. 316]. Отметим, что номинация пирогов «по начинке» весьма характерна для диалектной речи. Например, в Костромской области встречаем наименования *карто́фельник* ('пирог с картофельной начинкой'), *лу́ковник* ('пирог с луковой начинкой'), *я́годник* ('пирог с ягодной начинкой') и др.

Значение лексемы *кулебя́ка* Максимов определяет как '*пирог с мясной или рыбной начинкой'*. По словам известного знатока русской кухни В.В. Похлёбкина, *кулебяка* представляет собой продолговатый высокий пирог со сложной начинкой (иногда начинка состоит из нескольких рядов, перемежающихся тонкими блинчиками), при этом в нижний слой всегда кладут ту или иную кашу, а в верхний – рыбу или мясо, грибы, лук [5, с. 61–62]. Однако в крестьянской кухне это выпечное изделие имеет более простую начинку, а внешний вид пирога в разных местностях может весьма различаться. Г.В. Судаков отмечает, что, опираясь на имеющиеся исторические материалы, можно предположить, что слово *кулебяка* исконно русское, причём первоначально диалектное севернорусское [6, с. 106]. Действительно, в говорах севера и северо-востока Европейской части России, где рыба является важнейшим продуктом питания, обращает на себя внимание многообразие номинаций этой реалии (*кулебя́ка*, *кулеба́ка*, *кулебя́тина, кулба́ка, колюба́ка*) и способов кулинарного оформления пирогов с рыбой (они могут быть открытыми и закрытыми, четырёхугольными и продолговатыми, в них может быть запечена целая рыба и даже несколько) [12, с. 186–187]. Л. Китицына, член Костромского научного общества по изучению местного края, исследуя в 20-х гг. XX в. названия выпечных изделий, отмечает, что для Костромской области характерна четырёхугольная форма кулебяк, которые загибают в форме конверта. Согласно данным ККОС, сейчас в говорах Костромской области эта лексема встречается в обобщённом значении 'пирог с рыбой': *«Я на праздник-то Христов день пекла кулебяку»* (Макар. р-н); *«Вот начинки на кулебяку припасла»* (Макар.; Костр., Судисл., Нерехт. р-ны). Реже это слово употребляется в таком, по-видимому, локальном значении, как 'ватрушка с творогом': «*Наша мама часто кулебяки делала на свойском творожке»* (Нерехт. р-н). Это значение лексемы было отмечено ещё в Опыте областного великорусского словаря 1852 с пом. *Яросл.*, где до сих пор повсеместно распространено [16, вып. 5, с. 105; 11, с. 96]. Таким образом, хотя *кулебяка* – общерусское наименование, в разных местностях имеются некоторые особенности семантики данной лексемы.

В очерке С. В. Максимова отмечается, что защипанные пироги бывают и без начинки (пустые) и называются *пироги с аминем* (в СРНГ данная лексема даётся с пометами Яросл., Новг.) [13, вып. 27, с. 39]. Это наименование встречается в говорах гораздо реже, чем другие названия выпечки, упоминаемые писателем, и, возможно, в этом случае отражается личный опыт автора очерка. *Пироги с аминем* первоначально имели обрядовое значение. У Н.Н. Виноградова в очерке «Народная свадьба в Костромском уезде» читаем: «Затем кладут на стол два длинных "с аминем" пирога крест-накрест: знак, что ничего не будет». Впоследствии так стали называть любые пироги, в которых нет начинки «*Не хошь ли пирога с аминем?»* (Нейск.; Костр. р-н). В ККОС находим синонимичные словосочетания *пирог с молитвой, пирог с таком, пирог с нетом*: «*Сегодня будем есть пироги с молитвой – начинки нет»* (Нейск.; Костром., Сусан. р-ны).

К *незащипанным пирогам* С. В. Максимов относит лексему *расстега́й*, и сейчас входящую в состав литературного языка. Это особый вид пирога, весьма распространённый на Руси. Даль толкует это слово таким образом: *'пирожок с пророшкой наверху, где видна начинка, обычно с рыбой'* [9, т. 4, с. 49]. В Костромском крае *расстегаи* делали с разными начинками (например, с пшеном, грибами): «*Поставь квашню, расстегай завтра с грибами сделаю»* (Макар.; Чухл. р-ны).

Подо́вым пирогом Максимов называет «пирог вздутый из кислого теста». Отметим, что «*подовыми*» могут называться и пироги, и хлеб, испечённые на поду печи. *Подовый хлеб* в говорах Костромской области называли также *подовико́м*: «*Пекли всё подовики. А под-то выметали хорошенько»* (Костр.; Красн., Сусан. р-ны). В Словаре современного русского языка фиксируется и прилагательное *подовый* ('испечённый на поду в печи'), и лексема *подови́к* ('хлеб, пирог, испечённый на поду') [8, т. 10, с. 501–502].

Кроме хлеба – хозяина на столе – и пирогов – обычно не ежедневной, праздничной выпечки с начинкой – Максимов называет несколько наименований небольших изделий без начинки «обыденного употребления» (*колобки, кокурки, витушки, пряженцы* и др.), большинство из которых встречается в говорах центра и севера Европейской части России, в том числе и в говорах Костромской области. Сам писатель не раз употребляет эти наименования в своих рассказах, описывающих жизнь костромской глубинки: «Вскоре посыпались туда яйца, *колобки*, ватрушки с творогом» («Сергач»); «Да и *колобушки* домашние как-то повкуснее и посдобнее Степановых» («Швецы»); «Поди в избу, там тебе матка *пряженцов* напекла» («Извозчики»). Добавим, что Л. Китицына называет подобные изделия «пресным печеньем» и указывает, что в Костромской губернии они «обычно пекутся из пшеничной, ржаной и ячневой муки в постные дни на воде, а в скоромные дни – на масле, молоке, пахта-

нье, сметане, поденье, сыворотке с добавлением соли» [2, с. 95].

С.В. Максимов описывает также выпечные изделия, характерные для того или иного города, делясь с читателями своими меткими наблюдениями и рисуя живой и яркий образ «хлебной» России. «Мудрёно представить себе такой город, который бы не прославился вкусным хлебным печеньем», – отмечает он. Автор очерка пишет об «очень вкусных» сибирских пирогах, «пирогах арзамасских с рыбой астраханской», московских пшеничных калачах из жидкого теста и сайках из крутого теста, калачах «муромских заварных, подсыпанных отрубями», тверских, городецких и вяземских пряниках, валдайских баранках, архангельских *шанежках* («очень вкусные лепешки и булочки, за любовь к которым архангельцев зовут шанежниками и дразнят прозвищем «шаньга кислая»), кашинских *калитовках* («особые черырёхугольные булки в виде ватрушек с кашей, со сметаной и творогом») и подытоживает: «Словом, пускаясь дальше, из русских пирогов можно совсем не выбраться».

С.В. Максимов называет также обрядовые «хлебенные» изделия, среди которых в Костромском крае употребляются *ржаной каравай* («печётся на свадьбу»), *обетные пироги* («пекутся по обещанию на угощение странников и нищих»), *именинные пироги; пряженые лепёшки, сдобное тесто полосками, лентами, пряженое на масле печенье; блины; кресты, жаворонки, лесенки; пасха, кулич*. Л. Китицына отмечает, что «у жителей Костромской области существует целый ряд печений, большинство из них имеет вид фигурок животных и птиц, которые являются предметами обрядовыми и печение которых приурочивается к определённым дням. Обрядовое печенье продолжает бытовать до настоящего времени, но часто смысл его забыт, установленные дни смешиваются. Кресты, жаворонки, грачи и пр. выродились в забаву для детей» [2, с. 95].

«Не выдумал русский человек разносолов, но по части хлебенных, мучнистых кушаний превзошёл даже себя», – замечает писатель. Действительно, традиционную русскую кухню отличает многообразие видов «хлебенных» изделий и, соответственно, их названий. Значительная их часть отражена в очерке С. В. Максимова. Большинство исследуемых лексем является общерусской лексикой междиалектного характера, некоторые наименования характерны для севернорусских говоров, в том числе костромских.

Примечание

Принятые сокращения названий районов Костромской области: Буйск. – Буйский, Галич. – Галичский, Костр. – Костромской, Красн. – Красносельский, Макар. – Макарьевский, Нейск. – Нейский, Нерехт. – Нерехтский, Павин. – Павинский, Судисл. – Судиславский, Сусан. – Сусанинский, Чухл. – Чухломский, Шарьин. – Шарьинский.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв. // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.

2. *Китицына Л.* Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды КНО, 1927.

3. *Лутовинова И.С.* Слово о пище русской. – СПб., 2005.

4. *Максимов С.В.* Куль хлеба и его похождения. – М., 1982.

5. *Похлёбкин В.В.* Национальные кухни наших народов. – М., 2004.

6. *Судаков Г.В.* Живое костромское слово. – Вологда, 2002.

7. *Фокеев А.Л.* Знамение времени: Проза XIX века. – Саратов, 2005.

8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1948–1965.

9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995.

10. Картотека Костромского областного словаря [Рукопись, хранится на кафедре русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова].

11. *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. – СПб., 2010.

12. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

13. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–41. – М.; Л.,1965–2007.

14. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб., 1893.

15. Словарь церковно-славянского и русского языка. – Т. 1–2. – СПб., 1847.

16. Ярославский областной словарь. – Ярославль, 1981–1991.

УДК 800.1+882.09.

Дмитрук Людмила Александровна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
llyudmila-dmitruk@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОМЕТ *ОБЛАСТНОЕ, ПРОСТОЕ*, *ПРОСТОРЕЧНОЕ* И *ПРОСТОНАРОДНОЕ* КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОТНЕСЁННОСТИ ЛЕКСИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.О. АБЛЕСИМОВА «МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ» (синхронно-диахронный аспект)

В статье лексика произведения А.О. Аблесимова анализируется как источник «Словаря русского языка XVIII века», где большая часть лексики пьесы имеет стилистические пометы областное, простое, просторечное, простонародное, *указывающие на принадлежность лексем к народной разговорной речи конца XVIII века. Слова пьесы рассматриваются в синхронно-диахронной перспективе с точки зрения их семантики и особенностей функционирования в языке XVIII века.*

Ключевые слова: *А.О. Аблесимов, «Словарь русского языка XVIII века», народно-разговорный язык, стилистические пометы, глагол.*

Комическая опера А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», созданная в 1772 году писателем-выходцем из костромских мелкопоместных дворян, по сей день не утратившая своей сценической актуальности, – одно из знаковых драматических произведений конца XVIII века. Длительный успех пьесы во многом обусловлен яркой демократической атмосферой, которую составляют все уровни организации произведения: сюжет, образы героев, элементы народной культуры, песни и обряды и, конечно, живой национально-колоритный язык. В нём естественно сочетаются все явления общенародного речевого узуса предпушкинской эпохи: общеупотребительные нейтральные, просторечные, жаргонные, диалектные, разговорные, фольклорно-обрядовые, этнографические единицы. Несмотря на обилие слов, связанных с народно-разговорной языковой средой, «Мельник» Аблесимова уже нельзя отнести к числу произведений «низкого штиля» хотя бы потому, что его лексика отражает значимые для нации элементы материальной и духовной культуры, формы народного быта, хозяйства, верований, ментальных представлений. Сами эти элементы (предметная лексика), их связи и взаимоотношения, словесно выраженные (непредметная лексика), оказались доступными для понимания общества в тот период и во многом сохранили жизнеспособность до настоящего времени.

В список источников академического «Словаря русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII), работа над составлением которого велась под руководством Ю.С. Сорокина, объёмного и разножанрового нарратива произведений эпохи, включены сочинения, отражающие в большинстве своём «живой узус разговорной речи авторов и переписчиков» [8, с. 20] той поры. К ним принадлежит и комическая опера Аблесимова, также причисленная к источникам СРЯ XVIII. Иллюстрации из текста пьесы здесь часто приводятся к словам, моносемантам и полисемантам, имеющим в системе своих значений регионально маркированные компоненты. А.О. Аблесимов, уроженец Галичского уезда Костромской губернии, в «Мельнике» нередко использует слова, характерные для говоров центра России, в том числе и костромских: *авось-либо, большой (в дому,) вздуриться, видать, ворожить, гнедко, гожий, давишный, -жа, зачурать, ин, -ка, колотовка, кросна, крушить, крючок, куликать, курныкать, мерочка, мошна, набольший, охреян, поезжанин, пригожайка, пырь, рахманной, рыскуша, савраско, сговор, сладить, старшой, подзатыльник, поднизь, посиденки, сулейка, -та, -тка*, *тын, ухват, хлопотунья* и др. Бóльшая часть такой лексики пьесы имеет в СРЯ XVIII стилистические пометы *простое*, *просторечное, простонародное* или *областное,* что позволяет отнести слово к народно-разговорному источнику формирующегося литературного языка [7, с. 35]. Однако до сих пор практически невозможно решить вопрос о составе и функционировании региональной лексики в языке XVIII века. В наши дни достоверно это можно определить только по данным СРЯ XVIII, который опирается на сведения словарей того периода и прежде всего на Словарь Академии Российской (1789–1794), куда, как известно, диалектная лексика практически не включалась.

Материал о подобных словах, добытый из различных современных диалектных словарей, в первую очередь «Словаря русских народных говоров», для решения данного вопроса также не всегда показателен. Это связано с тем, что лексика, обладающая региональной или разговорной окраской в конце XVIII века, пройдя длительный путь постоянного и непрерывного развития, в наши дни не во всех случаях (хотя и достаточно часто) сохранила принадлежность к системе народных говоров. Ф.П. Сороколетов, говоря о сложных взаимоотношениях, в которые подчас вступает лексика различных пластов национального языка, отмеча-

 © Дмитрук Л.А., 2013

ет, что «народные говоры влияли в прошлом и продолжают оказывать определённое воздействие на литературный язык нашего времени» [10, с. 204]. Областное или близкое к нему слово в течение двух веков могло переместиться с периферии в ядро национального языка, став принадлежностью языка литературного (например, слово *девушка (Простонар.* → *Прост.* → *Лит.)*, могло утратиться вовсе вследствие исчезновения обозначаемого предмета или же сохраниться в пассивном словарном фонде, поменяв свою стилистическую характеристику и сферу распространения (например, слова *большой* 'старший, главный в доме' (*Нейтр.* → *Обл.*), *крючок* 'мера вина, водки' (*Простореч.* → *Обл.*), матушка 'мать' (*Прост.* → *Устар., Народно-поэт.*), *сокол* 'жених' (Фольк. → *Устар., Народно-поэт. и т. д.*). Поэтому, по нашему мнению, анализировать народно-разговорную, регионально маркированную лексику пьесы Аблесимова необходимо в синхронно-диахронной перспективе, от века XVIII к веку XXI, с привлечением данных исторических, областных, толковых словарей современного русского языка. Такое изучение словарного состава языка XVIII века позволит выявить подвижные лексические пласты, изменившие свой статус на рассматриваемом временном отрезке, выявить промежуточные ступени на пути передвижения лексемы из одного пласта национального языка в другой и, в конечном счёте, установить с бóльшей степенью вероятности специфику слова в XVIII веке.

Рассмотрим в синхронно-диахронном аспекте глагольную лексику пьесы Аблесимова. Выбор этой группы не случаен. Глагол, обладая широким набором категорий, форм, а отсюда и оттенками значений, является одним из главных средств выражения динамики разговорной речи. Для анализа нами взяты лексемы, имеющие в СРЯ XVIII пометы, связывающие слово с народно-разговорной, иногда локально приуроченной, речью:

– слова *благословить, болтать, вздуриться, ворочать, всполошить, городить, дотянуть, кручиниться, крушиться, ломить, морочить, нишкнуть, орать, отвесить, отъехать* и др. имеют помету *прост.*, то есть «простое слово, противопоставленное книжным синонимам, хотя и лишённое резкой экспрессии сниженного, грубого или фамильярного характера» [7, с. 36];

– *влепить, завернуть, итить, куликать, молоть, мыкать, наплевать* и др. отмечены как *простореч.* – «просторечное слово, наделённое экспрессией сниженности, грубости или фамильярности…» [7, с. 36];

– лексемы *запропаститься, зачурать, курныкать* и др. приводится с пометой *простонар.* – «простонародное слово, употребление которого характерно прежде всего для речи низших социальных слоёв, простого народа (крестьян, посадских мещан и т. п.); не являясь в собственном смысле слова диалектно ограниченными, они близки к областным словам по признаку их чуждости собственно литературной речи, речи образованных людей» [7, с. 36]. Слово *настрехтать* имеет помету *обл.,* которая «указывает на слова, ограниченные территориально одним или несколькими наречиями этого времени» [7, с. 37].

В качестве примера более детально рассмотрим слова *кручиниться, куликать, курныкать, настрехтать.*

Слово *кручиниться* в пьесе А.О. Аблесимова звучит в куплетах Мельника: *«Мельн. Не кручинься, молодецъ, Горю сделаемъ конецъ, Назову тебя я братомъ И пойду к невесте сватомъ…»* [1, с. 20]. Эта цитата в СРЯ XVIII приводится в качестве иллюстрации к слову *кручиниться* со значением 'печалиться, горевать' и пометой *прост.* [12, вып. 11, с. 50], то есть это слово, активно функционирующее в разговорном языке XVIII века, но не претендующее на книжное употребление. В языке XIX века, по данным словаря В.И. Даля и «Словаря церковно-славянского и русского языка» (СлЦСРЯ), лексема употреблялась с тем же значением 'грустить, тосковать, печалиться, горевать' [4, II, с. 172; 9, II, с. 228] без каких-либо стилистических помет. Вероятно, на данном этапе слово воспринималось носителями языка как нейтральное, допустимое и в книжной, и в разговорной речи. В современном узусе XX–XXI веков семантическое наполнение слова не изменилось, однако оно стало употребляться ограниченно: в толковых словарях находим пометы *простореч.* [2, т. 5, с. 1747] и *народно-поэт.* [2, там же; 6, II, с. 140; 3, с. 475]. В языковом сознании современности лексема ассоциируется прежде всего с фольклорным употреблением.

Слово *куликать* в пьесе Аблесимова встречается в финальных предсвадебных куплетах главных героев и хора: *«Все. Зачинать пора пирушку намъ смекать, И въ весёлости затеем куликать»* [1, с. 52]. В XVIII веке слово употреблялось в значении 'пить вино, пьянствовать' [12, вып. 11, с. 71]. В СРЯ XVIII оно приводится с иллюстрацией из «Мельника» и пометой *простореч.,* которая говорит о принадлежности лексемы к сфере разговорного языка, где она была распространена с экспрессией сниженности. В словарях, фиксирующих лексический состав языка на синхронном срезе XVIII–XIX веков, слово отмечено без стилистических ограничителей с семантикой 'пьянствовать, опиваться' [4, II, с. 180] или 'предаваться пьянству' [9, II, с. 234], что говорит о разговорном характере употребления. С течением времени значение слова осталось прежним, однако значительно изменилась сфера его распространения. В XX–XXI веках лексема *куликать* стала атрибутом пассивного запаса, однако до сих пор активно функционирует в народных говорах, что возможно ус-

тановить по характеру помет в БАС – *устар., простореч., обл.* [2, т. 5, с. 1818]. В более поздних словарях современного русского литературного языка – МАС и «Большом толковом словаре русского языка» (БТСРЯ) – фиксация лексемы отсутствует. В диалектах, по данным «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), слово *куликать* со значением 'выпивать, пьянствовать' имеет большой ареал распространения. В числе прочих здесь указаны пометы *Моск., Яросл., Костром.,* то есть лексема по сей день свободно функционирует в центральных русских говорах, к которым относятся и костромские.

Слово *курныкать* звучит в реплике крестьянина-однодворца Филимона: *«Фил. Што жъ мне делать? ничего иного, какъ орать что есть мочи... Нетъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мне было»* [1, с. 16]. Данная цитата приводится в СРЯ XVIII к слову с семантикой 'петь вполголоса; мурлыкать' и пометой *простонар.* [12, вып. 11, с. 86], что говорит о близости слова в XVIII веке диалектам, вероятно, здесь точнее будет сказать о полудиалектном характере лексемы. В XIX столетии значение и сфера распространения слова не изменились: словари фиксируют семантику 'петь себе под нос' [4, II, с. 187], 'петь тихо про себя' с пометой *простон.* [9, II, с. 238]. На современном синхронном срезе слово является областным, отмечено в БАС в значении 'тихо, едва слышно напевать' и пометой *обл.* [2, т. 5, с. 546]. В более поздних по времени своего создания словарях современного литературного языка (МАС, БТСРЯ) не фиксируется. В наши дни лексема принадлежит диалектам и имеет семантику 'мурлыкать, петь себе под нос' [11, вып. 16, с. 138], однако в СРНГ география распространения у слова *курныкать* не указывается. По данным картотеки Костромского областного словаря [ККОС], лексема распространена на территории области и иногда смешивается по значению со словом *курлыкать.*

Слово *настрехтать* включено в куплеты крестьянина Анкудина: *«Анкуд. Мне на спорщицу-женищу Купить добрую плетищу, Настрехтать ея спинищу... Будетъ жить, какъ я хочу»* [1, с. 42]. Во времена Аблесимова данное слово имело значение 'выстегать, выпороть' и было локально ограниченным. В СРЯ XVIII к слову *настрехтать* с пометой *обл.* приводится единственная иллюстрация из текста «Мельника» [12, вып. 14, с. 66]. Словари XIX века фиксируют вариант этого слова в форме *настрекать* и тождественным значением 'нахлыстать', например, *«Шалуну настрекали спину»* [9, II, с. 409]. В.И. Даль же приводит глагол *настрекать,* разъясняя его значение при помощи инструментатива: «нахлестать розгой, нажечь крапивой» [4, II, с. 397]. В отношении данного слова в языке XIX века, по нашему мнению, можно говорить о функциональной синонимии, когда один из вариантов лексемы, *настрекать*, свободно употребляется в разговорной речи всех слоёв населения, другой вариант, *настрехтать*, имеет ярко выраженную региональную отнесённость. В языке середины XX века это слово функционирует в форме *настрекать* и фиксируется в БАС с семантикой 'нахлестать, нажечь (крапивой)' и пометой *простореч.* [2, т. 7, с. 1871], то есть слово всё ещё сохраняется в сфере разговорного языка, но уже с оттенком сниженности. В словарях современного русского литературного языка, МАС и БТСРЯ, фиксация слова в модификации *настрекать* отсутствует, так как в настоящее время эта форма характерна для диалектов, где имеет несколько значений с достаточно узкой географией. В СРНГ у лексемы *настрекать* в значении 'нажечь, обжечь крапивой' не указывается ареал распространения, слово приводится со ссылкой на толковый словарь В.И. Даля. Отсутствует здесь и более архаичный вариант *настрехтать*, который, вероятно, уже вышел из употребления во всех пластах национального языка. На пути устаревания, как кажется, находится и лексема *настрекать*.

При анализе в синхронно-диахронной перспективе лексики произведения Аблесимова со стилистическими характеристиками *простое, простореч-ное, простонародное* и пометой *областное* на материале исторических, диалектных, современных толковых словарей, картотеки Костромского областного словаря, нами установлено:

– на синхронном срезе XX–XXI веков значительная часть таких слов относится к лексике региональной,

– ряд лексем пополнил пассивный запас литературного языка и отмечен в современных словарях пометами «устар.» или «фольк.»,

– некоторая часть слов вошла в словарный состав современного русского литературного языка, потеряв свои локальные характеристики.

Таким образом, лексическая система произведения А.О. Аблесимова, отражающая факты и явления языковой действительности центра России, – одно из необходимых звеньев в изучении истории русского литературного языка, истории народных говоров предпушкинского периода.

Библиографический список

1. *Аблесимов А.О.* Мельник-колдун, обманщик и сват. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1887. – 52 с.

2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.– М.; Л.: АН СССР, 1950–1965.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

5. Картотека Костромского областного словаря. Хранится на кафедре русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988.

7. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.

8. Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1977. – 164 с.

9. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847.

10. *Сороколетов Ф. П.* Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Сороколетов Ф.П. Избранные труды / сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; отв. ред. С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2011. – С. 201–222.

11. Словарь современных русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–41. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2007.

12. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. – СПб.: Наука, 1984–2011.

УДК 804+808.2

Дубова Марина Евгеньевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» КАК ФРАГМЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале русского и английского языков)

Соотношение английских и русских фразеологических единиц (ФЕ) выявляется в плане их структурно-семантической общности. Эквиваленты и аналоги дифференцируются на основании сопоставления особенностей внутренней формы и типа мотивировки соотносящихся ФЕ русского и английского языков.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, фразеосемантическое поле, эквивалент, аналог, внутренняя форма.*

Одним из наиболее эффективных способов сопоставительного описания фразеологии двух и более языков является изучение фразеологизмов в пределах фразеосемантических полей, при котором фразеологические единицы (ФЕ) подвергаются сравнительно-сопоставительному анализу.

Благодаря своей семантической значимости, многочисленности компонентов и сложности структурной организации фразеосемантическое поле «речевая деятельность» представляет особый интерес для структурно-типологического изучения на межъязыковом уровне. Материалом исследования послужили 887 ФЕ, из них 460 русских ФЕ и 427 английских ФЕ.

Фразеологизмы поля, объединяясь во фразеосемантические микрополя, активно участвуют в формировании языковой картины мира, ее национального своеобразия. Особенности отдельных фрагментов языковой картины мира запечатлены фразеологизмами в пределах фразеосемантического поля «речевая деятельность» в русском и английском языках. Сопоставительный структурно-семантический анализ этих систем фразеологических образов позволяет репрезентировать национальную специфику образного мировосприятия в пределах определенных фрагментов языковой картины мира.

Принципы построения словарных дефиниций фразеологических единиц русского и английского языков фразеосемантического поля речевой деятельности служат выявлению их соотношения в плане структурно-семантической общности. Эквиваленты и аналоги дифференцируются на основании сопоставления особенностей внутренней формы и типа мотивировки соотносящихся фразеологизмов русского и английского языков. Для определения границ фразеосемантического поля, обозначающего речевую деятельность, мы использовали характеристику словарных дефиниций ФЕ поля. С этой целью сопоставлялись толкования ФЕ в разных фразеологических словарях, выбирались наиболее полные, развернутые толкования. Вводились также наши собственные формулировки дефиниций, обобщающие семантизацию ФЕ в словарях. Значение речевой деятельности для ФЕ устанавливается на основании:

1) наличия в дефинициях фразеологизмов одного из глаголов говорения: рус. *отвечать, спрашивать, говорить, разговаривать, рассказывать;* англ. *answer, ask, reply, say, speak, talk, tell* и т.п. Ср., например: рус. *заговаривать зубы* кому – «посторонними разговорами намеренно отвлекать внимание собеседника от чего-либо; вводить в заблуждение, обманывать» [3]; *кричать благим матом* – «очень громко, неистово, исступленно кричать (орать, выть, вопить и т.п.)»; *болтать языком* – «излишне много разговаривать; говорить вздор, чепуху; говорить зря, попусту; говорить то, что не следует»; англ. *tell tales about sb.* – «сплетничать о ком-либо, доносить, ябедничать на кого-либо» [1]; *talk till one is blue in the face* – «говорить до хрипоты»; *speak daggers* – «поражать словами, острыми как кинжал; говорить зло, со злобой; бросать гневные слова» и т.п.;

2) наличия в дефинициях свободных словосочетаний, обозначающих процесс говорения: рус. *брать слово* – «начинать выступление»; англ. *put into words* – «выразить словами, облечь в слова» и т.п.;

© Дубова М.Е., 2013

3) наличия в дефинициях фразеологизма, обладающего значением говорения, которое устанавливается последовательным развертыванием значения дефиниции. Ср., например: рус. *говорить без околичностей* – говорить без обиняков – «говорить откровенно, открыто, не прибегая к намекам»; *нести околесицу* – нести ахинею – «говорить глупости»; англ. *cut the cackle and come to the horses* – cut a long story short – «говорить кратко»; *talk horse* – talk big – «хвастать, бахвалиться, важничать» и т.п.;

4) наличия в дефинициях словосочетания, обладающего широким значением, приспособленным к обозначению говорения. Ср., например: рус. *бросать слова на ветер* – «говорить впустую, необдуманно или безответственно»; англ. *put one's foot in it* – «непреднамеренно сказать что-либо оскорбительное»; *spend breath* – «напрасно, попусту тратить слова, красноречие; ≅ бросать слова на ветер» и т.п.

При формулировке семантических определений важно учесть особенности компонентного состава и внутренней формы, образной основы фразеологизмов данного поля.

С точки зрения компонентного состава фразеологизмы анализируемого фразеосемантического поля представляют собой разноплановые единицы. На основании наличия/отсутствия глагола говорения в составе ФЕ во фразеосемантическом поле выделяются две большие группы, которые образуют ФЕ, содержащие какой-либо из глаголов говорения (ср., например: рус. *болтать языком, говорить на ветер, сказать с сердцем;* англ. *talk through one's hat, cry from the house-tops, speak in superlatives*), и ФЕ, не содержащие такого компонента (ср., например: рус. *нести вздор, городить чепуху, показывать пальцем;* англ. *paint sth. in black colours, take sb. into one's confidence, tear the mask from sb.*).

Общий, интегральный признак речевого процесса, выражаемый опорным глагольным компонентом фразеологизма, обусловливает использование в качестве семантических определений глагольных словосочетаний с аналогичной семантикой. Соответственно, по аналогии с семантической структурой рассматриваемых ФЕ в составе словарных дефиниций выделяются дифференциальные признаки, связанные с целевой направленностью процесса речи, эмоциями, опосредованными речью, речевым поведением, манерой говорения, фазисным состоянием процесса речи. Например: рус. *резать правду-матку <в глаза>* – «говорить прямо, резко, ничего не скрывая, не смягчая; высказываться смело, с полной откровенностью» [2] и англ. *come out flat-footed <for>* – «высказать правду прямо в глаза»; рус. *рвать и метать* – «раздражаться, неистовствовать, будучи в состоянии негодования, озлобления и т.п. на кого-либо или на что-либо» и англ. *fret and fume* – «злиться и ворчать; ≅ рвать и метать»; рус. *ругаться по матушке* – «очень грубо ругаться, браниться, ругать и т.п.» и англ. *make the air blue* – «ругаться, сквернословить»; рус. *язык прилип к гортани* у кого – «кто-либо замолчал от смущения, удивления, страха и т.п.» и англ. *have seen a wolf* – «лишиться дара речи; ≅ язык прилип к гортани». Выделенные таким образом основные дифференциальные признаки послужили критериями семантико-тематической классификации ФЕ анализируемого фразеосемантического поля.

Фразеологические обороты рассматриваемой семантической области характеризуют различные стороны протекания процесса речи. В пределах фразеосемантического поля «речевая деятельность» может быть выделен ряд микрополей (семантико-тематических групп), характеризующихся особенностями семантики и системных связей образующих их ФЕ, общим характером их структурной организации. Исследуемые ФЕ образуют следующие фразеосемантические микрополя: «целевая направленность процесса речи»; «эмоции, опосредованные речью»; «речевое поведение»; «манера говорения»; «фазисное состояние процесса речи». Фразеологизмы, объединяясь в микрополя, соотносятся по общему семантическому основанию и различаются по ряду дифференциальных признаков. Соответственно, каждое фразеосемантическое микрополе включает в свой состав несколько смысловых микрогрупп (подгрупп или разрядов). В результате исследования фразеосемантического поля «речевая деятельность» выявлены 28 тематических микрогрупп, насчитывающих от 2 до 44 ФЕ в русском языке и от 2 до 46 ФЕ в английском языке. Большинство тематических микрогрупп совпадает в стратификации данного фразеосемантического поля русского и английского языков.

Наиболее разветвленной семантической структурой обладает фразеосемантическое микрополе «целевая направленность процесса речи», в составе которого дифференцируются 13 тематических подгрупп ФЕ. Фразеосемантические микрополя «эмоции, опосредованные речью» (2 микрогруппы); «речевое поведение» (4); «манера говорения» (5); «фазисное состояние процесса речи» (3) отличаются своей немногочисленностью.

Сформулированные нами семантические определения отражают широкозначность, характерную для ФЕ данного поля, наличие в их семантике разноплановых сем. Соответственно, отнесение ФЕ к тому или иному микрополю является относительно условным, в той или иной мере зависимым от интуитивного выделения наиболее актуальных сем, фиксируемых фразеологическими словарями.

Основную, наиболее многочисленную разновидность микрополей образуют синонимические ряды ФЕ. Большинство тематических микрогрупп включает в свой состав несколько синонимических рядов. Некоторые микрогруппы равняются одному

синонимическому ряду. Особенно широко синонимия распространена во фразеосемантическом микрополе «целевая направленность процесса речи», которое насчитывает 265 русских и 235 английских фразеологизмов-синонимов. Здесь трудно дифференцировать центр и периферию, так как все фразеологизмы, входящие в состав данных микрополей, обладают эмоционально-экспрессивной оценочной коннотацией и различаются лишь некоторыми оттенками общего для них значения. В качестве доминанты синонимического ряда мы условно выделяем тот фразеологизм, который наиболее полно передает основное содержание единиц данного ряда, о чем свидетельствует его словарная дефиниция. Например: рус. *рассказывать басни, рассказывать сказки, сказки сказывать;* англ. *tell stories, tell the tale*. Те фразеологизмы, в состав которых входят в качестве грамматически опорных и семантически стержневых компонентов глаголы говорения в прямом значении, мы условно относим к ядру, центру микрополя синонимов, помещая их в начале синонимического ряда. Таким образом фиксируется состав сопоставляемых синонимических рядов в русском и английском языках.

Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов, характеризующих речевую деятельность, позволил выявить типы межъязыковых соответствий русских и английских ФЕ. 30 русских ФЕ и 36 английских ФЕ эквивалентны между собой, то есть вступают в отношения полного тождества. Например: рус. *читать проповедь* и англ. *read a sermon to sb.;* рус. *повторять как попугай* и англ. *repeat like a parrot;* рус. *глотать слова* и англ. *swallow one's words*. Аналогами являются 73 ФЕ русского языка и 101 ФЕ английского языка. Например: рус. *звонить во все колокола* и англ. *beat the <big> drums* (букв. «бить в большие барабаны»); рус. *говорить как по писаному* и англ. *speak like a book* (букв. «говорить как книга»); рус. *проглотить язык* и англ. *have lost one's tongue* (букв. «потерять язык»). Фразеологические аналоги отражают специфику образности разных языков. Большинство русских фразеологизмов не имеет эквивалентов и аналогов в английском языке. Поэтому преобладают случаи описательного перевода русских ФЕ.

В формулировку словарных дефиниций языка перевода может включаться экспликация внутренней формы фразеологизма языка-источника, то есть буквальный, пословный перевод, калькирование внутренней формы фразеологизма. Это позволяет более четко дифференцировать фразеологические эквиваленты и аналоги, выявить степень аналогичности образной основы фразеологических синонимов сопоставляемых языков. Калькирование внутренней формы фразеологизма языка-источника при его семантизации в толковом двуязычном словаре важно для выявления специфики ассоциативных связей в индивидуально-психологическом, мировоззренческом, культурологическом аспектах.

К рассматриваемым нами межъязыковым фразеологическим синонимам относятся фразеологические обороты русского и английского языков с более или менее сходной внутренней формой при общности значения. Ср., например: рус. *называть вещи своими именами* и англ. *call a spade a spade* (букв. «называть лопату лопатой»). Сопоставление внутренних форм данных фразеологизмов показывает, что при общности основных семантических признаков они имеют существенные различия: внутренняя форма английского фразеологизма представляет собой конкретно-предметное содержание, в то время как русский аналог базируется на внутренней форме, представляющей обобщенно-абстрактное содержание. Внутренние формы фразеологизмов *обливать грязью* и *drag sb. through the mire* (букв. «тащить кого-либо по грязи») обозначают противоположные действия, объединяемые общностью их объекта и предмета воздействия на него (ср.: некто, обливаемый грязью, и некто, извлекаемый из грязи). Наиболее полными аналогами являются *ругаться как извозчик* и *swear like a fishwife* (букв. «ругаться как торговка рыбой»), так как они представляют собой сравнительные обороты, в которых основанием сравнения служит наименование человека по роду деятельности, представление о которой включает в каждом из языков *ругань* как характерную черту речевого поведения.

Сопоставление формулировки внутренних форм русских и английских фразеологических синонимов позволяет выявить разную степень аналогии. Сравним русскую ФЕ *ходить вокруг да около* с аналогичной английской ФЕ *go round and round the mulberry bush* (букв. «ходить вокруг тутового дерева»). Здесь наблюдается неполная аналогия образных основ ФЕ: лексический состав русского оборота в буквальном значении не указывает на конкретный объект действия. Причинно-следственная связь, существующая между этимологическим значением словосочетания *go round and round the mulberry bush* и его фразеологическим значением, устанавливается по семантике *mulberry bush* – «детская игра, напоминающая хоровод и сопровождаемая припевом *Here we go round the mulberry bush*».

Сопоставление образных основ отдаленных аналогов показывает, что их сходство базируется на общности концептуального содержания исходных производящих словосочетаний, обусловливающих определенные ассоциативные признаки. Ср., например: рус. *набрать в рот воды* и англ. *shut up like an oyster* (букв. «замолчать как устрица»). Данные ФЕ, как и исходные свободные словосочетания, выражают идею молчания. Причем русский оборот передает эту идею целостным образом, а английский оборот включает слово *shut up* в его буквальном значении «замолчать». Это значение

усиливается сравнением с устрицей (ср.: рус. *нем как рыба*). Такие отдаленные аналоги, как *выносить сор из избы* и *wash one's dirty linen in public* (букв. «стирать свое грязное белье на людях»), *заводить волынку* и *harp on one string* (букв. «играть на одной струне»), также демонстрируют ассоциативное сходство образных основ. Сравним с более отдаленными аналогами, которые на уровне внутренней формы не обнаруживают никаких образных ассоциаций: рус. *хватить через край* и англ. *sling the hatchet* (букв. «швырнуть топорик»); рус. *разнести в пух и прах* и англ. *dust sb.'s coat <for him>* (букв. «почистить чье-либо пальто»); рус. *намылить шею* и англ. *give sb. <a lick with> the rough side of one's tongue* (букв. «лизнуть кого-либо грубой стороной языка») и др.

Таким образом, выявляется различная степень аналогии внутренних форм межъязыковых фразеологических синонимов, связанная с разной степенью абстракции от исходной ситуации, представляющей образную основу ФЕ. Это явление важно учитывать при художественном переводе, когда указание на аналогичный образ позволяет сохранить в какой-то степени образно-эмоциональный колорит языка перевода. Фразеологические аналоги активно участвуют в формировании языковой картины мира, ее национального своеобразия. Эти ФЕ нередко отличаются национально-культурной семантикой и могут передавать информацию о различных реалиях, имеющих страноведческую маркированность.

Конкретные результаты и материалы исследования могут быть использованы во фразеографической практике при составлении одноязычных и двуязычных тематико-идеографических словарей, при семантизации ФЕ в толковых двуязычных словарях, в практике перевода.

Сопоставительное исследование семантической структуры фразеосемантического поля, разнообразных структурно-семантических типов ФЕ в родственных и неродственных языках даст возможность выявить особенности системных связей и семантической структуры фразеологического состава отдельных языков, а также установить определенные семантические универсалии в сфере фразеологии.

Библиографический список

1. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20000 фразеологических единиц. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.

2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

УДК 882.09

Ермакова Любовь Алексеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
s.eadem@mail.ru

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА РЕВНОСТИ»

В статье рассматриваются лексико-синтаксические средства, обладающие гендерной маркированностью, характеризуется их роль в формировании общей текстовой семантики лирического произведения.

Ключевые слова: *гендер, гендерная семантика, смысловая оппозиция, эмоциональная тональность текста.*

Особое место в лингвистических исследованиях последних лет занимают вопросы, относящиеся к конструированию образа мужчины и женщины в языковом сознании и формированию гендерной идентичности при помощи языка. Так называемые гендерные исследования активно оперируют термином «гендер», под которым принято понимать «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [1]. Большое количество работ посвящено изучению гендера в системе языка, в то время как методика анализа гендерно маркированных языковых средств в художественном дискурсе разработана недостаточно. Однако учёными неоднократно отмечалась необходимость вовлечения номинативных единиц (в том числе лексики и фразеологии) в процесс изучения языка художественных текстов на предмет выявления гендерных асимметрий и зафиксированных в языке культурных стереотипов феминности и маскулинности [4, с. 25]. О.В. Комиссарова в статье «Фразеологический фонд русского языка: способы маркирования гендерных отношений» утверждает, что «лексическое значение слова … также может быть средством языковой интерпретации культурных смыслов гендера» [2, с. 22]. Проблема гендерной маркированности является одной из ключевых в лингвистической гендерологии. Она заключается в «определении в языке маркеров, эксплицитно или имплицитно указывающих на присутствие гендерной семантики» [3, с. 35].

В данной статье предпринята попытка проанализировать гендерно маркированные номинации,

 © Ермакова Л.А., 2013

репрезентирующие мужчину и женщину в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности».

В ходе исследования нами были выявлены 22 гендерно релевантные номинации. Взяв за основу разработанный О.В. Комиссаровой принцип разделения языковых единиц на группы, противопоставленные по способу гендерной маркированности [2, с. 23], мы вслед за ней выделяем 2 типа языковых единиц: 1) с гендерно маркированным планом выражения и 2) с гендерно маркированным планом содержания.

В состав первой группы вошли следующие языковые единицы: *другая*, *женщина*, *государыня*, *любая*, *чужая*, *здешняя*, *стотысячная*; *бедняк*, *избранный*, *милый*, *другой*. Данная группа представлена в основном местоимениями и прилагательными, такими как *другой*, *любая*, *другая* (субстантивированные определительные местоимения); *чужая*, *милый* (субстантивированные прилагательные); *здешний* (относительное прилагательное); *избранный* (качественное прилагательное), и только тремя существительными: *государыня*, *женщина*, *бедняк*, из чего можно сделать вывод, что образ мужчины и женщины в данном стихотворении создаётся в первую очередь при помощи описательных характеристик, а не прямого именования. Компонентами второй группы являются следующие метафорические номинации: *плавучий остров*, *подобие*, *рыночный товар*, *мрамор Каррары*, *гипсовая труха*; *поправший Синай*, *познавший Лилит*. Отдельно нами будут рассмотрены две лексические единицы, выделенные в группу «гендерная метафора» в связи с тем, что в тексте они указывают на объекты, непосредственно не связанные с полом: *сёстры*, *любовницы* (о душах).

Стихотворение представляет собой лирический монолог-обращение, в котором неоднократно выражается отношение лирической героини к адресату и воображаемой сопернице благодаря использованию комплекса речевых и стилистических средств. Следует отметить, что функция обращений в тексте носит преимущественно экспрессивный, нежели апеллятивный характер. В системе обращений этого стихотворения можно проследить эволюцию эмоциональной нагрузки от упрёка (*С пошлиной бессмертной пошлости // Как справляетесь,* ***бедняк****?*) к сочувствию (*Как живется,* ***милый****? Тяжче ли, // Так же ли, как мне с другим?*). Концентрация лирического чувства аккумулируется за счёт диалогизации монолога, которой пропитана насквозь эмотивная ткань стихотворения. Многочисленные риторические вопросы, зачастую содержащие в себе наиболее вероятный ответ, помогают выстроить монолог лирической героини и повышают эмоциональный тон текста, например: *Как живется вам с другою, – // Проще ведь? – Удар весла! // Линией береговою // Скоро ль память отошла; Как живется вам – здоровится – // Можется? Поётся – как? // С язвою бессмертной совести // Как справляетесь, бедняк?*

Языковые единицы с гендерно маркированной семантикой можно условно разделить на три группы по принципу отнесённости метафорической репрезентации к 1) лирической героине (автономинация): *плавучий остров*, *мрамор Каррары;* 2) воображаемой сопернице: *подобие*, *рыночный товар*, *гипсовая труха* и 3) адресату-мужчине: *поправший Синай*, *познавший Лилит*. Соответствующий отбор языковых средств разной стилистической окрашенности акцентирует ярко выраженный контраст образов лирической героини и воображаемой соперницы, в то время как стилистически равные номинации лирической героини и адресата демонстрируют их гармоничное сочетание. Гендерно маркированная номинация *познавший Лилит* не только репрезентирует лицо мужского пола – человека, в прошлом связанного с кем-то/чем-то избранным (Лилит – первая жена Адама [7, с. 513]), но и представляет дополнительную характеристику самой лирической героини, ассоциирующей себя с такими редкими и ценными объектами действительности, как *мрамор Каррары* (один из ценнейших сортов мрамора): *Как живется вам с товаром // Рыночным? Оброк – крутой? // После мраморов Каррары // Как живется вам с трухой // Гипсовой?* и уникальным в своем роде существом (Лилит).

Семантическая оппозиция «земное – духовное» реализуется в тексте за счёт сопоставления ключевых номинаций, представленных рядами контекстуальных антонимов: *Лилит, мрамор, остров, государыня – без божеств, здешняя, без шестых чувств, труха, товар*. Акцентуализация семы ‘отсутствие кого-, чего-л., неимение чего-л. в наличности’ [5, т. 1, с. 68] (в нашем случае отсутствие неповторимости, уникальности) осуществляется при помощи повторяющегося предлога *без*: *без божеств* (аллюзия на пушкинское: *Без божества, без вдохновенья, // Без слёз, без жизни, без любви*); *без шестых чувств*. Фразеологизм *шестое чувство* ‘обострённая способность интуитивно воспринимать, угадывать что-либо (как дополнение к пяти чувствам)’ [6] в сочетании с данным предлогом закрепляет созданные ассоциации и указывает на полное отсутствие элементов возвышенного в образе соперницы. Гендерная метафора представляет оппозицию того же порядка: души лирической героини и адресата могут быть сёстрами (духовная сторона), а не любовницами (приземленная сторона), что указывает на родство их душ, символический смысл которого рефреном звучит в конце стихотворения: *Ну, за голову: счастливы? // Нет? В провале без глубин – // Как живётся, милый? Тяжче ли, // Так же ли, как мне с другим?* Отрицательной экспрессией наполнена метафора *рыночный товар*, символизирующая доступность земной женщины. Выявленные семантические переклич-

ки (она – *без божеств*, *без шестых чувств*; его жизнь с ней – *без глубин*) помогают воссоздать негативный образ: лирический герой, избрав другую ('земную' 'простую'), сам превращается в обыкновенного человека.

Отметим также, что раскрытию авторских интенций способствует композиция лирического произведения. Наличие параллельных анафорических конструкций: *Как живётся вам с другою; Как живётся вам с простою женщиной; Как живётся вам с чужою; Как живётся вам с товаром рыночным; Как живётся вам с стотысячной*, с одной стороны, создаёт чёткий ритм, соразмерность отдельных частей поэтического текста. Однако финальные строки ряда четверостиший вносят некоторый диссонанс в ритмическую организацию текста, что усиливает эмоциональное напряжение, способствует концентрации чувств лирической героини: *Как живётся вам с простою // Женщиною? Без божеств?; Как живётся вам с товаром // Рыночным? Оброк – крутой?; Как живётся вам с трухой // Гипсовой?; Как живётся вам с земною // Женщиною, без шестых // Чувств?..* Являясь сильной позицией текста, рифма служит здесь своеобразным эмотивным знаком и может содержать в себе ключевые смыслы стихотворения. Показательно, что номинации, участвующие в воплощении образа соперницы, рифмуются с лексемами, обладающими, на наш взгляд, негативной коннотацией в исследуемом лирическом произведении, например: *перебоев – любою, съедобнее – подобием, чужою – вожжою*.

Таким образом, можно сделать вывод, что доминантной и ключевой оппозицией стихотворения является противопоставление не мужчины и женщины, а земной, простой женщины и существа иного рода, отчасти неземного. С точки зрения лирической героини, земными женщинами являются многие (*рыночный товар*), а неземные женщины редки, как ценный мрамор (*мрамор Каррары*). Несмотря на то что языковые средства, участвующие в создании образа лирической героини, немногочисленны (иногда её образ представлен имплицитно: *познавший Лилит*), наличие лексем возвышенного стиля (*государыня*, *Лилит*) и мужского рода (*мрамор*, *остров*) свидетельствуют о наиболее ярко выраженном характере и сильной личности лирической героини, контрастирующей с образом соперницы. Неслучайно, на наш взгляд, стихотворение носит название «Попытка ревности» (попытка 'действие, направленное на осуществление или достижение чего-л., но без полной уверенности в успехе' [5, т. 3, с. 299]): лирическая героиня не должна ревновать к *простой* женщине, не заслуживающей внимания её избранника.

Библиографический список

1. *Кирилина А., Томская М.* Лингвистические гендерные исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya (дата обращения: 11.05.2013).

2. *Комиссарова О.В.* Фразеологический фонд русского языка: способы маркирования гендерных отношений // Язык и культура. – 2010. – №2 (10). – С. 22–27.

3. *Коробейникова А.А.* Мужчина глазами женщины: лексический аспект: на материале женской поэзии XX века: Дис. ... канд. филол. наук. – Оренбург, 2008. – 173 с.

4. *Пензина О.В.* Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 177 с.

5. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, А.И. Фёдоров, 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://phraseology.academic.ru/14034/%D0%A8%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5_%D1%87%D1%83%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 30.06.13).

7. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. Т.2: Стихотворения. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994. – 592 с.

УДК 80:004.3

Загоруйко Илья Николаевич
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
ilyazag@mail.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОДОБРЕНИЯ В БЛОГОСФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Статья посвящена актуальной теме современной лингвистики – понятию невербального выражения эмоциональной составляющей (эмотикона) в блогосфере Интернет-дискурса. Помимо экскурса в историю понятия «эмотикон», рассматриваются также сопутствующие вербальные аспекты, выражающие одобрение в процессе коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: *блог, блогосфера, невербальный, вербальный, клише, эмотикон, пиктограмма эмотикона, иконический, Интернет-дискурс.*

Интернет-пространство на современном этапе развития формирует новые коммуникативные практики, новые стратегии взаимодействия участников, реализуемые в современном коммуникационном пространстве посредством блогов. Блог представляет собой сайт с регулярно обновляемым содержанием и включает иллюстративный материал, видео, текст или мультимедиа контент (синтез видео-, аудио-, визуальных эффектов и текста). Термин «блог» был введен в обиход Интернета в 2002 году среди военного сообщества в сети, освещающего войну в Афганистане [5].

Блог, как единица Интернет-дискурса, обладает рядом характеристик: коммуникативной, социологической, развлекательной, глобализирующей, психологической, – связанных с распространением информации среди большого количества людей; презентацией нового материала писателями, музыкантами, художниками и просто пользователями Интернета для последующего получения важной оценочной информации от читателей, которая побуждает и способствует совершенствованию материала; развлекательным контентом, механизмом, который работает независимо от времени и места, возможностью создания образа иного *Я*, зачастую не имеющего ничего общего с реальным человеком. В результате создается совершенно новая информационная среда, в которой участник способен реализовать свою латентную эмоциональность, обойти природную скромность, вступив в полемику по острой проблеме.

В рамках Интернет-пространства блоги имеют тенденцию к объединению на основании хобби, важной социальной проблематики, сфер деятельности как авторов, так и читателей и др. Происходит не только их соединение, но и взаимодействие, что влечет за собой создание своеобразной совокупности, обладающей своей культурой, под названием блогосфера. В условиях пространства блогосферы появляется возможность расширения диапазона использования каналов передачи и получения информации. Набирает популярность применение видеоряда при информировании читателей, пользователей, участников блогосферы в целом. Таким образом, блогосфера как площадка взаимодействия коммуникантов оценивается в контексте синтеза устной и письменной коммуникации.

В устном общении, как известно, высок удельный вес невербальных средств – взгляда, мимики, интонации, подчеркивающих эмоции, и др. Как отмечает Г.Е. Крейдлин, «невербальная составляющая коммуникации является одной из важнейших областей функционирования знаков и занимает значительное место в жизни человека и общества» [1]. Однако в блогосфере Интернет-дискурса ведущим каналом передачи информации является текст, что не позволяет оперировать невербальными средствами, свойственными живому общению реального дискурса, таким образом, участники общения в Интернете выражают свои эмоции, используя письменные знаки.

Блогеры-коммуниканты, помимо информирования и получения информации, преследуют цель оценки происходящих событий, расставляя графические акценты, идентифицирующие индивидуальную эмоциональную оценку статьи, комментариев в рамках обсуждения статьи и т.п. Возможность реализации эмотивной и оценочной составляющей в процессе общения в блогосфере Интернет-дискурса опосредовано эмотивно-оценочным типом языковых клише, представляющим собой комплексную структуру, в которой находит свое выражение невербальный способ передачи информации – эмотикон.

Наиболее часто в паре с эмотиконами блогеры-коммуниканты используют клише-одобрение – языковые единицы лексического и синтаксического уровней, объединенные в группы, характеризующиеся нейтральностью и неформальностью:

1. Нейтральные клише:

a. (русск.) *отлично, прекрасно, здорово, очень хорошо;*

b. (англ.) *well done, very well, that's wonderful, well said.*

2. Неформальные клише:

a. (русск.) *молодец, вот это да;*

b. (англ.) *how cool, good for you, well said.*

Эмотиконы представляют собой последовательность из вспомогательных символов и знаков препинания, обозначающих эмоции пишущего – по-

© Загоруйко И.Н., 2013

зитивные или негативные. Благодаря им, блогеры-коммуниканты способны выражать в письменной речи Интернет-дискурса жесты, мимику, сопутствующие ситуации эмоции. Впервые в 1969 году об эмотиконах, как универсальных средствах передачи невербальной составляющей речи, заявил В.В. Набоков, отметив, что его часто посещает мысль о создании некоего типографического знака, передающего улыбку [4]. Большинство эмотиконов, сопутствующих одобрению, – это вариации от основы ***:-)***. Тем не менее блогеры-коммуниканты прибегают к синтаксическим девиациям, понимаемым как увеличение количества функциональных знаков препинания в графических комплексах:

Shkolniza: // *Школьница... я вас умоляю!... ;-)) Глаголом жечь сердца людей значительно эффективнее!* ***:))***

duch_nic: ***вот это да!*** *Тут согласен****! ;-)))*** [6].

Данное явление объясняется желанием участника коммуникации акцентировать внимание собеседника на передаваемом эмоциональном состоянии, маркирование значимой информации.

Если позволяют технические средства блога, то участники коммуникативного взаимодействия используют пиктограммы эмотикона (☺, 😊), представляющие собой уникальное явление Интернет-дискурса: они помогают пользователю передать эмоциональную невербальную составляющую в процессе коммуникативного взаимодействия. С развитием технологий сайтов пиктограммы эмотиконов стали подвижными, анимированными, при общении в блогосфере Интернет-дискурса они включены непосредственно в структуру сайта. Чаще всего эмотикон, обладая определенным денотативным значением, не имеет смысловой самостоятельности вне соотнесения с клишированной языковой единицей. Коммуникативная значимость эмотикона стремится к смысловой наполненности, при доминировании вербальной составляющей.

Для понимания значимости применения эмотиконов необходимо рассмотреть, как ситуативно-обусловленное речевое действие одобрения выражается невербальным способом в процессе живой речи. Так, по мнению М.Д. Городниковой, Д.О. Добровольского, клише *вот это да* характерно для коммуникации в кругу близких друзей и сопровождается милой улыбкой [2]. Категориальные признаки клише, функционирующих в Интернет-дискурсе, такие как ситуативность и высокая экспрессивность, вынуждают блогеров-коммуникантов в процессе общения максимально точно передавать их ситуативно-обусловленное состояние. Таким образом, пользователь под ником **duch_nic** использовал эмотикон ***;-)))***, подчеркивающий интенцию одобрения. Отметим, что в графической традиции использования эмотиконов подобное сочетание знаков препинания считается девиацией. Изначально эмотикон «улыбка и подмигивание» изображался следующим образом ***;-)***. Однако эмотиконы характерны в большей степени блогосфере, которая размещается в социальных сетях, чем самостоятельным сайтам, при этом иногда блогеры-коммуниканты максимально редуцируют объем высказывания до одного слова:

Jax: *Some scientists wondered that how much life can be called down and still remain alive. I suppose that the true essence of life is not some handful of genes, but coexistence.*

Allen Lacsina Carayo: ***Like:-)*** [9].

Аналогичное явление наблюдается в блогосфере Рунета:

Vashchenkov: *Даже сейчас, на следующий год можно с небольшими изменениями сделать более правильный расчёт. Сдавая ЕГЭ, школьник получает не балл за ЕГЭ, а условный балл. Этот балл рассчитывается собственно из оценки по ЕГЭ с коэффициентом школы. А коэффициент школы рассчитывается из успешности её бывших учеников…*

Mad_ghost: ***Плюсую :-)!!!*** [7]

Клише-одобрение создает ситуацию, когда блогеры-коммуниканты организовываются в группы, позволяющие им беспрепятственно высказывать одобрение, не вызывая негодования со стороны оппонентов. Это негласное соглашение воспринимается всей блогосферой как важный элемент коммуникации. Рассматриваемое явление обусловлено спонтанностью и желанием блогеров-коммуникантов привнести в блогосферу естественную живую речь, максимально быстро реагировать на слова собеседника.

Достаточно часто одобрение используется совместно с пиктограммами эмотиконов:

Rick: ***Well said*** J *The way you say it was the President's idea, like that is supposed to mean something, indicates that you really don't understand.*

Таблица 1

Эмотикон	Транзакции речи
:-) – радость, эмотивная составляющая эмотикона возрастает при увеличении количества закрывающих скобок, например, **:-)))**.	(русск.) *отлично, прекрасно, здорово, очень хорошо* (англ.) *well done, very well, that's wonderful, well said*
:-D – радость и смех.	
[ ] – объятия, используется чаще всего совместно с эмотиконом, выражающим радость **:-)**.	
o-S-Z – плясать от радости.	
^L^ , 8-) – эйфория, радость	

Matt: ***That's wonderful***. *Only some kind of guy living in another universe would say that* J [8].

Становится возможным выявить характерные невербальные реакции собеседников в момент выражения одобрения, представленные следующими эмотиконами (табл. 1).

Эмотикон **[ ]**, представленный в таблице, дейктичен и содержит в себе аллюзию на обозначаемое явление. В настоящее время участники Интернет-опосредованного общения прибегают к нему крайне редко.

Эмотиконы и пиктограммы эмотиконов являются примерами специфического применения знакового разнообразия клавиатуры с целью репрезентации эмоционального состояния собеседника, опосредованного оценочной составляющей [3], выраженной клише-одобрение, но также свидетельствуют об иконичности, основанной на ассоциации по сходству.

Эмотиконы, используемые в паре с эмотивно-оценочным клише-одобрение в блогосфере Интернет-дискурса, позволяют выразить желание пользователей сети Интернет перенести повседневное общение в блогосферу. Эмотиконы совместно с рассматриваемым типом клише несут в себе экспрессивную информацию, помогающую блогерам-коммуникантам выражать свои эмоции и отношение к обсуждаемым явлениям при затрудненном или отсутствующем звуковом и визуальном каналах передачи сигналов. Данные графические конструкции востребованы участниками блогосферы: при условии их корректного использования они способствуют организации коммуникационного пространства блогосферы Интернет-дискурса, активизируют положительное взаимодействие блогеров-коммуникантов, насыщают информационное пространство в соответствии с принципом языковой экономии, способствуя тем самым успешности Интернет-коммуникации.

Библиографический список

1. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 5.

2. *Городникова М.Д., Добровольский Д.О.* Немецко-русский словарь речевого общения. – М.: «Русский язык», 1998. – 332 с.

3. *Макарова П.М.* Интернет-коммуникация в лингвистических описаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2009. – С. 219–230.

4. Nabokov V. Nabokov's interview. – The New York Times. – 1969. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/NABOKOW/Inter11.txt (дата обращения: 12.04.2013).

5. [Электронный ресурс]. – http://ru.wikipedia.org/wiki/Блог (дата обращения: 18.06.2013).

6. Блог Олега Макаренко в Живом Журнале. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fritzmorgen.livejournal.com/ (дата обращения: 12.07.2012).

7. Блог Тины Канделаки в Живом Журнале. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tikandelaki.livejournal.com/ (дата обращения: 02.05.2013).

8. Блог Charles M. Blow в блогосфере газеты The New York Times. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://campaignstops.blogs.nytimes.com/2012/11/01/liberty-to-lie/#postComment (дата обращения: 29.04.2013).

9. Блогосфера газеты The New York Times в социальной сети facebook. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/nytimes (дата обращения: 22.12.2012).

УДК 811.35

Ибрагимова Мариза Оглановна
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)
mariza71@mail.ru

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ВСТАВОЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В АРЕАЛЬНЫХ ЕДИНИЦАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Цель данного исследования заключается в выявлении и описании распространителей косвенной основы – вставочных элементов – в пяти ареальных единицах рутульского языка, что поможет реконструировать падежные формы исследуемого языка.

Ключевые слова: *диалекты рутульского языка, система склонения в рутульском языке, вставочные элементы в структуре склоняемых форм.*

Тип склонения со «вставочными элементами» – широко распространенная система склонения в ареальных единицах рутульского языка. Эргатив и генитив в данном случае являются самостоятельными падежами и не служат для образования форм других падежей, в отличие от систем склонения, где косвенной основой служит основа эргативного или родительного падежа. После вычленения прямой основы и чисто падежных аффиксов остается морфологическая единица, которая не совпадает с существующими на современном этапе развития языка падежными формами. Эта вставка и обусловила название данного типа склонения – склонение со вставочными элементами.

В рутульском языке исследователи выделяют 5 диалектов – мухадский, борчинско-хновский, ихрекский, мюхрекский и шиназский [2].

Анализ фактов языка позволил выделить в нем 17 падежей, которые условно можно разделить на 3 группы: 1) общеграмматические падежи, или падежи, выражающие субъектно-объектные отношения: именительный, эргативный, родительный, дательный; 2) промежуточные падежи, которые стоят особой группой, – сравнительный и совместный; 3) местные падежи, выражающие пространственные отношения между предметами, – 6 локативно-направительных и 5 исходных падежей, объединенные в 6 серий. [3, с. 12].

Косвенную основу склоняемых форм в мухадском диалекте, лежащем в основе литературного рутульского языка, образуют следующие вставочные элементы: ***-д-/-νд-, -й-, -νл-, -νр-, -ний-, -ш-, -м-***. Из них вставки ***-д-/νд-, -й-, -νл- и -νр-*** характерны для существительных ед. числа. В ед. числе косвенную основу субстантивированных прилагательных, числительных, местоимений и причастий I и II кл. оформляет вставка ***-ний-***, субстантивов III и IV классов – вставка ***-д-***. Во мн. числе косвенная основа одушевленных существительных и других склоняемых частей речи I и II классов образуется посредством вставки ***-ш-***, неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов – путем вставки ***-м-***. Заметим, что в рутульском языке употребление вставочных элементов при склонении субстантивов ед.ч. мотивировано категорией разумности/неразумности, а при склонении их и имен существительных во мн.ч. – категорией одушевленности/неодушевленности.

Материальная база вставочных элементов всех ареальных единиц в целом совпадает, отличия обнаруживаются в фонетическом оформлении некоторых вставочных элементов и в наличии или отсутствии их в одних и тех же именах существительных разных диалектов.

Так, например, в шиназском диалекте выявляются случаи употребления вставочных элементов, аналогичных мухадским, в структуре имён *гаф-алды* «слова» (генитив), *кар-д-ид* «вещи» (генитив), *дуьнйа-д-ид* «страны» (генитив), *халкь-д-ис* «народу» (генитив), *ватан-д-ис* «родине» (датив), *къаргъ-ый-эс* (датив) и т.д.

Подобные аналогии находим и в мюхрекском и борчинско-хновском диалектах:

мухад. д.	**мюхрек. д.**
Ном. ил «запах»	ил
Эрг. ил-д-ире	ил-д-ир (//-ира) и т.д.

мухад. д.	**хнов. говор**
Ном. гада – «мальчик»	гада
Эрг. гады-й-ере	гада-й-ара и т.д.

В то же время выявляются случаи присутствия в косвенной основе имен существительных мухадского диалекта вставочных элементов при отсутствии их в других ареальных единицах:

мухад. д.	**шиназ д.**
ары-д-и (инессив) «в промежутке»	арие
сик1-ир-ис (датив) «лисе»	сик1ис
илсын-д-ис (датив) «человеку»	илсанас
уьлики-д-и (инессив) «на улице»	уьлкие

и т.д.

Подобные случаи выявлены и в борчинско-хновском диалекте:

мухад. д.	**хнов. говор**
Ном. хыди «кузен»	хыдий
Эрг. хыди-й-ере	хыди-ра
Ген. хыди-е-ед	хыди-д
Дат. хыди-й-ес	хыди-с и т.д.

Примечательно, что при склонении во мн. числе вставочный элемент *-й-* выявляется и в мухадском диалекте, и в хновском говоре:

© Ибрагимова М.О., 2013

мухад. д.	**хнов. говор**
Ном. хыдиймар «кузены»	хыдийма
Эрг. хыди-й-ма-ш-е	хыди-й-ма-ш-а
Ген. хыди-й-ма-ш-ды	хыди-й-ма-ш-ид
Дат. хыди-й-ма-ши-с	хыдий-ма-ш-ис

и т.д.

Мы обнаружили несколько случаев наличия в шиназском диалекте вставочных элементов, не характерных для аналогичных форм слов мухадского диалекта. Эти случаи были связаны со склонением заимствований мн. числа:

шиназ. д.	**мухад. д.**
фитн-ый-м-ыс «сплетням»	фитне-м-ыс
мич1р-ий-м-ыс «усам»	мич1ри-м-ыс
уджу-д-ий-м-ыс «святыням»	уджуу-м-ыс

Последний пример уникален тем, что в его структуре содержатся, кроме традиционного вставочного элемента неодушевленных существительных мн. ч. ***-м-***, еще и элемент ***-д-,*** перешедший в структуру формы мн.ч. из структуры ед. ч., что не является нормой для других диалектов рутульского языка; и элемент ***-ий-***, не выявляющийся при склонении этого слова в других ареальных единицах.

При наблюдении над склонением имен существительных в мюхрекском диалекте выявляются вставочные элементы, отсутствующие в структуре аналогичных склоняемых форм в литературном языке:

мюхр. д.	**мухад. д**
Ном. руд «кишка»	руд
Эрг. руд-ий-ир (//-ира)	руд-ара
Ген. руд-ий-ид	руд-ад
Дат. руд-ий-ис	руд-ас и т.д.

Интересны случаи употребления разных вставочных элементов в аналогичных словах мухадского и мюхрекского диалектов (мухадскому *-ал-* противопоставляется мюхрекский элемент *-ур-)*:

мухад. д.	**мюхр. д.**
Ном. нагъв «слеза»	нагъ
Эрг. нагъв-ал-ыра	нагъ-ур-ур (//-ура)
Ген. нагъв-ал-ды	нагъ-ур-ды
Дат. нагъхв-ал-ыс	нагъ-ур-ус и т.д.

Подобные случаи противопоставления двух разных вставочных элементов *-ел-* и *-ир-* выявляются и в паре мухадский / борчинско-хновский диалекты:

мухад. д.	**хнов. говор**
Ном. нетI «гнида»	нетI
Эрг. нетI-ел-ире	нетI-ир-ир
Ген. нетI-ел-ды	нетI-ир-ды
Дат. нетI-ел-ис	нетI-ир-ис и т.д.

Выше мы отмечали, что косвенную основу субстантивов I и II кл. в ед. числе оформляет вставка ***-ний-***. В мухрекском диалекте имеются отличия – так, вставке *-ний-* мухадского диалекта соответствует элемент *-ну-:*

мухад. д.	**мюхр. д.**
Ном. кьваIр «два»	кьваIр «два»
Ген. кьуI-ний-ды	кьуI-ну-ды
Дат. кьуI-ний-ис	кьуI-ну-с и т.д.

В ихрекском диалекте вставочному элементу ***-ний-***, характерному для косвенной основы субстантивов I и II кл. мухадского диалекта, соответствуют ***-ну-*** (для основ субстантивов I класса) и ***-ни-*** (для основ субстантивов II, III и IV классов). Рассмотрим на примере склонения субстантива *йыхды* «хороший»:

мухадский диалект

I класс	*II класс*
Ном. йыхды	йьыхды
Эрг. йыхды-ний-е	йыхды-ний-е
Ген. йыхды-ний-ды	йыхды-ний-ды
Дат. йыхды-ний-ис	йыхды-ний-ис
III класс	*IV класс*
Ном. йыхды	йыхды
Эрг. йыхды-д-ире	йыхды-д-ире
Ген. йыхды-д-ид	йыхды-д-ид
Дат. йыхды-д-ис	йыхды-д-ис и т.д.

Парадигма склонения субстантива *йыхды* «хороший» в мухадском диалекте демонстрирует полное совпадение форм I, II классов (оформленных вставочным элементом ***-ний-***) и III, IV классов (оформленных вставочным элементом ***-д-*** во всех падежных формах). Кроме того, в структуре всех падежных форм сохраняется показатель прилагательного (он же – показатель атрибутивности) *-ды*, что не является нормой для других ареальных единиц рутульского языка.

ихрекский диалект

I класс	*II класс*
Ном. гьыхды	рьыхды
Эрг. гьых-ну-ра	рьых-ни-ра
Ген. гьых-ну-ды (-д)	рьых-ни-ды (-д)
Дат. гьых-ну-с	рьых-ни-с
III класс	IV класс
Ном. вьыхды	гьыхды
Эрг. вьых-ни-ра	гьых-ни-ра
Ген. вьых-ни-ды(-д)	гьых-ни-ды(-д)
Дат. вьых-ни-с	гьых-ни-с

В ихрекском диалекте прилагательное *гь(р-, в-)ыхды* сохранило классные показатели. Маркер ***гь-*** является совпадающим для I и IV классов. Показатель атрибутивности ***-ды*** выявляется лишь в форме номинатива. Фонетически близкие вставочные элементы противопоставлены не в зависимости от принадлежности субстантивов к разумным или неразумным именам (как в случае с мухадским диалектом), а формально: ***-ну-*** оформляет основы субстантивов I класса, а показатель ***-ни-*** – основы II, III и IV классов.

Наибольшую близость к мухадскому диалекту в склонении субстантивированных прилагательных проявляет мюхрекский диалект, в котором дифференциация склоняемых форм наблюдается по признаку разумности/неразумности: в единственном числе субстантивы I и II классов присоединяют

элемент *-ну-*, а субстантивы III и IV классов – элемент *-ди-*. При этом формант прилагательного *-д// -уд* в косвенной основе усекается, а маркеры класса (если они имелись в номинативе) сохраняются. Ср. прилагательное *чIукIуд* «согнутый, кривой».

1 класс	2 класс
Ном. чIукуд	чIурукуд
Эрг. чIуку-ну-ра	чIуруку-ну-ра
Ген. чIуку-ну-д	чIуруку-ну-д
Дат. чIуку-ну-с	чIуруку-ну-с
3 класс	4 класс
Ном. чIувукуд	чIукуд
Эрг. чIувуку-ди-раь	чIуку-ди-раь
Ген. чIувуку-ди-д	чIуку-ди-д
Дат. чIувуку-ди-с	чIуку-ди-с

Исключением является субстантивированное прилагательное мюхрекского диалекта *ъыхыд* «хороший», которое сохраняет формант прилагательного *-д-* в косвенной основе, что влияет на замену традиционного элемента *-ди-* косвенной основы субстантивов III и IV классов элементом *-й-//-йи-*:

1 класс	2 класс
Ном. ъыхды	рыхды
Эрг. ъыхды-ну-ра	рыхды-ну-ра
Ген. ъыхды-ну-д	рыхды-ну-д
Дат. ъыхды-ну-с	рыхды-ну-с
3 класс	4 класс
Ном. выхды	ъыхды
Эрг. выхди-й-ра	ъыхди-й-ра
Ген. выхди-й-ид	ъыхди-йи-д
Дат. выхди-й-ис	ъыхди-йи-с

По мнению исследователей, анализ основ склонения дагестанских языков указывает на сокращение количества вставочных элементов. Так, Г.Х. Ибрагимов указывал, что склонение с косвенной основой носит «пережиточный характер» [1, с. 78].

Анализ, проведенный в статье, позволяет резюмировать, что ареальные единицы рутульского языка обнаруживают сходство при оформлении косвенной основы, опираясь на единый принцип, охватывающий все имена существительные, субстантивы, масдар и позволяющий минимизировать количество типов склонения с сохранением при этом оппозиции форм косвенных падежей. Различия в употреблении вставочных элементов при оформлении косвенной основы имеют фонетическую природу.

Библиографический список

1. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. – М., 1990. – 239с.

2. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык: синхрония и диахрония. – Махачкала, 2004. – 308с.

3. *Таирова М.О.* Морфология склонения в рутульском языке. – Махачкала, 2002. – 78с.

УДК 801

Иваненко Галина Сергеевна
Челябинский государственный педагогический университет
gala.april@mail.ru

ТЕКСТОВЫЕ ТАКТИКИ УХОДА ОТ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ

В статье рассматривается подход к лингвопрагматическому понятию стратегия дискредитации *в экспертной практике. В свете междисциплинарного юрислингвистичекого подхода отмечен характер правовой ответственности за речевое деяние, содержащее стратегию дискредитации. Выделены текстовые приемы минимизации угрозы правовой ответственности, используемые современной публицистикой.*

Ключевые слова: *речевая стратегия, речевая тактика, стратегия дискредитации, речевая агрессия, лингвистическая экспертиза.*

В силу активизации в жизни социума различных информационных технологий актуализировалось направление современной лингвистики, связанное с исследованием речевой практики с точки зрения ее прагматической направленности [1; 2; 4]. Одной из существенных прагмасемантических составляющих информационного пространства является речевая агрессия, проявляющаяся в формах угрозы, манипуляции [4], дискредитации [1]. Стратегия дискредитации признается одной из основных в системе классификации речевых стратегий [5, 2006, с. 160; 7, 2007, с. 56; 6, с. 166].

Термин *стратегия* имеет на настоящий момент междисциплинарный характер. Придя в научный терминологический аппарат из военного дела (высший уровень военного искусства, охватывающий вопросы подготовки к войне, ее планирование и ведение), в лингвистике этот термин приобрел неоднозначные толкования, различающиеся тонкими, но в определенных ситуациях значимыми оттенками. Анализ дефиниций исследуемого понятия показал, что их можно разделить на две основные группы.

Согласно одному типу толкования, *стратегия* понимается как «сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего», как «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [7, с. 10–11]. Близкое по концепции опре-

 © Иваненко Г.С., 2013

деление: *речевая стратегия* – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5,с. 54]. При таком прагматическом подходе *стратегия* жестко связывается с интенцией, и понятие как лингвистический термин в большей степени связано со своим первым, военным, значением.

Второй подход – объективно-языковой. *Речевая стратегия* определяется как «структурированная последовательность речевых действий, точнее способ структурирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участников общения» [4, с. 16]. Подчеркнем: коммуникативной целью (речевой фактор), а не целью коммуникации (фактор психологический). В таком понимании выявление стратегии как факта речевой действительности не тождественно определению авторской интенции и тем более раскрытию намерения.

В лингвистике еще очень спорными остаются вопросы доказательства интенциональной направленности текста, связи всех прагматический категорий собственно текста, как самостоятельного организма, с категориями человеческой психики. Бесспорно, что эта связь существует и что по тексту можно определить некие общее компоненты психоэмоционального поля автора. В то же время считаем преждевременным отождествление содержания, выраженного средствами языка, с целевой установкой автора в психологическом и, как следствие, правовом аспектах.

Вопрос о значении понятия *речевая стратегия* приобретает практическую значимость в лингвоэкспертной практике. Если отождествлять стратегию с намерением, то в правовой квалификации наличие / отсутствие у дискредитации стратегического характера будет рассматриваться как наличие/ отсутствие умысла (правовой категории): «если в результате исследования делается вывод о реализации дискредитирующей стратегии, значит, у автора было намерение (умысел), что влечет за собой определенные правовые последствия. Если дискредитация произошла невольно, без умысла, то и юридическая квалификация такого поступка будет не столь тяжелой» [8].

В лингвоэкспертном сообществе формируется понимание необходимости строго оговаривать вкладываемый в то или иное понятие смысл, поскольку в межпредметном пространстве кодировка и декодировка термина могут не совпасть, что приведет к искажению выражаемых идей. Именно поэтому считаем, что понятие *речевая стратегия* (*стратегия дискредитации*) в судебной экспертизе следует использовать с комментарием о его лингвистической природе. В таком ракурсе «под стратегией подразумевается общая направленность речи, или общая линия речевого поведения, диктующая обращение к тем или иным коммуникативным тактикам. Тактика же есть способ реализации выбранной стратегии посредством тех или иных приемов, или речевых ходов» [9].

Объективно-речеведческий подход предполагает выявление конкретных композиционных, стилистических, языковых средств, формирующих речевую стратегию как комплекс однонаправленного в прагматическом плане комплекса приемов (тактик). В то же время констатация стратегии дискредитации в тексте не отождествляется с умыслом автора на диффамацию – соотнесение лингвистических выводов с правовыми категориями находится вне компетенции лингвиста.

Близкий по сути подход к проблеме выражен в статье Н.М. Татарниковой, но предлагается иное решение: разводятся не понятия *стратегия дискредитации* и умысел, а понятия *стратегия дискредитации – речевой акт дискредитации* [8]. Такая дифференциация представляется логичной, однако все же считаем оправданным использование понятия *речевая стратегия* в судебной лингвистической экспертизе без связи с правовой категорией *умысел*. Во-первых, лингвистическими средствами устанавливается интенция, выраженная в тексте, а не интенция автора как личности. Во-вторых, именно понятие *стратегия* способно обозначить сложную иерархическую систему тактик (приемов), организующих текст и выражающих определенную прагматическую направленность.

Коммуникативное содержание дискредитации заключается в подрыве доверия к лицу или организации, умалении авторитета, значения кого- или чего-либо, снижении популярности, позитивной оценки, в формировании негативного отношения, отторжения, неприятия.

Средства реализации стратегии дискредитации стали предметом пристального внимания в ряде исследований. К ним относят определенный «репертуар речевых тактик: обвинения, нагнетания отрицательного, например, нанизывание отрицательных фактов или последствий; также применяются тактики непрямых оскорблений, навешивания ярлыков, умаляющих сравнений и др. Достижению заданной цели способствуют и использование метафор с негативной оценочностью, приемы иронии и сарказма» [9].

Менее разработан другой аспект стратегии дискредитации, который в последние годы, как показывает анализ конкретных текстов, является ее неизменным проявлением, – тактика ухода от правовой ответственности.

Анализ законодательных текстов показал, что стратегия дискредитации как проявление речевой агрессии является объектом целого ряда запретительных норм: в УК РФ – ст. 297 «Неуважение к суду», ст. 319 «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»,

ст. 128.1 «Клевета»; в ГК РФ – ст. 152 «Защита чести, достоинства, деловой репутации». Ст. 130 «Оскорбление» (гражданина, не судьи, не военнослужащего и не представителя власти) декриминализована и перемещена в 2011 году из УК в КоАП РФ (6.51). Поскольку стратегия дискредитации используется как средство экономической и политической борьбы, разбирательства по поводу правомерности характера ее реализации рассматривается антимонопольными и избирательными комитетами в рамках «Закона о рекламе» и «Закона о выборах».

Угроза наступления правовой ответственности за речевое преступление – причина включения авторами дискредитирующих текстов в стратегию дискредитации тактики ухода от правовой ответственности. Под тактикой ухода от правовой ответственности понимаются манипулятивные приемы, позволяющие распространить негативную, порочащую информацию, максимально ослабив по формальным показателям основания для судебного разбирательства. Как показывает опыт участия в судебных разбирательствах, наиболее характерно использование такой тактики для текстов, соответствие действительности содержания которых распространитель доказать не может.

В современных публицистических материалах дискредитирующая информация редко сообщается незавуалированно, например прозрачной структурой: субъект оценки (подлежащее) – порочащая характеристика (сказуемое). В языке есть богатый арсенал средств, чтобы осуществить стратегию дискредитации не столь прямолинейно, хотя от этого не менее очевидно.

Анализ текстов, содержащих тактику ухода от правовой ответственности в рамках стратегии дискредитации, позволил выделить следующие типовые текстовые приемы: ссылка на неопределенный источник, формирование ложных пресуппозиций, прием ассоциативного параллелизма.

1. Прием **ссылки на неопределенный источник** позволяет передать реципиенту любую спродуцированную автором информацию как якобы объективную. Неопределенным такой источник назван в силу неопределенности соотнесения номинации с денотатом: *по словам информированного лица; как сказал человек, вращающийся в этих кругах, как считают специалисты, по мнению экспертов, как утверждают осведомленные люди, по сообщению компетентных лиц и* др. подобные. Как правило, приведенные источники реально не существуют. Весомость сообщенной таким образом информации придает значимый в данном случае статус знающего лица – источника информации; усиливает эффект объективности форма множественного числа, свидетельствующая о подтвержденности информации несколькими (многими) компетентными источниками.

Так, например, во фрагменте: «*Владелец нескольких рынков в Златоусте В. Ульданов. Из его досье следует, что он бывший член морозовской группировки, которая своими преступлениями в 90-е годы стала известна на всю страну*» [3] – со ссылкой на некую *Челябинскую службу информации*, которая имеет «*досье*» на героя передачи, сообщается о его криминальном прошлом. Для реципиента слова «*досье*», «*служба информации*», обладающие вполне конкретными значениями, семной составляющей которых является компонент «достоверность», связаны в восприятии с представлением об обеспеченности доказательствами и воспринимаются как надежные источники, предоставляющие соответствующие действительности сведения.

2. Прием **формирования ложных пресуппозиций** заключается в компоновке материала, при которой невыраженная информация воспринимается как априори известная. Пресуппозиции в данном случае понимаются как имплицитные компоненты смысла, воспринимаемые как предпосылка для эксплицитных. Основан прием на связи между предложениями, в которых контекстуальная синонимия одних компонентов влияет на восприятие других как также синонимичных.

Впервые звезда В. Ульданова зажглась в шальные 90-е. (1) Тогда еще никому не известный молодой человек устроился на рынок «Либл» собирать деньги с бабушек и бывших инженеров, лишившихся работы. (2) Время было жестоким, за право торговать на морозе челноки платили мзду за аренду торговых площадей, а еще бандитам, которые выбивали с несчастных последние гроши [3]. Во фрагменте не содержится эксплицитная информация о криминальной деятельности В. Ульданова: формально распространитель может утверждать, что речь шла о легальном сборе оплаты торгового места. Однако возникающие синонимические ряды между (1) и (2) формируют имплицитную информацию как пресуппозитивную: *бабушки и бывшие инженеры, лишившиеся работы* (1) – *несчастные* (2), *деньги* (1) – *последние гроши* (2), *собирать деньги* (1) – конверсивы *платить мзду / выбивать* (2); молодой человек (В.Ульданов) – бандиты. Последняя синонимическая параллель искусственно вызвана инерцией заданного направления соответствий, но воспринимается реципиентом как пресуппозитивная.

3. Прием **ассоциативного параллелизма**: в рамках одного сюжета реципиенту предлагаются блоки информации, формально не связанные друг с другом. Связь между этими двумя содержательными блоками устанавливается ситуативно, контекстуально, и результатом установления этой взаимосвязи является новая информация, подтекстовая, не вербализованная с очевидностью, но безошибочно декодируется получателем. Например, на фоне

кадров с больничными койками звучит текст о некачественной продукции некого молокозавода. Смысловое следствие: этой молокопродукцией кто-то отравился.

Основой для использования приема ассоциативного параллелизма является принцип **концептуальной целостности** материала: некий публицистический текст посвящен конкретной проблеме или лицу; все, что в рамках этого материала будет сказано или показано, автоматически будет привязано реципиентом к основной линии повествования и так или иначе связано с главным персонажем. Так, в сюжете, посвященном личности известного бизнесмена, соседствуют два фрагмента, которые мы условно обозначили (1) и (2): (1) *Участь мелкого сотрудника рынка не устраивала В. Ульданова. Душа требовала полета, и* ***он сообразил, как такое устроить****. Вначале Валерий Борисович* ***трудился на хозяина, а когда тот отправился в места не далеко стоящие, сам стал хозяином****.*

(2) Человека на фотографии звали Андрей Голышев. По нашим сведениям, в середине девяностых годов прошлого века он держал в своем кулаке весь воровской общак Златоуста. Информированные источники утверждают, что это он помог В. Ульданову утвердиться на рынке «Либл», достигнув начальствующих высот. Сегодня А. Голышева уже нет в живых. Его изувеченный труп около года назад нашли в подмосковном болоте (демонстрируется фрагмент из кинофильма «Брат»). Отправной точкой для формирования текста в дискредитирующем направлении и установления в последующем ассоциативных параллелей явилось выражение *сообразил, как это устроить*. *Сообразить* – прийти в результате мыслительных процессов к какому-либо выводу. *Устроить* – сделать, воплотить в реальность при помощи ряда действий. Передается мысль об активной позиции В. Ульданова в его карьерном росте, притом в движении нечистоплотном в нравственном плане, поскольку слово «устроить» отличается в данном контексте от слова «добиться» именно этим смысловым компонентом. Зритель делает закономерный вывод, что В. Ульданов к произошедшим событиям имеет какое-то отношение.

Фрагмент из фильма «Брат» средствами интертекста, во-первых, поддерживает криминальную тему, во-вторых, способствует проведению параллелей, определенных киноцитатой, с описываемыми событиями из биографии персонажа передачи. Таким образом, при помощи приема ассоциативного параллелизма формируется представление о причастности главного персонажа передачи к криминальным событиям.

Итак, стратегия дискредитации как реализация речевой агрессии в современных публицистических материалах содержит, как правило, тактику ухода от правовой ответственности, которая реализуется, в частности, в следующих приемах: ссылка на неопределенный источник, формирование ложных персуппозиций, ассоциативный параллелизм. Использование обозначенной тактики не означает ее абсолютной эффективности, поскольку, как было показано, приемы могут быть раскрыты, а сущность полученной реципиентами информации декодирована.

Библиографический список

1. *Воробьева О.И.* Вербальные формы дискредитации в политическом дискурсе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.km.ru/referats/EE810DFD22D640E8983062B92744718C (дата обращения: 10.06.2013).

2. *Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116–152.

3. День за днем [Видеосюжет] // ТНТ – Златоуст, 12.11.2008. Приложение к адвокатскому запросу Л. Коротаевой от 12.12.2008.

4. *Денисюк Е.В.* Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

5. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2002. – 284 с.

6. *Карякин А.В.* Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного госуниверситета. Сер. 2. Языкознание. – 2009. – №2 (10). – С. 163–166.

7. *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: теория и практика. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

8. *Татарникова Н.М.* Стилевая черта vs коммуникативная стратегия (на материале жанров юрисдикционного подстиля). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/index-98224.html?page=9 (дата обращения: 15.05.2013).

9. *Хабекирова З.С.* Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствознание. – 2011. – №2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1358/khabekirova2011_3.pdf(дата обращения: 15.05.2013).

УДК 801

Колышкина Татьяна Борисовна
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ktb-10@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ*

В статье представлен подход к рекламному тексту как системному образованию. Автор анализирует основные понятия системного подхода, рассматривает их на примере текстов вербально-визуального типа, делает выводы о направлениях исследования, которые позволяет осуществить данный подход.

Ключевые слова: *система, элемент системы, структура, системообразующий фактор, рекламный текст, контекст, рекламный дискурс.*

Глобальные изменения в обществе привели к информационной насыщенности процесса коммуникации, формированию новых и трансформации старых каналов передачи информации. Это заставляет изменять работу компаний на рынке, потому что невозможно увеличивать объемы своих контактов бесконечно. В таких условиях повышается значение эффективности рекламного текста, а вопрос об усилении воздействующего потенциала коммуникативного инструментария становится все более актуальным. Решать подобные задачи позволяет системный подход к организации рекламной коммуникации.

Системный подход – это совокупность общенаучных методологических принципов, в основе которых лежит рассмотрение объектов как систем [9, с. 587]. В лингвистике текста он связан с утверждением о сложной организованности текста, с мнением о том, что текст – не просто суммарная целостность высказываний, а произведение, характеризующееся и внешней структурированностью, функциональным единством, собственными закономерностями порождения и восприятия. Исследователями установлены системообразующие свойства текста, среди которых названы целостность, связность, интенциональность, адекватность (адресованность), информативность, ситуативность, интертекстуальность. Согласно данному подходу текст рассматривается как некое упорядоченное множество смыслов, объединенных различными типами связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию и представляющее собой «сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [8, с. 11]. Нужно отметить, что рекламный текст обладает всеми признаками обычного текста, несмотря на то что поликодовость определяет специфический характер проявления его категорий, он может рассматриваться с точки зрения системного подхода.

Обратимся к анализу базовых понятий данного подхода. «Философский энциклопедический словарь» дает следующее определение: *система* (греч. – целое) – общенаучное понятие, выражающее совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и со средой, образующих определенную целостность, единство [9, с. 584]. *Система* – это любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части (элементы) и схема связей или отношений между элементами (структура). Е.Л. Доценко выделяет следующие свойства систем: целостность, наличие элементов, упорядоченная совокупность связей и отношений элементов, иерархичность, обращаемость иерархических связей, развитие, взаимодействие с окружающей средой [3]. Из определений следует, что любая система представляет собой множество разнообразных взаимоорганизованных элементов. Она выступает по отношению к внешним условиям как единое целое и выполняет единую функцию.

Система характеризуется наличием надсистемы и подсистемы. *Надсистема* – система, в которую входит данная система. *Подсистема* – система, входящая в данную систему. Структура системы может быть представлена через структуру ее частей от подсистем до элементов (рис. 1).

Применительно к рекламному тексту надсистемой может выступать контекст коммуникации, рекламный дискурс. В качестве подсистемы могут рассматриваться *вербальная* и *визуальная* составляющая. Подобное деление обусловлено разницей природы знаков и спецификой их восприятия. Вербальную и визуальную составляющую мы рассматриваем как подсистему первого уровня. Следует учитывать, что обе они могут выступать как самостоятельные системы, тогда у них могут быть свои подсистемы – подсистемы второго уровня. В этом случае можно говорить об уровневом строении систе-

	Надсистема	
Элементы	Связи	Структура
	Система	
Элементы	Связи	Структура
	Подсистема I уровня	
Элементы	Связи	Структура
	Подсистема II уровня	
Элементы	Связи	Структура
	Подсистема n уровня	
Элементы	Связи	Структура

Рис. 1. Уровневое строение системы

© Колышкина Т.Б., 2013

мы. Единицей анализа системы становится ее младшая подсистема, обладающая системными качествами. Подсистема второго уровня рассматривается нами как базовая, а ее элементы выступают в качестве единиц анализа.

Объект, выполняющий определенные функции в системе, – это *элемент системы*. Элементами системы могут быть не только вещественные объекты, но также свойства и состояния, связи и отношения, фазы, этапы, циклы и уровни функционирования и развития [2].

Система связей между элементами системы определяется как *структура*, то есть устойчивая упорядоченность в пространстве и во времени ее элементов и внутрисистемных связей. Каждый элемент системы обладает системообразующими свойствами, которые могут быть или системосохраняющими по отношению к системе, или системоразрушающими. Системоразрушающие свойства при вхождении в систему обычно подавляются, однако такое подавление, как правило, не бывает полным. При попытке учитывать системные связи разных уровней невозможно осуществить оценку системы количественно. Подобное получается лишь при анализе элементов одного уровня системы. В то же время очевидно, что связи нижних уровней непосредственно, а в отдельных случаях опосредованно обусловливают все системные связи более высокого уровня членения (надсистемы).

Связи превращают систему из простого набора элементов в единое целое и вместе с данными элементами определяют состояние и структуру. Фактор, от которого зависит структура связей системы, называется *системообразующим фактором*. К.К. Платонов определяет его как доминирующий компонент системы [7]. На наш взгляд, системообразующий фактор определяется основными функциями данной системы в ее надсистемах. Например, строение какого-либо элемента текста (данная система) определяется функциями всего текста (надсистема). Применительно к рекламному тексту это информативная, коммуникативная и суггестивная функции, ориентированные на достижение цели – побуждение потребителя к совершению определенного действия. Под воздействием функций определяются свойства системы, в том числе свойства целостности, иерархичности и интегративности.

Ряд исследователей (Б.Ф. Ломов) в качестве системообразующего фактора рассматривает цель. Она может быть задана извне или поставлена изнутри. Цели системы и ее подсистем могут не совпадать. При этом они должны быть непротиворечивыми, взаимно не исключающими друг друга.

Структура системы меняется и развивается вместе с системой, что естественно для структуры динамического процесса, который выступает как система других процессов. *Системными качествами* называются качества, присущие системе в целом, но не свойственные отдельно ни одному из входящих в нее элементов.

Одним из спорных моментом является выделение структурных элементов рекламного текста. Различные исследователи решают этот вопрос по-разному. Х. Кафтанджиев, рассматривая только вербальную составляющую, называет четыре основные части рекламного текста: слоган, рекламный заголовок, основной рекламный текст и эхо-фраза. Подобное деление текста представлено во многих исследованиях по рекламе. Однако такая точка зрения на композиционную структуру рекламного текста имеет ряд очевидных недостатков. Во-первых, сам исследователь писал лишь о текстах печатной рекламы, не претендуя на универсальность предложенной им модели. Во-вторых, при таком подходе без внимания остаются очень важные компоненты рекламного текста, обеспечивающие как его распознавание в качестве рекламного (см.: закон «О рекламе»), так и определение его границ [1, с. 148].

Другая модель рекламного текста представлена в исследовании Е.В. Медведевой. Она выделяет [1, с. 149]: 1) вербальный уровень; 2) визуальный: изображение, графическое оформление текста, логотип; 3) звуковой: звучание текста, музыка, шумовые эффекты.

Достоинство этого подхода заключается в возможности анализа разных видов рекламы независимо от носителя. Недостатком является то, что в структуру рекламного текста включены элементы разных уровней, причем некоторые из них не являются принадлежностью собственно текста, а используются шире как связующий элемент всех коммуникаций фирмы, в том числе и нерекламных.

В книге Л.Г. Фещенко «Структура рекламного текста» представлена наиболее полная модель. Автор выделяет 1) формальные признаки рекламного текста (элементы презентации, компоненты бренда); 2) рекламный текст: заголовочный комплекс (рекламный заголовок + подзаголовок + вводный абзац – лид), основной рекламный текст (ОРТ), эхо-фраза (кода, завершающая фраза); 3) подписи к рисункам; 4) рекламные реквизиты (формальные признаки).

Все авторы исключают из структуры визуальную составляющую. На наш взгляд, это не совсем верно, так как именно этот элемент является ведущим с точки зрения восприятия рекламного текста.

Комплексный подход находим у Д. Огилви. Он выделяет элементы системы не на основе анализа, как это сделано у предыдущих авторов, а на основе процесса продуцирования текста. Д. Огилви рассматривает в печатной рекламе следующие элементы структуры: заголовок, собственно текст, иллюстрацию, а также верстку и оформление [5, с. 73–107]. Данный подход предполагает комплексную

оценку. В нашем исследовании мы берем за основу именно модель Д. Огилви.

Указанные элементы выступают как элементы подсистемы рекламного текста (II уровня) и на основе природы образующих знаков объединяются в вербальную и визуальную составляющую (подсистема I уровня).

Известное аристотелевское выражение «Целое больше суммы его частей» до сих пор остается важнейшей характеристикой организованной целостности. Любую систему можно рассматривать как интегрированное целое, в котором каждый структурный элемент занимает строго определенное место. Понятие целостности неразрывно связано с понятием эмерджентности. Эмерджентностью называется наличие качественно новых свойств целого, отсутствующих у его составных частей. Это значит, что свойства целого не являются простой суммой свойств составляющих его элементов, хотя и зависят от них. Однако объединяемые в систему (целое) элементы могут терять свойства, присущие им вне системы, или приобретать новые.

Сохраняя свою автономность в рамках единого текста, структурные элементы усиливают друг друга, создавая синергический эффект. Начинают появляться новые параметры порядка, система приобретает свойства, не характерные для отдельно взятых элементов, но присущие ей как целостному образованию. Подобным образом проявляется свойство нелинейности, которое выражается в формуле: результат суммы воздействий на систему не равен сумме их результатов:

$$Э_{рт} \neq \sum Э_{з}, Э_{орт}, Э_{ил}, Э_{оф} \qquad (1)$$

где: $Э_{рт}$ – эффективность рекламного текста; $Э_{з}$ – эффективность заголовка; $Э_{орт}$ – эффективность основного рекламного текста; $Э_{ил.}$ – эффективность иллюстрации; $Э_{оф}$ – эффективность оформления.

В зависимости от эффективности / неэффективности взаимодействия структурных элементов, синергический эффект рекламной коммуникации может быть как положительным (2+2>4), так и отрицательным (2+2<4). При гармоничном объединении элементов система снижает уровень своей энтропии (явление обратное энтропии – негэнтропия), при их рассогласовании – повышает. Условно эффективный рекламный текст может быть записан следующим образом:

$$Э_{рт} > \sum Э_{з}, Э_{орт}, Э_{ил}, Э_{оф} \qquad (2)$$

Заметим, что формализация данного явления связана с определенными трудностями, касающимися как оценки текста в целом, так и составляющих его элементов.

Все сказанное выше позволяет рассматривать рекламный текст как систему. Необходимым условием ее существования является наличие связи между различными структурными элементами. Объединить формальную и содержательную стороны текста, на наш взгляд, можно на основе значения. Как известно, значения понимаются, прежде всего, как вербальные значения в системе естественного языка. В большинстве исследований речь идет именно о таких значениях (Хомский, 1972; Лурия, 1998; Фрумкина, 2001; Леонтьев А.А., 2003 и др.). У А.Н. Леонтьева отмечено, что познавательные результаты действий «абстрагируются от живой целостной человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений» [4, с. 178]. Однако современная наука признает вербальное значение не единственной формой существования значений. Расширение класса носителей значений отражено в работах психосемантического направления В.Ф. Петренко [6]. Оно связано с расширением трактовки текста – признания языком любых системно организованных категориальных структур. Петренко выдвинул, а затем доказал положение, что образная и вербальная репрезентация являются разными уровнями «глубинной семантики». Основываясь на данном выводе ученого, можно утверждать, что объединить различные элементы структуры рекламного текста позволяет их оценка с точки зрения семантики, смысла. В этом случае, по словам Л.В. Щербы, действуют «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [10, с. 24]. Данный подход позволяет оценить семантическое соответствие вербальной и визуальной составляющих в пределах рекламного текста. Он может быть использован в качестве базовой точки для проведения исследований особенностей восприятия рекламной информации.

Рассматривая рекламный текст как систему, в которой объединяются разные элементы (подсистема), мы полагаем, что применительно к нему может быть применен анализ с точки зрения согласования / рассогласования отдельных его составляющих. Понятие *энтропия* в этом случае может быть привлечено в качестве критерия, позволяющего определить состояния данной системы, но не с целью выявления уровня ее информационной насыщенности (подобный анализ представлен в исследования К.Э. Шеннона, А.Н. Колмогорова и др.), а как мера гармонизации ее элементов.

Таким образом, системный подход к анализу рекламного текста дает следующие возможности для исследования:

1) он ориентирует на выявление различных типов связей объекта исследования. Это относится к самой системе (состояние системы обусловлено особенностями ее отдельных элементов), надсистеме (контекст рекламного носителя, рекламный дискурс) и подсистеме (изучение уровневого строения, присущего данной системе);

2) позволяет определить значимость каждого элемента системы (его функции и место в системе) с учетом того, что свойства целого несводимы к сумме свойств его элементов;

3) позволяет подойти к рекламному тексту с позиций определения энтропии / негэнторопии отдельных элементов его структуры,

4) дает возможность получить количественные показатели для оценки состояния данной системы (меру энтропии);

5) проверить гипотезу о наличии / отсутствии семантического единства различных элементов в пределах поликодового текста.

Примечание

* Статья выполнена при поддержке Гранта АВЦП по проекту 6.1828.2011 «Проблемы эффективности массовой коммуникации».

Библиографический список

1. *Аниськина Н.В., Колышкина Т.Б.* Модели анализа рекламного текста: учеб. пособие. – М.: Форум; НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 304.

2. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. –399 с.

3. *Доценко Е.Л.* Межличностное общение: семантика и механизмы. – Тюмень: ТОГИРРО, 1998. – 357 с.

4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 304 с.

5. *Огилви Д.* О рекламе. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 232.

6. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 177 с.

7. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. – М.: Высшая школа, 1984. – 174 с.

8. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127с.

9. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Авернинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 130 с.

УДК 808.2

Попов Александр Александрович

Карельская государственная педагогическая академия (г. Петрозаводск)

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ КАРЕЛИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

В статье предпринята попытка установить лексические связи русских говоров Карелии с другими русскими говорами на примере названий насекомых. На основании лингвогеографических данных определяется ведущая роль древнего новгородского диалекта в формировании русских говоров Карелии.

Ключевые слова: *диалектная лексика, энтомосемизмы, лингвистическая география, лексические связи.*

Энтомологическая лексика относится к «старейшим участкам языковой картины мира» [5, с. 24]. Диалектные названия насекомых отражают как архаичные, так и более поздние языковые процессы, позволяют выявить лексические связи говоров. Изучению энтомосемизмов посвящён целый ряд научных работ. Основной корпус литературы по данной теме касается преимущественно этимологии и этнолингвистики: исследования В.А. Плотниковой-Робинсон [14], И.Г. Добродомова [3], В.И. Максимова [8], В.Н. Топорова [16; 17], О.А. Терновской [15], Ю.А. Кривощаповой [6].

Для настоящего исследования особое значение имеет опыт лингвогеографического изучения названий насекомых. ОЛА содержит 6 лексико-словообразовательных карт, репрезентующих названия ‘муравей’, ‘кузнечик’, ‘божья коровка’, ‘бабочка’, ‘стрекоза’, ‘светлячок’ [13], ДАРЯ – лексико-семантическую карту ‘названия муравьёв’ [2]. В лингвогеографическом аспекте диалектные энтомосемизмы описываются в работах Г.П. Клепиковой [4], А.Г. Москалёвой [9], С.А. Мызникова [10; 11; 12], Н.М. Бунько [1].

Объектом данной работы является энтомологическая лексика русских говоров Карелии. Методом сплошной выборки из областных словарей (АОС, НОС, ПОС, СВГ, СГРС, СРГК, СРНГ, ССРНГ, ТСГТО, ЯОС) выявлен материал для определения территории бытования лексики; географические пометы, использованные в словарях, сохраняются без изменений. Дополнительными источниками служат лингвистические атласы [10; 13].

На основании сопоставления энтомосемизмов, распространенных в Обонежье, с названиями, известными в других русских говорах, можно говорить о существовании ареальных связей разных типов. Величина ареала и его конкретная географическая принадлежность являются определяющими параметрами при систематизации энтомологической лексики русских говоров Карелии. Лингвогеографический анализ позволяет выделить четыре основных группы наименований.

1. Названия, бытующие в говорах разных наречий.

Широкий ареал имеют лексемы: *крючо́к* ‘слепень, овод’, *мизги́рь*, *мизга́рь* ‘паук’, *па́вка*, *паву́к*

© Попов А.А., 2013

‘паук’, названия с корнем *слеп-* ‘слепень’. Эти названия не рассматриваются здесь подробно, поскольку интерес представляет в первую очередь ареально ограниченная лексика.

2. Названия, распространённые в севернорусских и западных среднерусских говорах.

Лексема *ба́бка-ли́пка* ‘бабочка, мотылёк’, широко распространенная на территории Обонежья (Прион., Кондоп., Медв., Пуд., Выт., Подп.), встречается также в ладого-тихвинских, белозерско-бежецких и псковских говорах.

Компоненты этого составного наименования используются и как самостоятельные лексические единицы. Энтомосемизм *ба́бка* ‘бабочка, мотылёк’ известен ладого-тихвинским, псковским и ярославским говорам. Лексема *ли́пка* ‘бабочка, мотылёк’ прибалтийско-финского происхождения, помимо севернорусских говоров, употребляется в новгородских, селигеро-торжковских, а также уральских говорах.

Названия осы с основой *в-ос-* связывают кондопожские, ладого-тихвинские, псковские, селигеро-торжковские говоры: *восови́к* Кондоп., *восо́рка* Кириш., Тихв. Ленингр., *во́сва́* Новоржев., Великолук. Пск., Осташк., Пенов. Твер. Вариант *во́сва* встречается также в смоленских говорах.

Ладого-тихвинские говоры обнаруживают связь с говорами Обонежья в названиях клеща: *загозка* Выт., Подп., Прион., Пуд., Карг. Арх., *заго́шка* Медв., *заго́жья вошь* Кондоп., *заго́зья вошь* Волхов. Ленингр.

Лексемы с корневой морфемой *лип-//леп-* ‘разновидность овода, слепня’ известны пудожским, псковским, новгородским и архангельским говорам: *липня́к* Пуд., *липу́н* Онеж. Арх., Бат. Новг., *липу́н* и *лепу́н* ‘муха с ярким брюшком и желтоватыми крыльями’ Печор., Усть-Цилем. Арх.; Пск.

Энтомосемизмы с корнем *мед-*, служащие названием дикой пчелы, бытуют в говорах Обонежья и севернее, включая архангельские и кольские говоры, а также ладого-тихвинских, белозерско-бежецких и псковских: *медови́к* Медв., Пуд., Лоух., Канд.; Тер. Мурман.; Онеж., Плес. Арх., *медови́ца* Олон., Пск., *меду́шка и мёдушка* Подп., Кириш., Тихв. Ленингр.; Чаг. Волог.; Чуд. Новг. Названия с корнем *мед-* ‘дикая пчела’ встречаются также в уральских и сибирских говорах.

В пудожском названии *о́бад* ‘овод’ наблюдается мена согласных *в//б*. Лексемы с корнем *обод-* зафиксированы также в архангельских, новгородских, псковских и селигеро-торжковских говорах: *о́бо́д* ‘овод’ Пинеж. Арх., *ободни́ца* ‘овод’ Бат. Новг., *обо́дни́ца* ‘муха, овод, слепень’ Пск., Лихослав. Калин.

Энтомосемизм *па́ут* ‘овод’ распространён в пудожских, южноприонежских, вологодских, белозерско-бежецких, костромских и гдовских говорах. В более широком значении ‘жалящее двукрылое насекомое (овод, слепень и пр.)’ название *па́ут* известно архангельским, вологодским, костромским, новгородским, владимирским и вятским говорам, а также говорам Урала и Сибири.

Лексема *писку́н* ‘комар’ отмечена в пудожских, архангельских, белозерско-бежецких, псковских и кировских говорах.

Связь заонежских и беломорских говоров с архангельскими, белозерско-бежецкими, новгородскими прослеживается при сопоставлении группы названий с корнем *сер-* ‘слепень’: *сера́к*, *се́рушка*, *серу́шка*, *сёру́шка* Медв., *се́рка* Белом., Тер., *серу́ха* Медв.; Уст. Новг., Онеж. Арх., *серя́к* Онеж. Арх., *серя́нка* ‘серая муха (разновидность слепня)’ Мстин. Новг.

Ареал лексемы *скачо́к* ‘кузнечик’ охватывает заонежские, ладого-тихвинские, ярославские, новгородские, псковские, селигеро-торжковские, брянские и сибирские говоры; встречается в русских говорах Литвы и Латвии. Ср. также *скаку́н* Шенк. Арх., Беломор., р. Урал, Лит. ССР.

С вологодскими и архангельскими говорами связано заонежское *смо́лька* ‘кузнечик’ Медв., ср. *смо́лка* Пинеж. Арх.; *смо́лик* ‘кузнечик’ Волог., Ник. Волог. *смолчо́к*, фольк. ‘эпитет сверчка’ Кадн. Волог.

Названия муравьёв с начальным *ст- стеку́ха* Выт., *стяку́ша* Подп., находят соответствие в белозерско-бежецких, костромских, новгородских, псковских, селигеро-торжковских, тверских говорах, а также в русских говорах Литвы: *стеку́ш* Черепов. Волог., *стяку́ш* Новг., Пошех. Яросл.; *стукане́ц* Данил., Мышк. Яросл., *стикля́ха* Лит. ССР, Пск.; *стакуне́ц* Калин., *ста́нцы*, *мн.* Каляз. Твер., *стегане́ц* Яросл.; *стогане́ц* Кимр., Кесовогор. Твер., *стекля́куш* Осташк. Твер.

Энтомосемизм *толку́н* ‘мошки, которые собираются в большом количестве и как бы толкутся в воздухе’ Пуд. Карел., Чуд. Новг. обнаруживает связь с ладого-тихвинскими, новгородскими и псковскими, а также с вологодскими, ярославскими говорами: *толка́ч* Тихв. Ленингр., *толкачи́* Красногор., Опоч. Пск., *толку́чка* и *толку́шка* Бат. Новг., Волос. Ленингр., *толкуне́ц* Великоуст., Волог., Кич.-Город., Межд., Сямж. Волог., *толку́нчик* Рост. Яросл.

3. Названия, ареал которых ограничен обонежскими и архангельскими говорами.

К данной группе относятся названия с корнями:

1) *север-//сивер-* ‘вид бабочек’: *северя́нка* ‘мотылёк’ Сег., *си́верица* ‘бабочка серого цвета’ Пуд., *северу́ха* ‘мотылёк’ Кем., Онеж. Арх., *сиверу́ха* ‘мотылёк’ Пинеж., Кем. Арх.;

2) *бубар-* ‘общее название насекомых’: *буба́рка* Пуд., Прион., Кондоп., Медв., Подп., *бу́барка* Устьян. Арх., *буба́рь* Кондоп.;

3) *сид-//сед-//сод-* ‘мошка, мошкара’: *си́дала*, *сидалу́ха* Олон.; *сидола́* Плес. Арх., *содоха́* Олон., *седоха́* Плес. Арх., *сетоха́* Каргоп. Арх., *сетню́ха* Онеж. Арх.

Особо стоит отметить группу лексем, в которой прослеживается прибалтийско-финское влияние [18, т. 2, с. 229; т. 4, с. 56; 12, с. 203–204] и содержатся элементы, общие для обонежских и русских говоров северо-западного Поморья: *ки́гача*, *кигачи́* ‘мошкара’ Медв., Пуд., *кижма́р*, собир. ‘мошка, мошкара’ Пуд., *ти́гач и ти́гача* ‘мошкара’ Медв., Пуд., *тяга́ч* ‘мелкое насекомое наподобие комара с остро жалящим хоботком’ Кем., Тер., Белом., Прион., Сег., *чига́ч* ‘очень мелкая мошка’ Тер., Кем., Лоух., *чи́гала́* ‘мошка’ Пуд., *цигачи́* ‘комары’ Лоух., *цыгала́* ‘мошкара’ Карг. Арх. Ср. также *кижи́* ‘моль’ Волог., *кижи* ‘толстые короткие черви’ Череп. Волог., *че́сла* ‘мошка’ Пуд.

4. Собственно обонежские названия.

К собственно обонежской энтомологической лексике относятся: *бороду́нья* ‘большая комнатная муха’ и *бородду́нья* ‘большая муха’ Олон., *ве́ред* ‘овод, слепень’ Белом., *гове́нница* ‘навозный жук’ Медв., *клю́вик* ‘кузнечик’ Выт., *краси́к* ‘разновидность овода’ Выт., *мухта́шка* ‘мошка’ Пуд., *пестру́шка* ‘вид оводов’ Медв., *ро́га́ч и ры́гач* ‘жук’ Кондоп., *со́ймы*, *мн.* ‘мошкара’ Медв., *стре́лка* и *стрело́к* ‘кузнечик’ Выт., *зре́лко* ‘кузнечик’ Свирь Олон., *тю́бушка* ‘мошка’ Выт., *у́чебрас* ‘шмель’ Подп., *у́чубро́сник* ‘насекомое типа шмеля’ Подп.

Наименования с корнем *парм-//барм-* ‘овод’ имеют прибалтийско-финское происхождение [18, т. 3, с. 208; 11, с. 83]: *ба́рма* Медв., Кондоп., *ба́рма́к* Пуд., Медв., *па́рма* Пуд., *парма́к* Прион., Медв., Кондоп., Пуд., *парма́к* Прион., *прома́к* Медв.

Таким образом, лингвогеографический анализ энтомологической лексики русских говоров Карелии позволяет выделить несколько типов существующих лексических связей:

1) связи с севернорусскими, среднерусскими и южнорусскими говорам (*слепе́ц* ‘слепень’, *мизги́рь* ‘паук’, *крючок* ‘слепень, овод’);

2) связи с севернорусскими и западными среднерусскими говорами (*стеку́ха* ‘муравей’, *восови́к* ‘оса’, *ба́бка-ли́пка* ‘бабочка, мотылёк’, *се́рушка* ‘слепень’ и др.);

3) связи с архангельскими говорами (*си́верица* ‘вид бабочки, *буба́рка* ‘любое насекомое’, *си́дола* ‘мошкара’, *кигачи́*, *ти́гачи* ‘мошкара’);

4) внутренние обонежские связи (*па́рмак*, *ба́рма* ‘овод’);

5) отсутствие выявленных связей у названий, имеющих единичное употребление.

Лексикографический и лингвогеографический материал позволяют говорить о том, что русские говоры Обонежья в разной степени лексически связаны с другими русскими говорами. Наибольшее число общей энтомологической лексики зафиксировано в обонежских и архангельских говорах, что обусловлено географической близостью и историческими предпосылками.

Тесные связи прослеживаются между обонежскими, ладого-тихвинскими, новгородскими и псковскими говорами. Поскольку колонизационные потоки во время заселения Карелии русскими шли в основном из новгородско-псковского (с X–XI вв.) и ростово-суздальского (с к. XIV в.) центров [7], можно говорить о преобладающем влиянии на лексику обонежских говоров древнего новгородско-псковского диалекта.

В меньшей степени известны названия, являющиеся общими для русских говоров Карелии, вологодских, белозерско-бежецких, костромских и тверских говоров.

Выявлено незначительное соответствие в лексике обонежских, гдовских и владимирско-поволжских говоров.

С южнорусским наречием говоры Обонежья менее всего связаны, общей лексикой являются названия, хорошо известные на русском диалектном пространстве (*мизги́рь* ‘паук’, *па́вка* ‘паук’, *слепе́ц* ‘слепень’).

Также следует отметить, что в энтомологической лексике Обонежья выделяется компонент, имеющий иноязычное (прибалтийско-финское) влияние: *ба́рма*, *парма́к* ‘овод’, *ки́гача*, *ти́гач*, *чига́ч* ‘мошкара’, *ли́пка*, *ба́бка-ли́пка* ‘бабочка, мотылёк’.

Примечание

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Библиографический список

1. *Бунько Н.М.* Лингвагеаграфічная дыферэнцыяцыя і паходжанне энтамалагічных назвау у беларускіх народных гаворках: дис. … канд. филол. наук. – Минск, 2005. – 150 с.

2. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Ч. I. Лексика. Карты. – М.: Наука, 1997.

3. *Добродомов И.Г.* Весёлая этимология: таракан // Русская речь. – 1970. – № 6. – С. 96–100.

4. *Клепикова Г.П.* Названия ‘муравьев’ // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. – М., 2006. – С. 161–173.

5. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2003. – 349 с.

6. *Кривощапова Ю.А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 252 с.

7. *Логинов К.К.* О динамике некоторых элементов культуры вепсов, карел, русских в процессе их расселения на территорию Карелии // Культурные коды двух тысячелетий: материалы международной конференции, 1–4 декабря 2000 г. Вып. 1: Тради-

ционные культуры: локализация и динамика. – Петрозаводск, 2000. – С. 42–46.

8. *Максимов В.И.* Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров) // Лексика русских народных говоров. – М.; Л., 1966. – С. 106–125.

9. *Москалёва А.Г.* Синонимические ряды ЛСГ «Насекомые» в ярославских говорах // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, 17–19 марта 2006 г. – Москва-Кострома, 2006. – С. 632–636.

10. *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики Северо-Запада. – СПб.: Наука, 2007. – 395 с.

11. *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб., 2003. – 540 с.

12. *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004. – 492 с.

13. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. – М.: Наука, 1988. – 188 с.

14. *Плотникова-Робинсон В.А.* Стрекоза или кузнечик? // Лексикографический сборник. Вып. 3. – 1958. – С. 133–138.

15. *Терновская О.А.* Бабочка в народной демонологии славян: ‘душа-предок’ и ‘демон’ // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. – София, 30.III.89–6.IX.89. Проблемы культуры. – М., 1989. – С. 151–160.

16. *Топоров В.Н.* Балтийские и славянские названия божьей коровки (Coccinella septempunctata) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа // Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом», 11–15 декабря 1978 г. Предварительные материалы. – М., 1978. – С. 135–140.

17. *Топоров В.Н.* Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (Coccinella septempunctata) в перспективе основного мифа // Балтославянские исследования. 1980. – М., 1981. – С. 274–300.

18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – 4-е изд., стер. – М.: Изд-во Аст, 2004.

Источники

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–13. – М., 1980–2010.

НОС – Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строговой. Вып. 1–13. – Новгород, 1992–2000.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. – Л., 1967–2008.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. Вып. 1–12. – Вологда: Русь, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–5. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–44. – М.; Л.; СПб., 1965–2011.

ССРНГ – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Вып. 5. – Тверь: ТвГУ, 2006. – 153 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.

УДК 808.2

Ростов Олег Робертович
Ивановский государственный политехнический университет
olegrost@gmail.com

«ЖИВОЙ ЯЗЫК РУССКИЙ – СТАТЬЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ И ВАЖНАЯ»: ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Лексикографическое и литературное наследие В.И. Даля рассматривается в контексте его призыва к «соотечественникам» и «землякам» изучать народную жизнь, особенно – «живой язык русский как он живет поныне в народе».

Ключевые слова: *В.И. Даль, лексикография, русское слово, живая речь, письменный язык, простонародный язык, «быт телесный» (вещественный), «быт духовный» (нравственный).*

Наследие В.И. Даля с «Толковым словарем живого великорусского языка» и сборником «Пословицы, поговорки и присловья русского народа» во главе доказывает, что «русское слово... само по себе было для него предметом и целью...» [1, с. 256]. «Статья» о языке стала «самою главною и важною» («Савелий Граб, или Двойник») для Даля, когда он впервые услышал живую народную речь: она пленила его своей красотой и простотой. С того неуловимого мига он и стал воспринимать мир «сквозь призму слова» [12]. «Исключительно обработку языка нашего в народном духе» Даль «имел в виду» еще в «Пятке первом»: «…Не сказки по себе были ему важны, а русское слово... Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором... чтобы кто-нибудь из благомыслящих людей… прочел их теперь с особенным вниманием на язык, на дух и склад речи и на самые слова» («Автобиографическая записка 1841 г.», «Полтора слова о нынешнем русском языке»). Намек на это есть уже и в заглавии «Пятка», где сказано, что сказки эти «поговорками ходячими разукрашенные», и в словах Казака Луганского, призывавшего «людей добрых», «старых и малых»: «А кто знает грамоте скорописной великороссийской, садись, пиши, записывай, набело семь раз переписывай …словечка не роняй!» («Сказка первая»). А уже после «Пятка», отдав твердый приоритет изучению и сбережению языка в «Савелии Грабе...», Даль неустанно будет его утверждать и подтверждать: в «Москвитянине» («Полтора слова о нынешнем русском языке», «Недовесок к статье “Полтора слова о нынешнем русском языке”»), в предисловиях к Словарю и Сборнику («Напутное слово», «Напутное»), в «Русском географическом обществе» и «Обществе любителей русской словесности» («О русских пословицах», «О русском словаре», «О наречиях русского языка»), опять в художественных и этнографических произведениях и очерках. Мощный импульс Далевым поискам того, как «выучиться говорить по-русски и не в сказке», придала его встреча с А.С. Пушкиным в 1833 г. под Оренбургом [5]. Поэт, который и сам всегда старался «писать чистым русским языком», «ценил народную речь нашу», «с жаром и усладою» к ней прислушивался [6, с. XXI], тепло отозвался о языке и слоге «Пятка первого». Даль укрепился в своем стремлении открывать «землякам» и «соотечественникам» «русское раздолье» и «золото» родного языка [5]. А он делает это многолико: от простого списка-перечня – «читайте и отгадывайте» («Мичман Поцелуев»), от тонкого, нитями-вкраплениями, вплетения «русских слов и выражений» в ткань произведения до ярко-красочного узора-орнамента, живописного полотна – «картинок жизни в миниатюре». При этом «признанными образцами словесности» стали самые разные произведения Даля: их включали в хрестоматии для гимназий, реальных, военных и духовных училищ, сельских и городских народных школ [3, с. 6]. Даль обладал «особенным художественным слухом»: мог «в слышимом говоре услышать его живые особенности, его красоту, подметить, уловить все изгибы и оттенки смысла и таким образом обратить их в достояние науки, словесности, – вообще народного самосознания» [1, с. 257].

Даль-лексикограф тоже пользуется своим искусством-умением открыть родное слово «в его жизненной обстановке, во всей его меткости и уместности» [1, с. 257]: статьи Словаря, рубрики Сборника – те же «картинки» из народной жизни. И они не беднее тех, что даны Далем в «Картинах русского быта»: в их побасенках, анекдотах, притчах, бывальщинах и т.п. Наверное, и поэтому тоже о его произведениях говорят лингвистически: как о «сверхфразовых единствах», имеющих «несомненную связь» со статьями Словаря [13], наоборот – в духе литературоведения рассуждают о Словаре: о его «беллетризации», «эпичности», «нарративных инстанциях», преодолении в нем «лексикографических жанрово-стилистических ограничений», «образе автора» и др. [2; 9].

«Картинки жизни» в статьях Словаря и рубриках Сборника – итог многолетнего собирательско-этнографического и писательско-языковедческого постижения Далем «способа выражения» и «сущности выражаемого» («О русских пословицах»): его размышлений о «семейной связи», «сродстве» слов [6, т. 1, с. XXVII], а главное – о связи языка

© Ростов О.Р., 2013

и жизни: «словесной речи» и «житья-бытья» человека. И статьи, и рубрики саморазвертываются в «картинки жизни» и потому, что Даль новаторски объединил в Словаре «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные», «пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» с «объяснением и описанием предметов», с толкованием «понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных» [6, т. 1, с. XXXI], а в Сборнике «приноровил» пословицы, в которых заключена «вся житейская опытность человечества, вся веками нажитая премудрость, передаваемая через десятки поколений, от отца к сыну и внуку» («О русских пословицах») и применение которых «крайне разнообразно», к «быту житейскому», где они изначально и «сложились» [7, с. 15]. В Словаре и Сборнике Даль приблизился к той цели, к которой шел «весь век свой» и достижению которой, подобно Гесиоду, подчинил свои «труды и дни». Приблизился – как только мог человек, принявший на себя эту «вовсе непосильную задачу» из-за «сильного сочувствия к живому русскому языку, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине», и делавший свое дело без «товарищей» и «помощников». Добросовестность, подвижническая самоотверженность и любовь «словарника» к предмету своего труда – залог непреходящей востребованности и Словаря, и Сборника. Став тогда – 150 лет назад – для многих русских людей настольными книгами, они остаются для них таковыми и в XXI веке. Ведь, «работая не ленясь, насколько от дел насущных оставалось часу», Даль делал все, чтобы раскрыть «землякам» «сокровища нашего родного слова», привести их «в стройный порядок» и помочь «изучить простую и прямую русскую речь... и усвоить ее себе, как все живое усвояет себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть». Однако, зная, что «всего одному не дано, да и не обнять», он считал дело своей жизни лишь началом пути по разработке того «рудника», который «неисчерпаем» («Полтора слова...»), что его Словарь и Сборник – «передний заднему мост» [6, т. 1, с. XXIII, XXV, XXVI, XXXI]. И именно в «Напутном слове» и «Напутном» Далев призыв к «соотечественникам» *изучать* «живой язык русский как он живет поныне в народе», озвученный им еще в «Полтора слова...», обретает силу завета потомкам.

Эти статьи-предисловия, «статьи-слова, поучения» в духе древнерусских книжников – «вершинные ступени» Далева «постижения народной мудрости» [10, с. 53, 59]. Через все более глубокое вчувствование-вживание в родной язык и родную культуру проходило оно. Интерес молодого Даля к простонародной речи, давший начало «становлению и возрастанию Даля-филолога» [10, с. 53], породил в его сознании множество вопросов. А среди них – тот, который на заре 1840-х годов Даль задавал, скорее, уже не себе, а «соотечественникам»: «отчего у нас почти без изъятия, не ученые, не словесники, говорят гораздо лучше, чем пишут» («Полтора слова…»)? Или чуть иначе, «замысловатее», и с намеком на «самоистину» [6, т. 1, с. XXII]: «…Для чего люди не пишут запросто, как говорят, а выбиваются из сил, чтобы исказить и язык и смысл? почему и за что проклятие безграмотства доселе еще тяготеет на девяти десятых письменных, и как это объяснить, что люди, которые говорят чистым русским языком и рассуждают довольно здраво, как будто перерождаются принимаясь за перо, пишут бестолочь и бессмыслицу, не умеют связать на бумаге трех слов и двух мыслей и ни за какие блага в мире не могут написать самую простую вещь так, как готовы во всякое время пересказать ее на словах? Почему это общий наш недостаток... и исключения из этого общего правила так редки? («Бедовик»). Именно «искажение языка и смысла» – переложение родной речи на все европейские лады, обращение с ней «как медведь в лесу дуги гнет» («Полтора слова...») – Даль считал первоочередной проблемой и главным недостатком, ждущим скорейшего исправления. Необходимость изучения и сбережения родного слова для Даля определялась статусом «словесной речи» как «дара небесного», «мерила нашего умственного» («Недовесок...»): «без слов нет сознательной мысли», а тот, кто обильно питает родной язык «чужими соками», «тянется за чужим», привыкает думать «нерусскою думою», все больше отрывается от родных корней, утрачивает «последние нравственные силы свои», наконец – у него не остается «ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего родного слова» [6, т. 1, с. XXII, XXIII]. На язык, точнее, язык простолюдинов, как основу «нравственного» («духовного») быта народа, который важнее быта «телесного» («вещественного»), указывает и Далев перечень «замечательных особенностей, коими целые народы отличаются один от другого» («О русских пословицах»). Уточнение о языке простолюдинов Даль делает потому, что «русские выражения и русский склад языка остались только в народе», а «в образованном и просвещенном обществе» не только нет пословиц и поговорок [7, с. 9], но и весь «язык наш измололся уже до пошлой и бесцветной речи, которую можно перекладывать, от слова до слова, на любой европейский язык» («Полтора слова...»): он стал языком-«каженником» [6, т. 1, с. XXII].

Наблюдения над языком простолюдинов, а главное – тесное с ними общение, указали Далю на несходство между народной и дворянской культурами. Размышлять об этом он начинает еще в «Романе в письмах», и формулы «народного способа жизни» (Белинский) у него можно найти разные,

однако они, наверное, сводятся к одному: «Мы живем по рассудку, народ по обычаям и поверьям» [5, т. 3, с. 151]. Предположив однажды, что «глас народа – необманчив, в нем должна быть правда…» («Лиса»), Даль все больше убеждается, что характерная для простолюдинов жизнь «на опыте, на заветах отцов» («Хмель, сон и явь») – это и залог сохранения национальной самобытности: «простой народ гораздо долее сохраняет исконный быт свой» («О русских пословицах»). А потому в простонародье же живы и другие составляющие исконного «нравственного быта»: 1) обычаи, обряды, игрища, игры, празднества; 2) поверья, суеверья, приметы; 3) мнимое волшебство, ворожба, знахарство и колдовство, заклятия, чары и заговоры; 4) народное врачевание, зелья, ладанки, привески; 5) предания, были, былины, песни, думы, стихи, причитания; 6) сказки, притчи, байки, побасенки, присказки, прибаутки; 7) пословицы, поговорки, присловья, или прозвища, загадки, скороговорки («О русских пословицах»). Так необходимость изучения и сбережения языка связывается Далем с изучением остального духовного быта. И именно к его составляющим – от обычаев до языка – обращены мысли Даля-писателя и его персонажей (Иваси-Василька, Андрея Горностая, Евсея Лирова и др.). Они не просто раздумывают, а проводят «добросовестное разбирательство» над тем, «сколько в каком поверье и суеверье есть или было некогда смысла, на чем оно основано» («О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа», «Савелий Граб...»), любому ли обычаю можно дать силу «житейского закона», нет ли среди них «бестолковых», «тунеядных» («Бедовик»), «вздорных», «уродливых», «мошеннических» («О поверьях, суевериях...»), «что такое народные или простонародные врачебные средства? Чем они отличаются от снадобьев, принятых врачебною наукою? Заслуживают ли они нашего внимания и приносят ли действительную пользу или только мнимую?» («О народных врачебных средствах»), каков народный опыт взаимодействия с животным миром («Зверинец»). И все Даль проверяет – выводит «на справку и поверку» [6, т. 1, с. XXIII] – собственным ли опытом этнографа, охотника, натуралиста, врача и, конечно, филолога, здравым ли смыслом бывалого человека, другим ли авторитетным мнением. Что-то он отвергает («Предостережение от домашних лекарей и лекарок в простонародье»), но многое и принимает, признавая полезным.

Так же критически Даль подходит и к «языку простонародному» – «живому языку русскому» («Полтора слова...»). Он выступает за то, чтобы говоры обогащали национальный языковой фонд, вносили в него новые краски и тона, но не подменяли и не отменяли общепринятые, устоявшиеся, веками проверенные и понятные каждому русскому слова, выражения, грамматические формы и т.п. А потому, различая «народное и простонародное» и ища между ними «середину», Даль, наряду с «превосходными, незаменяемыми выражениями, которые должны быть приняты в письменный язык наш», видит и немало таких, «которые могли бы испортить язык наш» («Недовесок…»). К особенностям говоров, которые «мы... перенимать не станем», он относит «самое произношение, говор черни» и узкоместные соответствия общерусским лексемам, среди которых – вятские и пермские номинации глаз, цыплят *талы*, *сильки*, новгородское название грибов *блицы*, суздальские глаголы *прочапить* (пролить), *сдобляться* (собираться), грамматические формы *зятевья*, *братевья*, *братевьев*, которые «во Пскове и в Костроме... услышите», а «в Астрахани услышите: *восейка*, *шерига*, *шабры* или *шабренки – бедняга*, *севрюга*, *соседи*; в Оренбурге *шарабара*, *ишак*, *тулаем*, *конфетчик – пожитки*, *осел*, *гуртом* или *оптом*, и *лавочник*...» («Недовесок…»). Отголосок этих рассуждений Даля слышен в «Сказке о бедном Кузе Бесталанной Голове и переметчике Будунтае», когда Будунтай «осерчал, стал браниться по-своему, повятски». А среди его «ругательств» – нейтральные вятские слова – номинации деревенских реалий: те же *талы* и *сильки*, еще – *шоры* (индейки), *ромух* (тряпица), *вица* (хворостина). Строго говоря, не являются бранными и лексемы *блябла* (оплеуха), *комуха* (лихорадка), *уроса* (упрямица). Но Даль превращает их в «страшные ругательства», отталкиваясь от их непонятности за пределами Вятской губернии. Он-то знает, что и в быту люди бранятся, часто не поняв речи собеседника, к тому же и брань, и непонятная речь так похожи на лай: в чужих краях, говорят Далевы персонажи, «так вот вокруг тебя невесть по-каковски и лают» («Хмель, сон и явь»). И как в брани Даль видит «раздор, несогласие, разлад» [6, т. 1, с. 123] человеческих отношений, так и в языке он против того, что нарушает его гармонию.

По Далю, в языке хорошо только то, что отвечает его «духу». Вдумчивое изучение народного быта, «духовного» и «телесного», «сроднит нас с духом языка, даст вникнуть в причудливые, прихотливые свойства его и даст средства образовать мало-помалу язык, сообразный с современными потребностями». Для этого важно иметь чуткое «русское ухо» и живое «русское чувство»: «мы услышим чутким ухом всякую разладицу с духом звучного родного языка и устраним ее, как порчу; мы... станем поживляться всем, в чем найдем созвучие, что идет под стать и масть, что может обогатить язык словом или оборотом – или заменить несвойственный языку оборот или слово...» («Недовесок...»). После памятной встречи с Пушкиным Даль настойчиво воспитывает эти качества в себе. Их же он стремится пробудить своим творчеством у русских европейцев «с бритой бородой, во фраке или в вицмундире», напоминая им, что «было, было

время на Руси, что ходил молодец в кафтане, ходила девка в сарафане».

В 1840–1860-е годы собирательская и писательско-языковедческая работа Даля по изучению простонародного быта и языка немало связана с проектами «Русского географического общества». Учрежденное в 1845 г., оно занялось «собиранием и распространением в России… сведений о России» (Временный устав РГО), изучением «родной земли и людей ее обитающих» (Семенов-Тян-Шанский), формируя строгие научные методы русского земле-и народоведения. Даль сотрудничал в РГО как член-учредитель около 27 лет. Однако еще до образования общества он уже имел свою программу-минимум для желающих проехаться по России. Ею можно считать план, который набросал себе в поездку Ивася: 1) «собирать по пути все названия местных урочищ, расспрашивать о памятниках, преданиях и поверьях, с ними соединенных, – с тем, чтобы применить это впоследствии к бытописанию России, которое необходимо должно во многих случаях поясняться этими памятниками старины»; 2) «разузнавать и собирать, где только можно, народные обычаи, поверья, суеверья, песни, сказки, пословицы, поговорки и все, что принадлежит к этому разряду, и все это тщательно записывать»; 3) вносить в памятную книжку свою все народные слова, выражения, речения, обороты языка и наречий его, общие и местные, но не употребительные доселе в так называемом образованном нашем языке и слоге» («Савелий Граб...»). «По обычному... любопытству ко всему местному, расспрашивал встречных крестьян обо всех кровельках, садах, журавлях (колодцах) и колокольнях...» и Андрей Горностай: он, «как ребенок, до того погрузился в старину нашу, что грезил Бог весть какими сказками» («Небывалое в былом...»). Любопытным путешественникам Даль дает и краткую методику того, как «выведать из нашего крестьянина то, что нужно…». Поскольку «прямыми расспросами» у крестьян «никогда и ни до чего не добьешься», действовать стоит «окольным путем»: брататься с крестьянами, наводить их «то на то, то на другое», заставлять их «баять, гуторить и балагурить», прислушиваться к народным слухам и толкам, к народному разговору-беседе, присматриваться к людям, которым есть что порассказать. «Людей такого покрою» можно отыскать по самым разным приметам: Ивася, увидев «в одном селе презатейливого петушка на щипце и прехитрой резьбы кровельные полотенца, допросившись мужика-плотника, который их работал… нашел для себя в этом человеке клад и пробыл у него несколько дней». Даль и сам не раз так поступал. Многие его произведения основаны на сюжетах историй, услышанных им «в простой беседе» от крестьян и мастеровых, матросов и солдат, с которыми он – мичман и военный лекарь, губернский чиновник и управляющий – общался. Далю, писал Гоголь, «стоит… взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем или очевидцем, чтобы вышла сама собой наизанимательнейшая повесть» [4, с. 394].

Изучая простонародную жизнь, общаясь с простолюдинами, Даль «как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом» [11, с. 100]. В период 1849–1859 гг. он «окончательно отождествляет себя лично и свою судьбу с народным мировосприятием» [13, с. 165]. И рассказывает читателям – и единомышленникам, жаждущим «учиться по-русски», и тем «супротивникам», которые «оторвались от корня», в ком на беду поселилось небрежение ко всему родному, – о разнообразных обычаях в простонародье, продвигая их «ближе к познанью русского быта и нашей народной жизни…» [4, с. 394]. В этом ему помогает «не столько личный своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение» и любовь: «Даль любит русского человека…» [11, с. 100, 101]. (На «глубокое сочувствие к народу», характерное для Даля, укажет и И. Аксаков [1, с. 257].)

Всем творчеством Даль и убеждал читателей в том, что «под кем нет своей родной почвы, тот остается на век шатким и ничтожным» («Момыри»), и показывал, что «нельзя никакой силой уничтожить, снести с лица земли все то, что целые тысячелетия было родным и народным» («Полтора слова…»), а «народ в обширном смысле заключает в себе все сословия» («О русских пословицах»), находя следы традиционной русскости в разных слоях общества («Солдатские досуги», «Картины из русского быта» и др.). А все для того, чтобы органично – «согласно, созвучно» – соединить «родимое» и «привитое» не только в языке, но и в жизни, и в культуре. При этом язык – «русское слово, освященное христианской традицией» [8, с. 176], – виделся Далю самой главной духовной скрепой русского мира, залогом обретения им вновь духовно-культурного единства, почти утраченного в подражаниях «просвещенной» Европе.

Библиографический список

1. *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. – М., 1981. – 384 с.

2. *Байрамукова А.И.* Метапоэтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как толково-энциклопедического феномена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2008. – 22 с.

3. Владимир Иванович Даль: Жизнь и творчество: биобиблиогр. указ. – М., 2004. – 136 с.

4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 7 т. – Т. 7. – М., 1986. – 432 с.

5. *Даль В.И.* Воспоминания о Пушкине // Семейное чтение. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://blagovmm.ru/zdravnica/25/semeynoe_chtenie.pdf (дата обращения: 19.06.13).

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.

7. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и присловья русского народа. – М., 2008. – 896 с.

8. *Ермолаева Н.Л.* Эпическое мышление И.А. Гончарова. – Иваново, 2011. – 324 с.

9. *Путилина С.В.* В.И. Даль как литератор: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.

10. *Тамаев П.М.* Статьи В.И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 53–61.

11. *Тургенев И.С.* Собр. соч.: в 12 т. – Т. 11. – М., 1956. – 572 с.

12. *Фархутдинова Ф.Ф.* Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. – Иваново, 2000. – 204 с.

13. *Фесенко Ю.П.* Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. – 262 с.

УДК 801

Сафонова Мария Александровна
кандидат филологических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
maria-ukrainets@yandex.ru

Сафонов Александр Андреевич
кандидат исторических наук
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (г. Москва)
safonov@hse.ru

СКОРОСТЬ ТЕКСТА КАК ОСНОВНОЕ ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ БЫСТРОГО ТЕКСТА (TEXT VELOCITY THEORY)

Статья посвящена новому направлению в лингвистических исследованиях, предлагающему оригинальный комплексный подход к изучению перцептивных механизмов восприятия текста и проблеме функциональных стилей. Авторы вводят понятие «скорости текста» – условной величины, которая отражает стилистические, прагматические, дискурсивные и иные качества текста.

Ключевые слова: *прикладное языкознание, лингвостилистика, функциональный стиль, количественный анализ, скорость текста, хронометрия.*

В истории науки о языке не раз ставился вопрос о привлечении математических, в частности количественных, методов в обработке языковой информации. Множество терминов, прочно вошедших в научный обиход лингвистики, были позаимствованы из точных и естественных наук. Такие термины, как вариант, инвариант, дифференциация, топология, активно используются в современной лингвистике. Логический позитивизм членов Венского кружка, Копенгагенская школа Луи Ельмслева, трансформационный метод Наома Хомского [1, с. 592–603] и другие научно-философские направления утвердили использование математики в лингвистическом структурализме XX века [1, с. 521–533].

Ученые Массачусетского технологического института, университетов Гарварда, Стэнфорда, Йеля и других научных центров США заложили основы прикладной лингвистики. По нашему мнению, в качестве метода анализа текстовой информации возможно использовать хронометрирование для определения некоторых стилистических характеристик текста в связи с высказываемой в данной статье гипотезе о «скорости текста». Данное понятие рассматривается в качестве основополагающего для направления в лингвистике, для которого предлагается название «теория быстрого текста» (ТБТ; «text velocity theory»).

По нашему убеждению, у каждого текста можно определить внутренние (лингвостилистические), внешние (социокультурные) и целевые (телеологические) свойства [5, с. 43–44]. Цель создания текста предполагает его предназначение (адресацию) определенной группе читателей или слушателей с необходимостью их информирования, убеждения или побуждения. Внутренние свойства – это лингвистические особенности используемых языковых единиц и конструкций для достижения поставленной цели. Внешние свойства выражаются в реализации текста в конкретных социокультурных условиях (о внешних и внутренних свойствах текста мы говорим по аналогии с терминами «внутренняя» и «внешняя» лингвистика Ф. де Соссюра). Цель текста можно считать достигнутой, если его внутренние свойства в максимальной степени соответствуют свойствам внешним [3, с. 41–47].

Различные целевые свойства текстов можно классифицировать на три функциональных типа:

– информационный (нейтральный член трихотомии, сюда относится обиходно-бытовой стиль);

– побуждающий (публицистический и дидактический стили);

– убеждающий (научный, нормативный).

Мы полагаем, что художественный и официально-деловой стили обладают таким внутренним разнообразием, что отнести их к какому-либо из этих

© Сафонова М.А., Сафонов А.А., 2013

трех типов практически невозможно. В своих различных манифестациях они могут служить как информированию, так и убеждению или побуждению. Так, в рамках официально-делового стиля есть нейтральное информационное письмо, убеждающий нормативный акт и побуждающее коммерческое предложение. Проблему более точного определения природы художественного и официально-делового стилей в рамках теории быстрого текста предстоит рассмотреть в дальнейших исследованиях.

Принципиальная разница между функциональными типами текстов состоит в характере взаимодействия между текстом и целевой аудиторией. В зависимости от вида коммуникации, текст воздействует в большей степени на эмоциональное состояние человека, либо на логическое восприятие, либо на внимание [4, с. 59–64]. При этом следует учитывать, что на восприятие текста могут влиять личностные особенности воспринимающего (или узкой группы реципиентов). Например, текст может иметь некую личную эмоциональную предысторию для конкретного человека и, соответственно, быть убеждающим [2, с. 6–19].

Исходя из стилистического единства цели, внутренних и внешних свойств текста, мы можем по двум известным компонентам восстанавливать третий. Если известны внутренние и внешние свойства текста, становится очевидна цель его создания. Если известны цель и внутренние свойства, можно спрогнозировать бытование (внешние свойства) текста. Если нам понятны цель и внешние свойства текста, есть возможность реконструировать его внутреннюю структуру.

Задача ТБТ как направления лингвистических исследований – создание методологии реконструкции третьего неизвестного компонента по двум известным в конкретной речевой ситуации. В рамках ТБТ текст может рассматриваться в различных аспектах:

– с *мотивационной* точки зрения, ТБТ занимается анализом цели, исходя из совокупности внутренних и внешних свойств текста;

– в *социокультурном* отношении, при помощи ТБТ изучаются цель и внутренние свойства текста в попытке предсказать его внешнее восприятие;

– собственно *стилистический* аспект выражается в определении тех лингвистических единиц и конструкций, которые соответствуют внешним свойствам текста и его цели.

Принадлежность текста к информирующему, убеждающему или побуждающему типам определяется при оценке так называемой **скорости текста**. Это условная характеристика текста, включающая в себя ряд связанных между собой составляющих:

– скорость составления (время, за которое текст продуцируется автором);

– скорость произнесения/чтения (время, за которое текст произносится реципиентом вслух или про себя);

– скорость восприятия (время, за которое текст запоминается или осознается – на слух или в письменном виде).

Преимущество ТБТ состоит в том, что скорость текста можно хронометрировать. **Хронометрия** сводится к повторяемым экспериментам по скорости чтения с носителями языка и, в этом смысле, является методом количественного научного исследования. Важно подчеркнуть, что при помощи повторения эксперимента с различными испытуемыми, достигается относительная независимость объекта от исследователя. Хронометрия применима к любому синтаксически оформленному тексту на любом живом языке и оперирует общепринятыми характеристиками текста (фонетическими, морфологическими, лексическими, синтаксическими). На практике метод хронометрирования скорости чтения можно применять к языкам с алфавитной или слоговой письменностью. Тексты, написанные на языках с символьной или иероглифической письменностью, по нашему мнению, имеют очень низкую скорость [6, с. 160–171].

Наиболее просто измеряется скорость произнесения текста. Согласно нашей гипотезе, различные разновидности скорости текста пропорциональны друг другу при сравнении двух текстов по всем показателям. Методика хронометрирования включает в себя пять этапов:

– производится подготовка базовых (нейтральных, обиходно-бытовых) текстов с указанным количеством звуков;

– базовый текст хронометрируется несколькими носителями языка с целью установить индивидуальные отклонения в скорости произнесения (возможные дефекты речи у испытуемых должны быть выявлены на этом этапе);

– из анализируемого материала произвольным образом выбираются отрывки с тем же количеством звуков, как и в базовом тексте;

– анализируемые отрывки хронометрируются носителем языка;

– производится количественный анализ и сравнение по набору внутренних характеристик с учетом индивидуальных отклонений носителя.

Безусловно, скорость текста в своих абсолютных показателях является характеристикой чтеца: многое зависит от физического и эмоционального состояния человека, опыта чтения вслух, грамотности, владения лексикой, темперамента и т.д. Тем не менее относительное сравнение вариаций скорости у текстов различной стилистической направленности доказывает общее значение данной характеристики. Для исключения индивидуальной погрешности, измерения нужно повторять другим носителем языка. Если анализируемый текст большой по объему, имеет смысл взять несколько отрывков из разных частей текста, чтобы выявить степень внутренней неоднородности [7, с. 153–155].

Таблица 1

Основные измеряемые характеристики текста

Языковая характеристика текста	Влияние на скорость текста	Причина
Фонетика		
Соотношение количества гласных к другим звукам	Ускорение	Легкость артикуляции
Соотношение количества ударных гласных ко всем гласным	Ускорение	Легкость и четкость артикуляции
Частота кластеров согласных	Замедление	Сложность артикуляции
Морфология		
Частота глаголов	Ускорение	Ассоциативная связь с движением
Частота модальных конструкций	Ускорение	Эмоциональность
Соотношение форм будущего времени ко всем глагольным формам	Ускорение	Личная оценка
Соотношение форм 1 и 2 лица ко всем глагольным формам	Ускорение	Личная оценка
Соотношение императива ко всем глагольным формам	Ускорение	Эмоциональность (цель – прямое повиновение без рассуждения)
Соотношение безличных и возвратных форм ко всем глагольным формам	Замедление	Отказ от личной оценки
Частота прилагательных	Ускорение	Описательность
Соотношение компаративов и суперлативов ко всем формам прилагательных	Ускорение	Эмоциональность
Частота личных и притяжательных местоимений 1 и 2 лица	Ускорение	Личная оценка
Частота наречий образа действия	Ускорение	Описательность
Частота междометий	Ускорение	Эмоциональность
Лексика		
Ритмичность	Ускорение	Ассоциативная связь с движением
Рифмованность	Ускорение	Повторение
Повторяемость отдельных лексических единиц и оборотов речи	Ускорение	Повторение
Риторические вопросы и иные фигуры речи	Ускорение	Эмоциональность
Частота иностранных заимствований	Замедление	Сужение адресата
Частота терминов	Замедление	Сужение адресата
Частота фразеологизмов и клише	Ускорение	Известный контекст
Частота эмоционально-экспрессивно-оценочных маркированных слов	Ускорение	Эмоциональность
Частота слов, имеющих в своем лексическом значении компоненты «быстрый», «быстро», «скорость» и т.д.	Ускорение	Ассоциативная связь с движением
Частота ключевых слов	Ускорение	Повторение
Синтаксис		
Соотношение конструкций, основанных на управлении, ко всем синтаксическим конструкциям	Замедление	Управление отражает сложный тип логических связей
Соотношение нераспространенных и неполных предложений ко всем предложениям	Ускорение	Неполнота и эллипсис апеллируют к эмоциям реципиента
Частота инверсии контактных подлежащего и сказуемого	Ускорение	Стилистическая инверсия воздействует на эмоциональную сферу
Частота дискретных (прерывающихся) конструкций	Замедление	Усложнение синтаксической структуры
Частота обращений	Ускорение	Эмоционально окрашенный синтаксис
Соотношение сложноподчиненных предложений ко всем предложениям	Замедление	Характер установления логических связей
Частота вводных конструкций	Замедление	Интеллектуализация текста

Скорость текста мы представляем в виде оси от 0 до ∞. Исходя из функций текста и скоростной характеристики, за единицу скорости предлагается взять эталонный текст *нейтрального (обиходно-бытового) стиля*, характеризующегося простым изложением фактов.

Публицистический стиль объединяет тексты со сверхбыстрой скоростью, то есть текстами со скоростью больше 1. Это объясняется задачей повлиять на эмоции реципиента, передав эмоциональный сигнал (впечатление) и поддерживая его на протяжении всего текста.

Этически маркированному *дидактическому стилю* свойственна высокая скорость, то есть скорость, больше или равная 1. Это обусловлено задачей повлиять на эмоции реципиента авторитетом учителя, оставляя при этом пространство для осмысления фактов и возражения заявленной точке зрения.

Нормативному стилю свойственна медленная скорость, так как его восприятие подразумевает пристальное изучение реципиентом каждого положения, высказываемого в тексте. При этом в текстах нормативного стиля не только констатируются факты, но и проводится разграничение юридически допустимых и недопустимых действий, что в какой-то мере ускоряет текст.

Для *научного стиля* характерны так называемые сверхмедленные тексты, то есть со скоростью меньше 1. Это обусловлено целью повлиять на разум реципиента, передав логически организованную информацию, требующую обдумывания и пошагового следования рассуждениям автора. При более высокой скорости текста, реципиент теряет логическую нить, что производит эффект недосказанности постулируемых положений.

Функциональные стили соответствуют психологическим «зонам ожидания» информации из текста:

– зона сомнения (научный);
– зона внимания (нормативный);
– зона равнодушия (обиходно-бытовой);
– зона доверия (дидактический);
– зона веры (публицистический).

Самый медленный текст – это идеальный шифр, в принципе недоступный восприятию непосвященных. Самый быстрый текст – это текст, уже хорошо знакомый реципиенту и вызывающий у него в высшей степени эмоциональную реакцию (например, национальный гимн или повторяемая молитва). Чем медленнее текст, тем больше ментальных усилий необходимо приложить для его восприятия. Самые быстрые тексты, напротив, дают человеку эмоциональную отдачу.

Подсчет итогового показателя скорости текста производится по следующему алгоритму:

– создается набор средних значений различных текстов по каждому из анализируемых показателей (для конкретного языка в синхронном срезе); точность результата зависит от количества учитываемых показателей;
– производится подсчет каждого из показателей в данном тексте;
– общий показатель данного текста делится на средний показатель;
– берется среднее арифметическое по всем полученным показателям.

По нашему мнению, ТБТ обладает высоким практическим потенциалом. Сравнивая скорость различных текстов, любой человек может проводить стилистическую коррекцию текста, адаптируя его для достижения определенной цели. Хронометрическому методу можно обучать школьников и людей, которые не являются носителями языка. Кроме того, по формальным параметрам данный метод можно автоматизировать, создав компьютерную программу, выполняющую ряд математических процедур.

Не менее важный вклад ТБТ может внести и в оценку качества перевода либо реферирования текстов. Хотя скорость текста зависит от конкретного языка, с помощью хронометрирования переводчик способен сравнивать относительные скорости исходного текста и готового перевода, корректируя последний до максимальной близости (надо отметить, что скорость каждого текста возможно оценивать в рамках своей языковой среды). Иными словами, ТБТ открывает новые возможности для адекватного перевода текстов.

ТБТ может также использоваться для критики внешних свойств текста, давая возможность выявлять внутреннюю неоднородность текстов большого объема, а также подтверждать или опровергать авторство. Таким образом, ТБТ может использоваться в создании системы интеллектуального определения плагиата. ТБТ обладает большим потенциалом и в критике внутренних свойств текста. Возможна попытка создания лингвистического полиграфа, показывающего эмоциональное отношение автора к тем или иным фрагментам текста.

В заключение следует сказать, что гипотетические положения, высказываемые в данной статье, безусловно, требуют дальнейшего уточнения и выполнения большого числа практических экспериментов.

Библиографический список

1. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. – М.: Академия, 2006. – 671 с.

2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2008. – 347 с.

3. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. – М.: URSS, 2006. – 244 с.

4. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. – М.: URSS, 2007. – 248 с.

5. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М.: URSS, 2006. – 272 с.

6. *Janse E.* Word perception in fast speech: artificially time-compressed vs. naturally produced fast speech // Speech communication. – 2004. – Vol. 42, issue 2. – P. 155–173.

7. *Savage R., Frederickson N.* Evidence of a highly specific relationship between rapid automatic naming of digits and text-reading speed // Brain and language. – 2005. – Vol. 93, issue 2. – P. 152–159.

УДК 80

Храмченко Дмитрий Сергеевич
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
hramchenko@rambler.ru

ТАКТИЧЕСКАЯ ХАОТИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ КОММУНИКАНТОВ

Статья посвящена функционально-синергетическому анализу феномена тактической хаотизации английского делового дискурса как эффективного приема катализации прагма-семантической эволюции функционального пространства в условиях конкурирующего софункционирования смысловых подсистем коммуникантов.

Ключевые слова: *коммуникативные стратегии, коммуникативная тактика, лингвосинергетика, деловой дискурс, прагматика, функциональная лингвистика.*

Одними из наиболее актуальных задач, стоящих перед исследователями в области межкультурной коммуникации, прагматики и стилистики современного английского языка, являются гармонизация и оптимизация делового взаимодействия. Разработкой эффективной риторики английского бизнес-дискурса как синергийной системы, в которой в процессе саморегулирования смыслового пространства речи спонтанно возникают новые прагма-семантические компоненты и функциональные свойства, занимается функциональная лингвосинергетика – относительно новое направление в русле функциональной лингвистики, осуществляющее динамико-системный подход к языку/дискурсу.

Основная идея функциональной лингвосинергетики состоит в том, что в процессе развертывания дискурса его смысловое и прагматическое пространство формируется как открытая нелинейная неравновесная система, постоянно взаимодействующая с внешней средой (сознанием коммуникантов и коммуникативной ситуацией), способная к самоорганизации и саморегулированию в процессе чередования этапов хаотизации и упорядоченности и продвигающаяся к функциональному аттрактору (области притяжения всех элементов системы), то есть к реализации коммуникативной цели [2].

Лингвосинергетика позволяет под новым углом взглянуть на многие проблемы делового общения, раскрыв особенности динамики функционального пространства англоязычной бизнес-коммуникации [3]. Так, актуальным остается вопрос специфики смысловой эволюции прагма-семантической системы при реализации коммуникантами разноплановых речевых стратегий.

Нелинейность как базовое свойство английского языка делового общения предопределяет существование некоторого множества альтернативных траекторий смыслового развития дискурсивной системы. Выстраивание функциональной перспективы с учетом внутренних системных процессов чередования этапов хаотизации и упорядоченности, сочетаемости элементов системы друг с другом и с объективными тенденциями внешней среды существенно повышает вероятность эволюционного движения кооперирующих прагма-семантических компонентов в направлении прогнозируемого аттрактора. С точки зрения функциональной лингвосинергетики, коммуникативная стратегия представляет собой один из вероятных путей развития смыслового пространства, влекущий выполнение поставленных субъектом речи целевых установок делового общения. Коммуникативная тактика, таким образом, сводится к осуществлению комплекса мер по нейтрализации условий, способствующих эволюционированию дискурса к наименее оптимальным функциональным аттракторам, и успешному преодолению системных точек бифуркации (этапов выбора окончательной траектории смысловой эволюции).

Несмотря на существование конвенциональных норм вербального поведения в английском бизнес-дискурсе, гармонизирующих совместное функционирование прагма-семантических подсистем коммуникантов, важными факторами, предопределяющими вероятность возникновения конфронтации между сторонами делового взаимодействия, являются специфические особенности конкретной ситуации общения, психологическое состояние ее участников, реализуемые в речи целевые установки. Необходимо отметить, что конкурирующее софункционирование смысловых подсистем не сводится лишь к динамике прагма-семантического пространства, развивающегося на фоне обменных процессов с конфликтной коммуникативной ситуацией, определяемой как «результат особого типа обще-

© Храмченко Д.С., 2013

ния, особого типа речевого поведения коммуникантов» и предполагающей «столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно, либо бессознательно, действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов/целей, предпринимает ответные действия» [1, с. 3–4]. Любые формы споров, очной (или заочной) полемики по общим и частным деловым вопросам, в которых участники ориентируются на бескомпромиссную модель выстраивания дискурса «win-lose», порождают контрадикторные эволюционно разнонаправленные подсистемы, стремящиеся закрепить свой индивидуальный вектор движения функциональных элементов к максимально приемлемому для себя аттрактору. Выживание каждого из подобных речевых образований зависит от устойчивости инспирирующих обменных процессов с внешней средой – сознанием соответствующего субъекта речи и успешности применяемых оппонентом тактических языковых приемов. Отсутствие «областей пересечения» между наиболее благоприятными режимами функционирования (аттракторами) дискурсивных подсистем, изначальное нежелание коммуникантов проявить гибкость и адаптировать занимаемою позицию в соответствии с прогнозируемыми интересами собеседника вынуждают стороны все чаще идти на осмысленное нарушение традиционных норм и правил бизнес-коммуникации, оперируя нестандартными средствами тактической дерегламентации и деконвенционализации традиционно регламентированного делового общения.

Важная функциональная особенность классического английского бизнес-дискурса заключается в уникальном балансе специфического целеполагания деловой коммуникации, статусно-ролевого характера отношений между участниками общения и регулирующих речевое поведение норм, установок и максим, создающих предпосылки для гармонизирующего взаимодействия различных подсистем внешней среды. Программируемая ориентация на избежание или преодоление вербальной конфронтации не только значительно сужает круг возможных ситуаций, провоцирующих конкуренцию дискурсивных подсистем коммуникантов, но и повышает ответственность сторон за успешность применяемых тактических приемов в случае возникновения конфликта, угрожающего широким спектром негативных последствий: от потери делового контакта до карьерного краха или утраты бизнеса. Использование операторов искусственной хаотизации прагма-семантической системы как эффективных средств реализации коммуникативной стратегии в условиях динамичного противодействия смысловых подсистем позволяет субъекту речи оказать деструктивное влияние на развитие риторики оппонента и осуществить принудительную смену траектории движения функциональных связей дискурса.

В одном из эпизодов романа И. Бэнкса «The Steep Approach to Garbadale» персонажи обсуждают предстоящую продажу семейной фирмы крупной американской компании. Главный герой Олбан и его кузен Филдинг пытаются уговорить одного из акционеров, их дядю Кеннарда, не допустить осуществление сделки:

“Alban thinks, as I do, that we should keep the family and the firm together,” Fielding tells Kennard. He glances over at Al, who is still looking out over the train set… “That’s fair enough thing to say, isn’t it, Alban?”

“If it was up to me alone, I wouldn’t sell to Spraint Corp,” Alban agrees.

“Dare say you’d rather have a workers’ cooperative, wouldn’t you, Alban?” Kennard says. “Hmm?” He’s cleaning the underside of one of the locomotives with a small paintbrush.

“Chance would be a fine thing, Kennard,” Al says. He sees a little switch on the edge of the layout. “What happens if you flick this?” he says, pointing.

Kennard looks over. “Try and see.” [4].

Кеннард, склоняющийся в пользу подписания соглашения с американцами, колеблется с принятием окончательного решения. Будучи опытным бизнесменом, он объективно прогнозирует цели и мотивы своих собеседников, стремящихся заручиться поддержкой влиятельного члена семьи и держателя крупного пакета акций на предстоящем голосовании. Таким образом, коммуникативная задача, которая ставится перед Кеннардом, заключается в затягивании с ответом, попытке выиграть время на размышление за счет дестабилизации дискурсивных подсистем Олбана и Филдинга, а также изменения вектора эволюционного развития функционального пространства, наметившегося в первых высказываниях анализируемого фрагмента. Используемые кузенами грамматические средства (модальный глагол *should*, разделительный вопрос в сочетании с апелляцией к союзнику *isn’t it, Alban*, сослагательное наклонение на фоне придаточного предложения условия *If it was up to me alone, I wouldn’t sell to Spraint Corp*) отчетливо свидетельствуют о шаткости позиций и неуверенности в себе обоих противников сделки с Spraint Corp. Воспользовавшись недостаточным уровнем взаимообмена подсистем оппонентов с внешней средой, Кеннард вводит в дискурс элемент *workers’ cooperative*, вызывающий отклонение прагма-семантической системы от равновесного состояния. В силу определённого стечения обстоятельств родственники и некоторые друзья Олбана ошибочно считают его социалистом. Дерегламентирующая фраза актуализирует в сознании участников обще-

ния информационный пласт, связанный с политическими воззрениями Олбана, и способствует притоку в систему негативных прагматических компонентов, оказывающих деструктивное воздействие на дальнейшее развитие контрадикторно функционирующих подсистем Олбана и Филдинга. Хаотизирующая ироничная реплика Кеннарда заводит деловое общение в тупик, переводя дискурс в фазу бифуркации. Перед племянником встает непростой выбор: унизительно оправдываться перед дядей за свое мировоззрение, полностью отрицать левые взгляды или игнорировать вербальный выпад Кеннарда, чей тактический прием блокировал протекание адекватных обменных процессов между внешней средой и подсистемой Олбана.

В итоге, оценив синергийно сложившуюся отрицательную прагматику, осложняющую продвижение системы по намеченной ими ранее траектории, и не сумев найти убедительные аргументы в пользу своего предложения, кузены были вынуждены отшутиться, признаться в желании сделать из успешной коммерческой фирмы кооператив и перевести тему разговора в надежде позже вернуться к ней в более подходящий момент, реализовав тем самым коммуникативную стратегию дяди Кеннарда.

Тактическая хаотизация английского делового дискурса при помощи риторического приема иронии, направленного против личности собеседника, послужила действенным препятствием развитию прагма-семантической системы в направлении неблагоприятного функционального аттрактора, дезорганизовала конкурирующие подсистемы сразу нескольких собеседников, нарушив стимулирующее взаимодействие с внешней средой, и скорректировала вектор движения системных компонентов в наиболее выгодном для субъекта речи русле.

Таким образом, планирование речевого взаимодействия с участниками делового общения, прогнозирование траекторий прагма-семантической эволюции подсистем и управление внутренними процессами функционального развития дискурса, опирающееся на манипулирование разноуровневыми хаотизирующими языковыми линейными и нелинейными средствами и приемами, являются важными факторами результативной организации и оптимизации предметной деятельности человека. Функционально-синергетический анализ стратегий и тактик современного английского делового дискурса в условиях конфронтационного сосуществования смысловых подсистем участников общения открывает широкие перспективы в плане совершенствования бизнес-риторики.

Библиографический список

1. *Гулакова И.И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. … дис. канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 19 с.

2. *Пономаренко Е.В.* Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка) – М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2010. – 148 с.

3. *Храмченко Д.С.* Хаотизация прагма-семантической системы английского делового дискурса: конструктивный аспект // Вопросы прикладной лингвистики. Вып. 7. – М.: РУДН, 2012. – С. 68–76.

4. *Banks I.* The Steep Approach to Garbadale. – L.: Abacus, 2007. – 390 p.

УДК 80+804

Шугаева Екатерина Анатольевна
Московский городской педагогический университет
chougaeva@mail.ru

ТЕОРИЯ «ЗАМЕНЫ» А. БЕРРАНДОННЕРА КАК ПОПЫТКА ОПРОВЕРГНУТЬ ИДЕИ ДЖ. ОСТИНА

В статье рассматривается теория «замены» швейцарского лингвиста А. Беррандоннера, появившаяся как протест против широко распространенной теории речевых актов, основы которой были заложены английским логиком Дж. Остином.

Ключевые слова: *речевой акт, иллокуция, действие, теория «замены», неречевой акт.*

Идеи английского логика Дж. Остина, изложенные им в курсе лекций, опубликованном под названием «Слово как действие» (1986), составили ядро теории речевых актов. Главной особенностью данной теории является, по мнению Г.Г. Матвеевой, «тот факт, что языковое высказывание трактуется как действие» [2, с. 56] и минимальной единицей коммуникации признается речевой акт, который Н.Д. Арутюнова определяет как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [1, с. 412].

В теории речевых актов речевой акт представлен как трехуровневое образование, включающее в себя локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты [4, с. 92–93]. Локутивный акт – это акт говорения, произнесение определенного предложения с определенным смыслом, используя языковые средства. Иллокутивный акт – действие, совершаемое в процессе говорения и имеющее внеязыковую цель, выражающее определенное намерение говорящего. Возможное последующее воздействие на мысли и чувства собеседника, на его поступки является перлокутивным актом.

Главным новшеством трехуровневой схемы анализа речевого действия, предложенной английским философом и логиком Дж. Остином, является понятие иллокутивного акта и соответствующее ему семантическое понятие иллокутивной функции (силы). Именно этому аспекту речевого акта в теории речевых актов уделяется основное внимание. Согласно приверженцам данной теории, каждое высказывание обладает семантической функцией выполнять определенный тип конвенционального акта, который создает права и обязанности для коммуникантов и называется иллокутивным актом.

Как само понятие иллокуции, так и мнение, что с помощью языка можно «действовать», стали общепринятыми в мировой лингвистике благодаря растущему влиянию теории речевых актов. Однако, несмотря на огромную популярность данной теории, не все ученые признают ее.

Швейцарский лингвист А. Беррандоннер предлагает альтернативу остиновской теории актов, излагая свою точку зрения в книге «Элементы лингвистической прагматики» (1981). Ученый призывает «отделаться от понятия иллокуции» [5, с. 30] как от сомнительного, не имеющего точного определения, но претендующего на право быть аксиомой.

Лежащее в основе теории речевых актов положение, что с помощью слов можно выполнять действия, отвергается А. Беррандоннером. Для него акт, действие связаны с жестами, движениями, которые изменяют существующее положение дел и влекут за собой определенный результат. «Действие выполняется руками, ногами, зубами, глазами, но никак не с помощью слов» [5, с. 80–81]. Противопоставляя понятия «делать» и «говорить» А. Беррандоннер из трех актов, описанных Дж. Остином, допускает существование лишь локутивного акта – как движения органов речи.

В свете теории речевых актов высказывание *«Я тебе обещаю сделать это»* имеет то же прагматическое значение, что и акт обещания, то есть акт высказывания и акт обещания рассматриваются как один. Однако точка зрения А. Беррандоннера заключается в том, что этим высказыванием лишь пользуются, чтобы обещать, а само оно не является актом обещания. «Означаемое высказывания не способно представлять собою акт, но может, при случае, служить заменой акта» [5, с. 84]. Таким образом, язык представляется как заменитель действия.

Рассматривая условия, при которых действие может быть заменено словами, А. Беррандоннер отмечает «неудобство» актов, обычно заменяемых высказываниями (L-subtituables). Совершение подобных актов либо невозможно (например, поцелуй в конце телефонного разговора), либо оказывается слишком долгим (пожизненный приговор заключенному), либо двусмысленно (рукопожатие). Тем не менее необходимый признак «неудобства» не является достаточным: не все «неудобные» акты заменяются словами.

Одной из основных проблем, с которыми сталкивается феномен замены действия словами, – это отсутствие гарантий сохранности результата при потере возможности его непосредственного получения. Возможность акта быть замененным словами обязана своим существованием наличию нор-

 © Шугаева Е.А., 2013

мативной силы, которая гарантирует результат действия. Так, например, невозможно ударить человека, сказав *«Я тебе даю пощечину»*, но можно уволить, произнеся *«Я Вас увольняю»*, при условии, что говорящий имеет на это полномочия. Следовательно, к условиям замены действия словами, помимо «неудобства» физического совершения действия, относится также существование определенной гарантии сохранности результата.

Согласно А. Беррандоннеру, значение высказывания как замены действия никак не отражается во фразе, но может быть определено по контексту высказывания. Одним из указателей является «отсутствие референта, способного признать высказывание действительным» [5, с. 110]. Фраза сообщает о совершении действия, в то время как в действительности никакое действие не совершено. Таким образом, высказывание, обозначающее действие (A-substitutive), которое не существует в реальности, является неправдой. Но если причиной отсутствия действия оказывается невозможность его осуществления, то говорящий претендует на то, чтобы ему поверили, что это действие совершено или что его результат существует.

Данная теория «замены» А. Беррандоннера была подвергнута широкой критике, поскольку многие ее положения оказываются неподтвержденными. Репрезентационалистская точка зрения, которой придерживается ученый, устарела. Следовательно, определение языка как кода, способного описывать реальность, и мнение, что семантическая функция высказывания заключается в том, чтобы «представлять (описывать, констатировать, отражать) “положение вещей”» [5, с. 78], не могут быть приняты современной лингвистикой. Само основное положение теории А. Беррандоннера, заключающееся в том, что высказывание является «заменой» действия, а не наоборот, спорно, «никакой довод не представлен в поддержку этого сомнительного вывода» [6, с. 109].

Как пишет французский лингвист К. Кербрат-Орекьони, теория «замены» А. Беррандоннера может быть применена лишь к «некоторым второстепенным случаям как *“Я тебя целую”* в конце телефонного разговора» [7, с. 29]. Кроме того, данная теория не в состоянии объяснить многие факты, например, как можно пообещать с помощью физического действия, не прибегая к речевой «замене».

Размышления А. Беррандоннера – своего рода провокация. Его теория «замены», возникшая как протест против теории речевых актов, указывает на «некоторые научные “слабости” прагматического подхода, отсутствие определения некоторых понятий, порой слишком расплывчатых, которые возникают как недоказанные постулаты» [6, с. 110].

Противоречие скрыто в самом понятии «акта», «действия». Согласно определению А. Беррандоннера, «действие» – это движение, жест. Однако данный критерий другие исследователи называют «довольно произвольным» [7, с. 30], тогда как второй критерий, выдвинутый швейцарским лингвистом, – наличие результата – широко признан и находит свое подтверждение в толковых словарях как французского, так и русского языков. Например, «ACTION [...] 2. Fait de produire un effet, manière d'agir sur qqn ou qqch» [8]. 'ДЕЙСТВИЕ [...] 2. Факт получения результата, способ воздействовать на кого-л. или что-л.'. (Перевод наш. – *Е.Ш.*).

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова дается следующее определение: «ДЕЙСТВИЕ [...] 2. Результат проявления деятельности чего-н., влияние, воздействие» [3].

Исходя из критерия наличия результата, невозможно лишить высказывание статуса действия, потому что именно с помощью высказываний осуществляются такие действия, как просьба, запрет, обещание и т.д., направленные на достижение определенного результата.

Таким образом, компромиссом между точками зрения Дж. Остина и А. Беррандоннера может стать признание существования как речевых актов, так и неречевых актов (или жестов, согласно терминологии А. Беррандоннера), поскольку оба типа актов имеют результат.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Прагматика // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.

2. *Матвеева Г.Г.* Основы прагмалингвистики : монография / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. – 232 с.

3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ozhegov.org/words/299.shtml.

4. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–129.

5. *Berrendonner A.* Eléments de la pragmatique linguistique. – Paris: Minuit, 1981. – 247 p.

6. *Blanchet Ph.* La pragmatique d'Austin à Goffman. – Paris: Bertrand-Lacoste, 1995. – 127 p.

7. *Kerbrat-Orecchioni C.* Que peut-on « faire » avec du dire? // Cahiers de linguistique française. Les modèles du discours face au concept d'action. 26/2004. – P. 27–43.

8. Le Petit Robert [Электронный ресурс]. – 2012.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.963

Ивкова Анна Владимировна
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва)
ivkova-anna@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

В статье дан анализ законодательства, устанавливающего полномочия прокурора по надзору за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере, и предложен ряд мер по его совершенствованию.

Ключевые слова: *легализация преступных доходов, терроризм, прокурорский надзор, банковская сфера.*

Пределы прокурорского надзора, как правовая категория, определяют границы должного, возможного и запрещенного при выборе прокурором объектов предстоящей проверки, применении полномочий и средств прокурорского реагирования на выявленные факты нарушения закона [1, с. 99].

В законодательстве о прокуратуре отсутствует понятие пределов прокурорского надзора. Раскрывая понятие пределов прокурорского надзора, специалисты, как правило, говорят: во-первых, о круге актов, надзор за исполнением которых должен осуществлять прокурор; во-вторых, о круге объектов, надзор за законностью в деятельности которых призван осуществлять прокурор; в-третьих, о полномочиях прокурора [2, с. 114–124]. Законодатель (ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») к трем названным присоединяет еще три ограничителя: а) запрет на вмешательство прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов; б) проведение проверок только по поступившей в органы прокуратуры информации о допущенных нарушениях закона; в) запрет подменять иные государственные органы в рамках отведенных им полномочий и предмета ведения [1, с. 100].

Деятельность прокуратуры в Российской Федерации осуществляется на основании Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Полномочия органов прокуратуры по надзору за соблюдением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма предусмотрены статьей 14 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Нормативно-правовой основой организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в кредитно-финансовой сфере являются приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», приказ Генерального прокурора РФ от 19.01.2010 № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Статья 5 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» относит кредитные организации к организациям, осуществляющим операции с денежными средствами или иным имуществом. Права и обязанности по исполнению требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» установлены в статье 7 указанного Федерального закона, в том числе осуществлять внутренний контроль; идентифицировать лиц, находящихся на обслуживании в организации; документально фиксировать и представлять в уполномоченный орган сведения об операциях, подлежащих обязательному контрою и подозрительных операциях.

При проведении проверок кредитных организаций на предмет соблюдения требований законодательства о противодействии легализации преступных доходов у прокуроров возникает необходимость истребовать определенную информацию из банка или кредитной организации. Согласно ст. 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Статистическая и иная информация, справки, документы и их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию про-

© Ивкова А.В., 2013

курора безвозмездно. Неисполнение требований прокурора влечет за собой установленную законом ответственность.

В то же самое время в соответствии со статьей 857 Гражданского кодекса РФ банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. Сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены только самим клиентам или их представителям, а также представлены в бюро кредитных историй на основаниях и в порядке, которые предусмотрены законом. Государственным органам и их должностным лицам такие сведения могут быть предоставлены исключительно в случаях и порядке, которые предусмотрены законом.

Таким образом, из статьи 857 ГК РФ следует, что в федеральных законах должны быть прямо установлены случаи и порядок предоставления банками сведений, составляющих банковскую тайну.

Судебная практика достаточно непоследовательна в регламентации вопроса предоставления банковской тайны третьим лицам.

Позиция Верховного суда РФ по вопросу правомерности истребования прокурором сведений из кредитных организаций изложена в постановлении Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 74-АД11-1. Как разъяснил Верховный Суд РФ, перечень лиц, которые вправе получать от банков информацию, составляющую банковскую тайну, содержится в статье 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и является закрытым. Прокуратура Российской Федерации и ее должностные лица не указаны в данном перечне. В связи с чем Верховный суд признал законным отказ банка в предоставлении прокурору в рамках проводимой проверки исполнения законодательства о защите прав потребителей для ознакомления кредитных договоров.

Позиция Конституционного Суда РФ по вопросу пределов применения «банковской тайны» изложена в постановлении от 14.05.2003 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа».

Конституционным Судом РФ проверена конституционность нормы Федерального закона «О судебных приставах» об обязанности банков предоставлять судебным приставам-исполнителям всю истребуемую ими информацию. Коллизия состояла в том, что часть 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» предусматривала, что все организации и должностные лица обязаны предоставлять судебным приставам востребованную ими информацию. Вместе с тем на момент рассмотрения дела в статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» отсутствовало указание на полномочия судебного пристава-исполнителя истребовать сведения, содержащие банковскую тайну, в кредитной организации. Учитывая такое противоречие, руководствуясь Федеральным законом «О банках и банковской деятельности», кредитные организации отказывались предоставлять судебным приставам истребуемую информацию. Конституционный Суд признал законным право судебных приставов требовать данные о банковских счетах граждан и организаций в силу полномочий, установленных Федеральным законом «О судебных приставах».

Правоприменительная практика показывает, что положения статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» невозможно истолковать четко и однозначно.

В связи с чем при определении пределов полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов в банковской сфере следует исходить не только из общих полномочий прокурора, предусмотренных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», но и специальных полномочий, установленных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов.

Следует отметить, что Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» относится к числу законодательных актов, в которых содержится прямое указание, что надзор за их исполнением осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами (ст. 14 Федерального закона от 07.08.2001 № 115 – ФЗ).

В пункте 7 статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» установлено, что информация об операциях, о счетах и вкладах юридических лиц, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и физических лиц представляется кредитными организациями в уполномоченный орган, осуществляющий функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в случаях, порядке и объеме, которые предусмотрены Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Комплексный анализ статьи 6 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 14 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», пункта 7 статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что сведения, в порядке

и объемах, определенных Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», могут быть предоставлены кредитными организациями органам прокуратуры Российской Федерации.

Пункты 1.1., 1.2. Приказа Генерального прокурора РФ от 19.01.2010 № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» предписывают прокурорам обеспечить эффективную систему надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. Проводить проверки исполнения государственными органами, осуществляющими контроль на территории Российской Федерации за проведением операций с денежными средствами или иным имуществом, и их должностными лицами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. В каждом случае давать оценку исполнению законов и достаточности мер, принимаемых по выявленным нарушениям.

Контроль за исполнением кредитными организациями требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115 – ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» осуществляет Центральный банк Российской Федерации.

Пункт 7.3. Инструкции Центрального банка РФ от 25.08.2003 № 105-И «О порядке проведения проверок кредитных организаций (их филиалов) уполномоченными представителями Центрального банка Российской Федерации» относит акт проверки Центрального банка РФ к документам, содержащим банковскую тайну.

Таким образом, иное понимание требований ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» делает невозможным проведение прокурорской проверки полноты принимаемых Центральным банком РФ мер к выявлению нарушений законодательства о противодействии легализации преступных доходов.

Соответствующее понимание содержания ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» соответствует и требованиям 29-й рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), согласно которой органы надзора должны располагать достаточными полномочиями для мониторинга и соблюдения финансовыми учреждениями требований по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, включая право проводить инспекции. Они должны иметь полномочия требовать предоставления любой информации от финансовых учреждений, которая необходима для мониторинга такого соблюдения, и они должны иметь право налагать надлежащие административные санкции за невыполнение таких требований.

Библиографический список

1. *Казарина А.Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов. – М.,2005.

2. Прокурорский надзор. – М.: Юрайт, 2003.

УДК 342.1

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ОСНОВНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ «СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» В УСЛОВИЯХ «ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ» (к 95-летию принятия первой российской конституции)

В предлагаемой статье рассмотрены основные принципы государственного и общественного строительства, закрепленные в первой конституции РСФСР 1918 года и определившие основные векторы развития советского государства и права.

Ключевые слова: *конституция РСФСР 1918 г., основной закон государства, социалистическое государство, советская демократия, диктатура пролетариата, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.*

> В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире.
>
> В.И. Ленин

В начале 90-х годов прошлого века наша страна вступила в новый период своего развития. Начальный этап «постсоветской формации» ознаменовался не только известными радикальными экономическими реформами, но и живым интересом к отечественной истории.

В настоящее время данный интерес принял более спокойный и профессиональный характер. Однако крайне разнополярную интерпретацию получают знаковые события недавнего советского прошлого. Переоценка важных аспектов советского режима (экономических, политических, правовых, идеологических, культурных и др.); преодоление одностороннего подхода, предвзятости, схематизма в этих оценках; отказ от идеологических догм; уход от тенденциозности; попытки отыскать исторические аналогии и провести исторические параллели; стремление обнаружить в прошлом ориентиры в будущее, – всё это наблюдается сегодня в нашем обществе. Интервал оценок советского опыта достаточно широк – от идеализации до «демонизации».

Важными историческими источниками являются соответствующие правовые акты, поскольку в них нашла своё отражение (в концентрированном виде) политика государства (в рассматриваемый период). Становление и развитие советской национально-правовой системы изначально пошло по пути принятия конституций и кодификации законодательства. За последние 95 лет наша страна «прошла» через пять конституций. С одной стороны, этот опыт не слишком продолжительный (в историческом контексте), с другой – интересный, богатый и поучительный.

Целью работы является краткая характеристика основных принципов построения государственного и общественного строя, закрепленных в первой российской конституции, принятой 10 июля 1918 года.

25 октября 1917 года государственная власть в России «перешла в руки политических сил левой ориентации, среди которых лидирующее положение занимала партия большевиков» [6, с. 5]. Свои идеологические и политические установки новая власть стала активно формулировать в соответствующих нормах «революционного законодательства». В течение первых двух месяцев было принято множество нормативных актов, среди которых пристального внимания заслуживает документ под названием «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (далее – Декларация), ставший не только предвестником первой отечественной конституции, но и её главной составной частью. Как писал О.И. Чистяков, «…Большевики решили создать краткий конституционный закон, закрепляющий наиболее важные победы Октябрьской революции» [11, с. 14]. Как известно, автором Декларации был В.И. Ленин.

Свою оценку (типично западную) факту написания Декларации дал Роберт Пейн – автор наиболее известной биографии В.И. Ленина за рубежом. «Ленин сочинил текст декларации за два дня до открытия Учредительного собрания… Ленин писал её в спешке, несколько раз переписывал. Документ получился нечетким, неясным, как многие, им созданные… Работая над текстом декларации, Ленин явно старался создать исторический документ, по своему значению равный Декларации прав человека и гражданина. Однако складывается впечатление, что писал он её, импровизируя на ходу, будто ещё не до конца продумав, какой тип государства собирается строить», – писал Р. Пейн [5, с. 442].

3 января 1918 года Декларация была принята ВЦИК, а 5 января 1918 года Я.М. Свердлов представил Декларацию при открытии Учредительного собрания. Предваряя оглашение данного документа, он, в частности, сказал: «В своё время французская буржуазная революция 1789 г. провозгла-

© Рощин Б.Е., 2013

сила декларацию прав человека и гражданина… Наша российская социалистическая революция должна также выставить декларацию, но декларацию, провозглашающую уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» [7, с. 37].

Декларация провозгласила ряд основных положений государственного и общественного устройства, среди которых: 1) переход всей полноты государственной власти (как в центре, так и на местах) в ведение Советов депутатов (рабочих, солдатских, крестьянских). Следует напомнить, что переход местной власти к Советам (которые были призваны «обеспечить подлинный революционный порядок») провозгласил II Всероссийский съезд Советов (26 октября 1917 г.); 2) отмена частной собственности на землю, объявление всех земель «общенародным достоянием» и передача трудящимся. Лозунг: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда» также был провозглашен вышеупомянутым съездом; 3) введение всеобщей трудовой повинности; 4) создание Красной Армии; 5) запрет «эксплуататорам» на занятие должностей в органах власти.

Кроме того, подтверждался декрет о рабочем контроле (от 14.11.1917 г.) и декрет о национализации банков (от 14.12.1917 г.). По форме государственного устройства «Республика Советов» учреждалась как «федерация советских национальных республик».

Как известно, большевики предложили поставить Декларацию первым пунктом повестки дня работы Учредительного собрания, но представители правого большинства в Учредительном собрании отвергли это предложение. Окончательное принятие декларации состоялось в период работы III Всероссийского съезда Советов. Любопытно отметить тот факт, что сначала Декларация была принята 12 января 1918 г. (на третьем заседании съезда), а затем ещё раз 18 января (на заключительном заседании), поскольку 18 января «собралось почти вдвое больше представителей от трудящихся масс» [2, с. 343].

Очевидно, что в январе 1918 года большевики объективно не могли принять конституцию, поскольку им не принадлежала власть на всей территории страны. Кроме того, система нового государственного механизма (и система советского права) находилась в зачаточном состоянии. По мнению О.И. Чистякова, «декларация явилась по существу малой Конституцией Советского государства» [11, с. 15]. В то же время данный документ нельзя считать полноценным нормативно-правовым актом (в современном понимании), к тому же название документа говорит само за себя. Можно сказать, что это была декларация о намерениях – об основных целях, дальнейших мероприятиях и перспективах.

1 апреля 1918 года ВЦИК принял решение о создании специальной комиссии для разработки проекта первой российской конституции. 16 апреля был опубликован полный и окончательный список данной комиссии. В её состав вошли: И.В. Сталин, М.Н. Покровский, Н.И. Бухарин, В.А. Аванесов, М.А. Рейснер, Э.М. Склянский, М.И. Лацис и др. Возглавил комиссию Я.М. Свердлов – председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК). Результатом трехмесячной работы комиссии стал проект будущей конституции, который 3.07.1918 года поступил на утверждение ЦК РКП (б), до дальнейшего обсуждения на предстоявшем V Всероссийском съезде Советов (работал 4–10 июля 1918 г.).

Я.М. Свердлов (6 июля 1918 г.) в отчете вышеупомянутому съезду Советов особенно подчеркнул: «У нас в порядке дня стоит вопрос о конституции… Я считаю лишним останавливаться здесь на том, насколько такая конституция является необходимой для нас в настоящее время… насколько необходимо внести полную планомерность, организованность, стройность во всё наше советское строительство…» [7, с. 91].

Конституционные принципы (как основополагающие и руководящие начала, господствующие идеи) нашли свое отражение в нормах основного закона. Анализ конституции позволяет выявить и сформулировать данные идеи.

1. Принцип единства государственной власти. Ст. 1 Конституции провозглашала переход всей полноты государственной власти (как в центре, так и на местах) в ведение Советов депутатов (рабочих, солдатских, крестьянских). Ст. 10 содержала несколько другую, более чёткую идеологическую формулировку, согласно которой вся власть в пределах РСФСР «принадлежит всему рабочему населению страны, объединённому в городских и сельских Советах».

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (далее ВСС) провозглашался конституцией в качестве высшего органа государственной власти. В состав съезда входили избранные полномочные представители (депутаты) городских Советов (один депутат на 25 тыс. избирателей) и депутаты от губернских съездов Советов (один депутат на 125 тыс. жителей). Съезд избирал ВЦИК, численностью не более 200 человек. ВЦИК нёс полную ответственность перед ВСС.

ВЦИК, созданный 2.11.1917 г., провозглашался конституцией в качестве высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа РСФСР. В обязанности данного органа входило: разработка основных направлений деятельности всех органов государственной власти; контроль за «проведением в жизнь Советской Конституции» и других актов «центральных органов Советской власти»; рассмотрение и утверждение проектов декретов СНК; самостоятельное принятие соответ-

ствующих декретов и распоряжений; созыв ВСС (не реже двух раз в год) и предоставление съезду отчета о своей работе; формирование СНК.

К предметам совместного ведения ВСС и ВЦИК относились ключевые направления внутренней и внешней политики: утверждение, изменение, дополнение Конституции РСФСР; общее руководство внутренней и внешней политикой РСФСР; установление и изменение государственных границ; принятие в состав РСФСР новых субъектов; объявление войны и заключение мира и др.

СНК, созданный 26.10.1917 г. декретом II ВСС («до созыва Учредительного собрания»), провозглашался конституцией в качестве органа, которому «принадлежит общее управление делами» РСФСР. СНК состоял из народных комиссаров, возглавлявших соответствующие народные комиссариаты (по иностранным делам, по военным делам, внутренних дел, юстиции, труда, социального обеспечения, народного просвещения, по национальным делам, государственного контроля, здравоохранения и др.). В обязанности СНК входило принятие соответствующих декретов, распоряжений, инструкций и других мер, «необходимых для правильного и быстрого течения государственной жизни». О всех принятых СНК решениях следовало незамедлительно сообщать ВЦИК, последний имел право «отменить или приостановить» любое решение СНК. Народный комиссар имел право единоличного принятия решений «по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего комиссариата». Подобное решение могло быть обжаловано в СНК или Президиуме ВЦИК. Кроме того, провозглашалась полная ответственность СНК перед ВСС и ВЦИК. Разумеется, многие из установленных норм имели на практике сугубо декларативный характер.

Органами власти на местах являлись областные, губернские, уездные и волостные съезды советов, которые провозглашались (в границах своего ведения и территории) высшей властью. Данные съезды формировали свои исполнительные комитеты, которые провозглашались высшей властью в периоды между работой съездов. В городах и селениях формировались Советы депутатов (в городах один депутат на тыс. человек, но не менее 50 и не более тыс. членов; в селениях один депутат на 100 человек, но не менее 3 и не более 50). Срок депутатских полномочий составлял 3 месяца.

В задачи местных органов советской власти входило: проведение в жизнь решений вышестоящих органов власти; урегулирование вопросов местного значения; решение местных хозяйственных и культурных проблем.

Следует отметить, что к моменту принятия Конституции вопрос правового урегулирования статуса местных Советов был достаточно сложным и противоречивым, поскольку местные Советы, в большинстве случаев, считали себя независимыми рабочими организациями, рожденными стихийным порывом трудящихся масс. Многие местные советы проявляли своего рода местный «синдикализм» (местечковые интересы) и восприняли исходный лозунг «Вся власть советам» (как в центре, так и на местах) явно децентрализаторски, что, разумеется, создавало реальную угрозу эффективному управлению страной.

До принятия Конституции предпринимались попытки определить и указать место и функции местных Советов. Так, в декрете НКВД говорилось, что местные советы «должны подчинить себе все учреждения, как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения… Каждая из этих организаций… вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти… Таким путём создаётся связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов» [9, ст. 179]. Однако исполнить подобные нормативные акты было крайне сложно.

Таким образом, специфика организации государственной власти заключалась в следующем: а) государственную власть осуществляли одновременно три центральных органа: ВСС, ВЦИК, СНК; б) отвергался принцип разделения властей (на законодательную, исполнительную, судебную); в) чрезвычайно широкие законодательные и исполнительные полномочия были предоставлены СНК; г) в основном законе совершенно не упоминалась судебная функция государства, хотя основные вопросы советского судоустройства (и судопроизводства) регулировались декретом СНК «О суде № 1» (от 22.11.1917 г.); декретом ВЦИК «О направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений» (от 29.12.1917г.); декретом «О суде № 2» (от 15.02.1918 г.; д) внедрялся принцип «демократического централизма», при реализации которого местные советы обязывались жестко подчиняться вышестоящим государственным органам (то есть создавалась некая «вертикаль власти») – с одной стороны, а с другой стороны – местные советы (в пределах своей территории) наделялись достаточно широкими полномочиями.

2. Принцип федерализма. Конституцией устанавливалась федеративная форма государственного устройства, субъектами федерации были объявлены советские национальные республики. Предусматривалось также создание автономных областных союзов, образованных путём объединения Советов областей (с «особым бытом и национальным составом»), входящих на началах федерации в РСФСР. Во главе таких областных союзов должны были стоять областные съезды Советов и их исполнительные органы.

В конкретных условиях перед большевиками стояла дилемма: провозгласить свободу «народам

Российской империи», предоставить им национальную независимость и самостоятельность и в то же время включить эти народы в состав государства и руководить ими. Федерализм подвергался довольно негативным оценкам со стороны новой власти, поскольку между федерализмом и децентрализацией ставился знак равенства. Так, ещё в марте 1917 года И.В. Сталин написал статью под характерным названием «Против федерализма», в которой резюмировал: «Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?» [8, с. 27].

Таким образом, в конкретно-исторических условиях провозглашение федеративной формы государственного устройства было вынужденным шагом новой власти, поскольку сама идея федерализма противоречила большевистской идеологии. Конституция ограничилась установлением лишь «коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своём собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном строительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» (ст. 8 Конституции). В данной статье, в несколько завуалированном виде, просматривается принцип самоопределения наций (провозглашенный 2.11.1917 г. в Декларации прав народов России), который неразрывно связан с принципом федерализма.

3. Принцип диктатуры пролетариата. Следует сразу заметить, что в конституции отсутствовала легальная дефиниция такого понятия, как «диктатура пролетариата». Данный «феномен» определял «господствующий класс, а не форму правления, с помощью которой этот класс осуществлял власть» [3, с. 134].

Наиболее наглядно классовая сущность пролетарской диктатуры была сформулирована в ст. 23, согласно которой РСФСР, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом… лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Данная норма на практике по существу узаконила произвол, подаваемый под «соусом» «революционного творчества масс».

Известный английский писатель Герберт Уэллс, посетивший Россию в сентябре 1920 года, дал свою субъективную оценку политике большевиков: «Марксистская теория довела их воображение до “диктатуры классово сознательного пролетариата” и затем намекала… что там их ожидают новые небеса и новая земля. Если б это сбылось, это действительно означало бы переворот в судьбах человечества» [10, с. 32].

Конечной целью пролетарской диктатуры стало решительное подавление и уничтожение классовых врагов, применение насилия к классово чуждым субъектам – эксплуататорам, нетрудовым элементам, тунеядцам, «деклассированной» интеллигенции и т.п. «Азбука коммунизма» наглядно и доходчиво объясняла суть диктатуры пролетариата: «Классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец… Можно ли установить овечье-волчью волю? Всякий разумный человек скажет, что это бессмыслица…» [1, с. 21–22].

В то же время идеологи большевизма напоминали о временном (переходном) характере данной диктатуры: «…Раз эти эксплуататоры будут подавлены, обузданы, приручены; раз они перевоспитаются и превратятся в таких же трудящихся, как и все остальные, то… мало-помалу будет исчезать и диктатура пролетариата» [1, с. 25].

4. Принцип всеобщей трудовой повинности. В ряде работ В.И. Ленина, написанных как до Октябрьской революции, так и после, говорится о неизбежности установления всеобщей трудовой повинности. Так, в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» (сентябрь 1917 года), он писал: «“Кто не работает, тот не должен есть” – вот основное. Первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью» [4, с. 184].

Данный принцип сначала был провозглашен в Декларации, затем дополнен Конституцией. Так, Декларация (п. е. ст. 3) гласила, что всеобщая трудовая повинность вводится в «целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства». Конституция (ст. 18) провозглашала лозунг: «Не трудящийся да не ест!»

Первый КЗоТ РСФСР, принятый в декабре 1918 года, легализовал трудовую повинность в качестве одной из приоритетных мер. Раздел I «О трудовой повинности» наиболее решительно и последовательно применялся на практике в период «военного коммунизма».

Можно утверждать, что введение трудовой повинности было обусловлено не только (и не столько) хозяйственной разрухой. Трудовая повинность – важный и неотъемлемый сегмент большевистской идеологии, нацеленной с помощью труда воспитать человека «нового типа». Всеобщая «трудовая повинность – это нечто новое, такое, что составляет часть социалистического целого…» [4, с. 157].

5. Принцип всеобщей воинской повинности. Защита «социалистического отечества», согласно ст. 19 Конституции, признавалась всеобщей обязанностью «граждан Республики», при этом «почётное право» защищать «революцию с оружием в руках» предоставлялось исключительно трудящимся.

Изначально формирование Красной Армии предполагалась осуществлять исключительно на

добровольных началах. Согласно декрету СНК «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (от 15.01.1918 г.) право стать красноармейцем имел российский гражданин, достигший совершеннолетия (18 лет), готовый «отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции» [2, с. 356]. Кроме того, для вступления в ряды красноармейцев требовались соответствующие рекомендации (войсковых комитетов, партийных организаций, профсоюзов). Добровольное вступление в ряды РККА, провозглашенное данным декретом, в кратчайшие сроки сменилось на принудительную повинность.

В заключение следует отметить, что своим появлением конституция подвела некий промежуточный итог первоначальному периоду советского строительства и ознаменовала переходный этап к новому строю, провозгласив основные магистральные направления «Великого Октября». Основной закон стал правовым фундаментом, на основе которого осуществлялись формирование и эволюция советского права и государства.

На первый взгляд, нет ничего общего между Конституцией РСФСР 1918 г. и современной Конституцией РФ 1993 г. Однако это не так. Первая советская Конституция (как и нынешняя Конституция РФ 1993 г.) принималась в обстановке системного кризиса. Обе конституции принимались на фоне жёсткой борьбы идеологий, классов, интересов. Так, разрешение политического кризиса 1993 года вылилось в трагические события 3–4 октября у «Белого дома» в Москве. Кроме того, первая и последняя конституции установили основные принципы строительства нового государства.

Просматривается определенная историческая преемственность и в распределении предметов ведения между центральными и местными органами государственной власти. Первая конституция посвятила самостоятельную главу (глава 9) предметам исключительного ведения ВСС и ВЦИК, а современная определила предметы исключительного ведения РФ; предметы совместного ведения РФ и субъектов РФ; предметы регионального ведения.

Принцип равноправия и самоопределения народов, провозглашенный в первые месяцы становления советской власти, закреплён и в нынешней Конституции РФ (п. 3. ст. 5). Самоопределение наций современной России исключает возможность самовольного выхода из состава РФ (или иное изменение субъектами своего статуса), поскольку подобные решения представляют угрозу целостности государства.

В 2013 году первой Конституции РСФСР – 95 лет.

Библиографический список

1. *Бухарин Н.И., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. – М., 1919.

2. Декреты Советской власти. Т. I. – М., 1957.

3. *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция. 1917–1923. – L., 1952.

4. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М., 1959.

5. *Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. – М., 2008.

6. *Плотников А.А.* Конституция РСФСР 1918 г. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003.

7. *Свердлов Я.М.* Избранные статьи и речи 1917–1919. – М., 1939.

8. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. – М., 1954.

9. СУ РСФСР. 1917–1918. – № 12. – Ст. 179.

10. *Уэллс Г.Д.* Россия во мгле. – М., 1959.

11. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. – М., 2003.

УДК 343

Туленев Анатолий Иванович
Российская таможенная академия
tylenev64@mail.ru

ПОНЯТИЕ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Статья посвящена классификации форм использования специальных знаний при расследовании преступлений. Автором раскрыты виды форм использования специальных знаний сведущими лицами в процессуальной, служебной деятельности и их дифференцирование при расследовании таможенных преступлений. Дано определение форме использования сведущих лиц при расследовании таможенных преступлений в период перехода от ЕврАзЭС к единому экономическому пространству.

Ключевые слова: *классификация, формы использования специальных знаний, сведущие лица, процессуальная форма, непроцессуальная форма, информационная и деятельностная форма, процессуальная деятельность, служебная деятельность, предварительное исследование.*

Специальные знания могут использоваться на разных этапах уголовного судопроизводства, таких как возбуждение, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел [6], и в различных формах. Для соблюдения требований законодательства при использовании специальных знаний необходимо правильное представление об их формах. В публикациях о специальных знаниях отсутствует единый взгляд на данную проблему [1].

По мнению ряда ученых, формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве делятся на процессуальные и непроцессуальные, или на указанные и регламентированные уголовно-процессуальным кодексом [1], то есть прямо предусмотренные законом. Например, использование помощи специалистов при производстве процессуальных действий. В других случаях, хотя они прямо и не предусмотрены законом, но вытекают из принципов уголовного процесса и обусловлены требованиями закона о быстром и полном раскрытии преступлений [8, с. 7], то есть указанные, но не регламентированные УПК и не указанные и не регламентированные законом.

При этом структура форм использования специальных знаний при расследовании таможенных преступлений имеет гносеологическую основу в зависимости от природы их формирования, которая предусматривает их классификацию по форме на процессуальные и непроцессуальные. Вместе с тем имеет основание и онтологический подход, который определяется практическим контекстом их применения. Уголовно-процессуальная форма применения специальных знаний – это закрепленная в уголовно-процессуальном законе система случаев и правил применения в предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел специальных знаний сведущих лиц определенным образом [26, с. 15]. Но, в отличие от процессуальной формы, непроцессуальная регламентируется другими нормативными источниками и применяется в ходе проведения действий, не подчиненных определенным процессуальным правилам [9, с. 21].

Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы, мы в настоящей статье исследуем систему дифференциации этих форм при расследовании таможенных преступлений и, прежде всего, в зависимости от нормативно-правового закрепления (правовой основы).

Исторически и логически познание начинается с познания вещей по их свойствам. Не является исключением и классификация форм использования специальных знаний. Цель исследования любого явления – раскрыть его сущность. Взаимосвязь сущности и явления заключается в том, что, во-первых, явление с его признаками выступает исходным моментом познания сущности, а во-вторых, в том, что познанная сущность, в свою очередь, углубляет знание о явлении, раскрывает его [19, с. 35–42].

Внешнее отражение сущности классификации форм использования специальных знаний – это, прежде всего, закрепление ее в законодательстве. Законодатель выделил два критерия осуществления этого отражения. Речь идет о формах, прямо предусмотренных уголовно процессуальным законом, и не предусмотренные им. Вопрос о сущности классификации форм использования специальных знаний может и должен связываться лишь с объективностью легитимного, то есть с вопросом процессуального использования полученной в ходе расследования таможенных преступлений информации, и рассматриваться как средство доказывания либо как результаты, которых будут иметь только ориентирующее значение.

Классификации форм использования специальных познаний в юридической литературе уделялось значительное внимание. Данная проблема была предметом исследования В.Д. Арсеньева, Л.Е. Ароцкера, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.Г. Гончаренко, Е.П. Гришиной, В.Г. Заболоцкого, В.К. Лисиченко, А.Р. Ратинова, Н.А. Селиванова, А.А. Эйсмана и других ученых [6].

Исследования названных авторов в основном носят неполный и отрывочный характер – от перечисления форм использования специальных знаний до правового положения их обладателей.

© Туленев А.И., 2013

Так, А.А. Закатова и Ю.Н. Оропай полагают, что формами реализации специальных знаний являются: применение следователем специальных знаний в ходе расследования; участие специалиста в следственных действиях; привлечение сведущих лиц для проведения ревизий и технических освидетельствований; привлечение сведущих лиц для проведения экспертизы; консультационно-справочная форма [10].

На наш взгляд, в этот перечень форм использования специальных знаний включены разноплановые категории: стадии уголовного производства (расследования), участие специалистов в действиях, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством, непроцессуальное использование помощи специалиста.

А.А. Эйсман говорит о таких формах привлечения специалистов к участию в производстве расследования, как экспертиза, техническая помощь, консультации ревизия, техническое обследование [29, с. 41].

Г.Г. Зуйков к наиболее типичным формам реализации специальных знаний относит: непосредственное применение специальных знаний следователем; назначение экспертиз; назначение ревизий; консультационную помощь специалистов без привлечения его к непосредственному участию в следственных действиях; участие специалиста в следственном действии [12, с. 116].

Е.И. Зуев также выделяет пять форм, но в его классификации отсутствует непосредственное применение специальных знаний следователем. Новым, по сравнению с предложенным Г.Г. Зуйковым, является привлечение специалистов к анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений [11, с. 88].

Например, В.М. Шиканов полагает, что нашему уголовному судопроизводству известны восемь форм использования специальных познаний: 1) непосредственное применение специальных знаний следователем, прокурором, составом суда, то есть функционерами процессуальной деятельности, на кого возложена обязанность по собиранию и оценке судебных доказательств; 2) использование специальных познаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях (консультации, получение различного рода справок по специальным вопросам); 3) использование результатов несудебных (ведомственных, административных) расследований, а также результатов исследований отдельных объектов, проводившихся в процессе указанных расследований или при иных условиях (например, результаты патологоанатомического исследования трупа); 4) использование специальных познаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста; 5) использование специальных познаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций судебного эксперта; 6) использование специальных познаний переводчиков и лиц, понимающих знаки немого или глухого; 7) назначение ревизии в порядке, предусмотренном УПК; 8) производство по заданию следователя или суда технических или иных обследований [28, с. 39, 40].

В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль правильно заметили, что в классификации, предложенной В.И. Шикановым, смешаны «процессуальные формы применения специальных знаний с использованием данных, полученных из непроцессуальных источников» [16, с. 11].

Н.П. Фесенко выделяет восемь форм использования специальных знаний, не дифференцируя основания классификации, в число которых он включает: непосредственное применение специальных знаний следователем, прокурором, составом суда; в использование специальных знаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях (консультации, получение различного рода справок по специальным вопросам); использование результатов несудебных (ведомственных, административных) расследований, а также результатов исследования отдельных объектов, производившихся в процессе указанных расследований или при иных условиях; использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста; использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению функции судебного эксперта; использование специальных знаний переводчика и лиц, понимающих знаки немого или глухого; назначение ревизии; производство технических и иных обследований [27, с. 24–25].

И.Н. Сорокотягин предлагает следующую классификацию форм применения специальных знаний на предварительном следствии:

– процессуальная – экспертиза, участие специалиста, врача в процессуальных действиях, педагога в процессе допроса несовершеннолетнего, производство ревизии по требованию следователя;

– непроцессуальная – консультационно-справочная деятельность, производство ревизии до возбуждения уголовного дела [4, с. 15].

Неудачной представляется нам попытка автора предусмотреть перечень специалистов, участвующих в следственных действиях, поскольку и врач, и педагог – это специалисты, обладающие специальными знаниями.

Несколько иную позицию по вопросу классификации форм применения специальных познаний занимает И.Б. Воробьева. Она выделяет процессуальные формы использования специальных знаний и не урегулированные уголовно-процессуальным законом. К процессуальным формам И.Б. Воробьева относит: участие специалиста в следственных действиях; ревизию; экспертизу; допрос эксперта.

Касаясь второй формы использования специальных знаний, И.Б. Воробьева отмечает, что она связана с применением специальных знаний сведущих лиц, то есть специалистов в соответствующей области, в общеупотребительном, а не в уголовно-процессуальном смысле [2, с. 119]. По ее мнению, «их роль заключается в консультировании и иной помощи, оказываемой вне следственных действий, проведении ими до возбуждения уголовного дела проверок по поручению следственных органов, в возможности использования таких лиц для получения информации по специальным вопросам в форме допроса» [3, с. 39].

Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о том, включать ли в классификационную схему форм использования специальных знаний непроцессуальные формы.

Так, В.Г. Гончаренко предлагает включить в классификационную схему форм использования специальных знаний и непроцессуальные (нетрадиционные) формы, против чего категорически выступают В.В. Циркаль и В.К. Лисиченко, утверждающие, что «не может быть непроцессуальных форм применения специальных знаний в уголовном процессе, это равнозначно их незаконности» [17, с. 62].

Однако говорить о нетрадиционности непроцессуальных форм использования специальных знаний нет оснований, поскольку эти формы на практике довольно часто применяются. Так, если следователь не будет прибегать к консультации со специалистом, крайне сложно будет решать ряд организационных вопросов, в том числе принимать процессуальные решения по делу, без чего немыслимо исследование обстоятельств преступления [15, с. 36].

По мнению В.Н. Махова, упущение ряда авторов, пишущих о формах, состоит в том, что они перечисляют в одном ряду процессуальные и непроцессуальные формы использования знаний сведущих лиц. В значительной мере это упущение объясняется тем, что в законе нет четкого определения их содержания. На практике это может привести к нарушению норм уголовно-процессуального законодательства, неполноте следствия из-за утраты доказательственного значения имеющих отношение к делу данных, полученных с нарушением установленного порядка использования специальных знаний [18, с. 23].

Суть основных различий по данному вопросу сводится к тому, что одними авторами просто перечисляются формы использования специальных знаний, без каких-либо оснований, а другими – предлагаются различные основания подобной классификации (с учетом субъекта применения, доказательственного значения полученных результатов, процессуального положения лица, применяющего специальные познания и ряда других) [13, с. 26].

И.Л. Петрухин не разграничивает формы использования знаний при расследовании преступлений по основаниям и выделяет следующие: экспертизу, ревизию и участие специалиста [20, с. 49–51]. Такой же точки зрения придерживается П.К. Пощюнас [21, с.28].

В настоящее время в научных исследованиях, диссертационных работах встречаются предложения о разделении форм использования специальных знаний на группы. Так, О.В. Евстигнеева разделяет формы использования специальных знаний на применяемые в рамках следственных действий (экспертиза, помощь специалиста), на используемые в рамках иных процессуальных действий (ревизии и документальные проверки, восстановление бухгалтерского учета за счет собственных средств), а также на используемые в непроцессуальных формах (предварительные исследования, консультации специалистов и др.) [7, с. 9].

М.А. Радионова в системе использования знаний сведущими лицами выделяет вертикальную и горизонтальную составляющие. Вертикальная составляющая представляет собой стадии, или этапы, которыми выступают: применение специальных знаний самим сведущим лицом; взаимодействие сведущего лица с субъектом доказывания по делу в целях передачи информации и прикладное использование полученной информации на основе специальных познаний для формирования доказательств либо внутреннего убеждения субъектов доказывания. А в рамках этапа применения выделяет следующие формы: 1) по критерию последовательности формы применения познаний разделят на – первичные и повторные; 2) по количеству сведущих лиц, применяющих специальные познания для выполнения той или иной задачи – единоличные и комиссионные; 3) в зависимости от стадии уголовного процесса – применяемые в стадии возбуждения уголовного дела и на предварительном расследовании.

Горизонтальная составляющая системы использования знаний сведущих лиц включает различные формы и виды использования знаний сведущих лиц. При этом система форм использования знаний сведущих лиц на стадии предварительного расследования включает классификации использования знаний сведущих лиц по различным основаниям.

1. В зависимости от результата использования познаний сведущих лиц, выделяет следующие их формы (предусмотренные в законе): использование познаний сведущих лиц для составления письменных документов (заключение эксперта, специалиста, иные документы, справки и т.д.); использование познаний сведущих лиц при даче ими показаний (показания эксперта, специалиста, а также показания сведущего свидетеля); использование познаний сведущих лиц при участии и оказании по-

мощи в следственных и судебных действиях (участие специалиста, педагога, психолога, переводчика).

2. В зависимости от их процессуального положения: эксперта, специалиста, переводчика, педагога, психолога.

3. В зависимости от цели, способа и содержания деятельности сведущих лиц и от функций, которые они выполняют: информационная форма и деятельностная форма.

Информационная форма использования знаний сведущих лиц при осуществлении доказывания по уголовному делу осуществляется в целях познания, получения новой информации в виде сформулированных, законченных вербальных (письменных и устных) или невербальных сообщений, имеющих форму суждений, выводов, или просто сведений справочного характера, служащих источником доказательств либо формирующих внутреннее убеждение субъектов доказывания.

Деятельностная форма использования знаний сведущих лиц при участии в доказывании по уголовному делу осуществляется принципиально иным способом и в иных целях. Их участие чаще всего носит вспомогателно-технический характер и выражается в материальном, физическом труде, определенной деятельности на основе специальных знаний [23].

А.П. Когосов приходит к выводу о необходимости классификации данных форм по двум критериям: 1) формы использование специальных знаний, процессуальный порядок которых закреплен в УПК РФ, а их результаты имеют доказательственное значение. К этой форме относятся следующие виды использования специальных знаний: назначение и производство судебной экспертизы; допрос эксперта; участие специалиста в следственном действии. В последнем случае специальные знания как сведения, сообщенные специалистом в процессе производства следственного действия, являются частью протокола; 2) формы использования специальных знаний, о которых УПК РФ упоминает, но не определяет их процессуальный порядок, однако их результаты являются доказательствами по делу. К этой форме можно отнести заключение специалиста и его показания, проведение документальных проверок и ревизий; исследование предметов, документов и трупов с привлечением специалиста на стадии возбуждения уголовного дела; разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. Последний вид использования специальных знаний интересен тем, что форма внешнего выражения разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, может быть различной: показания, письменная справка или устная консультация; 3) формы использования специальных знаний, которые УПК РФ не предусматривает, однако их результаты могут иметь значение доказательств. Например, результаты так называемых «несудебных экспертиз», которые могут быть использованы в качестве «иных документов»; 4) формы использование специальных знаний, которые названы в УПК РФ, однако их результаты не имеют доказательственного значения. К этой форме можно отнести такую функцию эксперта, как помощь следователю, дознавателю в постановке вопросов эксперту, консультации специалиста которые имеют ориентирующее значение [14, с. 15–16].

Данная точка зрения представляется обоснованной, поскольку справочно-консультационная форма применяется в уголовном процессе по-разному. Сведения такого рода могут быть получены в устной форме, и тогда они реализуются, например, в выдвижении следственных версий, избрании направлений расследования. Кроме этого, справочно-консультационная информация облекается в письменную форму (в виде заключений и справок), и в этом случае она приобретает доказательственное, значение документов [5, с. 30].

Таким образом, основываясь на мнениях различных авторов, можно классифицировать формы использования специальных знаний в уголовном процессе по следующим основаниям [25, с. 23]:

1. По законодательной регламентации (правовой природе) на:

а) формы, прямо предусмотренные уголовно процессуальным законом (процессуальные);

б) формы, прямо не предусмотренные уголовно-процессуальным законом (непроцессуальные).

2. По субъектам использования специальных знаний на:

а) используемые инициатором применения специальных знаний (органом производящим дознание, следователем, прокурором, судом);

б) непосредственно используемые специалистом (экспертом).

3. По стадиям расследования преступлений на:

а) используемые в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе в оперативно-разыскной деятельности;

б) используемые в стадии предварительного расследования;

в) используемые в судебных стадиях.

4. По источнику правовой регламентации на:

а) урегулированные нормами УПК РФ;

б) урегулированные иными федеральными законами (например, п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»);

в) урегулированные ведомственными нормативными актами (например, Правилами судебно-медицинского или патологоанатомического исследования трупа [22] по письменному предложению правоохранительных органов до возбуждения уголовного дела);

г) урегулированные межведомственными нормативными актами.

Данная классификация дает полное представление о формах использования специальных знаний на всех этапах уголовного судопроизводства [6].

Такая специфика имеет место и при выявлении, и при расследовании таможенных преступлений. На наш взгляд, форма использования специальных познаний следует из сферы деятельности участников уголовного судопроизводства. Полагаем, что форма использования специальных познаний может быть в границах процессуальной деятельности, а также в пределах служебной деятельности. Наряду с этим, вид формы использования специальных познаний представляет собой различные варианты, допускаемые как в уголовно-процессуальной, так и в служебной деятельности. В соответствии с этим в границах процессуальной деятельности (прямо предусмотренная уголовно процессуальным законом) форма использования специальных познаний возможна в следующих видах: а) применение следователем, дознавателем собственных специальных познаний; б) привлечение специалиста для участия в следственных действиях; в) заключение специалиста и его показания; г) назначение и производство судебных экспертиз; д) заключение эксперта и его допрос; е) ревизии и проверки. В пределах служебной деятельности (прямо непредусмотренной уголовно-процессуальным законом) форма использования специального познания осуществляется в виде: а) консультационно-справочной деятельности сведущих лиц; б) участия специалиста в оперативно-разыскном мероприятии; в) информационно-аналитического обеспечения деятельности органов предварительного следствия; г) проведения предварительных (оперативных, внеэкспертных) исследований; д) оказания технической помощи специалистом; е) профилактической работы.

Предлагаемые формы использования специальных познаний при расследовании таможенных преступлений, а именно в процессуальной и служебной деятельности, создают более конкретную классификацию, которая может иметь не только теоретическое, но и правоприменительное значение. Результаты использования специальных знаний в зависимости от сферы их применения (уголовно-процессуальная или служебная деятельность) могут иметь разные доказательственные значения [1]. Более того, по мнению автора, формы использования специальных познаний при расследовании таможенных преступлений целесообразно дифференцировать на формы: а) используемые до возбуждения уголовного дела (прямо не предусмотренные уголовно-процессуальным законом); б) после возбуждения уголовного дела (прямо предусмотренные уголовно-процессуальным законом); в) сопредельные формы, которые можно применять как до возбуждения уголовного дела, так и после.

При расследовании таможенных преступлений до возбуждения уголовного дела может применяться такая форма использования специальных знаний, как предварительное исследование.

При предварительном исследовании специальные знания необходимы для определения обстоятельства происшествия, природы и относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения сведений о механизме их образования, установления признаков следообразующего объекта и других данных, его характеризующих. Результаты исследования используются для принятия решения должностным лицом таможенного органа о возбуждении уголовного дела. При расследовании таможенных преступлений результаты такого исследования могут быть оформлены в виде заключения эксперта либо специалиста о наличии или отсутствии их признаков [24, с. 114–116].

Таким образом, проведенный нами анализ дает основание утверждать, что форма использования сведущих лиц при расследовании таможенных преступлений – это вид практического участия сведущих лиц, предполагающий использование профессионального мастерства, опыта и подготовки с целью выявления фактов и сведений, имеющих значение для установления обстоятельств расследуемого преступления.

В данном промежутке времени, на фоне социально-экономических и правовых изменений в таможенной сфере, в которой протекают определенные части общего процесса перехода от ЕврАзЭС к единому экономическому пространству, связанных с бурным развитием внешнеэкономической деятельности юридических и физических лиц на платформе Таможенного союза, необходимость процессуального и непроцессуального применения специальных знаний в юридической практике обоснованно расширилась.

Библиографический список

1. *Бишманов Б.М.* Использование специальных знаний в процессуальной и служебной деятельности // Черные дыры в Российском Законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 440–446. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.k-press.ru/bh/2002/4/bishmanov/bishmanov.asp (дата обращения: 28.05.2013).

2. *Воробьева И.Б.* Использование специальных познаний – гарантия объективного и полного расследования // Проблемы социальной справедливости в отраслевых юридических науках. – Саратов, 1988. – С. 119.

3. *Воробьева И.Б.* Взаимодействие следователя с контролирующими органами в борьбе с преступностью. – Саратов, 1988. – С. 39.

4. *Глазырина Ф.В.* Использование специальных познаний при расследовании преступлений: учеб. пособие / под ред. Ф.В. Глазырина. – Свердловск, 1978. – С. 15.

5. *Гончаренко В.Г.* Научно-технические средства в следственной практике. – Киев, 1984. – С. 30.

6. *Данилова Л.С.* Формы применения специальных бухгалтерских знаний уголовном процессе России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naloglib.net/010/formy-primeneniya-spetsialnykh-bukhgalterskikh-znanii-v-ugolovnom-protsesse-rossii?page=0,3 (дата обращения: 28.05.2013).

7. *Евстигнеева О.В.* Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 9.

8. *Жбанков В.А., Лузгин И.М., Седых-Бондаренко Ю.П.* Основы советской криминалистической экспертизы. – М., 1975. – С. 7.

9. *Жданов С.П.* Использование специальных познаний при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – С. 21.

10. *Закатов А.А., Оропай Ю.Н.* Использование научно-технических средств и специальных познаний в расследовании преступлений. – Киев, 1980.

11. *Зуев Е.И.* Сущность специальных познаний // Труды ВНИИОП МООП СССР. – М., 1968. – № 13. – С. 88.

12. *Зуйков Г.Г.* Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования // Криминалистическая экспертиза. Вып. I. – М.: ВШ МООП СССР, 1966. – С. 116.

13. Использование специальных познаний в выявлении преступлений, совершаемых во внешнеэкономической деятельности: учеб.-практ. пособие / С.П. Жданов, А.Ю. Шумилов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2011.

14. *Когосов А.П.* Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – С. 15–16.

15. *Лазарев Е.В.* Подготовка, назначение и производство ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук / Юж.-Ур. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 229 с.

16. *Лисиченко В.К., Циркаль В.В.* Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. – Свердловск, 1983. – С. 11.

17. *Лисиченко В.К., Циркаль В.В.* Использование специальных знаний в следственной и судебной практике. – Киев, 1987. – С. 62.

18. *Махов В.Н.* Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 23.

19. *Михаль О.А.* О критерии преступлений // Государство и право. – 2011. – № 10. – С. 35–42.

20. *Петрухин И.Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1964. – С. 49–51.

21. *Пощюнас П.К.* Применение бухгалтерских познаний при расследовании и предупреждении преступлений. – Вильнюс, 1977. – С. 28.

22. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 407 от 10 декабря 1996 г.

23. *Радионова М.А.* Формы использования знаний сведущих лиц на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 277 с.

24. *Рукавишников П.П.* Формы реализации специальных знаний при расследовании и раскрытии банкротств криминальной направленности // Известия ИГЭА. – 2006. – № 6. – С. 114–116.

25. *Смородинова А.Г.* Формы участия специалиста в следственных действиях: учеб. пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2003. – С. 23.

26. *Соколов А.Ф., Ремизов М.В.* Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2010. – С. 15.

27. *Фесенко Н.П.* Использование специальных знаний в производстве о таможенных правонарушениях и преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008 – С. 24–25.

28. *Шиканов В.И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. – С. 25, 26; Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: дис. … докт. юрид. наук. – Иркутск, 1980. – С. 39, 40.

29. *Эйсман А.А.* Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. – М., 1962. – С. 41.

УДК 344

Чекмарева Полина Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

В статье идентифицируются проблемы организации документирования и делопроизводства процессов управления институциональными изменениями в работе судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: *суды общей юрисдикции, документоведение и делопроизводство, институциональные изменения.*

Деятельность судов общей юрисдикции неизбежно сопровождается работой с документами, которые отражают и фиксируют в письменной форме различные аспекты работы этих судов.

Качество документов и процессы работы с ними прямо влияют на уровень обеспечения правосудия. Поэтому строгая упорядоченность документационных процессов является одним из важнейших условий организации труда работников судов. Его эффективность непосредственно зависит от того, насколько рационально ведется работа с документами, как организованы их составление, движение, обработка и хранение.

Долгое время считалось, что основной способ совершенствования работы с документами – это уменьшение их объема. Бесспорно, постоянно растущее число документов вызывает необходимость сокращать их поток. Однако механическое уменьшение числа документов не соответствует высоким требованиям, которые предъявляются к качеству судопроизводства. Зафиксировать множество действий и связей, придать им устойчивость, формализовать их можно только с помощью документов.

Совершенствование работы с документами предполагает создание такой системы документирования и делопроизводства, которая обеспечивает наиболее эффективное выполнение судами общей юрисдикции и их служащими возложенных на них задач.

Проблема организации документирования и делопроизводства нами исследуется в двух аспектах, являющихся одновременно и двумя общими условиями оптимизации документирования и, следовательно, повышения эффективности работы судов общей юрисдикции.

Первое условие основано на том, что документирование рассматривается в качестве одной из форм управленческой деятельности. Оно предназначено как для закрепления функции управления, так и для реализации.

Содержание документов, рассматриваемых в качестве одного из средств эффективной реализации функций управления, позволяет оценить их значимость в процессе управления.

Второе условие предполагает организацию документирования и делопроизводства на основе строгой правовой упорядоченности документационных систем как внутри каждого отдельного суда, так и во всей системе судов общей юрисдикции. Правовые нормы устанавливают своего рода иерархию документов, их соподчиненность, они получают юридическую силу.

Выполнение этих общих условий приводит к уменьшению объема документов, изъятию из обращения лишних «бумаг», практически не используемых для получения конкретных результатов, а также к совершенствованию и унификации содержания и формы документов.

При этом следует иметь в виду, что оба условия оптимизации документирования судопроизводства нельзя рассматривать отдельно, так как второе условие – правовая упорядоченность документирования – является частью первого – соответствия документирования функциям управления. Упомянутые общие условия оптимизации документирования включают в себя ряд конкретных мер по повышению эффективности организации документирования в судах общей юрисдикции, условий, разработка и выполнение которых обеспечивают эффективность функционирования документационных систем.

Правовые документы (акты), создающиеся и использующиеся в процессе, имеют строго определенную форму (или вид).

С помощью документов оформляются и многие технические, подготовительные действия, предшествующие институциональному воздействию на процессы судопроизводства.

Правовая «нагрузка» этих документов неодинакова. Одни из них играют информационно-осведомительную роль. Другие – нормативную.

Кроме того, многие из этих документов, так же как и правовые акты, обязательны к применению (если не к исполнению) в процессе принятия управленческих решений (такими документами являются, например, статистические отчеты). Формы такого рода документов и порядок их создания устанавливаются соответствующими правовыми актами. В связи с этим можно отметить, что неправовые документы, как и правовые, используются в процессе управленческой деятельности в качестве средства воздействия субъекта управления на уп-

© Чекмарева П.А., 2013

равляемый объект или в качестве средства реализации функций управления.

Подход к документированию как к способу реализации функций управления выражается в том, что документы рассматриваются прежде всего с точки зрения их полезности. Полезность же этих документов, как и рациональность построения документооборота, оценивается тем, насколько полно и обоснованно обеспечивается с их помощью выполнение функций судопроизводства.

Необходимым условием такой оценки является исследование документации во всей системе судопроизводства, а не в отдельных ее звеньях. В связи с этим анализу подвергаются основополагающие правовые акты, устанавливающие в сфере управления определенные отношения по выполнению конкретной функции; управленческие документы, создаваемые во исполнение этой функции; документальная информация, используемая для принятия решения; специальная и иная документация, сопровождающая процесс принятия решения и обеспечивающая его выполнение.

Выявление и правовое закрепление оснований (критериев) документирования могут быть названы в качестве одного из непременных условий повышения эффективности судопроизводства. При этом основанием создания актов и иных документов является такая заранее установленная ситуация, при которой ожидаемый эффект от того или иного действия может наступить именно в результате применения этих документов. Чтобы установить обоснованные критерии создания документов, необходимо определить, во-первых, обязательно ли документальное выражение исполнения функций управления и, во-вторых, какие виды документов должны обеспечивать исполнение конкретных функций судопроизводства.

Основания создания правовых и неправовых документов неодинаковы. Издание неправовых документов (в особенности специальных), как правило, предусмотрено действующим порядком осуществления определенных функций судопроизводства.

Нечеткое разграничение функций вызывает ненужное движение документов по многим уровням (например, документов, информирующих нижестоящие звенья о решениях вышестоящих органов по вопросам, не входящим в компетенцию нижестоящих).

Вопрос об установлении критериев обязательности издания правовых актов довольно сложен, так как в законодательстве чаще всего не указывается, что какой-либо вопрос может, а значит, и должен быть решен путем издания правового акта определенного вида. Поэтому в правовых актах, регламентирующих деятельность судов общей юрисдикции, целесообразно устанавливать перечень вопросов (в области планирования, труда, финансов и т.д.), по которым издание актов является обязательным.

Можно также допустить альтернативность формы решения какой-либо задачи, то есть либо издание правового акта, либо применение иных средств (организационных, материальных, технических и т.д.) в зависимости от конкретных обстоятельств.

Иными словами, это требование можно сформулировать как необходимость найти правильное соотношение документирования с другими средствами реализации компетенции суда – с аналитической работой, организационно-инструкторской деятельностью, материально-техническими действиями и т. п.

Долгое время правовой акт считался главным и подчас единственным способом реализации компетенции. Однако нередко руководящие работники аппарата судов общей юрисдикции вынуждены тратить в среднем 75% рабочего времени на составление различного вида «бумаг».

Вполне очевидно, что все случаи создания документов в процессе реализации функций управления предусмотреть и закрепить нормами права невозможно (да и вряд ли нужно). Вместе с тем выявление типичных ситуаций, в которых желательно (или обязательно) применение документальных форм деятельности, возможно, ибо все они группируются преимущественно в две категории: во-первых, это фактические основания, связанные с предметом деятельности органа управления, осуществляемой им в процессе реализации конкретных функций управления; во-вторых, это юридические, или формальные, основания, «предписывающие» обязательность издания соответствующих документов при наличии определенных условий.

Методологической основой выявления подобных «ситуаций» (или оснований) служит функциональный анализ деятельности судов. Юридической базой должна служить закрепленная за органом делопроизводства компетенция.

Следующим условием совершенствования документирования управленческой деятельности является упорядочение и строгое соблюдение форм (или видов) документов, используемых для реализации конкретных функций управления. Применительно к правовым документам (актам) действует принцип, в соответствии с которым каждый орган может издавать акты строго в пределах своей компетенции, причем лишь тех видов, которые закреплены за ним соответствующими правовыми нормами. Несоблюдение этого принципа приводит на практике к многочисленным случаям возникновения актов, не свойственных данному органу.

Довольно часто в судах основные, установленные законом, акты имеют меньший удельный вес; для решения существенных вопросов применяются преимущественно «полулегальные» акты (циркулярные письма, указания и т.д.).

Не менее важен также вопрос о правовом закреплении видов иных, особенно специальных, до-

кументов, создающихся и используемых в процессе реализации деятельности судов.

Отсутствие теоретических разработок по созданию обоснованных схем информационно-документальных связей неизбежно приводит к стихийному формированию структуры и потоков информации. При этом нет строгой соразмерности между объемом компетенции и информации каждого органа судопроизводства, нет соответствия между уровнем принятия решений и уровнем получения информации; наблюдаются либо излишества, либо недостатки документальной информации; разбухает документооборот, усложняются связи между звеньями управления.

В условиях внедрения оргтехники и других средств механизации управленческого труда и связанного с этим четкого разграничения функций управления, повышается роль документа как основного носителя информации в человеко-машинной системе. Это вызывает, в свою очередь, необходимость в полной мере использовать различные формы правового регулирования, позволяющие закреплять виды, признаки и основания создания как правовых, так и неправовых документов. Если расчленить каждую функцию управления на виды работ, необходимые для ее выполнения, то можно раскрыть структуру документооборота и иных видов информации.

При этом важно выявить обоснованное соотношение правовых актов с остальными видами документов, особенно специальными. В большинстве случаев виды специальных документов устанавливаются правовыми актами центральных или вышестоящих органов. Как уже отмечалось, эта документация тесно связана с правовыми актами и управленческими решениями. Подготовка и анализ специальных и иных документов, как правило, предшествует принятию решений. Оно вызывает новый поток документов, которые обеспечивают его выполнение и накопление информации для принятия новых решений.

Именно такое соотношение правовых актов как документальной формы решений и специальной документации (и иных неправовых документов) оправдывает назначение последних. Однако нередко целые потоки документации, циркулирующие по всем ступеням управления, не используются при принятии управленческих решений и не имеют никакой ценности для реализации конкретных функций управления. Таким образом, далеко не всегда обеспечиваются полезность и упорядоченность документов, которые необходимы для эффективного управления.

В этом отношении характерны отчеты и сведения, представляемые вышестоящим органам и органам государственной статистики. Отчетная документация (к ней относятся как официальные формы отчетов, так и отчеты в виде ответов на разовые запросы, сведения о проведенных мероприятиях, о выполнении различных директив и т.д.) в среднем составляет больше половины управленческих документов. Особенно перегружены составлением отчетов средние уровни управления. Это объясняется тем, что органы управления этого уровня собирают отчеты не только для осуществления собственных функций, но и для передачи отчетных данных в вышестоящие инстанции. Однако далеко не все эти сведения используются ими для анализа деятельности подведомственных организаций и принятия соответствующих решений.

В то же время установление видов документов (в том числе отчетных) в соответствии с функциями управления, классификация их по содержанию и видам работ, по структурным звеньям, выполняющим эти работы, в значительной степени могли бы предотвратить подобные «издержки». Такой методический подход позволяет правильно оценить и использовать опыт правового регулирования документооборота и информационных связей.

На основе опыта ряда судов общей юрисдикции представляется целесообразным при разработке положений о делопроизводстве в судах выделять специальный раздел, посвященный информационно-документальному обеспечению их функций. Это позволит четко разграничить и согласовать в деталях работу судов. Вместе с тем, учитывая сложность и разветвленность документационных систем, следовало бы изучить возможность подготовки более фундаментальных актов. Такими актами могут быть положения об информационно-документальной системе в судах, в которых, в частности, можно закрепить структуру и потоки информации в соответствии с функциями органов, их местом в системе управления и связями между собой. Подобная унификация лучше отразит динамичность управления, будет способствовать повышению его эффективности.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.32

Свиридов Николай Никитович
доктор экономических наук
Грабова Ольга Николаевна
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
graon07@mail.ru

ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье на основе методологии институционализма излагаются проблема и тенденции пролетаризации общества в современной России. Показывается влияние предшествующего периода на социально-экономическое положение большинства населения, обозначены направления по снижению потенциала противоречий в стране и улучшению качества жизни.

Ключевые слова: *пролетаризация, институты, бедность, доходы, собственность.*

Социально-экономическая природа пролетаризации общества и государства достаточно полно освещены в трудах видных ученых. Здесь просматривается прямая связь и взаимообусловленность процесса пролетаризации с таким явлением, как бедность. Но, к сожалению, экономическая и социальная науки как-то робко берутся освещать эти проблемы. И здесь следует вспомнить высказывание В.И. Ленина: «История несет с собой и новые факты и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории» [1]. В.И. Ленин также подчеркивал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь исторически; лишь в связи с другими; лишь в связи с конкретным опытом истории» [2].

С точки зрения общей методологии исследования эти положения не потеряли своего фундаментального значения. В современной России неравномерность распределения ресурсов, их неинституциональный захват обозначили процесс пролетаризации общества в современной России. Напомним ряд исторических фактов советского периода. Во-первых, не был решен земельный вопрос – крестьяне так и не получили дополнительных земельных наделов. Размер землевладения оставался на уровне послестолыпинской реформы. Во-вторых, конфискация основных средств производства «уравняла» рабочих и крестьян. В-третьих, было разрушено ремесленное производство, местные промыслы и отходничество, которые были источником инвестиций в крестьянские хозяйства. В-четвертых, в процессе коллективизации у крестьян были отчуждены основные средства производства: земля, рабочий и продуктивный скот, семена, орудия труда (плуги, бороны и т.д.).

В своей статье «Денежная реформа 1924 года» Т.Я. Сокольников отмечает, что «в течение первых месяцев 1921 г., непосредственно накануне перехода к нэпу и даже после него, обязательная сдача иностранной валюты была предписана уже декретом от 3 декабря 1918 г., но еще 3 января 1921 г. закон подтвердил обязательность для граждан сдавать государству имеющиеся у них благородные металлы в монетах, слитках безвозмездно. Этим же законом ограничивалось право владения драгоценностями. Вместе с тем, было запрещено держать на дому наличные бумажные деньги сверх небольшой суммы – максимум составлял десятикратную низшую тарифную ставку». Обратите внимание на то, что изымалось все это безвозмездно. Так закладывалось и происходило обнищание и пролетаризация общества.

Проведенные денежные реформы 1947 и 1961 годов также носили конфискационный характер. Реформы, начатые в 1991 году, сразу привели к обесцениванию, а фактически к потере населением огромных денежных накоплений. Такие экономические и политические действия пролетаризировали государство. И в современном российском обществе мы имеем значительную пролетарскую долю (далее подтвердим это положение соответствующими экономическими показателями).

Раскроем сущность понятия «пролетариат» и выделим его критерии (см.: табл. 1).

Представленные в таблице понятия требуют некоторого комментария. В первом варианте энциклопедического словаря, изданного в 1955 году, просматривается идеологический отпечаток того времени. Сущность пролетариата практически ассоциируется с понятием «рабочий класс». И здесь же подчеркивается, что в СССР рабочий класс не является пролетариатом. Здесь явное противоречие: с одной стороны, и пролетариат, и рабочий класс не имеют средств производства. Известно, что в СССР все средства производства принадлежали государству и, с другой стороны, рабочий класс в СССР не является пролетариатом. В этом определении критериальным признаком пролетариата являются: отсутствие средств производства и эксплуатация пролетариата (читай – рабочего класса).

В современном Российском энциклопедическом словаре понятие «пролетарий» расшифровывается на первом этапе с точки зрения лингвистического

© Свиридов Н.Н., Грабова О.Н., 2013

Таблица 1

Характеристика сущности понятия «пролетариат»

Источники			
Энциклопедический словарь. – М., 1955, 24 с.	Большой Российский Энциклопедический словарь. – М., 2003. – 1254 с.	Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. – М., 2006. – 46 с.	Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 539 с.
ПРОЛЕТАРИАТ – класс рабочих, лишенных средств производства, которые принадлежат капиталистам, что дает последним возможность эксплуатировать пролетариат. В СССР рабочий класс не является пролетариатом	ПРОЛЕТАРИАТ *(лат. proletarii, от proles – потомство, т.е. неимущий, имеющий только потомство)* в Др. Риме, по реформе царя Сервия Туллия, низший неимущий слой граждан; в 1 в. декассированные слои общества	ПРОЛЕТАРИАТ *(proletariare)* – древнеримский термин, обозначающий неимущий слой работников, не имевший ничего, кроме своего потомства *(proles)*. Во времена Сервия Туллия, правившего примерно в 578-555 до н.э., было введено шесть цензов. Имущество граждан оценивалось в медных монетах – ассах. Первый слой должен был обладать имуществом не менее чем в 100 тыс., второй – в75 тыс., третий – в 50 тыс., четвертый – в 25 тыс., пятый – в 11,5 тыс., шестой – не иметь ничего. Использовался в *политической экономии* благодаря трудам *С. Сисмонди*. В период развития капитализма – угнетенный класс, в период социализма – класс, находящийся у власти (диктатура П.)	ПРОЛЕТАРИАТ *(нем. от proletariat)* см. *рабочий класс*

происхождения и связывается с потомством – как низший неимущий и деклассированный слой общества. Здесь мы видим уже несколько признаков: воспроизводство потомства себе подобного, нищенство и деклассированность.

К сожалению, как было отмечено выше, современная экономическая наука практически не исследует проблемы пролетаризации общества. Не делаются оценки экономических, социальных и, что важно, политических последствий этого явления и процесса для перспектив развития новой России.

В Новой экономической энциклопедии под редакцией Е.Е. Румянцевой дается более широкое толкование понятия «пролетариат», с приведением данных размеров об имуществе. Это положение весьма актуально для понимания пролетаризации в современной России.

Философский энциклопедический словарь дает весьма краткое определение пролетария, связывая его опять-таки с рабочим классом. В других известных нам экономических словарях характеристика понятия «пролетарий» отсутствует. Но проблема явно имеет место. Нам представляется, что одним критериальным признаком отнесение человека к пролетарию невозможно. Здесь целесообразнее принять интегрированный показатель.

Выделим главенствующие критерии – низкий душевой доход, не соответствующий современным стандартам качества жизни в обществе, и наемный характер труда. Конечно, отсутствие средств производства у гражданина – важный критерий, но он в новых исторических условиях отчасти потерял свою значимость. В развитых странах (Германия, Япония, США, Британия, Нидерланды и т.д.) размер заработной платы наемных рабочих заводов (я уже не говорю об учителях, преподавателях вузов) составляет 2500–4000 долларов в месяц. В США средний размер оплаты труда установлен не ниже 9 долларов за час.

Исходя из предложенных критериев, выделим слои населения, которые отнесем к пролетариату. Их наблюдается значительное количество: это низкооплачиваемые – наемные рабочие; работники культуры, учителя, преподаватели средних и высших учебных заведений.

Трансформация институциональной структуры пролетариата происходит под воздействием ряда факторов: различий в ролях (экономических, политических, социальных) популяций, классов, групп и конфликтов их интересов; экзогенные события (окончание «холодной войны», апартеида, технические изменения); передел собственности, захват факторов производства, рентонесущих отраслей и их неравномерное распределение; активизация коллективных действий отдельных групп, которым не выгоден статус-кво (развал ГДР, СССР, события в Северной Африке и т.д.); приспособление к новым условиям (приспособление жить в условиях войны, террора, оккупации, бедности, тюрьмы).

Известны следующие факторы бедности: экономические (низкая заработная плата, безработица, низкая производительность труда, неконкурентоспособные отрасли); социально-экономические (невысокий уровень социальных гарантий); социально-демографические (происхождение, много иждивенцев в семье, неполные семьи); образовательно-квалификационные (низкий уровень образования, недостаточная профессиональная ква-

лифицированность); политические (вынужденная миграция, военные конфликты); регионально-географические (неравномерное развитие регионов).

Следует подчеркнуть, что бедность – основа процесса пролетаризации и люмпенизации общества. Задача государства – обеспечить достойную жизнь членов своей системы. М.И. Скаржинский в своей статье «Бедность как институциональная проблема» убедительно доказал, сколь велико влияние традиций, привычек, менталитета, то есть всей совокупности неформальных норм на экономическое поведение людей. Низкие рамки активно-достижительных ценностей в современной России во многом определяются предшествующей траекторией развития российской ментальности. В российской культуре бедность чаще всего противопоставляется богатству, как честность – бесчестности. Стремление к материальному благополучию, обеспеченности быта, к достатку для себя и своей семьи расценивалось традиционно в литературе, в мировоззрении многих представителей интеллигенции как признак мещанства, презираемого обществом. Далее М.И. Скаржинский писал: «Коммунистическая идеология возвела бедность в культ. Городские пролетарии и крестьянская беднота – классовая опора социальной революции. Комитеты бедноты ("комбеды") вместе с продовольственными отрядами ("продотряды") экспроприировали состоятельных крестьян. "Богатенькие" и выходцы из семей с прежним достатком не только презирались, но подвергались дискриминации и прямым репрессиям.

Этот груз представлений о богатстве и бедности людей сопровождал социально-экономическое развитие страны в советское время, хотя партийно-государственная элита довольно быстро рассталась со своей бедностью, культ бедности для остального населения всемерно поддерживался всеми силами идеологического воздействия». Вышесказанные положения – это гражданская смелость и позиция ученого.

Процесс пролетаризации имеет разрушительные последствия. Политические, когда при соответствующем организующем ядре пролетарии (повторяю, не только рабочий класс, но и учительский корпус, преподаватели вузов, другие беднейшие слои, включая мигрантов) смогут коренным образом изменить политическую структуру общества. Современный мир демонстрирует такое явление. Теперь идет борьба не только классовая, но и столкновение цивилизаций. События в Северной Африке (Ливия, Марокко, Алжир, Египет) показывают, насколько велико и драматично, когда объединяются пролетарии всех страт общества. В постсоветском пространстве подобные явления также имеют место. Большинство государств постсоветского пространства возглавляют бывшие партноменклатурные работники. А также экономические последствия. Главным индикатором здесь является размер произведенного ВВП на душу населения. Приведем ряд важнейших показателей, характеризующих уровень развития России в сравнении с другими странами по данным Российского статистического ежегодника за 2012 год (см.: табл. 2).

Данные, представленные в таблице, характеризуют экономическое положение не в радужном свете. Население России питается хуже, чем в США, Германии, Нидерландах, Дании и в других странах с развитой рыночной экономикой, где институты эффективно функционируют, защищена собственность и осуществляется сильная государственная социальная поддержка. Низкое и часто некачественное питание привело к тому, что в России 30–35% (а в некоторых регионах и выше) призывников не пригодны по здоровью для прохождения воинской службы. Сейчас трудно сформировать таких специалистов, как летчики, штурманы и другие должности, где требуется отменное здоровье. А это уже не только проблема социально-экономическая, но и проблема безопасности. По другим параметрам Россия также значительно уступает США и Германии. Следует обратить внимание на запасы золота и процентные ставки по кредитам. В сравнении с США Россия имеет в наличии золотых запасов почти в 10 раз меньше, а процентные

Таблица 2

Основные показатели социально-экономического положения России в сравнении с другими странами

Показатели	Россия	США	Германия
Среднесуточное потребление килокалорий на душу населения	3172	3688	3549
Потребление мяса в год на душу населения, кг	65	113	88
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего населения	68,9	78,7	80,5
Коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся живыми	7,4	6,1	3,5
Численность студентов на 1000 человек населения	61	67	н.св.
Численность легковых автомобилей на 100 домашних хозяйств	50	114	97
Использование суточного фонда рабочего времени на работе, час.	5,87	5,30	н. св.
ВВП на душу населения в долл.	20350	46901	37171
Урожайность зерновых и зернобобовых, ц с га	22,4	68,6	66,6
Запасы монетарного золота, всего млн. тройских унций	28,4	261,5	109,19
Процентные ставки по кредитам	10,82	3,25	н. св.
Индекс потребительских цен 2000–2010	353	131	120

Таблица 3

Состав лиц, совершивших преступления по занятию в момент преступления в России, тыс. чел.

Категория занятий	1999 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Рабочие	482,1	450,9	261,6	199,9	190,0
Работники с.-х.	43,2	30,4	9,6	4,3	3,6
Служащие	67,6	64,8	57,7	45,4	37,5
Учащиеся	93,3	100,6	87,1	72,0	64,7
Лица без постоянного источника дохода	151,5	954,2	781,8	730,3	690,9
В том числе безработные	н. св.	91,4	82,0	54,3	47,2

ставки по кредитам в три с лишним раза в России выше, чем в США. Можно ли при этом говорить о финансовой устойчивости денежной и кредитной систем в России? Очевидно, что современное высшее руководство России стремится выполнять международные и иные политические и экономические функции бывшего СССР. Судя по экономическому положению, это выполнить вряд ли удастся. А выполнение даже части функций будет осуществляться за счет дальнейшей пролетаризации значительной части населения. Опасность заключается еще и в том, что «задавлен» малый бизнес, семейно-трудовые хозяйства и существует огромная зависимость большинства населения от государства.

О материальной и имущественной пролетаризации основной части жителей России свидетельствуют такие показатели. В настоящее время более 18 миллионов человек живут ниже прожиточного минимум, распространены наркомания (употребляют наркотики более 8 млн. человек), алкоголизм, трущобные условия жизни, – все это результат пролетаризации. Большинство учителей и преподавателей вузов не имеют приличного жилья и дохода. В современных условиях людям с низким доходом практически невозможно получить высшее образование, защитить диссертацию. Скудное питание, формирование пролетарской институциональной среды, ментальности бедноты не дают оснований для решения проблем провозглашаемой модернизации экономики.

Отметим и социальные аспекты пролетаризации.

Первое – структура работающих. В общей численности населения (143 миллиона человек) 40,2 миллиона человек, или 28%, составляют пенсионеры. Если в 2000 году работало лишь 15,9 процента пенсионеров, то в 2011 году – 33,4 процента. Низкие доходы подталкивают пенсионеров на продолжение работы в целях поддержания семейного бюджета.

Второе – структура преступлений и преступности. В русле данного исследования рассмотрим состав лиц, совершивших преступления (см.: табл. 3).

Из представленных данных можно сделать ряд заключений. Работники сельского хозяйства резко снизили количество преступлений, что, очевидно, связано как с общим сокращением сельских жителей, так и с некоторым уровнем законопослушности. А процесс пролетаризации, когда люди теряют постоянный источник дохода, приводит к росту численности преступлений. Вызывает особую социальную тревогу значительный уровень преступности среди учащихся. Общая структура преступлений за последнее время демонстрирует тенденцию роста экономических правонарушений (кражи, грабежи, оборот наркотиков). Далее, если в России численность осужденных в 1990 году была 537,6 тыс. человек, то в 2011 году – 782,3 тыс. человек! А это работоспособное население, которое могло бы создавать блага для себя, своей семьи и общества.

Третье – структура пролетариата. Она не однородна, находится в постоянном трансформационном процессе. Часть пролетариата устойчиво формирует прослойку нищих, другая становится люмпенами. И лишь некоторые смогли вырваться из крайней бедности и нищеты, перейдя хотя бы в страту с доходами 25–30 тыс. рублей в месяц. Но это не как правило, а лишь как исключение. Разумеется, эти трансформации требуют самостоятельного исследования.

Четвертое – устойчивый уровень разводов, который в 2011 году составлял 4,7 на 9,2 зарегистрированных браков в расчете на 1000 человек населения, то есть каждый второй брак расторгается.

Пятое – рост численности госслужащих. В органах управления и в других структурах увеличивают нахлебников в общем продукте страны, и на этом фоне происходит «сжимание» реального сектора.

Таблица 4

Демографические показатели по Костромской области

Годы	На 1000 человек населения		Родившихся у женщин, не состоявших в браке, % от числа родившихся
	браков	разводов	
1995	6,5	4,5	17,6
2000	5,7	3,5	26,0
2005	7,7	3,8	24,3
2010	9,1	4,5	20,5
2011	9,9	4,7	15,8

Таблица 5

Распределение общего объема денежных доходов населения в России

Показатели	Годы				
	1995	2000	2005	2010	2011
Денежные доходы всего, %	100	100	100	100	100
В том числе по 20% населения - первая (с наименьшими доходами)	6,1	5,9	5,4	5,2	5,2
- вторая	10,8	10,4	10,1	9,8	9,9
- третья	15,2	15,1	15,1	14,8	14,9
- четвертая	21,6	21,9	22,7	22,5	22,6
- пятая (с наибольшими доходами)	46,3	46,7	46,7	47,7	47,4
Коэффициент фондов в разах	13,5	13,9	15,2	16,6	16,2
Коэффициент Джини	0,387	0,395	0,409	0,421	0,417

Для Костромской области эти явления также характерны (см.: табл. 4).

Представленные экономические и социальные доказательства дают основание утверждать, что процесс пролетаризации и люмпенизации в России имеет место, трансформируется, охватывает значительную часть населения и принимает характерные и специфические черты в данном историческом периоде.

Все это привело к невиданной социально-экономической дифференциации населения по доходам (см.: табл. 5).

Экономической наукой доказано и практикой подтверждено, что общество воспринимает без агрессии, когда коэффициент Джини не превышает 0,300, а коэффициент фондов или коэффициент дифференциации доходов – в 10 раз. В России эти критические показатели пройдены. Такое положение создает условия для роста потенциала социальной и политической напряженности, что может привести к взрыву и возмущению значительной пролетаризированной части населения с непредсказуемыми последствиями.

Социологические исследования ряда исследователей и авторов этой статьи подтверждают такой вывод. Прослеживается тенденция роста взглядов «левого» толка, низкий уровень доверия населения к органам власти и политическим партиям. Главные ресурсы России – земля, лес, водные ресурсы, но они не принадлежат народу. Нет ресурсов – нет доходов. Отсюда тотальная бедность. Все можно скрыть, но нельзя скрыть бедность. Все беды, потрясения большей частью происходят от бедности.

По данным Института социологии РАН, официальная численность бедных в России занижена почти втрое. Около 25% россиян испытывают лишения в самом необходимом – питании, жилье или медицинских услугах. Доходы этих граждан нередко превышают прожиточный минимум, и потому они формально не являются бедными. Важным признаком бедности становятся хронические жилищные проблемы. И это – несмотря на бытовую непритязательность россиян. Более половины населения РФ проживает в домах без современного набора бытовых удобств, то есть без водо- и газоснабжения, отопления. Об этом сообщил Росстат.

Институт социологии РАН презентовал результаты масштабного исследования «Бедность и неравенства в современной России», в котором зафиксированы изменения с 2003 по 2013 год [4]. В своем отчете социологи выделяют два критерия бедности – «по доходам» и «по лишениям». В первом случае речь идет о гражданах, чей доход ниже прожиточного минимума. Во втором – о людях, чей образ жизни ассоциируется и у них самих, и у окружающих с бедностью, потому что они постоянно испытывают лишения в удовлетворении базовых потребностей.

В целом по России прожиточный минимум на конец 2012 – начало 2013 года составлял около 6,7 тыс. рублей в месяц. Это официальный порог бедности. Власти полагают, что из этой суммы 2,4 тыс. рублей граждане ежемесячно тратят на продукты питания, около 1 тыс. рублей – на непродовольственные товары, включая лекарства, почти 2,8 тыс. рублей – на все услуги, включая ЖКХ и транспорт, а оставшиеся примерно 500 рублей – на налоги и иные обязательные платежи и сборы.

По данным Росстата, на конец 2012 года численность бедных в стране достигала 8,8% или 12,5 млн. человек. Однако у любого наблюдателя эти данные вызывают размышления. «Учитывая реальную стоимость одних только услуг ЖКХ, понятно, что такой уровень прожиточного минимума является в современных условиях явно заниженным. Потребность же в систематическом использовании лекарств сразу ставит человека с доходами даже выше прожиточного минимума в тяжелейшее финансовое положение», – замечает зампредседателя ученого совета Института социологии РАН, профессор-исследователь Высшей школы экономики Наталья Тихонова.

Сами россияне чертой бедности называют иной уровень доходов. «Для населения в целом бедным на данный период является человек, среднемесячный доход в семье которого составляет 8848 рублей. Доходы ниже этого уровня имеет, по данным исследования, почти четверть россиян (23%)», –

Таблица 6

Динамика представлений россиян о причинах бедности (ответы в %)

Причины бедности	2003 год	2013 год
Длительная безработица	41	41
Болезнь, инвалидность	37	40
Алкоголизм, наркомания	35	39
Низкие пособия	38	32
Семейные неурядицы	25	31
Лень, неприспособленность к жизни	22	23
Плохое образование, низкая квалификация	23	21
Нет поддержки родственников, друзей	20	20
Невыплаты зарплаты и пенсий	47	19
Бедность родителей	20	19
Нежелание менять образ жизни	19	18
Иждивенцы	17	17
Проживание в бедном районе	17	17
Невезение	14	13

говорится в докладе. В зависимости от типа населенного пункта и региона черта бедности меняется. Так, в Москве респонденты указали уже на 10 тыс. рублей в месяц.

К основным причинам бедности россияне, согласно опросам, относят прежде всего длительную безработицу, а также болезни и инвалидность (см.: табл. 6).

Примечательно, что популярность этих ответов за 10 лет не изменилась: на безработицу и на болезни указывали и в 2003, и в 2013 году примерно по 40% респондентов. Другими словами, как только человек выпадает по какой-либо причине из трудового процесса – по причине увольнения, невозможности найти приемлемую работу или же из-за резкого ухудшения состояния здоровья, – он тут же становится бедняком. И за 10 лет государству эту проблему решить не удалось. Несчастья людей не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики.

Но это лишь одна сторона проблемы. Так называемая бедность по лишениям оказывается еще более массовой, чем бедность по доходам. Речь идет уже не о 9%, а о четверти населения. Доходы семьи могут быть вполне достойными, если сравнивать их с официально установленными критериями бедности, однако семья может испытывать трудности, например, из-за наличия в ней тяжелобольного, завышенных в конкретном регионе коммунальных тарифов и других причин.

Социологи выяснили, какие именно лишения ассоциируются у россиян с бедностью, каковы ее признаки. В числе критериев бедности оказались: плохое питание и невозможность удовлетворять потребности в одежде и обуви; отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; недостаточное количество товаров длительного пользования и невозможность обновлять устаревшую бытовую технику раз в семь лет. Признаками бедности могут быть также наличие нескольких задолженностей; недостаточная обеспеченность жильем и проживание в общежитии или коммуналке; невозможность использования платных социальных, образовательных, медицинских услуг в течение последних трех лет; отсутствие любых форм платного досуга вне дома, будь то посещение спортклуба, кинотеатра или кафе. Затем социологи выясняли, какова доля респондентов, у которых образ жизни можно признать неудовлетворительным. Если у респондента насчитывалось четыре и более лишения, то он попадал в группу бедных.

Также социологи выявили такое явление, как хроническая бедность. Очень опасным является то, что минимум 4% населения, то есть около 6 млн. человек, образуют группу глубокой и застойной бедности. Бедность данного типа длится более пяти лет, она является хронической, а не «плавающей», когда домохозяйство то «сползает» за черту бедности, то чуть поднимается над ней.

Доля бедных «по лишениям» за 10 лет, согласно исследованию, снизилась. В 2003 году к таковым относились 39% респондентов против сегодняшних 25%. Однако положение самих бедных за эти же 10 лет по многим показателям ухудшилось. Например, среди бедных «по лишениям» отдельного жилья в 2003 году не имели 26% респондентов, а 2013-м – уже 35%. При этом 10 лет назад 31% бедных «по доходам» имели менее 12 кв. м общей площади на человека. А сегодня таковых уже 39%. Социологи указывают на своеобразную «геттоизацию» российских поселений. При этом доля бедных в числе обитателей общежитий и коммуналок выросла за последние 10 лет почти втрое – до 30%. Около 2% россиян проживают в коммунальных квартирах – это около 3 млн. человек. Еще примерно 2% проживают в общежитиях.

Далеко не у каждого домохозяйства налажен доступ к коммунальной инфраструктуре. Согласно переписи, из примерно 53 млн. домохозяйств РФ лишь около 44% оборудованы всеми базовыми ви-

дами благоустройства. Из 40 млн. домохозяйств в городских населенных пунктах таковых 57%, а из 13 млн. домохозяйств в сельских населенных пунктах – лишь 8%. Из всех домохозяйств в РФ доступ к электричеству есть у 97%, к сетевому газу – у 55%, к центральному отоплению – у 63%, централизованному водопроводу – у 78%, к централизованному горячему водоснабжению – у 51%. Около 70% домохозяйств могут похвалиться стационарным туалетом и ванной или душем. Другими словами, жилищные условия многих граждан оказываются неудовлетворительными. И даже если их доходы превышают официальные показатели бедности, само качество жизни у таких семей оставляет желать лучшего.

Принятое сейчас в США определение бедности (доход примерно в 18 тыс. долларов в год на семью из четырех человек) превышает (с учетом инфляции) уровень жизни всего человечества, за исключением его незначительной доли, несколько столетий назад. Критерий прогресса иногда сводится к росту объемов знаний, и пока не наблюдается никакого снижения отдачи от этого роста, применяемого для преодоления дефицита материальных благ.

Процесс пролетаризации ведет к обездоленному существованию. Основополагающими принципами решения проблем бедности и пролетаризации населения являются следующие. Во-первых, создание базовых возможностей для человека, которые обеспечивают приемлемый уровень дохода. Базовым потенциалом являются: получение образования; наличие собственности, распределенной по принципу справедливости; формирование и наследование капитала несколькими поколениями. Последнее важно в связи с сохранением оседлости населения. Во-вторых, особое значение имеет наличие земельных, водных и лесных ресурсов в защищенной собственности. Выступая как факторы производства, они дают возможность решить проблему пролетаризации труда.

Приведенные факты и положения доказывают, что необходимы срочные и эффективные меры государства и общества по решению проблем пролетаризации населения России.

Обозначим тезисно эти меры:

– Решение земельного вопроса (извечного для России). Изменить земельное законодательство по упрощению получения земли для всех граждан России в размерах, достаточных для формирования семейно-трудовых хозяйств и усадеб семейного типа (разумеется, не 10 соток, а значительно больше). Если народу дать нечего, то дайте ему землю и свободу. Россия имеет крупные ресурсы леса, его также надо выделить людям.

– Возрождение трудоемких видов производств в малых и средних городах на основе ресурсов семьи в виде ремесленного производства, местного промысла со значительными налоговыми льготами. Для этих целей организовать обучение на базе средних общеобразовательных и специальных заведений по таким специальностям: тракторист-машинист, шофер, мастер по деревообработке, хозяйка фермерского хозяйства и других специальностей, характерных для региона. Срок обучения – 1–1,5 года.

– Следует иметь в виду, что крупные предприятия не могут решить задачу полной занятости населения, поэтому ориентация на использование местного сырья в семейно-трудовых хозяйствах должно занимать доминирующее место.

– Организация цехов, филиалов крупных предприятий в сельских населенных пунктах и малых городах.

– Вести активную просветительскую работу в средствах массовой информации с целью активизации каждого человека к собственному получению специальности и обеспечению пополнения своего семейного бюджета.

Возможны и другие институциональные преобразования, которые будут способствовать решению проблем бедности и пролетаризации общества в России и ее регионах.

Библиографический список

1. *Ленин В.И.* Рецензия на книгу Каутского «Берштейн и социал-демократическая программа» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 4. – 202 с.

2. *Ленин В.И.* Письмо И.Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 49. – 329 с.

3. Российский статистический ежегодник. 2012.: стат. сб. / Росстат. – 2012. – 786 с.

4. Независимая газета. – 2013. – 24 июля.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И ЭТИКА PR Р. ПИРСОНА

В статье, написанной на основе зарубежных источников, рассказывается о диалогической модели связей с общественностью в пиарологии Р.Пирсона и ряда других североамериканских исследователей. При этом автор обращает внимание на необходимость рецепции диалогической интеракции современной российской политической наукой в сфере взаимодействия государства и гражданского общества современной России.

Ключевые слова: *связи с общественностью, политическая наука, диалог, диалоговая модель, взаимодействие, коммуникация.*

В профессиональной деятельности политических акторов традиционно уделяется пристальное внимание установлению и поддержанию PR-коммуникаций с целевой (электоральной) аудиторией. Однако главной задачей политических связей с общественностью остается убеждение избирателей, воздействие на общественное мнение, пропаганда политических ценностей, идей и взглядов, то есть, по сути дела, одноканальное и монологическое воздействие субъектов политики на (гражданское) общество, которое все еще не рассматривается (и/или не является) равноправным партнером государства в сфере публичной политики. Избиратели и общественность в современном политическом PR-дискурсе остаются пассивными объектами, потребителями информации, безгласными наблюдателями политического спектакля, разыгрываемого по сценарию приближенных к власти политических технологов.

Диалогические методы субъект-субъектного взаимодействия в политической сфере в целом и в политических PR-коммуникациях в частности используются крайне редко, неэффективно и осторожно, с большой долей подозрительности и недоверия к двухсторонним технологиям связей с общественностью. Хотя симметричная коммуникация в ее диалоговом режиме уже не раз подтвердила свою гораздо большую эффективность, нежели монологическая модель субъект-объектного дискурса власти. Нормативная модель делиберативного, то есть совещательного, а по сути, диалогического дискурса, была разработана еще Ю. Хабермасом. Но диалогическую модель коммуникации власти и общества, в том числе в сфере связей с общественностью, разрабатывал не только этот получивший широкую известность мыслитель, но и ряд других, менее знаменитых авторов.

По неформально сложившейся традиции историки и теоретики российской пиарологии возникновение диалогической модели связей с общественностью связывают исключительно с именами двух американских исследователей в сфере PR-технологий: Дж. Грюнига и Т. Ханта [1]. При этом все отечественные авторы ограничивают свое рассмотрение диалогической модели связей с общественностью лишь ссылкой на двух вышеуказанных ученых.

В своем стремлении разработать и обосновать диалогический подход в сфере этической коммуникации и связей с общественностью Дж. Грюниг тоже был не одинок. Наряду с ним, а также после него, то есть в настоящее время, над этой же проблемой работали и продолжают работать и другие зарубежные специалисты-пиарологи. В конце 1990-х – начале 2000-х годов целый ряд исследователей фиксирует так называемый «диалогический поворот» в связях с общественностью (Dialogical Turn of Public Relation). С этой точки зрения, очень много для исследования диалогической модели связей с общественностью сделали К. Боцан, М. Кент и М. Тейлор [3], Р. Буркарт [2], М. Печка, Р. Пирсон, о котором пойдет речь в настоящей статье, а также другие исследователи диалогических PR-коммуникаций.

Действительно, некоторые из наиболее ранних суждений о роли диалога в PR-коммуникациях можно отнести к канадскому исследователю связей теории и практики с общественностью Р. Пирсону. Он написал диссертацию и опубликовал несколько статей, в которых применил теорию этики дискурса Ю. Хабермаса для развития этических принципов в сфере PR-коммуникаций. С точки зрения Р. Пирсона, этика PR-коммуникаций теснейшим образом связана с идеей диалога. Именно поэтому он одним из первых приступил к обсуждению диалогической коммуникации, утверждая, что в основе связей с общественностью лежит «управление системами коммуникации», которые должны исходить и основываться на «диалогическом стандарте», то есть «выводиться из идеи диалога» [2, p. 128].

Кстати, еще до Р. Пирсона этика связей с общественностью в 1965 году была рассмотрена А. Салливаном[1], который для обоснования этичности

© Зайцев А.В., 2013

PR-коммуникаций выдвинул понятие общих ценностей, которым противостоят узкие (partisan), то есть, по сути дела, партикулярные интересы. Поскольку всеобщие интересы выражают защиту прав человека, то они должны быть признаны выше, чем групповые или местечковые интересы.

Опираясь на взгляды своего предшественника, Р. Пирсон утверждает, что, с точки зрения этичности связей с общественностью, должно быть признано наличие пересечения частных и всеобщих ценностей и интересов. Поэтому в сфере PR-коммуникаций должны гармонически взаимодействовать узкие интересы клиента (заказчика, работодателя, организации) и общественные ценности, идеалы, принципы и приоритеты. Р. Пирсон считает, что между ними необходим баланс и учет всех существующих «точек зрения, интересов и прав других лиц » [8, p. 57]. Он разделяет позицию А. Салливана, предложившего «принцип взаимности», который гласит: «Если у человека есть право, другой... обязан уважать это право в осуществлении этого права» [8, p. 57]. Одним из таких фундаментальных прав является право доступа человека к точной и полной информации в вопросах, затрагивающих его интересы [8, p. 58]. И, словно бы предчувствуя появление теории делиберативной демократии, Р. Пирсон утверждает, что человек не просто свободен, но он имеет законное право на то, чтобы «участвовать в принятии затрагивающих его или ее» решений, проблем и вопросов [8, p. 53]. Отмечая вклад А. Салливана в разработку этики связей с общественностью, Р.Пирсон также способствует развитию этических представлений в сфере пиарологии.

Для обоснования своих взглядов Р. Пирсон исходит из трех известных эпистемологических понятий постмодернистской теории риторики: объективизма, релятивизма и интерсубъективности. Все три лежат в основе теории аргументации и могут быть применимы к связям с общественностью. Он утверждает, что рационализм и эмпиризм – это два различных философских метода, направленных на то, чтобы получить достоверное знание [6, p. 13]. Именно они лежат в основе объективизма. Но наряду с этим в самом языке присутствует реляционизм, на основе чего даже откровенно софистические и ложные аргументы могут выглядеть как достоверные и истинные. А связи с общественностью вполне могут использоваться для продвижения частной выгоды в публичной «какофонии конкурирующих интересов» [7, p. 69]. Таким образом, реляционистская компонента PR может помочь ложной точке зрения, заручившись поддержкой со стороны общественности.

Интерсубъективная точка зрения описывается Р. Пирсоном как альтернатива двум первым эпистемологическим основаниям. Она отвергает притязания на истину в последней инстанции со стороны объективизма и в то же время не принимает скептицизма и нигилизма со стороны софистической риторики. Интерсубъетивность, как диалектический процесс синтеза тезиса и антитезиса, позволяет найти согласие и обнаружить «золотую середину» межу объективизмом и риторизмом. Принцип интерсубъективности вполне релевантен многообразию и плюрализму интересов членов общества. На этой интерсубъективной основе должен осуществляться дискурс и функционировать коммуникативный механизм связей с общественностью. В отличие от монологического объективизма и реляционизма интерсубъективный подход субстанционально диалогичен и этичен, а потому применим, по мнению Р. Пирсона, к теории и практике связей с общественностью [6, p. 122].

«Важным вопросом становится не то, что действия или политика более правы, чем другие, – пишет Р. Пирсон, – но то, что такая система коммуникации максимизирует вероятность того, что конкурирующие интересы могут быть трансформированы» [6, p. 125]. Таким образом, акцент в связях с общественностью перемещается от проблемы правильности или неправильности, то есть истинности, артикулируемых точек зрения к этическим аспектам процесса коммуникации. Эта коммуникативная модель преодолевает монологический тренд социальной коммуникации и связей с общественностью.

Р. Пирсон позиционирует свою концепцию диалога как этическую основу для связей с общественностью. В соответствии с этой установкой, диалогическая модель коммуникации Р. Пирсона осуществима лишь под углом «этического императива связей с общественностью» («an ethical imperative for public relations») [5, p. 127]. В свою очередь «этический императив» характеризуется Р. Пирсоном в качестве «ключевого» элемента в практике паблик рилейшенз [6, p. 123]. Этическим императивом, по Р. Пирсону, является, во-первых, коммуникативная деятельность по наладке и поддержанию взаимоотношений со всеми группами общества, на которые организация может оказывать то или иное влияние. И, во-вторых, этическим императивом является совершенствование реляционно-коммуникативных связей по все большей трансформации и превращению их в полноценный симметричный диалог с соответствующим уровнем открытости, взаимопонимания и координации деятельности между организацией и общественностью [5, p. 377].

Переходя к практическому использованию концепта «этический императив», Р. Пирсон ссылается на концепцию Ю. Хабермаса об идеальной речевой ситуации, которая, по его мнению, может претендовать на нормативное ограничение вполне реальных правил (этики дискурса) в сфере связей с общественностью. В своей диссертации «Теория

этики связей с общественностью» Р. Пирсон утверждает, что для практики этических связей с общественностью характерно наличие диалогической системы взаимодействия, а не монологической политики воздействия на общественность и общественное мнение [5, p. 206]. По мнению Р. Пирсона, «диалог является необходимым условием для любого легитимного корпоративного поведения, которое затрагивает общественность (public) этой организации» [5, p. 128].

«Этический императив» связей с общественностью Р. Пирсона непосредственно вытекает из концепции Ю. Хабермаса об идеальной речевой ситуации. Несмотря на то что Ю. Хабермас рассматривал связи с общественностью как вмешательство в политическую публичную сферу и тем самым позиционировал политические PR-коммуникации еще и как способ отчуждения граждан от политической жизни общества, Р. Пирсон утверждал, что его концепция этических связей с общественностью позволит преодолеть коммуникативный барьер между организациями (властью) и общественностью (гражданским обществом). К сожалению, этот рано ушедший из жизни пиаролог так и не сумел реализовать свои идеи.

Эту же проблематику, поднятую Р. Пирсоном, продолжает Р. Липер в статье «Моральная объективность, этика дискурса Юргена Хабермаса и связи с общественностью». Он, как и его предшественник, пытается приспособить этику дискурса Ю. Хабермаса «для практики связей с общественностью» [4, p. 133]. Его аргументация в пользу этого тезиса сводится к трем основным элементам:

а) попытке доказать, что этика дискурса «совместима с двусторонней симметричной моделью общественных отношений Грюнига и Ханта»;

б) демонстрации ее применимости для кодекса этики связей с общественностью;

в) акцентирования внимания на использовании теории Ю. Хабермаса Р. Пирсоном в качестве практики этических связей с общественностью во время катастрофического для окружающей среды разлива нефти в 1989 году из танкера Эксон Валдез (Exxon Valdes) вблизи Аляски, последствия которого удалось устранить лишь к 2010 году. Р. Липер подчеркивает важность этического исследования в области связей с общественностью – с одной стороны, и распространение апатии к этому вопросу как среди ученых-пиаролов, так и со стороны практикующих специалистов – с другой стороны [4, p. 133–135].

Р. Липер подчеркивает актуальность этических исследований в сфере связей с общественностью, которые, по его мнению, нуждаются в глубоком философском обосновании [4, p. 140]. Для теоретического обоснования двухсторонних симметричных связей с общественностью он пытается совместить идеи, высказанные Дж. Грюнигом и Ю. Хабермасом. Коммуникации, по мнению Р. Липера, ведут к пониманию. Основная цель таких коммуникаций состоит в содействии во взаимопонимании между людьми и организациями. Завершая статью, он отмечает, что этические требования Ю. Хабермаса (этика дискурса) «соответствуют разработке, реализации и обоснованию кодексов этики для области связей с общественностью» [4, p. 142].

Современная двусторонняя модель связей с общественностью представляет собой активное взаимодействие субъекта и объекта в целях достижения взаимопонимания. В современной концепции «связей с общественностью упор делается на установление обратной связи в ходе регулярного информирования общественности о деятельности отдельных личностей, организаций, коллективов». Наиболее актуальным остается коррекция и постоянный учет общественного мнения, политическая экспертиза и политический консалтинг как способы выработки рекомендаций для перестройки деятельности субъектов с целью выстраивания гармоничного коммуникативного пространства, организации взаимодействия на основе диалоговой, согласованной и взаимовыгодной коммуникации.

В отечественной пиарологии продолжают доминировать неэффективные и морально устаревшие монологические подходы к общественно-политическим PR-коммуникациям. В том числе в сфере публичной политики и интеракции государства и гражданского общества, власти и оппозиции, что более чем наглядно было продемонстрировано в конце 2011 – начале 2012 года после завершения избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ. Однако все еще довольно частое использование в практике связей с общественностью моделей однонаправленной коммуникации постепенно вытесняется двусторонними моделями, поскольку осуществление обратной связи в информационно-коммуникативном процессе является неотъемлемой частью построения эффективной коммуникации на основе диалогического взаимодействия.

Примечание

[1] Sullivan A.J. Values in public relations // O. Lerbinger & A. Sullivan (Eds.), information, influence, and communication: Areader in public relations. – New York: Basic Books, 1965. – P. 412–439.

Библиографический список

1. *Зайцев А.В.* Диалогическая модель связей с общественностью Дж. Грюнига и современность // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – №3.

2. *Зайцев А.В.* Консенсус-ориентированные связи с общественностью и теория диалога // Полити-

ка, государство и право. – 2013. – № 7 (19), июль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politika.snauka.ru/2013/07/886.

3. *Зайцев А.В.* Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 7 (27), июль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725.

4. *Leeper R.V.* Moral objectivity, Jurgen Habermas's discourse ethics, and public relations // Public Relations Review. – 1996. – Vol. 22. – №2. – P. 133–150.

5. *Pearson R.* A theory of public relations ethics. – Unpublished doctoral thesis. – State University, USA, 1989.

6. *Pearson R.* Business ethics as communication ethics: Public relations practice and the idea of dialogue // Botan C. (ed.) Public relations theory. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. – P. 111–131.

7. *Pearson R.* Beyond ethical relativism in public relations: Coorientation, rules, and the idea of communication symmetry // Journal of Public Relations Research. – 1989. – Vol. 1. – № 1. – P. 67–86.

8. *Pearson R.* Reviewing Albert J. Sullivan's theory of public relations ethics // Public Relations Review. – 1989. – Vol. 15. – № 2. – P. 52–62.

УДК 316.33

Кирдяшкин Иван Владимирович
Томский государственный университет
kirdjhkin@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматривается связь политической социализации с понятием «контекст», раскрывающаяся через теорию аутопойетических систем немецкого философа Н. Лумана. Делается вывод о том, что «контекст» обретает вид выраженной символически коммуникации, имеющей функцию «соорганизации» сознания молодежи и структур политического мира, а политическая социализация молодежи отлична тем, что «контекст» должен артикулировать потенциальный политический мир.

Ключевые слова: *молодежь, политическая социализация молодежи.*

Актуальность данной проблематики продиктована потребностью российского общества в изучении своих базовых возможностей для воспроизводства себя как целостности, на основе которых оно могло бы строить собственное устойчивое будущее. Это требует формирования научной концепции политической социализации молодежи, которая бы могла ответить на вопрос: как формируется общество и его политическая система, их будущность при условии атомизации, индивидуализации, мультикультурности как ведущих дефиниций современного социума? Фундаментальность проблематики следует также из важности изучения механизмов политической социализации, которые бы эксплицировали целостный характер явления, выражающий его взаимосвязь с разными структурами социально-политического порядка и его источниками.

Теория политической социализации исходит из позиции необходимости вхождения человека в политический мир, его культуру. Исследователи М. Доган и Д. Пеласси формулируют задачи политической социализации как аккультурации – передачи политической культуры, стабилизации общества и «по вертикали» – от поколения к поколению, и «по горизонтали» – между социальными группами [4, с. 111–112]. С позиции Е.Б. Шестопал, политическую социализацию можно рассматривать как процесс включения человека в политическую систему, благодаря которому осуществляется преемственность политических ценностей [11, с. 178]. Постоянным стержнем политической социализации в исследованиях А.И. Щербинина являются ее фундаментальные ценностные основы, напоминающие о сверхценностях политического мира, детерминирующихся особенностями политического времени [12, с. 20]. Политическая социализация определяется Н.А. Головиным как политически релевантный аспект общей социализации [3, с. 30]. Так, исследователи отмечают усиление значимости в политической социализации индивидуальности [6, с. 73].

Между тем указанные подходы можно дополнить рядом теоретических положений, предполагающих несколько допущений в исследовании процессов политической социализации молодежи. В частности, допущением о том, что политическая социализация есть, прежде всего, процесс познания базовых основ политического мира, его культуры и механизм самопознания человека. При этом, в свете характерной для постнеклассической рациональности, значимости «средового» подхода, это положение можно «уточнить» тезисом о том, что познание основывается не на получении знания о политическом мире в «чистом» виде. Познание есть всегда коммуникативно-деятельностная ситуация в окружении, задающая, вероятно, в той или иной мере, и функциональную направленность понимания базовых компонентов политического мира. При этой постановке вопроса о познании полити-

© Кирдяшкин И.В., 2013

ческого мира увеличивается эвристическая значимость изучения «контекста» познания. Изучение «контекста» дает понимание модусов «сопряженности» человека и окружающего мира, роли человека в формировании интенций политической культуры в свете задач адаптации и самовыражения политического мира.

Но как «контекст» влияет на процесс политической социализации? Для ответа обратимся к современной философии. Как отмечает отечественный философ И.Т. Касавин, в ряде течений эпистемологии осознается тесная связь познания с непознавательными контекстами – сознанием в целом, деятельностью и коммуникацией [5, с. 50]. Последняя форма контекста, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Рассмотрение коммуникации как проявления «контекста» политической социализации молодежи дает особую призму ее исследования.

Одним из теоретических оснований этого исследовательского фокуса может стать теория аутопойетических (греч. autos – само; poien – делать, букв. – сам себя делаю) систем Н. Лумана, переводящая проблему «контекста» в ранг проблематики коммуникации как познания, преобразующего реальность. В теории аутопойетических систем Н. Лумана исследуются, прежде всего, отношения человека и общества. Под «закрытостью» Н. Луманом понимается не термодинамическая (физическая) изолированность, а всего лишь оперативно-информационная замкнутость [7, с. 104], то есть зависимость от процедур познания, способов принятия информации человеком или обществом. Это означает «рекурсивное условие возможностей собственных операций, исходя из результатов собственных операций» [8, с. 101]. В теории Н. Лумана системы, среди которых человек и общество, отграничивают себя смыслами. Они являются способами явления объекта наблюдателю в многочисленных модусах восприятия предмета. Система познает мир, различая в нем себя. Смысл соединяет разные формы различения системы во времени. Система, в частности психическая система, конструирует любой смысл посредством другого, определяющего характер восприятия предмета [7, с. 238, 241, 254]. Здесь Н. Луман применяет описание акта, полагающего смысл Э. Гуссерля, обозначаемого через термины ноэзис (как «я мыслю», «я воспринимаю») и ноэма (что «я мыслю и воспринимаю»).

Этот взгляд влечет следующий вывод. Психическая система человека выделяет из окружающего мира во многом только «свое» содержание, но через новые, заново адаптирующие ее смыслы. Поэтому окружающий мир, и соответственно «контекст», через который происходит познание политического мира, у каждого человека разный, образующий различные модусы познания политического мира.

Взаимодействие различных систем, в частности человека и общества, Н. Луман описывает через понятие взаимопроникновения, обозначающее вклад в создание систем со стороны окружающего их мира или принятие во внимание опыта «отсутствующего» [9, с. 289]. Системный вклад взаимопроникающих систем состоит не столько в предоставлении ресурсов, энергии, информации, что возможно. Взаимопроникновение – это глубинная связь не вкладов, а конституций [9, с. 291].

Взаимопроникновение, означающее взаимное содействие, выраженное в соуправлении комплексностью при построении эмерджентной системы, и имеет место в форме коммуникации [9, с. 196]. В теории Н. Лумана коммуникация не определяется в значении передачи или «переноса» сообщения от отправителя получателю. Коммуникация – это отбор, но специфический. «Коммуникация, – пишет исследователь, – выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, нечто и оставляет в стороне иное…» [9, с. 196].

Теория аутопойетических систем предполагает, что важно объяснить политическую социализацию не как приспособительное поведение, а как построение психической системой новых уровней собственной комплексности. Основной процесс здесь не «перенос» смысловой модели от одной системы к другим, а самореферентная репродукция системы. Чтобы эта репродукция была релевантна обществу как системе ограничений, требуется включение процесса, согласующего позиции. Взаимопроникновение общества и психической системы и реализует такой дополнительный процесс, как коммуникация, совершающая отбор комплементарных им «событий» и элементов информации.

В этом отношении коммуникация как средство познания политического мира есть и определенное мировидение. И здесь коммуникация не предполагает отрицание первичной реальности. Первичная реальность состоит в опыте когнитивных операций по отношению к реальности. Опыт несет «память», представленную в том числе политической культурой, логика которой тесно связана с логикой ментальности человека. Эта логика как смысл и есть «нить», соединяющая человека и политический мир. На нее и нанизываются будущие различения системой «своего» содержания в сообщениях окружающего мира. «Контекст» в этой связи есть не столько обозначение окружающего мира, сколько сущностное свойство, выделяющее характер респонденции человека с политическим миром, основанием которой является политическая культура. Новый смысл для нее как раз в появлении новых уровней адаптации, и привносится он «контекстом», диктующим, интегрирующим «правила» изменения политического порядка именно в процессе политической социализации.

Но чем мы познаем, в каких формах культура является основанием коммуникации как выражение «контекста» политической социализации? В духе теории Н. Лумана, система, как уже было сказано, различает себя в окружающем мире, так познавая мир. Поэтому средством познания являются когнитивные схемы отличий. Когнитивная схема, как считают исследователи, это когнитивная структура, внутри которой происходит интерпретация мира. Важной характеристикой схемы является то, что она допускают ранг возможностей. Схема является процедурным средством, которое человек использует, чтобы осуществить интерпретацию. Р. Андрад полагает, что когниция схемы предполагает прямой путь связывания культурных и психологических процессов [10, с. 107].

Когнитивные схемы выражены в знаках. Психические системы и социальные могут сообщаться посредством языка как процесса использования знаков, наполненных смыслом (то есть символизации). Этот процесс и переводит социальную комплексность, как механизм селекции информации, в психическую [10, с. 358]. Операционная функция когнитивных схем, выраженных символически, становится зависимой от процесса выделения информации из сообщения, что, по сути, и производит «контекст» как коммуникативное средство.

Под символическим коммуникативным средством, презентующим «контекст» политической социализации, можно понимать его разные структурные компоненты, соединяющие психику человека и общество как систему нормативных ограничений. В теории Н. Лумана, под коммуникативными средствами понимается код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции, опосредующим динамику отношений человека и общества. Код упорядочивает процессы осмысления новых событий, присоединения новых когнитивных схем, образования новых коммуникативных компетенций. Код выполняет функцию катализатора времени, то есть он не соединяет, а «соорганизует» изменения в сознании человека и в обществе.

При этом теоретическом допущении ключевой особенностью символического «контекста» политической социализации именно молодежи является его нацеленность на выигрыш во времени. Иначе говоря, нацеленность на потенциальные когнитивные схемы, как схемы выделения человеком потенциального «своего» в структуре политического мира, того «своего», которое еще не состоялось как устойчивая когнитивная схема или компетенция в политическом сознании молодого человека. Они должны предоставлять шанс повысить вероятность возникновения невероятных политических коммуникаций, согласующих разнообразие появившихся представлений о смысле политического мира и его институтов. В этом есть мотив попадания в искомое начало пути, в заново сконструированное начало формирования политического мира, в новое понимание его смыслов. Мышление о будущем также предполагает развитие особой чувствительности к целому в его незримых измерениях [2, с. 104]. Особую ценность, пишет И.А. Герасимова, в мышлении о будущем приобретают способности дистанцироваться от наличного существования и создание в воображении картин будущего, особенность которых связана с психоментальным развитием. Искусство мыслить будущее – это искусство самопреображения [2, с. 109]. И здесь актуализируется особая способность, которая составляет актуальную для выживания-адаптации политического мира цель политической социализации молодежи, связанную с достижением системной рациональности. Как отмечают исследователи, рациональность системы означает способность дистанцироваться от своего собственного «средства наблюдения» и выдвигать предположения о будущем, о том, что случилось, если бы оно было иным. Здесь, пишет А.Ю. Антоновский, коммуникативная система словно ориентируется на иные коммуникативные миры и только поэтому может самокорректироваться [1, с. 74].

Таким образом, «опережение» времени включает способности человека и общества дистанцироваться от собственного средства «наблюдения» (компетенций, когнитивных схем) и выдвигать положения о том, что бы могло случиться, если бы это «средство» было бы другим, ориентируя на иную коммуникативность. Стратегия «опережения» времени подразумевает процессы, презентующие расширение смыслов социализации по сравнению с векторами эволюции политического мира, опору на «события» «памяти» политического мира и человека, снижающие монополию той или иной трактовки целей социальной и политической реальности. Символизация этих «событий» составляет потенциал для времени «опережения» динамики политических коммуникаций.

При этом «контекст» политической социализации в виде кода коммуникации может состоять из множества символизаций. Их соединять, выступая двигателем, может мифологическая конструкция будущего политического мира. Множество символизаций должно включать в себя символизацию (в том числе событийности), определяющую смысл выхода за пределы имеющихся «средств» конструирования мира. Она должна быть направлена на поддержку аутопойезиса потенциально возможных политических миров, преодоление тех или иных процедур мышления, расширяя границы смыслов гражданской природы человека. Становление гражданской позиции молодежи – это процесс формирования граждан, в сознании которых ведущую роль должны играть смыслы гражданственности как потенциальной социальности. Можно ли при

этом вовсе не использовать в качестве оснований конструирования потенциальной гражданственности политическую культуру прошлого? Наверное, нельзя. Но при этом в «контексте», то есть новой коммуникативно-исторической ситуации, сопряженной с новыми символами эпохи, политическая культура как базис социализации уже будет иметь другие вид и направленность, порой неузнаваемые, выполняя потребности адаптации политического мира в текущей событийности, коммуникативной ситуации. Иначе говоря, источником знания о политическом мире является коммуникативный «контекст» как модус респонденции со структурой политического мира, сквозь который человек и познает политический мир, накладывающий новый смысл на традиционные основания политического мира и его культуры. «Контекст» не является абсолютно не внешним по отношению к процессу политической социализации, он формируется посредством традиционных норм политической культуры, которым придается новое измерение смысла в свете важности ее новых компетенций в обществе, окружающем мире.

В целом политическая социализация молодежи – это процесс познания политического мира и его культуры через дух и содержание «контекста». Он есть коммуникация, выраженная через символы, «соорганизующая» сознание молодежи и потенциальный политический мир. Это познание через коммуникацию не только с еще не существующим, но потенциально возможным, воображаемым политическим миром, но и с потенциально возможными компетенциями политического сознания молодого человека. Политическая социализация есть и процесс создания молодым человеком «своей» потенциальной когнитивной схемы редукции смыслов политического мира, его назревших приоритетов.

Библиографический список

1. *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя // Эпистемология & Философия науки. – 2008. – Т. XVII. – № 3. – С. 71–77.

2. *Герасимова И.А.* Искусство мыслить будущее // Эпистемология & Философия науки. – 2010. – Т. XXIII. – № 1. – С. 98–111.

3. *Головин Н.А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – 208 с.

4. *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1994. – 394 с.

5. *Касавин И.Т.* Критерии знания: собственно эпистемологические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон-Пресс, 2012. – С. 50–61.

6. *Nunner-Winkler G.* Enttraditionalisierungen bei Jugendlichen? // Heitmeyer W., Jacobi J. Politische Socialisation und Individualisierung. – Weinheim, Munchen, 1991. – S. 57–77.

7. *Луман Н.* Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

8. *Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 231 с.

9. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.

10. *Филатова А.А.* Когнитивные формы культуры. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 107.

11. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.

12. *Щербинин А.И.* Политическое образование как фактор политического процесса: автореф. дис. … д-ра полит. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2000. – 52 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 025.2

Головань Елена Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gev.koipkro@mail.ru

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕК И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЧТЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья посвящена вопросу комплектования фондов публичных и учебных библиотек Костромской губернии в аспекте цензурной политики Министерства народного просвещения, регламентирующей правила приобретения и допущения к обращению книг и периодических изданий в учительские, ученические, народные библиотеки и бесплатные библиотеки-читальни. В кратком изложении представлен опыт создания рекомендательных каталогов библиотек, подготовленных профессиональными библиографами и неспециалистами.

Ключевые слова: *библиотека, каталог, книжный фонд, периодические издания, правила о библиотеках, регламентация чтения.*

Период промышленного капитализма в России обусловил динамичное развитие городов, средств связи, железнодорожного сообщения. Неизменно повышались грамотность и уровень культуры населения. «Именно на этом историческом этапе завершилось формирование нации, важнейшим способом самоосознания которой стала русская художественная культура» [4, с. 281].

Понятие «культура» имеет несколько значений, в том числе трактуется как система «достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» и «уровень, степень развития какой-либо отрасли хозяйственной или умственной деятельности».

Систему культуры как общественной, так и духовной жизни составляют социальные институты – библиотеки, музеи, театры. «На протяжении всей истории библиотека была и институтом власти, и культурным центром, и средоточием духовного наследия» [12, с. 8], и основой общекультурной ментальности.

По определению И.А. Едошиной, «ментальность – сфера устойчиво воспроизводимых и транслируемых познавательных механизмов, в которых оформляются смысловые и ценностные структуры культурной реальности, складывающейся из конкретного времени, пространства и порождаемых обществом феноменов» [8, с. 22].

Особое развитие библиотеки получили во второй половине XIX в.: по данным Г.Н. Геннади, в 1864 г. было образовано 280 действующих библиотек разных типов и видов, в 1884 г. в 50 губерниях центральной части России (исключая Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ) имелось уже 509 публичных и коммерческих библиотек [1, с. 74].

Первой публичной библиотекой с читальным залом для чтения периодических изданий в Костроме стала библиотека И.В. Солониковского, открытая в 1855 г.

«Костромские губернские ведомости» отмечали: «Книги, вошедшие в состав библиотеки... по преимуществу русские, почти все в щегольских переплётах и состоят из творений многих наших поэтов и беллетристов, немало книг и учёных. <…> с будущего года Солониковский будет выписывать журналы...» [21, с. 15].

Костромская губерния в 1867 году получала 104 периодических издания в количестве 2769 экземпляров. Наибольшей популярностью пользовались журналы и газеты «Духовный вестник» (101 экз.), «Московские ведомости» (165), «Русские ведомости» (143), «Странник» (220), «Сын отечества» (194) [14, с. 44–45].

Периодическая печать поступала частным лицам и библиотекам по подписке.

С 1870-х г. на средства земских уездных управ и частные пожертвования публичные библиотеки открываются и в уездных городах Костромской губернии – Ветлуге, Макарьеве, Нерехте, Солигаличе, Юрьевце, Чухломе. «Ни одна из перечисленных библиотек не имела устойчивого финансового положения, следовательно, большого количества книг в фондах» [20, с. 336].

В 1885 г. чухломским предводителем дворянства М.И. Катениным земской управе на устройство библиотеки было передано 2500 книг. В течение 1887–1893 гг. она пополнялась исключительно периодическими изданиями, выписывались популярные журналы – «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник», «Русская старина», «Всемирная иллюстрация», «Будильник» – и столичная газета «Петербургский листок».

«Только в 1894 г. благодаря значительному скоплению денежных средств оказалось возможным выписать разных сочинений новейших русских писателей на сумму 80 рублей» [19, с. 2]. Несмотря на незначительные ассигнования, выделяемые земской управой на пополнение библиотеки, фонд постоянно увеличивался, составляя в 1899 г. – 3271 экз., в 1900 г. – 3403 экз., в 1915 г. – 4915 экз.

© Головань Е.В., 2013

В комплектовании народной библиотеки-читальни села Контеево Буйского уезда активное участие принимал И.Д. Сытин, отец которого здесь родился. В библиотечном каталоге 1897 г. значилось 248 названий и 302 тома книг. В последующие годы библиотека постоянно пополнялась приложениями к журналам «Нива», «Вокруг света», «Русский паломник» и другими изданиями.

Большим спросом пользовались книги религиозно-нравственного содержания, литература по садоводству, полеводству и огородничеству.

Газеты и журналы читали, преимущественно, представители духовного сословия, дворяне, учителя и наиболее образованные крестьяне [10].

«Основанная в губернском городе и обладающая большим количеством картин для волшебного фонаря», читальня имени А.Н. Островского была центром народных чтений, которые впервые прошли 22 сентября 1896 г. во вновь построенном здании. «В отчётном году было [проведено] 29 чтений, на которых присутствовало 9056 слушателей, из них платных 196 и бесплатных 8860» [17, с. 6].

Тематика чтений была самой разнообразной: «по закону Божию», по литературе (А.Н. Островский (о нём), «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, И.А. Крылов и его басни), по истории, по географии («самоеды, лопари, зыряне и поморы», «о черногорцах»), по естествоведению («Что такое соль и как её добывают», «О землетрясениях и горах огнедышащих», «О пчёлах и муравьях», «О дурной и хорошей воде»).

За тридцать лет (с 1872 по 1902) было открыто 115 библиотек: 11 публичных, 6 общественных (при клубах), 60 бесплатных народных и 38 библиотек-читален.

Из 238 церковно-приходских школ 184 имели библиотеки, общий фонд которых составлял 23325 книг.

С 1884 г. Министерством внутренних дел стали издаваться «Алфавитные списки произведений печати, не допускаемых к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». В списки включались 125 книг по крестьянскому вопросу, рабочему движению, истории революций (первый том «Капитала» К. Маркса, публицистика Н.Н. Златовратского, сочинения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.И. Левитова, А.П. Щапова, Н.Г. Помяловского, Ф.М. Решетникова). Читателям запрещалось выдавать журналы «Современник» (1856–1866), «Отечественные записки» (1867–1884), «Русское слово» (1857–1866).

И.В. Кондаков, рассматривая «социальную историю с точки зрения культурной», приходит к выводу о том, «что во многих конкретных случаях культурные явления интенциально опережали жизнь, а затем вели её в том или ином направлении, побуждали к развитию в духе порождаемых ими идеалов и теорий, стимулировали радикальные тенденции социально-исторического процесса. < … > Произошедшие в обществе социальные изменения порождали соответствующий ответ культуры – созвучный, контрапунктирующий или перечащий. В неменьшей степени культурно обусловлены охранительно-консервативные тенденции в русской общественной жизни, по определению связанные с традицией, с устоявшимися нормативами и системами ценностей, с искусственным удержанием социальной истории в рамках, освящённых культурной историей. В свою очередь, социально-политическая реакция сама стимулировала усиления консервативных охранительных интенций в культуре (ср.: М. Щербатов, А. Шишков, С. Уваров, …К. Победоносцев)» [11, с. 24 – 25].

В 1890 г. Министерством внутренних дел были утверждены «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними», согласно которым народные библиотеки имели право включать в книжные фонды лишь издания, одобренные Учёным комитетом Министерства народного просвещения (монархическая, религиозно-нравственная литература, ведомственные официальные и справочные издания).

Литература «с XVIII века вплоть до конца 80-х годов века XX-го играла ведущую роль в формировании общественного сознания. <…> книгами зачитывались, написанное в них воспринимали всерьёз и старались воплотить в жизнь. Вот почему власть всегда относилась к литературе серьёзно, пропускала её произведения сквозь жёсткую цензуру» [9, с. 130].

В общей сложности с 1864 по 1917 гг. было опубликовано 33 циркуляра Министерства народного просвещения, предусматривавших правила приобретения и допущения к обращению книг и периодических изданий в учительские, ученические, народные библиотеки и бесплатные библиотеки-читальни.

Согласно владельческим записям Костромской второй мужской гимназии и Костромской женской учительской семинарии, в библиотеках хранились и использовались «Сочинения» Д.Г. Байрона (СПб, 1875), «Мелкие сочинения, статьи и письма, 1857 – 1887» Д.И. Иловайского (СПб, 1888), «Собрание алгебраических задач» (СПб, 1882), «Сборник геометрических задач с применением тригонометрии» Н.А. Сорокина (Киев, 1906), «Математические развлечения» Э. Люкаса (СПб, 1883), «Реальный словарь древностей по Любкеру» (СПб, 1885), «Начальная ботаника для городских училищ» Д.Н. Кайгородова (СПб, 1907), «Животные – кровопийцы и дармоеды» В.В. Лункевича (СПб, 1909). Последняя из приведённых книг вышла в серии «Научно-популярная библиотека для народа» (типография М. Меркушева).

Учащиеся и учителя читали книги, одобренные Учёным комитетом, никаких тайных и запрещённых книг в библиотеках не было. «Общее число книг, разрешённых для бесплатных народных библиотек, к середине 90-х гг. составило 3 тысячи, т.е. всего 3,3 процента изданных на русском языке» [1, с. 73].

О необходимости отмены правил о народных библиотеках и с критикой министерских каталогов для ученических и учительских библиотек выступали публицист Я.В. Абрамов, педагог В.П. Вахтеров, экономист И.И. Иванюков, политический и общественный деятель А.А. Стахович.

В 1900 г. в Костроме с дозволения московской цензуры типо-литография Ф.А. Фалька опубликовала каталог, составленный штабс-капитаном Н. Архангельским.

Создавая настоящий каталог, автор стремился «дать возможность желающему отыскать нужную книгу, сделать это без особого труда, а главное без библиотекаря, или облегчить это дело последнему, при вступлении в должность» [2, с. 3].

В каталог вошли «Военный и общенаучный отдел», «Художественная литература», «Периодическая печать» и «Подотдел», включавший «альбомы, планы и карты и пособия для тактической игр и инструменты при занятиях в поле по съёмкам местности и глазомеру».

В основу «нового вида каталога» была положена предметная организацию фонда: военный и научный отдел состоял из таких предметных рубрик, как «Администрация», «Артиллерия», «География», «Естествознание». За ними следовали «История», «Критика», «Медицина» и «Общественные науки» (правоведение, социология, политическая экономия и т.д.). Внутри рубрик автор «не придерживался сложного алфавитного порядка, а в научном отделе, иногда даже простого алфавита, ввиду крайне незначительного количества томов в каждой отрасли знания» [2, с. 4].

В рубрике «Администрация» библиотекам предложено было иметь книги П.Л. Лобко «Записки военной администрации», К. Гольца «Вооружённый народ», А.Ф. Редигера «Комплектование и устройство вооружённых сил». «История» состояла из литературы «крестовых походов», распрей и войн (Б. Шлессер «Всеобщая история крестовых походов», Л.Н. Соболев «Англо-Афганские распри», Н.С. Голицын «Тридцатилетняя война», «Войны II половины XVII в.»). «Критику» и «Общественные науки» составили статьи В.Г. Белинского, А.М. Скабичевского, Г. Брандеса и М.И. Драгомирова, «Московский сборник» и «Новая школа» К.Н. Победоносцева.

Из 600 произведений художественной литературы не нашлось места А.П. Чехову, но нашлось забытому ныне И.Н. Потапенко…

Каталог Н. Архангельского носил специфический характер, в большей степени отражающий военную тематику, так как книги, представленные в нём, были посвящены устройству армии, образу ведения войны (уставам, тактике, фортификации), даже анализ романа «Война и мир» Л.Н. Толстого был представлен с военной точки зрения.

В 1905 г. министром внутренних дел были отменены «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» с подчинением этих библиотек-читален общим правилам о публичных библиотеках. Соответствующее распоряжение было сделано Министерством народного просвещения относительно учительских библиотек народных училищ.

К созданию моделей каталогов библиотек обратились профессиональные библиографы и библиотековеды – Б.В. Веселовский, К.Н. Дерунов, Н.А. Рубакин, Л.Б. Хавкина.

В «Примерном библиотечном каталоге» (1909) К.Н. Дерунова была предложена модель фонда, состоящая из 27 отделов и шести тысяч названий. «Эту цифру мы … считаем более чем достаточной для того, чтобы лечь в основу *первой русской "действительно хорошей"* библиотеки – с её девизом: "*В малом многое"*…» [7, с. 144].

В каталоге, опубликованном губернской типографией Костромы в 1910 г., наряду с сочинениями К.Н. Победоносцева («Московский сборник», «Учение и учитель») рекомендовались книги А. Болье «Христианство и демократия», С.Н. Булгакова «Интеллигенция и религия», «Воскресение Христа и современное сознание», Е.Е. Голубинского «История русской церкви». В разделе «История» – имена П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского, С.С. Татищева. В периодические издания включены «Исторический вестник», «Природа и люди», «Русский начальный учитель», «Русская школа», «Русская старина» [16].

В этот период наметился подъём общественного движения за демократизацию библиотечной политики и отмену какой-либо регламентации чтения.

Библиографический список

1. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие. – М.: Либерея, 2000. – 176 с.

2. *Архангельский Н.* Каталог. – Кострома: Типолитография Ф.А. Фальк, 1900. – 62 с.

3. *Басова Н.Ф.* Павленковские народные // Губернский дом. – 2006. – № 1–2 (70–71). – С. 45–47.

4. *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты России // Кравченко А.И. Культурология: хрестоматия для высш. школы. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 280–289.

5. *Волков С.М.* История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.: ил.

6. *Григорьев Ю.В.* Библиотечные фонды: уч.-метод. пособие для студентов-заочников. – М.: МГИК, 1965. – 52 с.

7. *Дерунов К.Н.* Избранное: Труды по библиотековедению и библиографии / под общ. ред. Ю.В. Григорьева. – М.: Книга, 1972. – 238 с.

8. *Едошина И.А.* Культурология: Основные понятия: Адаптированный словарь для студентов / И.А. Едошина, В. Бондарев. – Кострома, 2000. – 52 с.

9. *Едошина И.А.* Человек в пространстве культуры (Монографические размышления). – Кострома, 1999. – 135 с.

10. *Зырина А.* Первая библиотека уезда: К 110-летию б-ки // Буйская правда. – 2007. – 9 июля. – С. 3.

11. *Кондаков И.В.* Культура России: Краткие очерк истории и теории: учеб. пособие. – 4-е изд. – М., 2008. – 360 с.

12. *Маркова Т.Б.* Библиотека в истории культуры. – СПб.: Наука, 2008. – 327 с.

13. *Матвеев М.Ю.* Земство и библиотечное дело: по материалам общероссийской печати 1864–1917 гг.: Библиографический указатель. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/res/epubl/zemstvo/preface.htm (дата обращения – 20.05.2013).

14. Материалы для статистики Костромской губернии / Костромской губернский статистический комитет; под ред. В. Пирогова. – Вып. 1. – Кострома: В губернской типографии, 1870. – 160 с., табл.

15. Обзор начального народного образования в Костромской губернии к 1903 году. – Кострома: Губернская типография, 1903. – 92 с.

16. Опыт каталога для учительских библиотек Костромской губернии. – Кострома: Губернская типография, 1910. – 36 с.

17. Отчёт Костромской народной читальни имени А.Н. Островского за 1896/97 учебный год / Костромская народная читальня им. А.Н. Островского. – Кострома: В губернской типографии, 1897. – 14 с.

18. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.turgenev.ru/baza/exp01/stend3/part1/pravila.html (дата обращения – 23.05.2013).

19. *Седова О.Т.* История создания Катенинской библиотеки в лицах и документах // Вперёд. – 2005. – 15 марта. – С. 2.

20. *Соловьёв А.А.* Платные публичные библиотеки в уездных городах Владимирской и Костромской губерний во второй половине XIX – начале XX века // Библиотека в контексте истории: Материалы 6-й междунар. науч. конф., Москва, 4–5 окт. 2005 г. / сост. М.Я. Дворкина. – М.: Пашков дом, 2005. – С. 333–337.

21. Страницы истории Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина: К 90-летию со дня основания, 1915–2005 / Муниципальное учреждение культуры «ЦБС г. Костромы»; Центральная гор. б-ка им. А.С. Пушкина; ред.-сост. Е.В. Кулёмина. – Кострома: [б.и.], 2004. – 56 с.: ил.

УДК 002:659

Ларионов Игорь Александрович
Астраханский государственный университет
ialar@bk.ru

РЕКЛАМА КАК МЕХАНИЗМ РЕТРАНСЛЯЦИИ ПАТТЕРНОВ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Автором настоящей статьи предлагается подход к рассмотрению рекламной коммуникации в условиях глобализации и оценивается роль рекламного медиума в процессе ретрансляции культурных паттернов, генерируемых и формируемых глобализационными процессами. Рекламное послание последовательно анализируется как фактор, влияющий на формирование декодируемых паттернов в условиях, диктуемых особенностями общества потребления.

Ключевые слова: *глобальная культура, культурный паттерн, рекламный медиум, массмедиа, рекламное послание, философия бренда.*

Двигатель торговли. Гарант сбыта. Источник массовой культуры. Лекало желания. Меркантильное искусство. Кривое зеркало. Неотъемлемый лейтмотив искусственной среды. Это лишь небольшая часть примеров того, как называют рассматриваемый объект настоящей статьи – рекламу. Примечателен тот факт, что почти всегда подобные определения несут оттенок амбивалентности. Реклама раздражающая и провокационная, подбадривающая и обессиливающая, познавательная и вводящая в заблуждение. Она может возвысить и унизить, стимулировать и сдерживать, соблазнять и принуждать. Она постепенно проникает в зоны нашего сознания и формирует общественное мнение. Мы спорим о ней, смеемся над ней, критикуем ее, резонируем с ней, отрицаем ее влияние на нас, питаем отвращение к ее власти над другими и делаем из нее фетиш культурной путеводной звезды. Мы награждаем создателей рекламы на престижных фестивалях и находим все более изысканные методы для оценки и измерения ее эффективности. Противоречивое отношение к рекламе возникает во многом и на разных уровнях ее анализа, потому как данный феномен за время своего существования успел вобрать в себя огромное количество свойств и кри-

 © Ларионов И.А., 2013

териев и приобрести особое значение в рамках глобальной культуры [5, с.7].

Мир рекламы, как и бóльшая часть человеческой деятельности, является социально сконструированным. Хотя некоторые примеры рекламы можно рассматривать как холодно рассчитанный монолит, который диктует выбор потребителю или принуждает потребителей воздействием манипуляции бренда. Но, с другой стороны, реклама представляется как весьма креативный вид деятельности, осуществляемый определенным кругом людей. В конце концов, мы являемся свидетелями посланий, которые транслируются на телевидении, наружной рекламе, радио, в печатных журналах или в Интернете, и это является результатом социального взаимодействия между рекламным агентством и рекламодателем. Брайан Моуран и Майкл Шадсон утверждают, что реклама должна рассматриваться не как продукт, а как социальный процесс. В маркетинговом пространстве, в котором рекламная деятельность столь неопределенна и нестабильна, высшей ценностью необходимо признать управляемые впечатления и направляемые человеческие отношения [5, с. 139]. Так или иначе, бесспорен тот факт, что реклама – явление, неотделимое от общества. Это форма коммуникации, язык, образовавшийся в результате взаимодействия различных элементов социальной среды, благодаря которой он существует.

Проблема определения понятия «реклама» тесно связана с определением категорий рекламы. Можно было бы небеспричинно утверждать, что медиум, в котором появляется послание, – это важный параметр различия и что реклама, например, в журналах существенно отличается от телевизионной или, скажем, наружной рекламы (термин медиум используется в данном случае как элемент массмедиа-среды, подразумевая такие средства массовой информации, как печатные книги, телевидение, радио, газеты, журналы). То есть медиум отчасти, но не полностью, обусловлен выбором той или иной технологии, с помощью которой он реализуется (радиоволны, печать, Интернет и т.д.), что выявляет определенные лимиты и ограничения, в рамках которых осуществляется коммуникация. Однако различия между медиумами одной технологии не всегда настолько конкретны и могут быть ситуационными или функциональными, как и в разнице между книгами, газетами и журналами. Многие рекламные послания имеют преимущество ввиду используемого носителя. Предположим, реклама в метро (на вагонах, внутри них, на платформах) более эффективна в том смысле, что реципиент вынужден заполнять время ожидания станции или поезда, и это увеличивает вероятность более внимательного изучения рекламного послания. В свою очередь преимуществом телевизионной рекламы является анимированная картинка с наложенным на нее звуком, что, к примеру, журнал себе позволить не может. Именно поэтому многие рекламные кампании включают комбинации рекламных посланий в различных формах и средствах массовой информации, достигая пересечение медиумов и увеличивая эффективность воздействия в целом [4, с. 7]. Как считают сами производители рекламы, самая важная категоризация рекламного послания – потребительская. Рекламная индустрия тратит огромные средства на выявление целевой аудитории и ее дальнейшей сегментации. Тенденции и мода меняются так же быстро, как сами рекламные послания. Имеют место бесконечные дискуссии о том, что является более правильным делением: по образу жизни, по социально-экономической классификации, по возрасту, по типу личности или по определенным сочетаниям характеристик. Действительно, трудно не согласиться с тем, что некоторые товары имеют больше шансов быть куплены мужчинами среднего возраста с достатком, нежели среднестатистическими домохозяйками и наоборот. Соответственно должно иметь место различие и в концепции создаваемой рекламы для этих сегментов общества [4, с. 8].

Однако вопрос осмысления понятия рекламы принимает иной аспект, если попытаться рассмотреть этот феномен не как продукт или процесс деятельности с четко детерминированными ее участниками целями и задачами, а как средство непрерывной передачи ценностных ориентиров, формируемых обществом в рамках глобальной культуры. Известно два противоположных направления международной научной дискуссии о концепции культурной глобализации. Одно из них (П. Бергер, Р. Робертсон) определяет феномен глобальной культуры как органическое следствие универсальной истории человечества, вступившего в XV веке в эпоху глобализации. Глобализация осмысляется здесь как процесс сжимания мира, его превращения в единую социокультурную целостность. Процесс этот имеет два основных вектора развития – глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности [1; 6]. Другое направление (А. Аппадурай, Э. Смит) трактует феномен глобальной культуры как внеисторичный, искусственно созданный идеологический конструкт, активно пропагандируемый и внедряемый усилиями средств массовой коммуникации и современными технологиями. Таким образом, глобальная культура – это двуликий Янус, порождение американского и европейского видения вселенского будущего мировой экономики, политики, религии, коммуникации и социальности [3; 7].

Но ни одно из этих направлений не противоречит факту того, что пространство глобальной культуры стало средой для такого явления, как реклама. Сегодня рекламу можно назвать сосредоточием и одновременно отражением культурных паттер-

нов, которые декодируются и ретранслируются представителям самых разных сегментов этого пространства.

Глобализация приводит к созданию единого мирового сообщества, в котором именно культура выступает в качестве основы анализа происходящих в современном мире изменений. С институциональной же точки зрения, важнейшим понятием объективного анализа самого культурного изменения является понятие культурного паттерна. Как отмечает Мелвилл Дж. Херсковиц, «это нечто, не имеющее материальной формы, если исключить входящие в состав культуры материальные объекты; культурный паттерн реален в такой же степени, в какой реальна любая абстракция, выведенная из сложного, многостороннего феномена. По происхождению он имеет поведенческую основу; его следует понимать как своего рода консенсус индивидуальных поведенческих паттернов тех людей, чья жизнь строится в соответствии с его требованиями. И все-таки культурный паттерн, как и культура в целом, – это нечто большее, чем тотальность поведения его носителей, ибо он представляет собой континуум, который уже существует к тому времени, как появится то или иное поколение, и переживет самого стойкого долгожителя, принадлежащего к этому поколению» [2].

Очевидно, что любая отдельно взятая культура по определению не может характеризоваться одним-единственным паттерном. Культуры не бывают настолько простыми; они содержат в себе несколько различных паттернов. Эти паттерны можно рассматривать как ряд частично накладывающихся друг на друга систем поведения, мышления и ценностей; некоторые из них проявляются в реальности шире, чем другие, а некоторые могут даже находиться в конфликте с другими. Например, паттерны основополагающих ценностей общества будут проявляться в масштабе всей группы, однако при этом будут существовать субпаттерны, благодаря которым у мужчин жизнь будет строиться несколько иначе, чем у женщин, у молодежи и людей среднего возраста – иначе, чем у людей пожилого возраста, у членов общества, обладающих низким социально-экономическим статусом, – иначе, нежели у тех, у кого статус высок, и т.д. В частности, такое разнообразие паттернов и их характеристик обуславливает сегментацию социума, который изображен на нижеприведенной схеме механизма ретрансляции культурного паттерна, как объект, подвергающийся воздействию рекламы (рис. 1).

Социум здесь трактуется скорее как физическая общность реципиентов, которая складывается из сегментов, обусловленных выбором целевых аудиторий рекламных кампаний. Так же как паттерн не является простым «обобщением» поведения его носителей, так и глобальная культура, по мнению автора, не является обычной совокупностью составляющих ее культур. Но данная условность в приведенной схеме помогает показать, что именно общее пересечение взаимопроникающих полей множества культур создает основу для формирования и определения универсального культурного паттерна, который, в свою очередь, может быть использован как в рекламе международного типа, так и в любом другом рекламном послании, осуществляя межкультурную коммуникацию. Основным преимуществом в создании рекламного послания при таком подходе является именно универсальность и изначальное устранение отрицательных стереотипов при восприятии реципиентом.

Рассмотрим для примера два трехминутных промо-ролика[1] (пива Carlsberg и косметики Dove). По сюжету первого показывается несколько реальных персонажей, лучшие друзья которых среди ночи просят срочно приехать с определенной суммой денег, объясняя это крупным проигрышем в покер в одном из игровых притонов. Звуковой ряд: «Представьте, Ваш лучший друг звонит Вам среди ночи и просит о помощи. Откликнитесь ли Вы, не раздумывая, чтобы спасти его? Этой ночью мы проверим нескольких». Преодолев множество пре-

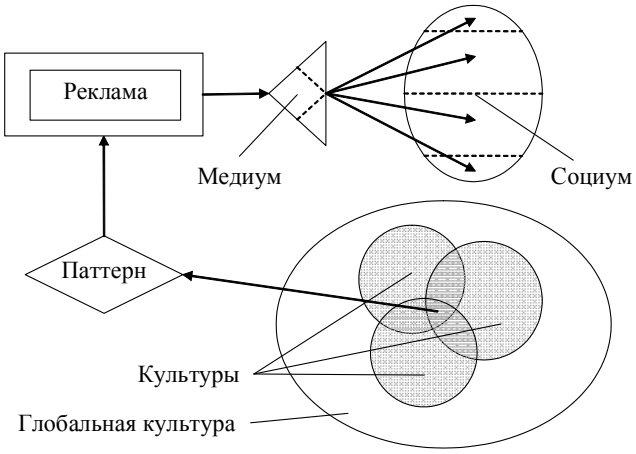

Рис. 1. Механизм ретрансляции паттерна

пятствий опасного квартала по пути в покерную комнату, лучший друг (подруга) в кульминации видит, как занавесы декораций падают и розыгрыш раскрывается, после чего дружеское распитие пива сопровождается овациями съемочной группы. Слоган: «Standing up for a friend. That calls for a Carlsberg» («Уметь постоять за друга, вот это Carlsberg»). В данном случае происходит яркая демонстрация ценности верной дружбы, порождающей такую норму как, «настоящий друг познается в беде». Фактически в результате показа ролика происходит ретрансляция паттерна поведения друга в подобной ситуации и создается крепкая ассоциация марки пива как воплощения истинной верной дружбы, что особенно удачно, учитывая преимущественно мужскую целевую аудиторию рекламы. Второй ролик начинается с представления судебного портретиста (Gil Zamora), который с 1995 по 2011 работал в полиции Сан-Хосе. К нему в студию была приглашена группа людей, состоявшая из мужчин и женщин, для написания их портретов, но без визуального контакта художника и натуры, а лишь по описаниям: сначала по собственным, затем – по описаниям других приглашенных, участвующих в эксперименте (художник задавал вопросы по каждой части лица, уточняя при этом мимические особенности, состояние кожи, что бросается в глаза и т.п.). В итоге получались два портрета для каждого участника. Как только художник заканчивал эскиз, он благодарил их, и они уходили до завершения всего скетч-сеанса, так и не встретившись глазами. В конце эксперимента всем участникам предоставили возможность посмотреть и сравнить эскиз портрета, созданного по собственным описаниям, с эскизом, который был сделан по описаниям других участников (со словами «а это то, как Вас видят другие»). Как выяснялось, привлекательность, жизнерадостность и открытость лица второго изображения в разы превосходило первое. В заключительных интервью все как один с осознанием утверждали, что им нужно больше ценить свою естественную красоту, ведь это влияет на многие важные аспекты жизни (выбор работы, друзей, любимых), и «к счастью это имеет самое прямое отношение». Ролик подытоживается слоганом: «You are more beautiful than you think. Dove. We are beautifil» («Вы красивее, чем Вы думаете. Dove. Мы красивые»). Двигаясь в ключе морали того, что мы тратим столько времени, пытаясь понять и исправить то, что нам кажется неправильным, в то время как нужно больше ценить то, что нам нравится, данный ролик обращает реципиента к оценке самого себя через окружающих его людей. Реализуется трансляция рефлексии личности, ее самоидентификации через призму центральной эстетической ценности – красоты, что также выявляет один из культурных паттернов (в данном случае высокая притязательность и требовательность женщины к своей внешности). Попадание в целевой сегмент и в этом случае осуществляется, поскольку участников женского пола было большинство. Таким образом, бренд Dove формирует репутацию косметической линии для естественной внегламурной красоты, заслуживающей восхищения, что весьма эффектно подтверждается грамотной режиссурой ролика, так как реакция каждого из участников показана в достаточно искренней и откровенной форме.

Отметим, что паттерн здесь следует понимать как результат социальных и культурных процессов в самом широком его спектре. Отправными пунктами его формирования и воплощения могут служить самые разные составляющие – начиная с моральных императивов и архетипов и заканчивая житейско-бытовой мудростью, общепринятыми нормами и психологическими методами воздействия. Таким образом, *паттерн* – это универсальная модель, образованная в результате ценностно-поведенческого или иного пересечения полей глобальной культуры с заранее известными характеристиками его восприятия в социальной или поликультурной среде.

Не стоит забывать, однако, что при всей оправданности рекламного использования культурных паттернов, коммерческая реклама вносит в их трансляцию оттенок консьюмеризма. То есть фактически, к примеру, энергетический напиток Red Bull «окрыляет» потому, что, прежде всего, должен выделиться среди конкурентов, обрести собственную коннотацию и в конечном итоге быть проданным, вне зависимости от всей увлекательности и креативности серии рекламных роликов бренда. Здесь реклама выполняет свою функцию, присваивая торговой марке оригинальное дополнительное свойство «окрыляющего напитка», не умаляя при этом его характеристик энергетика. С другой стороны, анализируя бренд с точки зрения архетипов, мы получаем сочетание двух элементов: мага и исследователя. В первом случае напиток характеризуется как «волшебное зелье», способное поддерживать Вас в бодром состоянии всю ночь. Во втором, – это продукт, который дает возможность открывать новые стороны свободы и совершать подвиги. Кроме всего прочего, «окрыляющий» слоган как нельзя кстати совмещается с символом приобретаемой свободы.

Реклама и культурная антропология никогда еще не были так тесно связаны, как в последние десятилетия. Возможно, это подразумевает будущий междисциплинарный союз в связи с мировым восхождением консюмеризма как модели социального участия. В то время как жизнь современного общества репозиционируется как идеология потребления, реклама является одним из ключевых участков этой системы, основные положения которой тщательно формулируются и изучаются. А в эпоху

глобализации культура – это важнейшая составляющая, являющаяся краеугольным камнем глобализационных процессов [5, с.56].

Примечание

[1] Промо-ролик – это короткий рекламно-информационный фильм, который презентует компанию либо предлагаемые ею товары и услуги. Обычно не ограничен в хронометраже, но, как правило, не превышает размеры короткометражного фильма. Промо-ролик – демократичный жанр рекламы, позволяющий решать самые разные задачи. В них распространено использование разнообразных технологий съемки, включая 3D-графику и анимацию.

Библиографический список

1. *Бергер П., Хантингтон С.* Многоликая глобализация / пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004.

2. *Херсковиц М.Дж.* Процессы культурного изменения / пер. В.Г. Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.unidubna.ru/search/files/kult_daijest/kult_ hersk_process_kult.htm (дата обращения: 19.06.2013).

3. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996.

4. *Cook G.* Discourse of advertising. – London: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2005.

5. *Malefyt T.W., Moeran B.* Advertising cultures. 1st ed., Oxford International Publishers Ltd., 2003.

6. *Robertson R.* Glocalization: Time-Spase and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / M. Feartherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). – London, 1995.

7. *Smith A.* The age of behemoths: the globalization of mass media firms. – New York: Priority, 1991.

УДК 80

Лебедев Никита Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ferretn@gmail.com

ЛОГОТИП КАК ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

Целью статьи является анализ логотипа как визуальной метафоры и иллюстрация этого приёма на примерах из практики логодизайна.

Ключевые слова: *логотип, метафора, визуальная метафора, графический дизайн.*

Сегодня, особенно в западном мире, логотипы стали обычным и привычным явлением. Они встречаются практически на любом товаре, который мы приобретаем: будь то глянцевые журналы, одежда, обувь или мобильные устройства и гаджеты, компьютеры и автомобили. Все они до такой степени стали неизменными спутниками и ориентирами жизни современного человека, что не замечать их ежедневного присутствия стало практически невозможно. Доктор медицинских наук Дхарма Сингх Кхалса в «Долголетии мозга» приводит следующие показатели: «Средний американец за день видит 16000 рекламных объявлений, логотипов и этикеток» [3, с. 15]. В таком визуальном шуме задача любой новой компании – заявить о себе на рынке – становится весьма проблематичной. Не каждому логотипу удаётся запечатлеться в памяти потребителей и повлиять на выбор того или иного продукта. Для того чтобы решить эту проблему эффективно, рекламисты и маркетологи прибегают к самым разнообразным приёмам. Поговорим здесь об одном таком приёме, широко используемом в логодизайне, а именно о визуальной метафоре.

Метафора, как известно, это распространённый риторический приём, предлагающий провести ассоциативное отождествление двух совсем несхожих предметов или явлений. Метафора используется как в повседневном общении в устной разговорной речи, так и в письменной речи, в языке художественной литературы и в поэзии. В целом, метафоры – это пример игрового обращения с языком, и тем они интересны – пока не превращаются в обычное клише-штамп. Но иногда можно встретить и пренебрежительное отношение к метафоре, когда под метафорой понимается излишнее затуманивание или приукрашивание правды жизни. В таких случаях говорят: «Это всего лишь метафора».

Визуальная метафора, в отличие от речевой, основывается на богатом визуальном словаре символов и образов. Логодизайнеры активно используют этот визуальный язык в своих работах. Некоторые символы используется так часто, что их значение получает широкое признание, как, например, стрела, представляющая движение, направление, а иногда и сексуальное начало, или земной шар, представляющий весь мир. Известная галочка «свуш» фирмы «Nike» символизирует скорость и движение. Всё это примеры визуальной метафоры. Визуальная метафора появляется, когда слово или графический знак, которые обычно обозначают что-то одно, в результате неявного сравнения используются для обозначения чего-то другого. Задача логодизайнера – при помощи средств художественной выразительности сделать так, чтобы смотрящий на логотип человек увидел в нём нечто большее, чтобы знак был не просто случайным знаком, но отражал название, продукт и саму компанию.

© Лебедев Н.А., 2013

Рассмотрим, как работает визуальная метафора на трёх примерах логотипов из личной практики.

1. Логотип «Kingstyle».

Прежде всего, необходимо объяснить, что логотип выполнялся нами в качестве практического эксперимента. Создавать логотипы без наличия самого продукта или услуги, компании, которую логотип должен представлять, – это в большей степени вопрос художественного творчества, чем коммерческой графики. Однако такая практика широко распространена среди логодизайнеров, поскольку позволяет выражать идеи, которые остаются за рамками их практической деятельности. Подобные эксперименты также полезны для развития метафорического мышления, воображения, формирования собственного графического языка и стиля. Главное здесь, чтобы вымысел был максимально близок к реалиям рынка, что на языке маркетинга означает: а) направленность на конкретную целевую аудиторию и б) соответствие стратегическим задачам и целям компании.

Работа задумывалась как логотип для магазина мужской одежды и аксессуаров (рис. 1). Такой знак, по целому ряду причин, может отвечать предпочтениям молодых людей, а также мужчин среднего возраста, ценителей утончённого стиля. Визуальный образ, который был найден, представляет собой новое прочтение архетипа «карточного короля», только вместо символов монархической власти (меча и державы) были использованы предметы, которые только по своей форме напоминают королевские атрибуты (галстук и часы). Такая аллюзия, построенная на игре с эмблематическими формами, создаёт некую семиотическую подкладку, которая делает логотип более ценным и значимым в процессе коммуникации. Но «Kingstyle» – это только остроумная игра в геральдику, безответственное использование языка знаков и эмблем в коммерческих целях, когда знаки, по саркастическому замечанию Р. Барта, «искусственно накачиваются вурдалачьей коммерческой энергией и магнетизмом дорого стоящей вещи» [1, с. 13]. Аксессуарами, на первый взгляд, можно было бы пренебречь в логотипе, сделав их элементами фирменного стиля, однако их наличие выделяет его из привычного представления о логотипе как таковом, который по определению должен отвечать утилитарным и функциональным требованиям. Кроме того, такой дизайн вызывает в памяти две пословицы: *clothes make the man* и *punctuality is the politeness of kings*. Игра продолжается и на уровне цвета. Несмотря на то что монарх – символ власти и благородства, тональность логотипа в определённой степени женственная. Цвета, используемые в логотипе, – это не цвета, предписанные геральдическими правилами. Основной спокойный и благородный серо-жёлтый тон дополняется неожиданным вкраплением противоположных оттенков: зелёного и розового, что придаёт всему образу утончённый характер. Текстовая часть, напротив, целесообразно проста, поскольку сам знак доминантен и самодостаточен. Уверенный и строгий шрифт вкупе с тяжёлым взглядом как бы напоминает нам о том, что это всё-таки мужские аксессуары. А пояснительная надпись «MENSWEAR» визуально сочетается с линиями знака. Таким образом, достигается композиционное единство, единство формы и содержания. Рассмотрим, как работает другая метафора.

2. Логотип «Первая Игрушка».

Логотип выполнялся для магазина игрушек в Санкт-Петербурге, предлагающего игрушки для новорожденных и детей до 3 лет. Заказчик хотел, чтобы логотип был иллюстративным, так как буквенные знаки, как известно, бесполезны для детей, едва ли умеющих читать. В силу этого логотип является комбинированным, где текстовая часть предназначается для матери, а картинка – для ребёнка. Родитель читает словесную часть и видит миловидную картинку, которая апеллирует к материнскому инстинкту. Ребёнок видит только картинку, которую он способен воспринять и проинтерпретировать и которая возбуждает его интерес, а иногда и желание обладать этим продуктом.

В логотипе (рис. 2) использован «вневременной» мотив – ребёнок, обнимающий свою первую игрушку, медвежонка. Он вызывает счастливые воспоминания о детстве, когда маленькому ребёнку всё кажется бесконечно большим и огромным. Медвежонок – это, наверное, самый распростра-

Рис. 1. Логотип магазина мужской одежды и аксессуаров «Kingstyle», 2012 г.

Рис. 2. Логотип магазина детских игрушек «Первая Игрушка», 2010 г.

Рис. 3. Логотип службы доставки суши «Смакуй гейшу» и логотип суши-бара «Гейша», 2011 г.

Рис. 4. Альтернативный логотип суши-бара «Гейша», 2011 г.

нённый образ в детских логотипах, который используется в качестве сентиментальной метафоры детства. Однако уникальность логотипа в том, что в нём нет ничего лишнего. Миловидность достигается за счёт выразительности и лаконичности линии, простых и округлых форм, тёплой цветовой гаммы. Ничего не отвлекает от основной идеи.

3. Логотип «Смакуй Гейшу», «Гейша».

Оба логотипа (рис. 3) были разработаны для московской компании, специализирующейся на доставке суши, а также для самого суши-бара. Сексуальный подтекст названия в логотипе «Смакуй гейшу», по всей видимости, метафорически проецируется на гастрономическое удовольствие, которое, предположительно, будет получать каждый, употребляющий этот продукт.

Графика логотипа «Смакуй гейшу» сведена к простым и понятным формам, что способствует быстрому восприятию знака. Буквальная визуализация метафоры удовольствия – это губки самой гейши в виде кусочка лосося. Чёрная мушка – важная деталь, которая делает весь образ утончённым и ещё более соблазнительным. Грубоватый шрифт имеет явные азиатские черты, что способствует целостному восприятию образа. Чёрный и красный цвета – это ещё один ориентир, указывающий на специфику продукта и компании. Изображение гейши в логотипе «Гейша» было обязательным условием, однако при разработке логотипа была найдена и другая визуальная метафора – веер из палочек для суши и рыбки (рис. 4).

Две метафоры, по всей видимости, заказчик счёл излишним и сделал ставку на женский образ. Тем не менее логотипы хорошо сочетаются друг с другом, указывая на одного владельца, а лососевые губки становятся губками самой гейши.

Таким образом, мы рассмотрели три метафоры: короля как символа качественности, статуса и стиля в мужской одежде; медвежонка как собирательного символа детских воспоминаний для магазина игрушек; и лососевые губки как символ соблазнительности японской кухни.

Ориентация логотипа на массового потребителя заставляет в процессе разработки дизайна логотипа и всей системы идентификации подбирать выразительные средства и приёмы, способные воздействовать на массовое сознание. Визуальная метафора, как мы показали, является одним из таких приёмов. Графическое совершенство усиливает эффект метафоры, придавая продуктам или услугам эстетическую, художественную и символическую ценность. Тем не менее не все логотипы из 16000 используют визуальную метафору. Выбор логотипа и вовсе может основываться на факторах, которые не имеют никакого отношения к образной выразительности и изобретательности логодизайнера. Закончим ироничной цитатой патриарха рекламной индустрии Дэвида Огилви: «Одного из моих клиентов как-то убедили в том, что логотип его компании выглядит слишком устаревшим, и он заплатил 75 тысяч долларов одной дизайнерской фирме за создание нового. Во время презентации я шепнул на ухо одному из моих вице-президентов: “Любой новичок из наших художников мог бы с легкостью нарисовать ему лучший символ за 75 долларов”. “Не сомневаюсь, – ответил он, – только потом нам бы до Второго пришествия пришлось бы его утверждать!”» [2, с. 100].

Библиографический список

1. *Андреева В.* и др. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Локид; Миф, 2000. – 576 с.

2. *Огилви Д.* Огилви о рекламе. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 232 с., илл.

3. *Эйри Д.* Логотип и фирменный стиль. Руководство дизайнера. – СПб.: Питер, 2011. – 208 с.: ил.

УДК 1(091)

Митина Любовь Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lm-snowy@yandex.ru

ДЕТСТВО о. П. ФЛОРЕНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ФИЛОСОФА

В статье рассматривается вопрос о значении детства в формировании мировоззрения философа, богослова, ученого и искусствоведа П.А. Флоренского, разъясняется роль Кавказа как прообраза горнего и дольнего миров.

Ключевые слова: *антиномичность, время, детство, род, Флоренский.*

В наше время является доказанным фактом основополагающее значение детства в формировании мировоззрения человека. Но едва ли многие целенаправленно прослеживают все те детские воспоминания, которые стали причиной становления их как личности (вести дневники давно уже не в моде), а если таковой интерес и возникает, то ограничивается отрывочными, наиболее яркими впечатлениями и воспоминаниями.

П.А. Флоренский в послании к своим детям, опубликованном под общим названием «Детям моим», дает подробный, насколько это возможно по прошествии многих лет после описываемых событий, анализ своих детских воспоминаний, где прямо говорит об их влиянии на его духовное становление. Причины формирования философских взглядов Флоренского мы можем ясно проследить на примере этого произведения.

Особое внимание обращает на себя почти дневниковая структура текста. Пометки, сделанные в начале каждого фрагмента о времени, а иногда месте и даже событии, соответствующем записи, и времени внесения поправок, позволяют говорить об особенном значении для Флоренского этой работы, о желании передать не только прошедшее, но и связанное с ним настоящее, поскольку координата времени для о. Павла имеет особое значение. Из своих детских впечатлений, связанных со структурой срезов горных пород, он вынес привычку смотреть на время как бы сбоку: «...Последовательность – это мой способ мышления, причем она воспринимается как единовременная. Четвертая координата времени – стала настолько живой, что время утратило свой характер дурной бесконечности, сделалось уютным и замкнутым, приблизилось к вечности» [6, с. 99]. Эта особенность и в последовательном (хотя и не всегда хронологически верном) выстраивании воспоминаний, в то же время составляющих единое целое, существующее в данный момент для Флоренского в концентрированном единстве.

В произведении «Детям моим» Флоренский обращается только к кругу мыслей, характеризующих его детские впечатления, начиная с самых ранних лет жизни, когда восприятие наиболее острое, а предметы и явления видятся ярче и отчетливее, чем взрослым взглядом.

Свое раннее детство Флоренский сравнивает с уединенным островом. Его родители фактически «выпали из своих родов» [6, с. 25]: мать – вследствие того что отец ее изначально был против брака, и она считала, что тем самым отошла от своих армянских корней (хотя значимость рода и предков ею сознавалась едва ли не более, чем всеми остальными в семье); отец же решительно жертвовал своими родом и религией в ответ на ее жертву, не желая никоим образом хоть как-то обозначить малейшее различие между ними. Флоренский упоминает то, что именно из кратких отрывочных фраз отца он вынес понимание: нет множества религий, но есть одна Религия, различная в своих проявлениях и обликах: «Религия весьма меняет в человечестве свой вид, и весьма неодинакова ценность ее различных обликов. Но основные силы, ее складывающие, сходны» [6, с. 119]. Это понимание затем отражается в «Чтениях о культе», где о. Павел предлагает искать не в христианстве языческие корни, а в язычестве нарождающееся христианство. Анализируя записи Флоренского, И.А. Едошина приходит к важному выводу, что «отец Павел, хотя и был священником, допускал возможным знак равенства между текстом сугубо языческим и текстом сугубо христианским...» [2, с. 56]. Отсюда происходят множественные разногласия между богословием о. П. Флоренского и взглядами официальной церкви, но если бы отец смог в свое время убедительно разъяснить матери о. Павла свои размышления, то это избавило бы семью от многих неприятных моментов и от необходимости умалчивать перед самыми близкими людьми о важном и сокровенном. И, возможно, позволило бы уменьшить «уединенность» каждого из них по отношению друг к другу и возвратить причастность семьи к роду уже тогда.

Но этого не случилось, – и «жизнь была жизнью на уединенном острове... ибо людей мы не особенно долюбливали и старались держаться в стороне» [6, с. 25]. Здесь сказываются и семейное чувство особенности, и родовая, врожденная гордость матери, и подчеркнуто культовое отношение к ней отца, который брал на себя всю тяжесть жизни.

Чувство одиночества, происходившее во многом от отсутствия родственной души среди людей (за исключением, пожалуй, тети Юли), ощущаемое

© Митина Л.С., 2013

в детстве, переносится на взрослые годы, рождая новое противоречие: с одной стороны, П. Флоренский, кажется, легко забывает людей, с которыми был знаком многие годы; но, с другой стороны, для него немаловажно понятие дружбы. По словам И.А. Едошиной, в понимании о. Павла, «дружба – это видение себя глазами другого...» [3, с. 108], и чувство это настолько сильно, что «он не мыслил себя вне Друга как своего другого Я и полагал, что это – на всю жизнь» [3, с. 109] (здесь можно было бы отметить, что упомянутая «забывчивость» Флоренского, вероятно, связана именно с ощущением этого единства, которое столь естественно, что не нуждается в особенном выделении). Однако это понимание связано прежде всего с глубинным осознанием связи с Богом, которая сознавалась им как постоянная и неразрывная, но не естественно с детства, а уже после духовного кризиса в юношеские годы. Детское же свое отношение П. Флоренский называет даже богоборческим.

Несмотря на то что Флоренский рос в умалчивании религиозного и «без прошлого» [6, с. 26], глубинное понимание значимости рода, подсознательно усвоенное им от матери, вылилось затем в его поиски своих корней и в завещании детям беречь память прошлого, потому что «быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории» [6, с. 26], поскольку знать свои корни – это значит знать, где ты, разумеется в своих предках, находился в каждый момент истории.

Родился Флоренский в местечке Евлах Елисаветпольской губернии, где сходятся роскошь степи и аскетичная суровость гор, в вечерний час между шестью и семью часами, «в час прозрачности, мира и наступающей прохлады» [6, с. 30] (на протяжении всей жизни любимое его время). Воспоминания о Евлахе не могли бы сохраниться в памяти маленького Павла. По-видимому, со свойственной ему зоркостью и живостью ума (который, по его словам, никогда не пребывал в праздной расслабленности, но все время что-то отыскивал) он смог представить это время по дневниковым записям своей тетки – Юлии, поскольку сама она о том времени с ним не говорила, о чем имеется упоминание самого Флоренского. В этом противопоставлении горного и равнинного рождается одно из ключевых понятий его философии – антиномичность. Она выражается в том, что «всякий феномен бытия содержит в себе границу *видимого* (созданного и имеющего реальное *чувственное* воплощение) и *невидимого* (составляющего скрытый смысл, *не*чувственно воплощенный). Сквозь антиномичность открывается подлинная суть феноменальности мира» [4, с. 60].

От детского стремления к скромности и одновременной тягой к изящному, нарядам, колибри; между почти равнодушием к человеку (в особенности к его прекрасным качествам, которые в восприятии Флоренского в то время были сами собой разумеющимися и потому не заслуживающими внимания) и его любовью к морю, воздуху, свету, камням, цветам – к ощущению противоречивости горнего и дольнего (горного и равнинного), но вместе с тем и осознание их существования в единстве. «...Как в цветах, одна часть их пленительная и воздушная, вызывала восторг... тогда как другая предоценивалась в качестве ядовитого огня и гибели» [6, с. 15]. В.П. Визгин точно формулирует влияние места, где родился о. Павел, на его мировоззрение: «Флоренский был буквально горне-рожденным» [1, с. 493]. Следует ли сомневаться, что в иных условиях формирование философии Флоренского было бы не таким, каким его знаем мы?

Горы Евлаха становятся источником его восхождения к горнему. Так, описывая службу в храме, Флоренский говорит о том, что «всю службу поднимаешься, поднимаешься в гору, воздух делается реже, ветер сильнее, а как дойдет до херувимской, так оказываешься на вершине, и тут ветер благодати срывает с вершины и уносит вон, и паришь в ином мире» [7, с. 451]. Здесь, по словам В.П. Визгина, ощущается нечто уже сверхплатоновское. До вершины еще наш мир – это еще платоновское, а выше уже христианский опыт – «не подобен ли Платонизм о. Павла прихожей в христианской квартире его души?» [1, с. 496].

Более осознанное время – жизнь в Тифлисе и Батуми, где Флоренский делает ряд немаловажных для себя открытий. В их оценке он выступает уже не как ребенок, но говорит о недетской осознанности своих мыслей, которым оформиться окончательно мешало лишь незнание имен тех явлений, которые он наблюдал.

Семья его жила в двух квартирах, и из этой разделенности единого целого семьи он делает вывод о том, что «пространственная разделенность может только казаться» [6, с. 35], когда внутреннее единство неоспоримо присутствует.

Мистическое восприятие мира (мистериальное, платоновское – по мнению В.П. Визгина) – это также заложено в детстве: встреча с точильщиком ножей, воспринятом им как дух земли, «это чувство откровения тайн природы и ужаса с ним связанного... и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни» [6, с. 32]. Нарисованная обезьяна, которая осознается неживой, но в символизме своем значительно более сильной, чем настоящая, – это осознание того, что есть таинство и что таинство это открывается далеко не всем. Именно здесь, в этой обезьяне, он осознает и силу Имени: «…Основную мысль позднейшего мировоззрения своего, что в имени именуемое, в символе символизируемое, в изображении – реальность изображенного присутствует, и что потому символ есть сим-

волизируемое» [6, с. 35]. Здесь перекликаются и образы Креста, и образ золотисто-зеленого винограда, и образ природы как Матери и Матери как Матери-Природы, в отношении которой всё «священный трепет и молчание, прохлада и робость» [6, с. 37], и то, что «в основе дома был фатализм и чувство обреченности всего прекрасного» [6, с. 68], и ощущение божественного Страха. Детский страх познания таинства и таинственного и осознание того, что для соприкосновения с ним нужно спускаться в область страха, позднее лег в основу главы «Страх Божий» «Чтений о культе».

П.А. Флоренского всегда неудержимо влекло иррациональное, непонятное ему. Существование леших и русалок кажется ему куда более естественным, чем существование молекул и атомов, которые как будто никто также не видел. Реальные земные знаки небесного – фиалковый запах и запах цветущего винограда в благоухании мощей преподобного Сергия – это опыт его жизни на Кавказе, опыт, впитанный из природы Кавказа, от матери, от народа, который он вовсе не ощущал ни чужим, ни, как его отец, экзотичным. Именно из рода матери им унаследовано ощущение конкретности и красоты материи.

Это только малая часть воспоминаний, которые оказали существенное влияние на формирование философии о. П. Флоренского. Углубляясь в дальнейшее повествование, мы сможем еще раз убедиться в основополагающем значении жизни на Кавказе в мировоззрении П.А. Флоренского. Здесь и звучание армянской крови, и врожденное чувство рода, архетипы Матери и природы, отношение к Религии, соотношение горнего (горного) и дольнего, внутренние противоречия, поздний интерес к Человеку, открытие для себя Бога и того, что «истинным делом представляется... созерцание природы» [6, с. 76]. Все это не случайно и накладывает глубокий отпечаток на всю дальнейшую деятельность о. Павла, закладывает основу для дальнейшего изучения естественных наук, философии, искусства и богословия П.А. Флоренским.

Библиографический список

1. *Визгин В.П.* Соотношение платонистской и экзистенциальной установок в религиозной философии Павла Флоренского // Богословские труды / под ред. А.Г. Дунаева: – М.: Издательский Совет РПЦ, 2007. – Вып. 41. – С. 449–503. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.btrudy.ru/resources/BT41/449-503_vizgin.pdf (дата обращения: 28.04.2013).

2. *Едошина И.А.* К проблеме онтологизма заголовочного текста (отец Павел Флоренский и Вяч. Иванов) // Энтелехия. – 2003. – № 6. – С. 55–60.

3. *Едошина И.А.* Письмо Versus я/другой (на материалах переписки В.В. Розанова и свящ. П.А. Флоренского) // Энтелехия. – 2012. – №26. – С. 55–60.

4. *Едошина И.А.* Проблема целостности художественной формы в размышлениях отца Павла Флоренского // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: сб. статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2003. – 270 с. – С. 59–76.

5. *Едошина И.А.* Человек в пространстве культуры (Монографические размышления). – Кострома: Изд-во КГУ, 1999. – 135 с.: илл.

6. *Флоренский П.А.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / предисл. и коммент. игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Моск. рабочий, 1992. – 559 с.: илл.

7. *Флоренский П.А.* Собр. соч. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uchebnikfree.com/florenskiy-sochineniya/sobranie-sochineniy-filosofiya-kulta-opyit.html (дата обращения: 15.05.2013).

УДК 008.001

Николаева Елена Валентиновна
Московский государственный университет дизайна и технологии
elena_nika@bk.ru

ФРАКТАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ В КИНЕТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ (культурологический анализ)

Кинетическое искусство анализируется в рамках парадигмы цифровой культуры с позиций теории фрактальной геометрии. Кинетические инсталляции, в том числе «зеркальные комнаты», рассматриваются как пространства фрактальной визуальной и философской рефлексии вложенности и повторяемости онтологических структур и смыслов космического бытия и самого человека в его телесной данности.

Ключевые слова: *культурология, фрактальное искусство, кинетическое искусство, фрактальные свето-инсталляции, «зеркальная комната».*

Цифровая эпоха привнесла в культуру не только новые способы фиксации и хранения образов реальности, но и особые, дигитальные методы порождения других реальностей – иллюзорных, симулятивных, виртуальных... В рамках парадигмы цифровой культуры эстетическую ценность приобретают математические формы, которые превращаются в самодостаточные арт-объекты. Более того, художественная образность нецифрового генезиса пропитывается «духом» цифры, и все чаще в произведениях «аналогового» искусства обнаруживается специфическая эстетика, которая чувственно воспринимается и осмысливается в формах цифрового художественного опыта. Математические концепции, интегрированные в методологию гуманитарных наук, позволяют говорить об артефактах традиционного искусства на языке цифр и формул.

Одной из таких концепций является теория фрактальности, основой которой служит фрактальная геометрия, разработанная в 1970-х – 1980-х годах франко-американским математиком Бенуа Мандельбротом [3]. В самом общем виде, фрактал, буквально означающий «фрагментированный», «изломанный», «неправильный по форме» (от латинского причастия «fractus») [3, с. 18], определяется как «структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [5, с. 19]. В предельном случае один и тот же фрагмент фрактала повторяется бесконечно в разных масштабах – на всех нисходящих уровнях. В результате рекурсивного тиражирования фрактального паттерна возникает сложно организованное, одновременно ограниченное и бесконечное пространство, подобное «зазеркалью» системы отражающих друг друга зеркал. Важно, что подобие частей и фрактальной системы в целом может быть очевидным и абсолютным, как у идеальных математических конструкций, или неявным и относительным, как у стохастических и алеаторных фракталов, в алгоритмах которых присутствуют случайные вариации. Многие природные и биологические образования – от нейронной системы мозга до звездных скоплений – являются фракталами. Простейшими примерами геометрических фракталов могут служить матрешка и ветвящееся дерево, алгебраических – логарифмическая спираль.

Сущностной характеристикой фрактала является то, что он всегда непрерывный *процесс становления* и всегда только промежуточный результат (предфрактал) между изначальностью и бесконечностью. Фрактальные узоры благодаря этому приобретают воспринимаемую на уровне подсознания латентно-бесконечную глубину развертывания самоподобных паттернов (форм, образов, мотивов, смыслов).

В парадигме цифровой культуры и цифрового искусства происходит слияние предметного и операционального, реального и виртуального, формы и формулы [1, с. 119], которые оказываются равноположенными на более высоком уровне организации культуры и художественной реальности. Концепция фрактальности превращает разрозненные фрагменты мозаичной картины мира в связные фрактальные паттерны, а культурный «хаос» – в упорядоченную структуру высшего порядка сложности. Более того, фрактальная концепция Мандельброта обеспечила «переключение гештальта на сборку нового понятия, на распознавание и интерпретацию фрактальных структур в конкретных познавательных контекстах» [4, с. 82] и одновременно сделала фрактальное искусство легитимным способом образного познания и отображения мира.

Действительно, хроматическая и фигуративная зрелищность визуализаций математических фракталов сделала возможным рассматривать их в качестве арт-объектов: вместе с первой выставкой фрактальных картин, полученных немецкими математиками в 1984 году, возникло цифровое фрактальное искусство (fractal art) [8]. Главной эстетической характеристикой фрактальных изображений является необычайно красивые визуализации рекурсивности и чувственное восприятие бесконечности. При этом завораживающая цвето-динамическая магия фрактальных форм одинаково захватывающе раскрывает и отражает как бездны вселенной, так и глубины человеческой психики, о чем свидетельствует все возрастающая популярность фрактальных видео-перформансов вроде «First Friday Fractals» шоу в планетарии г. Альбукерка

© Николаева Е.В., 2013

(США) и мультиформатных фестивалей под открытым небом, например Mindoutpsyde Fractal Fields (г. Айова, США, 2009).

Многие фрактальные картины, получающиеся из довольно простых формул и алгоритмов, порождают необычные зрительные эффекты, присущие оп-арту и кинетическому искусству. Благодаря оптическим иллюзиям ритмического «движения» и бесконечного «развертывания» образов фрактальная компьютерная графика часто имеет отчетливый психоделический «оттенок», в связи с чем фрактальные мотивы нередко встречаются в атрибутике и эстетике транс-музыкальной субкультуры. Показательным примером аудиовизульных композиций такого рода является светомузыкальная инсталляция «Power Pixels» известного французского цифрового художника Мигеля Шевалье (Miguel Chevalier), которая была представлена в 2012 году на Международном фестивале современного искусства «A-part Festival» во Франции. В огромном проекционном пространстве в течение часа сменяли друг друга фрактально-пиксельные виртуальные реальности: «La Vague des Pixels», «Pixels Liquides», «L'origine du Monde» и «Trans-Nature», сопровождавшиеся «фрактально-медитативной» музыкой. Из крошечных разноцветных пикселей, этих конструктивных единиц любого цифрового образа, создавались «сложнопересеченные» поверхности, по которым «разливались» визуальные и аудиальные фрактальные узоры.

Французский хореограф Ф. Декуфле (Philippe Decouflé) вставляет в визуальный ряд своих спектаклей «Panorama» и «Solo» фрактальные оптические рекурсии, порождаемые движениями танцоров. Эти же технологии Ф. Декуфле использовал на выставке «Opticon», которая проходила в культурном центре «Villete» в Париже в июне-июле 2012 г. и в «Новом Манеже» в Москве в ноябре-декабре 2012 г. Несколько интерактивных оптических инсталляций («Le Kaléidoscope Géant», «Le Dessinator», «Le Ballet Bros.») генерировали подвижные световые проекции, в которых линии света и силуэты зрителей в буквальном смысле смешивались в динамические фрактальные картины. Примечательно, что атмосфера выставки в целом напоминала представление иллюзионистов в цирке-балагане. Оптические иллюзии всех «аттракционов» создавали «другую» реальность, но именно фрактально-кинетические инсталляции кардинально трансформировали и умножали исходную данность, возвращая ее в виде фрактальных рефлексий сложных конфигураций. Рекурсивное воспроизводство образов было фрактальным и в том смысле, что происходило непрерывное тиражирование «паттерна» во все уменьшающемся масштабе – визуально-кинетический уход в бесконечность. Кроме того, зритель оказывался одновременно и внутри, и снаружи фрактального множества собственных телесных «я», множества, в котором он сам являлся наглядным фрактальным паттерном первого порядка.

Отдельного рассмотрения заслуживают фрактальные рефлексии, составляющие суть кинетического образа в свето-хроматических инсталляциях, которые можно обобщенно назвать «зеркальными комнатами». Как отмечалось выше, взаимные отражения в системе зеркал представляют собой череду фрактальных рефлексий, при этом бесконечные рекурсивные ряды отраженных образов размещаются в конечном и весьма ограниченном пространстве. Полагают, что одна из первых «зеркальных комнат» была сконструирована Леонардо да Винчи. Реконструкция восьмиугольной зеркальной комнаты Леонардо была представлена на передвижной выставке «Гений да Винчи» (2011–2013 гг., Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Киев). Великий художник и изобретатель не только задумал и создал фрактальную светоинсталляцию, но и предвосхитил в своих рассуждениях обобщенное описание фрактального алгоритма: «Что образы всех вещей рассеяны по воздуху, тому пример виден во многих зеркалах, поставленных в круг и они бесконечно много раз будут отражать друг друга; и один достигнув другого, отскакивает обратно и к своей причине и оттуда, уменьшаясь, отскакивает к предмету второй раз и потом возвращается, и так делает бесконечное число раз. Если ты ночью поместишь свет между двух плоских зеркал… ты увидишь в каждом из этих зеркал бесконечное число светов, один меньше другого <…> тело само по себе наполняет весь противолежащий ему воздух своими образами… и каждое тело целиком представлено во всем воздухе и целиком в малейшей его части. Каждый во всем и все в каждой части» [2, с. 64–65].

В 1966 году американский художник греческого происхождения Л. Самарас (Lucas Samaras) представил публике свою пространственную скульптуру (environmental sculpture) «Room № 2», известную как «The Mirrored Room». С тех пор зеркальные комнаты и зеркальные лабиринты периодически оказываются способом художественной репрезентации многомерной бесконечности реальности в самых разных визуальных жанрах.

В 1973 году мотив зеркальной комнаты появляется на обложке альбома «No Pussyfooting» Б. Ино (Brian Eno) и Р. Флиппа (Robert Flipp) с электронной музыкой в стиле амбиент, которая характеризуется «атмосферным», обволакивающим звучанием. Два 20-минутных трека «No Pussyfooting» с ревущей гитарной аккустикой и гипнотическими фоновыми «петлями» описываются в одном из блогов с помощью метафор космического/психофизиологического запредельного опыта: «расплавляющие мозг космические ландшафты и звуки оргазма, одновременно достигнутого Юпитером и Нептуном» [7].

Зеркальные комнаты и порождаемые ими визуальные и ментальные рефлексии стали своего рода «рекуррентной» практикой и авторским знаком японской художницы Я. Кусамы (Yayoi Kusama). Наиболее известны ее работы «Infinity Mirror Room – Love Forever» (1966/1994) и «Infinity Room – Fireflies on the Water» (2002) (последняя затем стала частью экспозиции «Mirrored Years»), в которых фрактальная повторяемость и бесконечность возникает благодаря отражающим поверхностям из зеркал, стали или воды и более сотни горящих лампочек. Восприятие фрактальной реальности в инсталляциях Я. Кусамы превращается в почти «галлюцинаторный, нематериальный духовный опыт» [6].

В зеркальной комнате «The phoenix is closer than it appears» (2010), созданной немецким художником Т. Франком (Thilo Frank), посетитель, раскачиваясь на качелях, из правильного евклидова пространства (4x4x8 м^3) попадает в обманчивую иллюзорную среду бесконечных рефлексий. Там и движение, и сам зритель в его бесконечно-рекурсивной телесности становятся многовекторными фрактальными паттернами дополненной реальности, в которой действие имеет бесконечные и разнонаправленные последствия.

Закономерным результатом эволюции «зеркальных комнат» является по-настоящему фрактальная мультимедийная инсталляция французского художника и теоретика искусства С. Сала (Serge Salat) «Beyond Infinity» (2011, Шанхай), в которой с помощью стального каркаса, разноцветных «перфорированных» панелей и ячеистых зеркальных конструкций воспроизводится архитектура трехмерного фрактала – губки Менгера. В замкнутом объеме 12,45 x 10,8 x 3,8 кубических метров посетитель в сопровождении музыки и пульсирующего света совершает путешествие вглубь фрактала, поднимаясь по лестницам, двигаясь по «бесконечным» лабиринтам зеркальных коридоров и наблюдая, как в невозможных пространствах Эшера гуляют его фрактальные двойники. Кроме того, внутри инсталляции возникает особый хронотоп. Серии «комнат» вместе с их бесконечными отражениями создают топологический локус с фрактальной размерностью 2,7, в котором теряется различие между реальными и иллюзорными абрисами. Кроме того, существует особый «вертикальный разлом бесконечности», в котором пространство как будто пропадает вообще. Освещение, которое изменяется от густо фиолетового до белого, каждую минуту вновь и вновь воспроизводит световой космический цикл: от рассвета до заката – в ночные сумерки.

Как и другие создатели зеркальных комнат, С. Сала исследует природу реальности – ложного и истинного в ней, смешения повседневного и сверхъестественного. Однако в концепции С. Сала «запредельная реальность» зеркальных рефлексий – это «сон в красной комнате», перенесенный из одноименной новеллы китайского писателя Цао Сюэцинь (1763) в XXI век. «Beyond Infinity», указывает художник, спроектирована как «мистическая прогулка, в которой посетитель продвигается в отраженные слои снов, бесконечно вложенные один в другой» [9]. Фрактальная геометрия, китайская философия дао, постструктурализм и мультимедийные иммерсивные технологии создают вселенную, отличную от повседневного мира: с иными формами чувственного восприятия и мышления.

Среди других философско-эстетических рефлексий по поводу пространств отражения можно назвать эпизод с «зеркальной комнатой» в фильме А. Тарковского «Солярис» (не вошедший в прокатную версию); инсталляции «Multiplikationen» (2010, Пулхайм, Германия) Д. Бурена (Daniel Buren) и «Mirrored Room» (2013, Нью-Йорк) С. Хорниг (Sabina Hornig); городские скульптуры «Byfraktal» (2000, Копенгаген) Е. Тубро (Elisabeth Toubro), «Mirrored City» (2003, Грац, Австрия) Э. Брейзаха и К. и А. Када (Emil Breisach and Klaus and Alexander Kada), «Cloud Gate» (2006, Чикаго) А. Капура (Anish Kapoor), «Mirage» (2012, Торонто) П. Раффа (Paul Raff), «Kalidoscop»(2012, Сидней) А. Ритчи (Alex Ritchie) и др.

Популярность кинетических, в том числе зеркальных, пространств фрактальной рефлексии в современных арт-инсталляциях по всему миру свидетельствует о том, что в новой художественной и культурной парадигме художник и зритель ищут и находят прежде невозможные способы конструирования, перцепции и освоения многомерной реальности, принципиально разомкнутой в бесконечность и одновременно замкнутой на себя в своих бесчисленных рефлексиях.

Многочисленные отражения воспроизводят фрагменты реальности, равные ей и встроенные в нее. Движения зрителя/посетителя выстраивают непрерывный ряд его стохастических, трансформированных отражений. Эти фрактальные рефлексии носят рекурсивный характер, все время отсылая к предыдущим топосам и кинетическим событиям. Входя и выходя в/из фрактальных пространств зеркальной реальности зритель участвует в со-творении сложного, фрактального мира, частью которого является искусство и повседневность.

Внутри фрактальных пространств визуальные рефлексии инициируют рефлексии ментальные – философское осмысление вложенности и повторяемости онтологических структур и смыслов не только несоразмерного человеку космического бытия, но и самого человека в его физической, телесной данности «здесь-и-сейчас» и непрерывном потоке жизни с бесконечными разветвлениями и «вечными возвращениями».

Библиографический список

1. *Деменок С.Л.* Фрактал: между мифом и ремеслом. – СПб.: Ринвол, 2011. – 296 с.
2. Леонардо да Винчи. Суждение о науке и искусстве. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 224 с.
3. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.; Ижевск: ИИКИ, НИЦ «РХД», 2010. – 656 с. (Ориг.: *Mandelbrot B.B.* The Fractal Geometry of Nature, W.H. Freeman and Company. – New York, 1982. – 468 p.)
4. Новые аудиовизуальные технологии / отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 488 с.
5. *Федер Е.* Фракталы. – М.: Мир, 1991. – 254 с.
6. *Coulthart J.* The art of Yayoi Kusama. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johncoulthart.com/feuilleton/2006/11/26/the-art-of-yayoi-kusama/ (дата обращения: 27.07.2013).
7. Fripp & Eno – No Pussyfooting. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bluecalx.wordpress.com/2010/02/24/fripp-eno-no-pussyfooting/ (дата обращения: 27.07.2013).
8. *Peitgen H.-O., Richter P.H.* The Beauty of Fractals: Images of Complex Dynamical Systems. – New York Springer-Verlag, 1986. – 202 p.
9. Serge Salat: Beyond infinity immersive installation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.designboom.com/art/serge-salat-beyond-infinity-immersive-installation/ (дата обращения: 27.07.2013).

УДК 1(091)

Саранин Александр Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Alexandro242@yandex.ru.

«ОКРАИННЫЙ ВОПРОС» В РАЗМЫШЛЕНИЯХ В.В. РОЗАНОВА

В условиях современной России, как многонационального государства, актуальным становится так называемый «окраинный вопрос» – проблема взаимоотношений русской культуры с культурами национальных меньшинств. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать взгляды В.В. Розанова на «окраинный вопрос» на материале публицистики 1908–1917 годов.

Ключевые слова: *В.В. Розанов, центральное и периферийное в культуре, «окраинный вопрос», многонациональность, мультикультурность.*

Сотрудничая с газетой «Новое время», В.В. Розанов был обязан регулярно обращаться в своих статьях к проблеме положения национальных окраин Российской империи. Поэтому постоянное освещение данной проблематики обнаруживается в журнальной публицистике Розанова вплоть до 1917 года. Несмотря на этот хоть и вынужденный, но все же устойчивый интерес мыслителя, в исследованиях современных розановедов эта часть его творческого наследия чаще всего обходится стороной. Некоторым такое положение видится вполне закономерным. Отмечается, что национально-государственные проблемы разработаны Розановым не столь основательно, как его современниками – П.Б. Струве, Л.А. Тихомировым, М.О. Меньшиковым, Д.Д. Муретовым [4, с. 29]. Однако изучение данного вопроса в освещении В.В. Розанова позволяет, с одной стороны, отчетливее проследить творческий путь мыслителя, с другой – глубже понять общественно-политический контекст отечественной культуры накануне Октябрьской революции.

Прежде чем приступить к анализу тестов, следует сделать ряд замечаний, касающихся специфики журнальных статей Розанова как особого жанра творческой деятельности. Исследователями давно отмечена многоплановость, многомерность репрезентации личности автора в текстах Розанова. Как отмечает И.А. Едошина, следует различать Розанова как реального человека, Розанова как мыслителя, Розанова как писателя, Розанова как героя «Опавших листьев» и Розанова как журналиста [2, с. 13]. В творчестве последнего нередко встречаются противоречия, разные точки зрения на один и тот же вопрос, что давало современникам повод обвинять автора в двурушничестве, двуличии и лицемерии. Для того чтобы объяснить эти видимые противоречия, И.А. Едошина использует категорию маски, в качестве которой прочитываются многочисленные подписи под статьями Розанова. В зависимости от обстоятельств маска способна меняться, но при этом обладает собственным смыслом и отражает авторское отношение к этим обстоятельствам [2, с. 20]. Соответственно, для более глубокого анализа статей Розанова необходимо учитывать те смыслы, которые привносятся в текст авторской маской.

Само понятие «национальная окраина» в текстах Розанова фигурирует как минимум в двух значениях: 1) социокультурная общность, которая образуется на приграничной территории государств, соседствующих друг с другом (шведская окраина, германская окраина, венгерская окраина и др.); 2) культурная общность национальных меньшинств внутри многонационального государства, имеющих территориальную и социальную обособленность. Среди таких самобытных, «автономных» окраинных культур Розанов называет Балтику, Кавказ, Привисленье и Сибирь.

© Саранин А.Ю., 2013

Соответственно, окраинный вопрос понимается Розановым двойственно: как общественно-политическая и культурная ситуация на приграничных территориях и как проблема соотношения центральной и периферийной культур в составе государства. В нашем исследовании мы рассмотрим окраинный вопрос во втором аспекте, наиболее часто освещавшемся в статьях Розанова и сохраняющем актуальность в наши дни.

Как отмечает С.М. Усманов [4], в отношении к окраинному вопросу Розанов прошел три этапа: в 1908–1917 гг. Розанов остается государственником-патриотом, с февраля 1917 г. в его статьях встречаются высказывания, одобряющие Октябрьскую революцию, а в 1918 году происходит крушение его государственных убеждений.

Одним из первых обращений Розанова к проблеме специфики России как многонационального государства явился ряд статей 1909 года («Окраинные вопросы в Г.Думе», «Окраинная кичливость и петербургское смирение», «Пассив и актив на окраинах и в Днепре»). В этих статьях наиболее отчетливо отразилось отношение мыслителя к окраинному вопросу в период второй половины 1900-х – начале 1910-х гг. Предвидя многие проблемы, ставшие наиболее актуальными в современном обществе, в условиях глобализации, Розанов ставит вопрос о взаимоотношении культуры большей части населения государства (по определению Розанова, «центральной», то есть такой, вокруг которой формируются государственные ценности и идеология) с этническими культурами других народов, входящих в состав единого общества (по словам Розанова, «окраинными»).

Окраинный вопрос в публицистике Розанова рассматривается с двух сторон: политической и культурной. С политической точки зрения Розанов размышляет о проблемах государственной автономности окраинных народов и их роли во внутренней политике Российской империи. С точки зрения культурной мыслителя занимают вопросы культурной самобытности окраин, места окраинных культур в государстве, диалога окраинных культур и корневой русской культуры.

Само название одной из статей – «Окраинная кичливость и петербургское смирение» – указывает на резко негативный взгляд Розанова на чрезмерную, по его мнению, автономность отдельных регионов в составе Российской империи. Следствие этой автономности мыслитель видит в том, что «окраинные» регионы получают чрезмерный перевес во влиянии на политическую жизнь государства. В итоге это приводит к формированию национального шовинизма, проявляющегося в претензии на превосходство одних культур над другими. Именно эту черту окраинных культур Розанов и называет «окраинной кичливостью». «Петербургское смирение» проявляется в том, что окраинный вопрос государством доверено решать людям, в укреплении империи никак не заинтересованным. «…Когда адвокаты и врачи устроили в памятные дни воздушную автономию всех наших окраин как переходный мост к полному отделению их и расчленению империи, то эти господа не спросили главного работника, заработавшего эти провинции государству – армию»[3, т. 19, с. 181]. Розанов резко осуждает политическую робость представителей власти: «Разве мыслимо где-либо, кроме России, что таможенная граница Империи проходит в пригородных дачах столицы Империи и что на рынок столицы поутру привозят молоко “из-за границы”» [3, т. 19, с. 289].

Примечательно, что именем-маской Розанова в этой статье становится подпись «Москвич». Так автор идентифицирует себя в качестве стороннего наблюдателя противостояния Петербурга и окраин. Кроме того, маска коренного жителя города, вокруг которого складывалась Московская Русь, впоследствии ставшая ядром Российской Империи, как бы развязывает автору руки, давая право в резких, осуждающих тонах высказываться как в отношении окраин, так в адрес правительства северной столицы. При этом маска москвича привносит в статью и определенную долю иронии, напоминая читателю о вечном противоборстве двух столиц.

Армия, крестьянство и духовенство – вот заинтересованная сторона. Именно эти три класса, по мнению Розанова, помогли России расшириться до пределов империи. Как мы можем судить, идеал российского государства видится в целостном единстве – и политическом, и культурном. Такое единство, тем не менее, не противоречит культурной самобытности отдельных народов. Позиция Розанова – «…Пока внутри благополучно, спокойно, упорядоченно, благоустроенно, богато, деятельно, то окраины будут жить, переплетаясь с ходом дел во всей империи…»[3, т. 19, с. 289].

Реальной «децентрализации» страны, когда все население «спит сном 60-летнего старца» (намек на пожилого министра И.Д. Делянова), Розанов противопоставляет попытку «централизации», однако «идейной» и «бессильной». Мыслитель обращается к опыту преподавания в гимназии и остро замечает: «В Грузии, в Армении, в Самарканде и Варшаве учат точь-в-точь <…> то же самое и в тех же размерах, в тех же словах, как все учили в Петрограде» [2, т.24, с. 502]. Последствия подобных претензий учебных программ на универсальность наглядно отражены Розановым во втором коробе «Опавших листьев»: «все они (гимназисты. – *А.С.*) знают, что у человека “32 позвонка”, и не знают, как Сусанин спас царскую семью» [3, т. 30, с. 254].

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что Розанов был сторонником умеренной культурной автономии народов в составе Российской империи, однако при этом выступал ярым про-

тивником автономии политической. В то время обстановка в российском обществе накануне революции, по мнению мыслителя, складывалась прямо противоположная. С одной стороны, государством предпринималась попытка некой культурной унификации в области образования, однако проводилась она настолько грубо и неумело, что породила идеологию нивелирования всякого национального начала вообще – и русского, и кавказского, и польского. Закономерным итогом подобной политики стала утрата всякой культурной самоидентичности населения. С другой стороны, чрезмерная социальная, политическая и экономическая автономность отдельных географических регионов приводит к раздробленности, «расчленению империи» и без того находящейся на грани гражданской войны. Проницательный взгляд Розанова в частностях общественной жизни смог подметить многие разрушительные тенденции, которые впоследствии станут одной из движущих сил Октябрьской революции.

К теме соотношения национального единства страны и самобытности ее отдельных народов Розанов вновь обращается уже во время революционных событий. С грустью констатируя свершившийся переворот, мыслитель задумывается о путях возможного развития нового многонационального государства. В его статьи входит новое понятие – «само»-определение. В противовес публицистике своего времени, Розанов пишет это слово через дефис. Такое написание придает новый смысловой оттенок – установку на самосознание отдельной личности. «Само»-определиться, по Розанову, значит «почувствовать и осознать ценность жизни в самом себе» [3, т. 24, с. 501]. Именно с понятием самоопределения отдельной личности связывает Розанов возможные перемены в жизни страны. Это «великое пробуждение всех вещей, всех именно рассвет, утро, это какое-то начало бытия всех вещей, всех именно рассвет, утро, и политическое, а еще более – культурное, духовное…» [3, т. 24, с. 501] Несколько странно слышать подобные патетические слова в годы братоубийственной Гражданской войны и в преддверии жестоких репрессий. Однако следует помнить, что Розанов далеко не всегда отличался остротой политического взгляда. Как образно заметила З.Н. Гиппиус, Розанов «“всегда спал”; во сне хоть и умел “подглядывать”, чего никто не видел, но подглядывал лишь то, что находилось в круге его идей, ощущений, лишь в том, что его интересовало и касалось»[1, с. 243].

По мысли Розанова, тенденция «само»-определения противостоит тенденции децентрализации. Если последняя исходит от министра и столь нелюбимого Розановым бюрократического аппарата и направлена на разрушение целостности социальной и культурной среды, то первая, по мысли Розанова, должна быть направлена на поддержание мирного сосуществования разных этнических культур в рамках единой русской культуры и иметь своим источником свободный выбор личности. Заканчивает свои рассуждения Розанов оптимистически: «Бог даст и русская революция ничего не задавит, а всем даст “волю”». Это и есть само-определение [3, т. 24, с. 503]. Несмотря на то что этим ожиданиям не суждено было сбыться и долгожданная «воля» обернулась еще большими притеснениями, ценность публицистики Розанова состоит в том, что в ней мыслитель сумел уловить многие причины и предпосылки революционных событий. Изучение взглядов Розанов на окраинный вопрос позволяет глубже понять культурные и политические процессы в Российской империи 1910–1917 гг.

Библиографический список

1. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. – М.: Азбука-классика, 2006. – 304 с.

2. *Едошина И.А.* Розанов, Розанов, Варварин: к проблеме герой/маска // Энтелехия. –2010. – № 21. – С. 12–21.

3. *Розанов В.В.* Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994–2010.

4. *Усманов С.М.* Россия и ее окраины в публицистике В.В. Розанова 1900–1917 гг. // Энтелехия. – 2010. – № 21 – С. 29–33.

УДК 1(091)

Свешникова Елена Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
elena-sve@yandex.ru

ЛИК – ЛИЦО – ЛИЧИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВА «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

В статье рассматриваются образы-понятия лик – лицо – личина *художественного пространства фильма А.К. Петрова «Сон смешного человека» в контексте философских размышлений П.А. Флоренского. Дается анализ визуальной трансформации облика героев как отражение их внутреннего содержания. Особое внимание уделяется образу маски в художественном пространстве фильма.*

Ключевые слова: *художественное пространство, лик, лицо, личина, маска, облик.*

Художественное пространство анимационного фильма А.К. Петрова «Сон смешного человека» (экранизация одноименного «фантастического» рассказа Ф.М. Достоевского) насыщено визуальными и вербальными метафорами, яркими символами, образами реального и ирреального миров. Рассмотрим художественное пространство картины через категории «лик – лицо – личина», опираясь на размышления выдающегося русского религиозного мыслителя и ученого П.А. Флоренского.

Ф.М. Достоевский борьбу хаоса и космоса, темных и светлых сил, не персонифицируя их, заключает внутрь человеческой личности, в сознание человека. «Все мифологические и религиозные сюжеты обязательно включают в себя проблему предназначения человека, который никогда не появляется просто так, но во имя исполнения определенной функции...» [4, с. 27]. «Смешной» человек, пережив: момент отчаяния → ощущение бессмысленности существования → решение о самоубийстве → жалость к девочке как крушение собственной теории всеобщего равнодушия → обретение и разрушение «идеального» мира, – находит свое предназначение в проповедовании Истины.

Борьба «идеала содомского» и «идеала Мадонны», происходящая в душах героев, передается художником через внешний облик человека и наиболее явно через *лицо*. По Флоренскому, «*лицо* – это сырая натура, над которой работает портретист, но которая еще не проработана художественно; <...> – это свет, смешанный со тьмою, это тело, местами изъеденное искажающими его прекрасные формы язвами» [8, с. 26, 32]. Язвы, изъедающие душу «смешного» человека, – гордость («я всегда был горд <...> гордость эта росла во мне с годами» [2, с. 378]); тоска, уныние, равнодушие к миру и жизни («в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже бесконечно выше всего меня: именно – это было постигшее меня одно убеждение в том, что на свете везде *все равно»* [2, с. 379]); мысли о самоубийстве («я положил в эту ночь убить себя [2, с. 380]).

А.К. Петров находит невероятно выразительный и емкий образ Маски для визуального отражения того, как смешной человек превращается в «нуль», «скорлупу», «*личину*». «По мере того, как грех овладевает личностью <...> лицо отщепляется от личности, ее творческого начала, теряет жизнь и цепенеет маскою овладевшей страсти <...> Первоначальное значение этого слова (*личина*) есть маска, ларва – larva, чем отмечается нечто подобное лицу, похожее на лицо, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое внутри как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности» [8, с. 28].

Для воплощения художественных замыслов А.К. Петров использует три облика Маски. Впервые маска появляется в реальном мире (мире нарисованной реальности Петербурга) на лице отставного капитана, вырываясь из комнаты, где царит «содом». А.К. Петров рисует маску Medico della Peste (доктор Чума), похожую на зловещую птицу. В средневековье её надевали доктора во время эпидемий чумы. Длинный нос набивался дезинфицирующими солями и ароматическими растениями: розмарином, чесноком, можжевельником и т.п. Закрытая маска, длинный плащ, пропитанный воском, поверх одежды защищали врача от инфекции. Со временем маска Medico della Peste утратила прикладное значение, став принадлежностью венецианского карнавала.

В фильме нет карнавального веселья, маска цвета крови одновременно отвратительна и зловеща. «...Мистическое самозванство, даже в самой легкомысленной обстановке имеющее привкус какого-то ужаса» [8, с. 29]. Казалось бы, маска доктора должна защищать ее владельца от пороков оскверненного грехопадением общества, но здесь смысл переворачивается: обладатель маски сам является носителем порока – в этом проявляется сущность маски как подмены, личины.

Лишь на миг эта же маска появляется в кадре на лице «смешного» человека – в момент перехода главного героя из реального мира в ирреальный. На границе соприкосновения этих двух миров, в момент перехода ко сну человек может обрести либо Истину просветления, либо стать «заложником» темных духов. «Смешной» человек в Маске – это следствие «сделанной подлости», следствие грехов-

© Свешникова Е.В., 2013

ного бездействия (не помог просившей о помощи девочке) и греховных мыслей о самоубийстве.

Следующее появление Маски происходит уже в ирреальном мире, мире Любви и Гармонии сна «смешного» человека. «Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили <...> и наши согрешившие прародители <...> вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем» [2, с. 386–387]. Безмятежную жизнь идеального мира А.К. Петров живописует красками пастельных тонов, пропускающими свет, в кадре появляется этюдная легкость, объем и воздух, образы плавно перетекают из одного в другой. «Земной рай» А.К. Петрова полон мифологическими и библейскими образами: чаша жизни, из которой черпаются человеческие души; виноградная лоза – символ мира и достатка; омовение путнику ног, щебечущие птицы – символы неба, свободы и вдохновения; солнце – верховное божество, символ жизни и смерти. Люди этой земли – богоподобны: стройны, красивы, с прямой осанкой и открытым взглядом; лица их светлы, одухотворены, весь облик – *Лик* – дышит любовью, умиротворением и силой духа. «<...> *лик* называется *идеей* – εἶδος, ιδέα – и что в этом именно смысле *лика* – явленной духовной сущности, созерцаемого вечного смысла, пренебесной красоты некоторой действительности, ее горнего первообраза, луча от источника всех образов [8, с. 28].

Ф.М. Достоевский не описывает, как именно началось разрушение Гармонии: «...Кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться – не знаю, не помню ясно <...> О, это, может быть, началось *невинно,* с шутки, с кокетства, с любовной игры» [2, с. 390]. В фильме снова появляется Маска, но только в другом обличии. Герой как будто захватил этот символ двуличия и греховности из мира реального в мир ирреальный. Маска претерпевает изменения, становится похожей на слепок с человеческого уродливого лица. Безликая маска с черными глазницами и лицемерной ухмылкой скрывает суть, истинное лицо героя. Как Змий в раю искушает Еву, так «смешной» человек показывает девушке, как с помощью маски можно изменить человеческий Лик. По лицу ее пробегают несколько состояний: непонимание и недоумение сменяются любопытством и восторгом неизведанного ощущения. Девушка выхватывает маску, и Маска начинает разрушительную работу. «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [2, с. 390]

Разрушительная сила Личины растет с каждой секундой. В руках у девушки уже две маски, в толпе обезумевших людей Маска множится с невиданной быстротой: здесь и маски-слепки с человеческого лица, и маски Medico della Peste, и маска-череп быка. Лица некогда идеальных людей искажены завистью, гневом, «порывами жестокого сладострастия». Человек возводит каменные стены, чтобы защититься от себе подобных, надев звериную маску, превращается в жуткого зверя, круша все на своем пути. Маска, овладев душами людей, диктуя им свою волю, толкает людей на тягчайший грех – убийство. Влияние Маски становится безграничным, всепоглощающим: её личина затмевает Божественное Солнце, на планете воцаряется Мрак. Одержимые бесом люди пускаются в огненные пляски, адским огнем пылает земля. На обугленной, разоренной земле сидит человек, Маска спадает с лица, но Лица уже нет: духовная сущность поглощена личиной. «...Слово larva получило уже у римлян значение астрального трупа, “пустого”– nanis, бессубстанциального клише, оставшегося от умершего, т. е. темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки и оживления свежей крови и живого лица, которое эта астральная маска могла бы облечь, присосавшись и выдавая это лицо за *свою* сущность» [8, с. 29].

Подобие человека пытается искусственно построить разрушенный мир: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это <...> Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно» [2, с. 390–391]. Стремясь возвыситься, человек возводит башню из людских тел: «Строители Башни хотели создать физически реальный путь, своеобразную лестницу, которая должна была бы привести людей к богам <...> она была символом безграничной самоуверенности человека» [3, с. 167]. Апофеозом разрушения мира как такового становится картина крушения башни: Маска выбивает камень из основания – и на землю с огромной высоты летят людские тела. С ужасающей ясностью А. Петров рисует апокалипсические картины крушения мира, напоминающие полотна И. Босха, П. Брейгеля: всюду Хаос, в гнетущем мареве мечутся жалкие, мерзкие, страшные люди-уроды без рук, без ног, без головы. В песчаную лавину-воронку затягивает весь мир и самого «смешного» человека, тщетно пытающегося выбраться из нее и кричащего: «Кто сей?!»

А.К. Петров вербализирует образ Маски, заключая его в вопрос «Кто сей», отсутствующий (как и образ Маски) в тексте Достоевского. Впервые этот вопрос появляется вместе с Маской в «больном» Петербурге, следует за ней по пути разрушения и звучит всякий раз, когда свершается скверна. В Новом Завете от Матфея читаем: «И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус...» (Мф. 21: 10–11) [7]. Человек, совершивший зло и вопрошающий «Кто сей?» (Кто совершил это? – Это не я! А кто?), отрицает свою вину и причастность к злодеянию. С другой стороны, человек в маске, совершивший зло, спрашивает себя

«Кто сей? (Кто под маской?)», то есть «Что есть Я, если совершил такое?»

В реальном и ирреальном пространстве фильма все герои попадают под влияние Маски, кроме девочки, спасшей от самоубийства «смешного» человека. В вагоне поезда на фоне спящих людей в неестественных позах с застывшими, отталкивающими лицами-масками, лицо девочки светится ангельской чистотой. Кроткий Лик девочки встречает «смешного» человека в мире Любви и Гармонии и не изменяется в момент всеобщего безумия, одержимости Маской. «Высокое духовное восхождение осияивает лицо светоносным ликом, изгоняя всякую тьму, все недовыраженное, недочеканенное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом себя самого, идеальным портретом, проработанным из живого материала высочайшим из искусств, “художеством художеств”» [8, с. 33].

Проанализировав фильм А.К. Петрова «Сон смешного человека» сквозь призму образов-понятий «лик – лицо – личина» и опираясь при этом на философские размышления Флоренского, приходим к выводу: лицо в художественном пространстве картины А.К. Петрова отражает внутреннюю сущность человека, являя собой либо Лик, либо Личину, либо Лицо, находящееся между этими противоположностями и одновременно совмещающее их. Главный герой едва не утрачивает свое Лицо, находясь на грани превращения в «нуль», «личину», но прикоснувшись к Божественному свету, обретя Истину, стремится к «духовному восхождению».

Библиографический список

1. *Баттистини М.* Символы и аллегории. Визуальные коды понятий в произведениях изобразительного искусства. – М.: Омега, 2008. – 384 с.

2. *Достоевский Ф.М.* Повести и рассказы. – М.: Московский рабочий, 1984. – 400 с.

3. *Едошина И.А.* Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: монография. – М.; Кострома, 2002. – 241 с.

4. *Едошина И.А.* Человек в пространстве культуры: (Монографические размышления). – Кострома: Изд-во КГУ, 1999. – 135 с.

5. *Малюкова Л.* Он оставил отпечатки пальцев в искусстве // Областная неделя. – 2005. – № 41. – С. 18.

6. Махов А.Е. Категории и образы средневековой христианской демонологии. – М.: Intrada, 2006. – 416 с.

7. Новый Завет от Матфея (Мф. 21: 10-11). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allbible.info/bible/sinodal/mt/21 (дата обращения: 07.06.2013).

8. *Флоренский П.* Иконостас. Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

УДК 364-78

Кирпичник Анатолий Григорьевич
кандидат психологических наук, профессор
Миронова Татьяна Ивановна
доктор психологических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННЫМ ПОДРОСТКАМ И ЮНОШАМ*

Авторы статьи представляют рецензию на монографию А.С. Чернышева, С.В. Сарычева, Ю.Л. Лобкова, С.Г. Елизарова, Д.В. Беспалова «Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России».

Ключевые слова: *мироощущение, социальное самоопределение, социальная среда, социотехника, методика адаптации, молодежь.*

В рецензируемой книге обсуждаются проблемы мироощущения и социального самоопределения подростков и юношей на рубеже XX–XXI столетий. В работе определены тенденции динамики мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России, выявлен характер влияния мироощущения на социальное самоопределение молодежи, а также определены социально-психологические условия оптимизации самосознания юношей и девушек.

Для решения указанных задач авторами осуществлено эмпирическое и экспериментальное исследование феномена мироощущения молодежи в различные исторические периоды, в различных социальных условиях: в стабильных социальных условиях 60–80-х годов XX века и в период значительных социальных изменений в начале XXI века. Исследование базируется на идеях С.Л. Рубинштейна о субъекте жизнедеятельности (Рубинштейн 2003), Г.М. Андреевой об «образе мира» (Андреева 1988), И.В. Дубровиной о мироощущении как субъективном восприятии конкретной среды жизнеобитания (Дубровина 1991) и на идеях курских психологов о становлении активнопреобразующей составляющей образа мира у социально одаренных детей (лидеров) в условиях «социального оазиса».

Заслуживает внимания концепция развивающей социальной среды («социального оазиса»). В авторском понимании развивающая ***социальная среда*** *– это социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания.* В такой среде наиболее полно актуализируются и межличностные, и межгрупповые механизмы успешного саморазвития личности и групп. Высокосодержательная в социальном и в духовном отношении, разнообразная в предметном плане совместная деятельность является системообразующим фактором развивающей социальной среды, определяя ее направленность и качественное своеобразие. Развивающая социальная среда сочетает высокую социально-психологическую защищенность ребенка с необходимостью проявить большое физическое и психическое напряжение, рационально использовать время в связи с включением в разнообразные социально значимые совместные деятельности («веер деятельностей»). Чтобы избежать иллюзий о легком достижении счастья, авторами вводятся специально запланированные экстремальные ситуации для подготовки молодежи без больших потерь находить достойный выход из них.

В рамках развивающей социальной среды изменяется содержание и стиль общения за счет включения таких компонентов, как социально созидательный поиск правильного пути в жизни. Значительный контраст, существующий между данной общностью и традиционными учебно-воспитательными организациями, создает дополнительный эффект психологического воздействия на личность. Атмосфера деловой активности, уважительного отношения к каждому, эстетическая насыщенность повседневной жизнедеятельности и совместные переживания успехов и неудач создают особое эмоциональное родство молодых людей, формируют их нравственное и эстетическое сознание. Роль психологов-педагогов заключается в основном в том, чтобы задать единые «правила игры».

Данная теоретическая позиция авторов определила структуру работы, включающую четыре главы. В первой главе рассмотрены особенности мироощущения и социального самоопределения молодежи в различных социальных средах. В ней, в частности, рассматриваются вопросы тенденций взаимоотношений с миром у молодых людей, их социальной ориентации, восприятия ими социального окружения и своего места в нем.

* Чернышева А.С., Сарычева С.В., Лобкова Ю.Л., Елизарова С.Г., Беспалова Д.В. Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI в.в.). – Курск: Курск. гос. ун-т, 2010.

© Кирпичник А.Г., Миронова Т.И., 2013

Во второй главе с позиций формирующего социального эксперимента авторами проанализированы проблемы проектирования развивающих социальных сред, введение социального обучения и динамики личности и группы в развивающих социальных средах. Достоинством данного раздела монографии является ее технологический характер, что выражается в воспроизводимости приемов и методов социального обучения, а также социотехник и методик адаптации молодежи к включению в новые еще только складывающиеся социальные среды. Технологии основаны на актуализации следующих **механизмов построения развивающей социальной среды**:

– *формировании духовной культуры молодежного социума.* Главные условия формирования мотивации: совместное переживание юношами чувства сопричастности к особой молодежной субкультуре, сочетающей в себе романтичность и высокую социальную активность; чувство принадлежности к престижной общественной организации региона; приобщение к высоким жизненным целям и ценностям;

– *включении участников в высокоорганизованную общность.* Уровень организованности развивающей социальной среды резко контрастирует с обычной средой проживания. Организационные нормы, структура, процессы отличаются четкостью и упорядоченностью. Коллективные действия совершаются в быстром и согласованном темпоритме. Характерна высокая степень включенности индивидов в совместную деятельность;

– *демократическом внедрении организационного порядка.* Организационные нормы и структура представляются на общем собрании в самом начале смены не как «директивы педагогического совета», но как многолетние традиции, в создании которых участвовали и сами воспитанники. Таким образом, подчеркивается возможность и необходимость участия ребят в продолжающемся нормотворчестве;

– *общей пространственной организации коллективных действий.* Общеколлективные построения, спортивные состязания, конкурсы, художественное творчество, танцы, хоровые песни и другие групповые мероприятия совершаются в «зоне видимости» для каждого воспитанника. Дети воспринимают самих себя и друг друга через призму общеколлективной активности, что стимулирует созревание подлинной социальности в личности;

– *социальном, духовном и предметном обогащении деятельности.* Высокосодержательная и в социальном, и в духовном отношении, разнообразная в предметном плане деятельность является системообразующим фактором развивающей социальной среды, определяя ее направленность и качественное своеобразие. Воспитанники участвуют в групповых дискуссиях на социально и личностно значимые темы, готовят театрализованные представления, состязаются в спортивных и интеллектуальных конкурсах, в песенных и танцевальных фестивалях. Особое место занимает трудовая деятельность: помощь в восстановлении исторических памятников, участие в экологических акциях, помощь престарелым и инвалидам, труд по самообслуживанию. Ежедневно в расписание включены учебные занятия, основной задачей которых является обретение социальных умений (способы эффективной коммуникации, приемы эмоциональной саморегуляции);

– *интенсификации интеллектуальных, эмоциональных и поведенческих компонентов совместной деятельности.* Коллективные действия совершаются на вербальном (скандирование девизов, приветствий, пение песен) и сенсомоторном (игры, марши, танцы, построения) уровнях. Мероприятия проходят в быстром темпе. Время и материальные ресурсы для их подготовки достаточно ограничены.

Публичность представления результатов повышает ответственность и эмоциональную отдачу участников. Большинство мероприятий проходят в форме соревнований. Эмоциональная насыщенность, необходимость форсировать интеллектуальные и творческие усилия, высокие энергетические затраты – все это обеспечивает максимальное вовлечение каждого воспитанника в совместную деятельность, устраняет опасность возникновения пустых молодежных «тусовок» и создает эффект «огромной, продуктивной жизни».

Третья глава содержит описание и научную оценку возможностей естественного формирующего эксперимента для оказания психологической помощи молодежи в определении жизненных перспектив. Авторы описывают концептуальные основы такого эксперимента, контроль и измерение экспериментальных переменных, а также управление программой эксперимента. Сильной стороной третьей главы монографии нам представляется приводимое авторами описание включения формирующего эксперимента в социальное пространство региона (Курской области). Это выражается в востребованности результатов деятельности сети центров психологической помощи молодежи.

В четвертой главе авторы проанализировали системный характер связи индивидов, малых социальных групп и более широких социальных общностей (основных организаций). Раскрыты формы включенности группы в основную организацию, психологические условия и механизмы такой включенности. Обращает на себя внимание сосредоточенность авторов на социально-аксиологическом аспекте указанной взаимосвязи.

Завершает работу глава, имеющая прикладную направленность. Она содержит описание региональной системы психологической помощи молодежи в становлении мироощущения и социально-

го самоопределения. Указанная система соединяет в себе подготовку кадров для молодежных центров, организацию психологического просвещения и создание системы профильных центров развития молодежи (профильных летних лагерей).

Таким образом, реализуя принцип единства теории, эксперимента и практики, авторы использовали метод проектирования социально-психологических сред, обладающих значительными воспитательными возможностями посредством оптимизации взаимодействия молодежи с различными социальными средами, сложившимися в современной России. На основе результатов формирующего эксперимента авторами раскрыты тенденции формирования социальных ориентаций молодежи в различных социальных средах.

Нам представляется, что эта работа может быть полезна социальным психологам, педагогам, специалистам по работе с молодежью, а также студентам-психологам.

SUMMARY

Lidia N. Vaulina
Nekrasov Kostroma State University
rgc@ksu.edu.ru

On the question of criteria of evaluation of the effectiveness of international activities of a university

The article is devoted to the role and forms of the international activities in contemporary university and criteria of evaluation of their effectiveness.

Keywords: higher education, international activities, rankings, criteria of effectiveness, intercultural communication in the professional field.

NATURAL SCIENCE

Tat'yana K. Akayeva
Nekrasov Kostroma State University
akaev@list.ru
Oleg N. Rodin
Marshal of the Soviet Union Timoshenko military academy of Radiational, Chemic and Biologic Defence and Engineer Troops
Oleg P. Akayev
Nekrasov Kostroma State University
Yelena O. Nayman
Tadeusz Kosciuszko Krakow University of Technology, Poland
lena@chemia.pk.edu.pl

Steel products phosphating with composition based on phosphoric acid

Problems of development of the phosphating compositions based on the product of the natural phosphates nitric acid decomposition are discussed in the article. Comparative characteristics of the phosphate films, of amount and composition of sludge formed at phosphating, depending on the purity of phosphoric acid used for phosphating concentrates obtaining, is presented.

Keywords: phosphoric acid, phosphate, corrosion, sludge.

Tat'yana Ye. Kazantseva
Tyumen State University
pinacolada87@rambler.ru
Vladislav V. Machulis
Tyumen State University
mareliks@gmail.com

Some notes about the modified systems of Langford's type

External behaviour of the rough modified systems of Langford's type in area of a zero stationary solution is investigated. The analysis of bifurcating solutions by their reducing to research of a stability of a trivial solution is carried out. It is proved, that one part of the modified systems is exposed Andronov-Hopf bifurcation, unlike the other part.

Keywords: stability, bifurcations, limit cycles, normal form, center manifold.

Sergey A. Kusmanov
Nekrasov Kostroma State University
Aleksandr R. Naumov
Nekrasov Kostroma State University
anaumov@ksu.edu.ru
Aleksey A. Smirnov
Nekrasov Kostroma State University

Electrolytic-plasma carburizing of low-carbon steel in the bubbledchamber

Effect of air flow rate and the dimensions of the samples on the heating temperature, current density, and the dissolution rate of the anode layer thickness cemented in anodic electrolytic plasma carburizing low carbon steel in bubbled cell is shown.

Keywords: electrolytic-plasma treatment, diffusion saturation, cementation, bubbling.

Anastasiya V. Makhnykina
Siberian Federal University, City of Krasnoyarsk, Russia
sunlife1408@yandex.ru
Sergey V. Verkhovets
Siberian Federal University, City of Krasnoyarsk, Russia
sverhovec@sfu-kras.ru
Natal'ya N. Koshurnikova
Sukachev Institute of Forest of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, City of Krasnoyarsk, Russia
natank1980@mail.ru
Aleksandr V. Klimchenko
Sukachev Institute of Forest of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, City of Krasnoyarsk, Russia
klimchenko@mail.ru

The dynamics of carbon stocks in the disturbed pine forests in Middle Siberia

One of the key issues in understanding how climate change will affect the carbon stocks in ecosystems of high latitudes in the northern hemisphere, is the role of accounting disturbances in the functioning of boreal ecosystems. By results of the research, pine forests post-natural and post- anthropogenic recovery period in Middle Siberia was determined.

Keywords: carbon stocks, boreal forest, ecosystems monitoring, forest fire, clear cutting, climate change.

Aleksey V. Polyakov
State scientific institution «All-Russia Research Institute of Horticulture of Agricultural Academy»
vniioh@yandex.ru
Marina A. Demidkina
State scientific institution «All-Russia Research Institute of Horticulture of Agricultural Academy»
vniioh@yandex.ru
Dmitriy N. Zontikov
Nekrasov Kostroma State University
lab_bioteh@ksu.edu.ru

Embryogenesis of carrot (Daucus carota L.) in microspor culture

Microspore culture allows obtaining, at density of 20000 microspores per mL, 0,12%–0,25% of embryoids, at 50 000 per mL – 0,22%–0,35%,

depending on cultivar the sample belongs to. Cultivation of carrot microspores on agar Mineral Salt medium containing 2,4-D in concentration 0,2 mg/L, sucrose – 3%, agar – 6 g/L allows obtaining 0,34%–0,49% of embryogenic structures depending on cultivar the sample belongs to. Using combinations of sucrose in double layer medium (agar medium 3% and 3% of liquid medium or agar medium 6% and 3% liquid medium) allows obtaining for Rondo cultivar from 0,75% to 0,78% of embryoids. Carrot umbels cultivation in the laboratory conditions did not lead to anthers' cracking open and microspore or pollen releasing.

Keywords: carrots, in vitro, microspores, embryoids.

Mikhail Ye. Solov'yov
Yaroslavl State Technical University
soloviev56@gmail.com
Aleksandr O. Karanets
Yaroslavl State Technical University
alexial@gmail.com
Denis L. Legotin
Nekrasov Kostroma State University
Andrey K. Sukhov
Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru

Tetrabenzoporphyrine and phthalocyanine molecules' electronic structure quantum simulation. Part 2. Calculations' results

Comparative simulation of molecular electronic structure of phthalocyanine and tetrabenzoporphyrine showed that the phthalocyanine is more stable in chemical reactions, while tetrabenzoporphyrine can have a more effective application in photovoltaic converters, due to the smaller difference between the ionization potential and molecules' affinity to electrons.

Keywords: computer simulation, quantum mechanics, electronic structure, tetrabenzoporphyrine, phthalocyanine.

Sergey Yu. Shadrin
Nekrasov Kostroma State University
syushadrin@gmail.com
Vasiliy S. Belkin
Nekrasov Kostroma State University
dfcz_001@mail.ru
Il'ya G. D'yakov
Nekrasov Kostroma State University
igdyakov@mail.ru

Temperature field modeling of cylindrical workpiece in the process of elongated samples anodic heating

Heat exchange features between a vapor-gas envelope and elongated cylindrical anode are examined. The heat flux into the protruding over electrolyte part of the heated sample is determined with use of the experimental data. The temperature field model of the elongated submerged anode with a linear distribution of heat flux per unit area along the lateral surface sample is developed.

Keywords: anodic heating, vapor-gas envelope, thermal flux.

SYSTEM ENGINEERING

Aleksey A. Kozlov
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science, town of Apatity, Murmansk Region, Russia
kinemur@mail.ru
Vyacheslav A. Tsukerman
Branch of Nekrasov Kostroma State University in the town of Kirovsk, Murmansk Region, Russia
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

Innovative development of industrial enterprises of mineral complex of Russia

The work considers challenges of innovation-technological development of industrial enterprises, of creation of general conditions for their functioning by the state of and of the state policy. It is shown that a regional innovation system is one of the most efficient mechanisms of the industrial policy realization.

Keywords: industry, innovation development, regional innovation system.

HISTORY

Anastasiya V. Zotova
Bonch-Bruyevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications
anastasiyazotova@mail.ru

Agricultural phenomenon of the besieged Leningrad

The experience of the agricultural enterprises of besieged Leningrad in modern conditions is of not only scientific, but also practical interest. The purpose of research - on the basis of materials of historiography and archival documents to study the phenomenon of agricultural production in the besieged Leningrad.

Keywords: Patriotic war of 1941–1945, siege of Leningrad, agriculture, finance, credit.

Nikolay A. Ponomaryov
Ivanovo State University
sharukin87@yandex.ru

The medical screening for flight airclubs of the OSOAVIAKhIM during 1939 – June 1941 (on the materials of Yaroslavl Region)

The article discusses the principles and procedures of selection of medical students in flying clubs of the OSOAVIAKhIM in the period preceding the World War II, served at this chronological interval as the main base of manning flight schools Red Air Force. The aim of the study is to assess the quality of the medical boards in aero clubs reflected on the state of Soviet military aviation.

Keywords: OSOAVIAKhIM, flyers' club, medical board, military educational institution student, Air Force.

ECONOMY

Dar'ya N. Bazankova
Nekrasov Kostroma State University
dasa-sun@mail.ru

Trends in the Russian economy in the global dynamics of innovation

Tendencies of the Russian economy in world dynamics of innovations positive and negative

tendencies of Russia of the Russian economy in world dynamics of innovations are considered in the article. On absolute scales of the research sector Russia occupies one of leading places in the world, science funding is increased. At the same time, Russia all is worse presented in world science, rather low level of citing of works of the Russian scientists remains.

Keywords: innovations dynamics, 2008–2009 economic crisis, economy scientific sphere positive and negative tendencies.

Yuliya V. Belyayeva
Nekrasov Kostroma State University
belyaewa.yu@yandex.ru
Aleksandr Yu. Timonin
Nekrasov Kostroma State University
timonin.au@yandex.ru

Region innovation development analysis techniques comparative characteristics

The article contains a comparative analysis of foreign and Russian techniques of estimation of innovative development of a region, methods are grouped in accordance with the summarizing signs, recommendations on their use in practice.

Keywords: innovative development analysis, region innovative potential estimation.

Kirill Yu. Vorob'yov
Demidov Yaroslavl State University
kirill.vorobyov@gmail.com

Systematics of approaches to outsourcing idea in terms of business concept

The author considers outsourcing as a business conception taking into account this attitude in developing systematics. Detailed analysis of different classifications was conducted in the paper , new categories and subcategories were underlined. Main approaches and criteria to outsourcing typologies and classifications are emphasized , the author's variant was suggested.

Keywords: outsourcing, classification, typology, business process, strategy, competition.

Nikolay V. Isayev
Nekrasov Kostroma State University
econ@ksu.edu.ru

Cost of educational services as a factor of competitiveness of the university

The competitiveness of the university depends on the market value of education. For the calculation of this value requires an adequate methodology. Currently there is no unity among economists on this issue. Also, do not include all the elements that make up the cost. Way out of this situation is seen in the development of a new method for assessing intellectual capital.

Keywords: cost, educational service, university, methodology, new economy.

Ol'ga V. Kamakina
kamakina@mail.ru
Yevgeniy I. Belyayev
Igor' I. Itskovich
Nikolay N. Burov
Soloviev Rybinsk State Aviation Technical University, City of Rybinsk, Yaroslavl Region, Russia

Development of model of demand of the regional economic system for the services provided using glonass with the basic parameters of a region

The main indicators influencing volume of demand for services of the regional enterprise-operator for use of results of GLONASS system (a gross regional product, population in the region, an average monthly salary in the region) are defined in the article. The econometric models, allowing predicting demand for enterprise-operator services with use of these indicators are created.

Keywords: models of forecasting of demand, services of GLONASS, econometric models.

Galina M. Kurova
Perm Institute of Interior Troops of the Interior Ministry
elen.lukina@yandex.ru

Interconnection between competetion and indicators of development partnership

The author studies importance of partnership for the management to competition (profitableness is the main indicator). The author works out indices of partnership and the method of the calculation; works out the universal law of partnership.

Keywords: competetion, partnership, interconnection, profitability, index of partnership.

Aleksandr V. Lukin
Perm Institute of Interior Troops of the Interior Ministry
elen.lukina@yandex.ru

Regional economic interest and personification in meso-social-economic system

In this paper, we develop the approach proposed by N.V. Logvin to consider a region (economic analysis) as a meso-social-economic system.

Keywords: economic interests, region, meso-social-economic system.

Natal'ya G. Men'shikh
Branch of Nekrasov Kostroma State University in the town of Kirovsk, Murmansk Region
natmen3004@rambler.ru
Vyacheslav A. Tsukerman
Branch of Nekrasov Kostroma State University in the town of Kirovsk, Murmansk Region
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

Human capital as the factor of sustainable innovation development of the Russian North and Arctic economy

The work considers the conceptual apparatus in the strategy of socio-economic development of the North and Arctic connected to human capital. Approaches and elements of qualitative structure of human capital are considered and the main reasons hindering sustainable economic development in regions of the Arctic and the North are identified.

Keywords: human capital, innovation development, Russian North.

Aleksey A. Murav'yov
Nekrasov Kostroma State University
muravyev.ksu@gmail.com

Network economic relations and coordination of economic interactions

The paper examines the role of the network of economic relations in the coordination of economic interactions. Arguments are in favour of considering the network as a mechanism for coordination, co-existing with such mechanisms as the market and the hierarchy. adaptation and the search function of the network as a coordination mechanism is highlighted.

Keywords: market, hierarchy, network, coordination, economic interactions coordination mechanisms , network economic relations.

Yuriy K. Perskiy
State National Research Polytechnical University of Perm
ukp@pstu.ru
Yekaterina A. Kaloshina
Closed Joint Stock Company «Prognosis»
ekaterina.kaloshina@gmail.com

Producer and consumer relationships evolution in the process of a new product development

The article describes the development process and trends shaping of producer and consumer relationship. The substantiation of the model interpenetration of values in each other's activities as an expression of the new marketing, combining traditional producer marketing with the receiving more and more recognition in the world of economic theory and practice of marketing.

Keywords: consumer, producer, consumer, value, new marketing, relationship evolution.

Yelena V. Ponomarenko
Nekrasov Kostroma State University

On the question of economy, the military-patriotic upbringing as well of education of youth

It is shown that the performance management with an integrated set of tools and technologies can put the economy of the military-patriotic education and training of young people on the same level with other more mature disciplines.

Keywords: economy, upbringing, military-patriotic upbringing, parameters forming activity result, expenses, teachers' competency, teaching technologies.

PHILOSOPHY

Ol'ga S. Gruzdeva
St. Petersburg Academy of Post-Graduate Pedagogic Education
olena020670@rambler.ru

Idea of creation «of democratic community» on the basis of philosophy reconstruction

John Dewey's main ideas about creation of democratic community are considered in the article. Putting in concept democracy first of all ethical sense, he considered that reforming of society was impossible without education reforming on the basis of new philosophy, creativity and communication development.

Keywords: democracy, culture, communication, education, reconstruction, democratic community.

Irina A. Levitskaya
Ivanovo State University of Chemistry and Technology
rusachok@list.ru

The problem of dehumanization of education in modern culture

The article is devoted to questions of education and upbringing. The ancient Greek ideal paideia is considered and the substantiation of its topicality in modern philosophical and pedagogic ideas is given.

Keywords: paideia ideal, humanization of education, competency approach.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya S. Gallyamova
Magnitogorsk State University, City of Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, Russia
maria_gallyamova@mail.ru

The subject of crime and punishment in English literature of the enlightenment (on the material of «The London Merchant» by George Lillo)

The article deals with the motive of the crime and punishment in the burgess' tragedy of George Lillo «The London Merchant». The age of Enlightenment required a new approach to this subject that was topical, modern and had a great educational value. The English playwright wrote a play that reflected social, personal and moral problems.

Keywords: crime, punishment, law, George Lillo, burgess' tragedy.

Yekaterina V. Gladkova
Higher School of Folk Arts, City of Saint-Petersburg
gladius27@mail.ru

Legend about Kitezh city and time concept in Sergey Durylin's novel chronicle "The Bells"

The interpretation of the legend of Kitezh city in S.N. Durylin's creative work, as well as in Boris Shiryaev's and Mikhail Prishvin's, are considered in the article. S.N. Durylin's novel chronicle "The Bells" in which the writer comprehends tragic results of the Russian history in the 20th century is analyzed. The motive of an apocalypse will organize art structure of the novel at the level of a plot, images of heroes, their speech characteristics. Durylin's interest to the national legend in early religious and philosophical searches found the artistic realization in the novel.

Keywords: folk legend, Kitezh City, symbol, Solovetsky monastery, Svetloyar lake, novel chronicle, annal, hand-written sound, entropy motif, apocalyptic topic, time concept.

Alla P. Sklizkova
The Stoletovs Vladimir State University
burelomy@list.ru

Monistic modernism and the problem of consciousness in Gerhart Hauptmann's drama-tale "The Sunken Bell"

In his drama-tale "The Sunken Bell", Gerhart Hauptmann re-creates monistic picture of the world. The most important task for his character Master Heinrich is his confluence with Universe. To reach it, Heinrich must glance into the depth of his own broken-down chaotic soul. As a real character of the epoch of modernism, he takes to this chaos and finally comes to highly organized monistic unity. Heinrich looks over his former life principles such as self-praise, lack of compassion and mercy. He goes through death in order to come into his new life circle in his future.

Keywords: dualism, heterogeneity, monism, pantheism, transcendentality, occultism, psychophysics.

Aleksey V. Ustinov
Nekrasov Kostroma State University
1013801@mail.ru

The originality of Daniil Mordovtsev's literary style

The article is devoted to the results study art features of Daniil Mordovtsev's (1830–1905) pencraft. As the factual research base of the study, archival sources, journalism and fiction of the writer were drawn.

Keywords: style, artistry, Russian literature history of 19th century, Nikolay Kostomarov, Daniil Mordovtsev, Aleksandr Pypin, Aleksei Suvorin, Sergey Shubinsky, Vera Aleksandrova (nee Mordovtseva).

LINGUISTICS

Polina P. Vinogradova
Nekrasov Kostroma State University
vpp.home@gmail.com

Ethnolinguistic specific of the names of the baked meals in Kostroma patois (on the material of pies' nomination motivated by the kind of their stuffing)

The variety of the names of pies motivated by the kind of their stuffing is typical for Russian dialects: картофельник (картофель – potato), рыбник (рыба – fish), грибник (гриб – mushroom), ягодник (ягода – berry), etc. The majority of analyzed names, established in the patos of Kostroma, has interdialectic pattern. However, series of lexico-semantics features can be traced (especially in the North-Eastern regions), which connects patois of Kostroma Region with archaic dialects of the Russian North.

Keywords: dialectology, lexicology, ethnolinguistics, linguistic geography, artistic text linguistic analysis.

Lyudmila A. Dmitruk
Nekrasov Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru

The ratio of labeling as regional, vulgar, crudely-spoken, folksy, as criterion of regional vocabulary relatedness in Alexander Ablesimov's creative work «The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker » (synchronous-diachronic aspect)

The lexis of Alexander Ablesimov's play is analyzed in the article as a source of "Russian language dictionary of the 18th century", where the major part of the play's lexis has stylistic usage labels regional, vulgar, crudely-spoken, folksy. They indicate the folksy speech of the 18th century. The words in the play are considered in synchronously diachronic perspective in terms of their semantics and functioning in the language of the 18th century.

Keywords: Alexander Ablesimov, "Russian language dictionary of the 18th century", people's spoken language, usage labels, verb.

Marina Ye. Dubova
Nekrasov Kostroma State University

Phraseosemantical field "speech activity" as phraseological world pattern fragment (on the meterial of the Russian and the English languages)

English and Russian phraseological units are compared in connection with their structural and semantic community. Equivalents and analogues are differentiated on the basis of the comparison of peculiarities of inner form and motivation type of correlating Russian and English phraseological units.

Keywords: phraseological unit, phraseosemantic field, equivalent, analogue, inner form.

Lyubov' A. Yermakova
Nekrasov Kostroma State University
s.eadem@mail.ru

Gender marked linguistic means in the poem "An Attempt at Jealousy" by Marina Tsvetaeva

The article deals with the lexico-syntactic language means which bear gender markers and analyses their role in the creation of the overall textual semantics of a lyrical text.

Keywords: gender, gender semantics, notional opposition, text emotional tonality.

Il'ya N. Zagoruyko
Udmurt State University, City of Izhevsk, Udmurtia, Russia
ilyazag@mail.ru

Nonverbal means of representing of approval in Internet-discourse blogosphere

The article is devoted to topical theme of linguistics. These is nonverbal expressing of emotions (emoticons) while blogospheric communicating. Besides, excursus into history of emoticon, attendant verbal constructions are examined.

Keywords: blog, blogosphere, nonverbal, verbal, clichй, emoticon, pictogram of emoticon, iconic, Internet-discourse.

Mariza O. Ibragimova
Dagestani State Pedagogic University,
City of Makhachkala, Dagestan, Russia
mariza71@mail.ru

The specifics of using the intercalated elements in areal units of the Rutul language (one of autochthonous Dagestani languages)

The aim of this article is identifying and describing the indirect stem distributors, intercalated elements, in 5 areal units of the Rutul language. It will help reconstruct declensional forms of the language studied.

Keywords: Rutul dialects, declination system in Rutul language, intercalated elements in the structure of declinable forms.

Galina S. Ivanenko
Chelyabinsk State Pedagogical University
gala.april@mail.ru

Textual tactical patterns of avoiding liability at discreditation strategy realization

Approaches to linguopragmatic concept "strategy to discredit the expert practice" are discussed in the article. The nature of liability for a speech act containing strategy of discrediting, is marked in the light of the legal linguistic interdisciplinary approach. Textual means of minimizing the threat of legal liability, used by modern journalism, are allocated.

Keywords: speech strategy, speech tactics, strategy of discrediting, verbal aggression, linguistic expertise.

Tat'yana B. Kolyshkina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ktb-10@mail.ru

System approach to advertising text analysis: on defining concept

The article presents the approach to advertising text as a system. The author analyses the main consepts of the system approach using texts of verbal and visual types as examples and draws a conclusion about the directions of research which will enable to implement the abovementioned approach.

Keywords: system, system element, structure, backbone factor, advertising text, context, discourse in advertising.

Aleksandr A. Popov
Karelian State Pedagogic Academy,
City of Petrozavodsk, Karelia, Russia

Temperature field modeling of cylindrical workpiece in the process of elongated samples anodic heating

An attempt to establish a lexical connection of the Russian patois of Karelia with the other Russian patois on the examples the names of insects and mites, is undertaken in the article. The primary data sources of the research are the dialectal dictionaries of the Russian language. On the basis of the linguogeographical data, the leading role of ancient Novgorod dialect in the formation of the Russian patois in Karelia is determined.

Keywords: dialectal vocabulary, entomosemisms, linguistic geography, lexical connections.

Oleg R. Rostov
Ivanovo State Politechnical University
olegrost@gmail.com

Living language of Russia – of the most essential and the most important affairs it is: the study of people's life in the creative work of Vladimir Dal

The lexicographical and literary heritage of V.I. Dal is discussed in the context of his appeal to "compatriots" and "fellow countrymen" to study folksy life, and especially the "living language of Russia as it still lives among the folk".

Keywords: Vladimir Dal – lexicographer and writer, Russian word, living speech, "written language", "folksy tongue", "sketches of life", "somatic everyday-life" ("hylic"), "mental everyday-life" ("psyhic").

Mariya A. Safonova
Lomonosov Moscow State University
maria-ukrainets@yandex.ru
Aleksandr A. Safonov
National research university Economy higher school,
Moscow, Russia
safonov@hse.ru

Text velocity as velocious text theory main notion

The paper is dedicated to a new trend in linguistics offering an original complex approach to analyzing the perceptive mechanisms of text comprehension in connection with the problem of functional styles. The authors introduce the concept of “text velocity” – an arbitrary measure that reflects the stylistic, pragmatic, discourse and other characteristics of a text.

Keywords: applied linguistics, linguostylistics, functional style, quantitative analysis, text velocity, chronometry.

Dmitriy S. Khramchenko
Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
hramchenko@rambler.ru

Tactical chaotization of business English discourse functional field and competition of interlocutors’ pragma-semantic subsystems

This article is devoted to functional-synergetic analysis of the phenomenon of Business English discourse tactical chaotization as an effective way to catalyze pragma-semantic evolution of the functional field when interlocutors’ semantic subsystems compete.

Keywords: communicative strategies, communicative tactics, linguosynergetics, business discourse, pragmatics, functional linguistics.

Yekaterina A. Shugayeva
Moscow City Pedagogic University
chougaeva@mail.ru

The “substitution” theory of Alain Berrandonner as an attempt to refute the ideas of J.L. Austin

This article deals with the “substitution” theory of a Swiss linguist A. Berrandonner, that appeared as a protest against the widespread theory of speech acts, which was founded by an English logician J.L. Austin.

Keywords: speech act, illocution, action, “substitution” theory, nonverbal act.

JURISPRUDENCE

Anna V. Ivkova
Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
ivkova-anna@yandex.ru

The limits of public prosecutor's supervision of performance of the legislation on counteraction of legalization of income gained by a criminal way, and to terrorism financing in the bank sphere

The legislation establishing powers of the prosecutor on supervision of performance of the legislation on counteraction of legalization of criminal income in the bank sphere is analyzed and a number of measures for its improvement is offered in the article.

Keywords: legalization of criminal income, terrorism, public prosecutor's supervision, banks.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Basic constitutional principles of the "Soviet democracy" in "proletarian dictatorship". To the 95th anniversary of the first Russian Constitution

This article describes the main principles of the state and social construction, which secured in the first constitution of the RSFSR in 1918 and identified the main vectors of Soviet law.

Keywords: Constitution of Russian Socialist Federative Soviet Republic in 1918, fundamental law of state, socialist state, Soviet democracy, dictatorship of proletariat, Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies.

Anatoliy I. Tulenev
Russian Customs Academy
tylenev64@mail.ru

The notion of forms of the use of special knowledge and their classification

The Article is devoted to the classification of forms of the use of special knowledge in the investigation of crimes. Author disclosed kinds of forms of using special knowledge competent persons in the process, performance and their differentiation in the investigation of customs offences. Definition of the form of the use of knowledgeable persons in the investigation of customs offences in the period of transition from the EurAsEC, the common economic space.

Keywords: classification of forms of use of special knowledge, knowledgeable persons, procedural form of use of special knowledge, non-procedural form of use of special knowledge, information and active form of use of knowledge of knowledgeable persons, procedural activity, office activity, preliminary study.

Polina A. Chekmaryova
Nekrasov Kostroma State University

Organization of document and workflow management processes institutional changes

This article identifies the problem of how to document and workflow management processes institutional changes in the courts of general jurisdiction.

Keywords: courts of general jurisdiction, document and records management, institutional change.

SOCIOLOGY

Nikolay N. Sviridov
Ol'ga N. Grabova
Nekrasov Kostroma State University
graon07@mail.ru

Society proletarization as institutional problem

Tendencies of development of proletariat in society in Russia now are stated in this article on the basis of methodological approaches of institutional economics. Influence of the previous period on social and economic position of the majority of the population is shown, directions on decrease in potential of solving contradictions in the country and on improvement of quality of life are designated.

Keywords: proletarization, institutions, poverty, incomes, property.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

The dialogue model of public relations and ethics of PR by Robert Pearson

The article is written on the basis of foreign sources, describes the dialogic model of public relations in PR-ology by Robert Pearson and of the range of other North American researchers. The author draws attention to the need for the reception of dialogic interaction of the modern Russian political science in the field of cooperation between the state and civil society in contemporary Russia.

Keywords: public relations, political science, dialogue, dialogue model, interaction, communication.

Ivan V. Kirdyashkin
National Research Tomsk State University
kirdjhkin@mail.ru

Political socialization of youth: epistemological measurement

Communication of political socialization with concept "the context", revealing through the theory autopoietic systems of German philosopher Niklas Luhmann is considered in the article. The conclusion that "context" finds a kind of the communications expressed symbolically having function of "co-organization" of consciousness of youth and structures of the political world is made, and political socialization of youth is specified by the fact that "context" should articulate the potential political world.

Keywords: youth, political socialization of youth.

CULTURE SCIENCE

Yelena V. Golovan'
Nekrasov Kostroma State University
gev.koipkro@mail.ru

Library book collections and reading regulation in the second half of the 19th and early 20th centuries [Kostroma Province]

The article is devoted to the acquisition of public and academic library collections in Kostroma Province from the aspect of the Ministry of Public Education censorial policy that regulated the acquisition and allowance of books and periodicals for scholastic and public libraries and free reading rooms. There is an experience of creating reference library catalogs prepared by professional bibliographers and non-specialists in brief.

Keywords: library, catalogue, book collection, periodicals, library regulations, reading regulation.

Igor' A. Larionov
Astrakhan State University
ialar@bk.ru

Advertising as a relaying medium of globalizing world's patterns

The author of this article proposes an approach to the consideration of advertising communication in the context of globalization and assesses the role of the advertising medium in the process of relaying cultural patterns generated and formed by globalizing processes. Consistently advertising message is analyzed as a factor tor influencing the formation of the decoded patterns under conditions determined by the particularities of the consumer society.

Keywords: global culture, cultural patterns, advertising medium, mass media, advertising message, brand's philosophy.

Nikita A. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
ferretn@gmail.com

Type as visual metaphor

The article advances the notion of the logotype as a visual metaphor and illustrates this approach by various examples from logo design practice.

Keywords: logotype, metaphor, visual metaphor, graphic design.

Lyubov' S. Mitina
Nekrasov Kostroma State University
lm-snowy@yandex.ru

Childhood of father Pavel Florensky as a source of formation of world view of the philosopher

The article considers the importance of childhood in forming the world view of the philosopher, theologian, scholar and art historian Pavel Florensky, explains the role of the Caucasus as a prototype of the heavenly and earthly worlds.

Keywords: antinomy, time, childhood, noble family, Pavel Florensky.

Yelena V. Nikolayeva
Moscow State University of Design and Technology
elena_nika@bk.ru

Fractal reflections in kinetic art (culturological analysis)

The article analyses kinetic art in the frames of digital culture paradigm from the positions of the fractal geometry conception. Kinetic installations including «mirrored rooms» are considered as spaces of fractal visual and philosophical reflections of nested and repeated ontological structures and senses of cosmic essay and a human himself in his corporeal entity.

Keywords: cultural studies, fractal art, kinetic art, fractal light installations, «mirrored room».

Aleksandr Yu. Saranin
Nekrasov Kostroma State University
alexandro242@yandex.ru

Outlying question in the written thinking by Vasily Rozanov

The so-called outlying question – the problem of relations of Russian culture and the culture of national minorities – becomes topical in modern Russia which is a multinational state. Appealing to this problem, we have found this in the journalism by Vasily Rozanov. The purpose of this article is to characterize the views of V.V. Rozanov on the outlying question on the material of journalism 1908–1917 years.

Keywords: V.V. Rozanov, central and peripheral in culture, outlying question, multi-ethnicity, multiculturalism.

Yelena V. Sveshnikova
Nekrasov Kostroma State University
elena-sve@yandex.ru

Front, face, disguise in the art space of the animation picture by Aleksandr Petrov «The Dream of a Ridiculous Man»

The article examines images, concepts «image-face-guise» of the art space in the animated cartoon of A.K. Petrov «The Dream of a Ridiculous Man» in context of the philosophical reflections of the Pavel Florensky. The author makes analysis of the visual transformation of the heroes image as the reflection of their content. Special attention is paid to the image of the mask in the films art space.

Keywords: art space, image, face, guise, mask, image.

FOR YOUR BOOK-SHELF

Anatoliy G. Kirpichnik, Tat'yana I. Mironova
Nekrasov Kostroma State University

Design issues of social and psychological aid to modern teenagers and youths

The authors present a review of the monograph by Aleksey Chernyshyov, Sergey Sarychev, Yuriy Lobkov, Sergey Yelizarov, Dmitriy Bespalov "The dynamics of attitude of teenagers and youths in the changing Russia".

Keywords: world perception, social self-determination, social medium, social engineering adaptation technique, youth.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

2013 – Т. 19 – № 4

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Главный редактор
Рассадин Николай Михайлович
ректор КГУ им. Н.А.Некрасова, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 07.10.2013
Дата выхода в свет 16.10.2013
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 29,0 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 87.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная